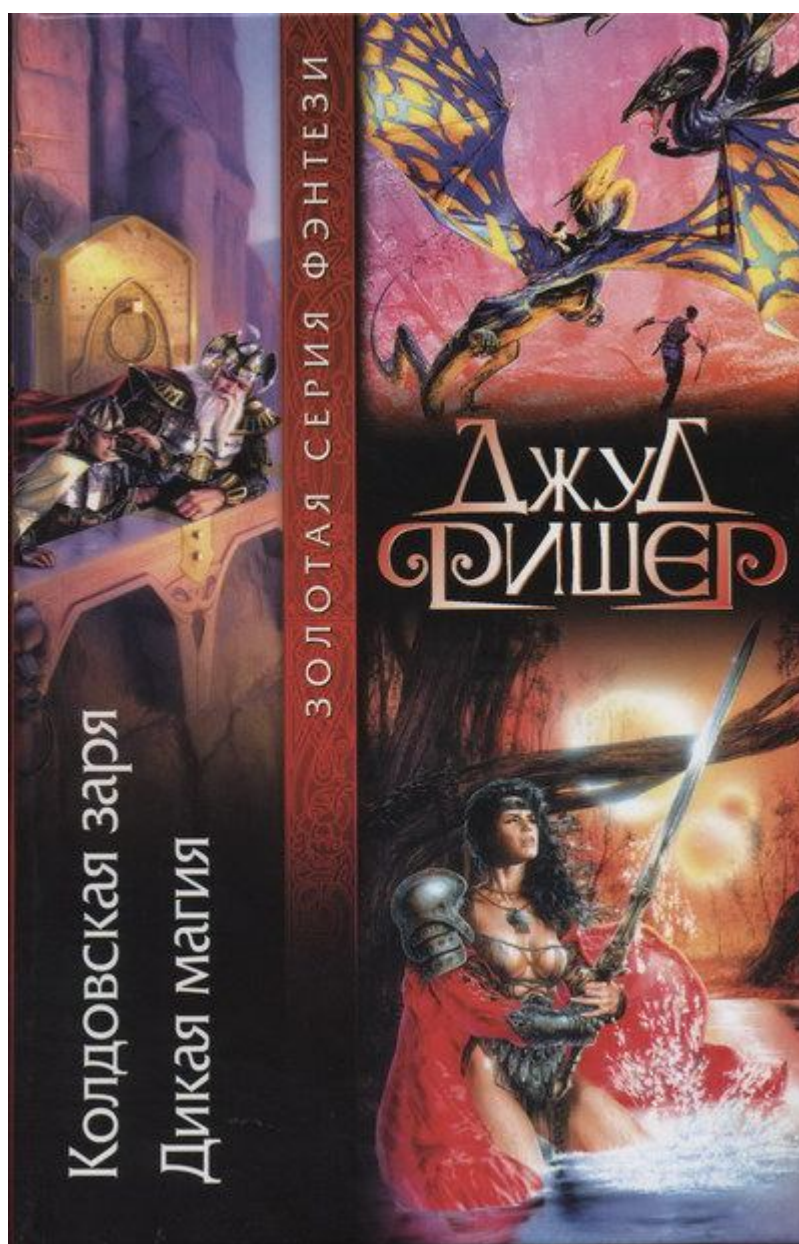

Джуд Фишер Колдовская магия

Fool's Gold – 1

& OCR - Alex1979. ReadCheck - Владимир. <http://oldmaglib.com>
«Джуд Фишер "Колдовская заря. Дикая магия"»: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2005
ISBN 5-17-035120-8, 5-9713-1371-1

Аннотация

...Эльда. Мир, в котором «варварские» королевства Севера и «цивилизованные» царства Юга некогда пришли к хрупкому перемирию... Мир, который теперь стоит на грани новой войны.

Потому что могущественная волшебница по прозванию Роза Эльды, забывшая о своем великом прошлом и высоком предназначении, стала просто женой молодого короля северян...

Потому что спутница Розы, отважная оружейница Катла, пленена южанами и томится в рабстве...

Потому что юный маг Виралай, наивно считающий себя хозяином огромной кошки, наделенной даром магической Силы, все чаще подчиняется приказам этого таинственного зверя, обладающего далеко не звериным разумом...

Войну уже не остановить.

Но кто ее начнет?!

Джуд Фишер «Колдовская заря»

Пролог

День, когда Мастер показал ему мир, стал днем превращения Виралай в мужчину, что оказалось вещью опасной — маг даже не мог предположить, до какой степени опасной.

Когда перед ним распахнулась огромная ледяная дверь, Виралай на секунду испытал настоящий ужас. Он почувствовал холодный ветер, затягивающий его изнутри, как будто в крошечной тьме сердца башни работал пылесос, способный навеки поглотить входящего. Насмешливые интонации в голосе Рахе, приглашавшего войти — «Добро пожаловать в мой мир, Виралай», — тоже едва ли могли подбодрить, потому что в последнее время маг вел себя довольно странно.

Виралай много раз ловил его за странным занятием: маг разводил небольшие костры — во дворе, на кухне, а однажды в собственном кабинете. После этого страшно воняло, оставался пепел, ошметки обугленной шерсти и волос, какие-то клубки и корни, когти и зубы, мелкие кусочки костей. Это, мягко говоря, настораживало: по твердому убеждению Виралай, единственными обитателями Святилища были он сам и приятельница Мастера, черная кошка по кличке Бете.

Потом начали пропадать вещи. Свитки, пергаменты, магические книги, дневники, записные книжки исчезли из библиотеки; коллекции растений — из гербария: цветы были вырваны в такой спешке, что сухие листья остались валяться на земле вместе с черепками от горшков и высохшими пятнами чего-то, подозрительно похожего на кровь. А в комнате редкостей, где Рахе хранил самые ценные вещи? Отборные экземпляры... Кристаллы, ограненные и неограненные, камни всех размеров, форм и оттенков, руды и металлы, жемчужины, на каждом экземпляре — название и описание его магических свойств. Искусно сделанные статуэтки и украшения. Кинжалы и мечи, наконечники копий и стрелы... кроме того, разнообразные безымянные предметы, которые Виралай при всем желании не мог отнести ни к одной из известных ему категорий. Все экспонаты изящно расположены под тончайшим полупрозрачным слоем льда (без сомнения, предназначенного для защиты сокровищ от грязных рук неловкого ученика мага).

Там, где обычно поддерживался идеальный порядок, теперь царил хаос разрушения. Казалось, ничто не уцелело. Артефакты разбиты и изуродованы, камни и металлы слеплены вместе в чудовищный, бесформенный комок, что, должно быть, потребовало магического взрыва неимоверной силы. Даже знаменитый скелет зверя, которого Рахе называл «драконом Фарема», разбит на куски и рассыпан по всей комнате, будто в приступе безумного гнева.

Виралай мог только предполагать, что Мастер сам учинил этот кошмарный погром, но вот с какой целью, он даже не представлял. А если маг вконец обезумел? Сколько времени пройдет, прежде чем он начнет вымещать свою убийственную тоску на близких?

И вот теперь, стоя у порога черноты, задыхаясь от долгого восхождения по узким винтовым лесенкам, чувствуя, как ледяной ветер вытягивает тепло из его тела, а маг жарко дышит в затылок, Виралай начал всерьез подумывать о бегстве. Но как только его охватило настойчивое желание вылететь вон из башни, Мастер щелкнул пальцами, и в комнате зажегся бледно-голубой огонь, осветивший самую странную картину, какую только Виралай

видел за все двадцать девять лет, проведенных в этом странном месте.

В центре комнаты лежал огромный световой овал, а внутри него — нечто, что Виралай мог бы назвать только миром. Облака плыли над голубыми, зелеными и коричневыми просторами — океанами и островами, озерами и континентами. Солнечный свет — идущий из ниоткуда, как показалось Виралаю, — заставлял облака гореть золотым и розовым, отбрасывал движущиеся тени на земли и моря.

Виралай охнул. Шагнул ближе.

— Ничего не трогай, мальчик! — Рахе предупреждающе опустил руку ему на плечо.

На сей раз Виралай не стал возражать против такого обращения — настолько заворожило его представшее перед глазами зрелище.

— Что это за магия, Мастер?

Маг не ответил. Вместо этого он протянул руку и дернул за веревку. Произошла резкая перемена в освещении комнаты, и Виралай, подняв глаза вверх, обнаружил хитросплетение множества каких-то шнуров, кристаллов, еще чего-то, что громоздилось вокруг открытой вершины ледяной башни. Лучи солнца попадали на кристаллы, через их призму отражаясь под мириадами углов прямо в световую овальную чашу: менялся угол падения луча — менялся и вид. И там, где раньше виднелись только далекие океаны и полосы суши, теперь Виралай разглядел более подробный пейзаж: верхушки деревьев, леса, болота, домашний скот, пасущийся на холмистых пастбищах, людей, похожих на копошащихся насекомых. Мимо проскользнула чайка, как белая молния, и Виралай невольно отшатнулся.

— Островное королевство Эйра, — объявил Мастер.

Он дернул задругой шнур, и земля полетела на Виралаю с тошнотворной скоростью. Дети со смехом носились по галечному пляжу, гоняясь за маленькой пегой собачонкой; женщины развешивали выстиранное белье на длинных веревках, тянущихся через двор. Лодки, крытая бухта.

— А это южный континент. Там находятся Истрийская империя и великие пустыни...

Стал виден город с каменными башнями и толпами пышно разодетых людей, потом свет сделался резким и непереносимо ярким, и широкий песчаный ландшафт протянулся через всю чашу — окаймленный участок с пустынными дюнами. Пустынными, если не считать цепочки темных фигур, продвигающейся по пескам.

Еще одна манипуляция с веревками, и вот уже ошеломленный Виралай видит прямо перед собой старую женщину с белым пучком волос, украшенных ракушками и перьями, и дюжиной серебряных цепочек на худой коричневой шее. Старуха смотрит прямо на него и открывает рот, как будто пытается что-то сказать, но Виралай не слышит ее, а потом уносится вверх, в облака, над цепью высоких, увенчанных шапкой снегов гор.

— Это так прекрасно, — шепчет он в священном трепете, — но я не понимаю...

— Виралай, Ви-ра-лай! Подумай, мальчик, подумай. Это Эльда.

Маг снова сместил фокус, и мир стал всего лишь наброском картины: абстрактные формы и неясные цвета.

Эльда.

Виралай внезапно вспомнил о картах, которые изучал в кабинете. Старые, с загнутыми углами, темные и ветхие, они схематически изображали горы. Небрежные треугольники повторялись снова и снова; маленькие волнистые линии, обозначающие морские волны, абстрактные участки коричневого посреди голубого — суша. Слово «Эльда», вспыхивающее в лучах солнцаверху, или посередине, или в одном из углов.

Что-то щелкнуло в его голове. Как глупо — так и не понять, что эти плоские обозначения представляли собой нечто большее, чем просто рисунки. Как смешно думать, что Святилище — единственное место в мире.

Виралай оглянулся на мага, глаза его восхищенно сияли.

— Можно мне туда?

Мастер засмеялся — не особенно добро:

— О, нет. Думаю, что нет. Ты не выдержишь там и минуты. Смотри...

Кристаллы снова перестроились, и последовала череда новых головокружительных видений.

Рынок, женщина сворачивает шею цыпленку и тянется за следующей птицей, в то время как первая корчится в агонии. В темной комнате мужчина растянут на дыбе, а другой человек вонзает иглы в его плоть. Где-то еще — невозможно определить местоположение, образы меняются слишком быстро, — ошеренные люди дерутся на залитом кровью поле. Виралай в ужасе видит, как отлетает прочь от тела отсеченная рука...

Новые манипуляции с веревками, и вот уже двое мужчин держат тонкую фигуру в длинной черной робе, третий раздирает ткань, открывая бледную кожу, а четвертый раздвигает ноги дергающейся жертвы и с сопением проникает внутрь. Под жгучим солнцем прикованные люди выволакивают камни и металл из дыры в холме, за ними наблюдают стражники верхом на лошадях, с кнутами и палками в руках.

Виралай смотрит и смотрит. Он видит: горная деревня подверглась нападению солдат, женщин и детей протыкают копьями, мужчина висит на дереве, люди и животные с распоротыми животами, женщины в саванах подставляют большие блюда под льющуюся кровь... Несколько крестьян — они, как и та старая женщина, все в ракушках, перьях и серебряных цепочках, — насмерть забивает камнями разъяренная толпа. Женщин возводят на погребальные костры, мужчин привязывают к столбам и поджигают дерево. Потом картина меняется, и Виралай оказывается на корабле, далеко в море: пронзенного копьем кита подтаскивают ближе к ожидающим лодкам, и мужчины окрашивают воду красным, разрубая животное на куски...

— Хватит! — кричит Виралай и пытается уйти.

— Думаешь, почему я пришел сюда, мой мальчик?

Маг дергает за шнуры, и появляется крошечный островок, сиреневый с белым на фоне темно-серых вод моря, окаймленный плавающими вокруг него льдинами, укрытый клубящимся туманом.

— Для того чтобы скрыться от всех этих кошмаров. Я назвал свой остров «Святилищем», таковым он и является. Ты должен быть благодарен мне за то, что я спас тебя от подобного ужаса.

Маг вздохнул:

— Все рушится и низвергается, мальчик мой: жизнь, любовь, магия. В конце концов не остается ничего такого, что стоит спасать. Можно с тем же успехом самому все разрушить, дать природе взять свое.

Рахе со злостью рванул веревки, и новые картинки закружились вокруг световой чаши: Виралай увидел, как кухня сменяется живописным озером с ледяными лебедями и статуями, а потом появляется внутренний дворик, дальше — паутина коридоров...

Минутой позже сверкнула внезапная вспышка золота среди спокойных серых тонов ледяных стен, и Виралай мельком заметил нагую женщину — тонкая бледная спина, розоватая в сиянии свечей, волна серебристых светлых волос укрывает восхитительный изгиб ягодиц...

Женщина спала на кровати Мастера.

Рахе выругался, потянул за веревку и резким движением низверг комнату во тьму.

Виралай уже собирался спросить мага о происхождении этого последнего видения, но его отвлекло незнакомое чувство шевеления в штанах. Он потянулся узнать, в чем дело, и в ужасе обнаружил, что ранее невинная часть его анатомии теперь стала твердой и деформированной. Встревоженный, Виралай спрятал ее между ног, но образ женщины возвращался снова и снова, и, что бы он ни делал, плоть вспрыгивала вверх, пульсирующая и нетерпеливая.

Она докучала ему весь день, пока Виралай занимался делами, эта нагая женщина... А еще его собственное, ставшее неуправляемым тело. Но больше всего Виралай поразило открытие, что существует мир вне Святилища — другие люди, другие земли, бесконечные возможности, — а Рахе прятал это от него, как будто в нем было не больше жизни и воли,

чем в остальных экспонатах мага. Виралай чувствовал себя безжизненным сосудом в одном из опытов Мастера, заполненным до краев летучими субстанциями, готовым взорваться в любую секунду.

Так быстро, как только смог, он вернулся в секретную башню, считая каждый свой шаг: третий поворот из восточного коридора, пятьдесят девять шагов, потайная дверь, за ней сто шестьдесят восемь ступеней ледяной винтовой лестницы.

Виралай запомнил путь, хотя Мастер и пытался затуманить его сознание по дороге туда и обратно. Ученику мага понадобилось несколько минут, чтобы понять принцип управления невиданным устройством, но вскоре он с радостью обнаружил, что в состоянии вызвать любое видение с Эльды, и начал с жадностью впитывать их, пока не ощутил головокружение. Наконец Виралай вернулся к мысли о женщине, которую увидел в комнате Мастера, но, как он ни бился, не смог вывести ее изображение.

Виралай уже собирался прекратить попытки, когда вдруг увидел самого Рахе. Маг стоял прямо посередине очага в большой зале: его одежды ярко горели. Ядовитого цвета дым заполнял помещение от пола до потолка.

Весьма впечатляющее зрелище.

Виралай оставил «шнуры управления» в том же положении и принялся наблюдать. На тряпке возле очага сидела, склонив голову набок, Бете: она изучала широко раскрытыми зелеными глазами пожилого мага, а тот с дикими криками (хотя ни один звук так и не достиг слуха Виралая) размахивал руками. Дым, лениво растекавшийся вдоль лучей, чтобы собраться в дырах крыши, внезапно всосался в рот Мастера. Несколько пурпурных и зеленых дымных полосок мягко заструились из ноздрей мага.

Виралай нахмурился.

Внезапно кошка оказалась на руках Рахе, нос к носу с человеком. Маг открыл рот, и, как искаженное зеркальное отражение, Бете повторила его движение. Дым, будто подстегнутый этим действием, начал тотчас переливаться из человека в животное, пока в конце концов глаза кошки не засверкали яростным огнем. Бете соскочила с рук мага, устроилась снова на полочке у очага и принялась с преувеличенным усердием приводить шерстку в порядок.

Рахе вышел из огненного круга, оставив позади себя тлеющие угли, холодные и черные, как застывшая лава, потом несколькими жестами и словами сотворил заклинание, которое Виралай определил как один из восьми Параметров Бытия, и в центре комнаты появился гигантский дуб. Его ветви скрипели и угрожающе раскачивались в замкнутом пространстве. Кусочки ледяной крыши откололись и полетели вниз, но Мастер не обратил на это никакого внимания: его лицо выражало лишь предельную концентрацию мысли.

Рахе подозвал дерево к себе, как перед этим звал дым и пламя, и дерево подчинилось, поплыло через комнату, словно океан из листвы и коры. Гигантские волны зеленого и коричневого цвета образовали водоворот вокруг мага, водоворот с эпицентром у его рта. Все куда-то падало — листья и ветви, кора и корни, — пока в комнате не осталось даже напоминания о них.

Бете, которая во время последнего представления не сдвинулась с места ни на миллиметр, хотя ее шерсть и пострадала от силы заклятия, теперь выжидающе смотрела на старика. Тот зажмурил глаза и кашлянул. У лап кошки упал желудь. Бете с любопытством обнюхала сначала его, потом руку Мастера, которая потянулась за желудем.

Рахе сунул желудь в рот кошке, но та лишь выставила клыки. Мастер нажал сильнее. Одна-две секунды сопротивления — и острые зубы разжались, желудь проник в пасть зверя, а потом маг стал пропихивать его кошке в горло. Бете в панике вытаращила глаза, а потом проглотила наживку.

Рахе отрешенно улыбнулся и сказал кошке что-то успокаивающее. Потом нагнулся и подобрал кусочек грязи — или нечто весьма похожее на грязь — с пола. Несколько секунд маг изучал кусочек, потом что-то забормотал, два раза повернулся на каблуках и бросил грязь вперед. Виралаю показалось, что комната подернулась рябью, а затем на том самом

месте, где стоял дуб, внезапно появилось огромное крылатое существо ростом в двенадцать футов, покрытое от игольчатой головы до когтистых лап светящейся чешуей.

Даже находясь в башне, в относительной безопасности, Виралай охнул от ужаса. Невероятно, но, кажется, бестия услышала его, ибо медленно повернула голову и посмотрела на ученика мага такими же загадочными фасетчатыми глазами, какие бывают у мясной мухи. Тварь пошевелила чудовищными челюстями.

Потом, наверное, Мастер обратился к зверю, потому что монстр отвернулся от Виралай. Избавившись от воздействия жуткого холодного взгляда, ученик мага успел изменить фокус кристаллов как раз вовремя, чтобы увидеть, как тварь начала уменьшаться, завертелась волчком и кинулась к своему творцу.

Через секунду Мастер остался один, целый и невредимый. Из его рта показался какой-то странный маленький белый шарик, который маг осторожно вынул и протянул кошке. Виралай присмотрелся и увидел, что на ладони Рахе лежало нечто похожее на белое яйцо.

Бете проявила к яйцу гораздо больше интереса, чем к желудю. Она наморщила нос, потом осторожно взяла яйцо зубами, а затем, легко ступая мягкими лапами, спрыгнула со стола и отнесла добычу на половик, где не спеша и с достоинством съела ее.

И тут Виралай припомнил кое-что из сказанного Мастером в башне. Ученика мага настолько захватили виды Эльды, что в тот момент он не обратил на слова Рахе внимания, но теперь все внезапно стало совершенно ясно.

В конце концов не остается ничего, что стоит спасать. Можно, с тем же успехом самому все разрушить, дать природе взять свое...

Рахе уничтожал собственные заклинания, разрушал магию.

Красный туман клубился в голове Виралай.

Мастер выпрямился, провел рукой по изможденному лицу и начал мерить комнату шагами. Проворно избегая его ног, кошка вспрыгнула на стол, где стояло огромное горнило с горкой пепла и чем-то, очень похожим на пару медных петель.

Виралай уставился на них. Голова кружилась. Он знал, он точно знал, что это такое... рука моментально откорректировала изображение, и картинка приблизилась. Где же большой том в кожаном переплете, куда Мастер заносил каждую свою находку в отправлении магических обрядов, пополняя накопленную предшественниками кладовую мудрости?

Где «Великая книга творения и низведения»?

Ужасное предположение превратилось в уверенность.

Виралай бросился вон из башни и, перепрыгивая через три ступеньки, выбежал в знакомые коридоры цитадели. Какое расточительство, дурацкое, безумное расточительство! Злоба поднималась и клубилась в нем. Старый идиот! Старое чудовище!

Словно фонтан раскаленной лавы клочкотал под бледной кожей ученика мага, хотя с течением лет Виралай научился прекрасно контролировать эмоции. Ни следа ярости не отразилось в его глазах, холодных и светлых, как у кальмара. Двадцать девять лет: двадцать девять лет беспричинных придирок, бесполезных уроков, сплошных «подай-принеси» и мелких унижений... двадцать девять лет порок по прихоти и обзывания «мальцом» и «мальчиком». И теперь Рахе сжигает все магические мосты, по которым так прилежно продвигался Виралай, сжигает их, прячет чары подальше от его рук в проклятую кошку — как раз тогда, когда он, Виралай, уже начал проникать в суть процесса, приобретать мастерство в сложных магических операциях! Вынести такое человеку вряд ли под силу.

К тому времени как он достиг комнаты, и Мастер, и треклятая кошка уже исчезли. Виралай приблизился к столу и глянул в горнило. Там на самом деле обнаружились остатки «Книги творения и низведения». Он выловил две петли и взвесил их в руке. Изломанные, лишённые магии, бесполезные без книги, которую скрепляли...

Виралай положил их обратно, сердце стало тяжелым, как холодный металл.

На полу под столом лежало несколько забытых изорванных листков пергамента. Виралай поднял их. В первом отсутствовала верхняя треть, и предложение начиналось с

середины. Ученик мага быстро просмотрел страницу и узнал заклинание, превращающее скакового коня в зерно овса и обратно.

Второй лист почти полностью уцелел, а пропущенные слова Виралай мог восстановить по памяти, хотя и не представлял, какую пользу может принести сейчас заклинание избавления от камней, заваливших пещеру. Но все равно он положил страницу в карман.

Третий отрывок из «Книги» содержал довольно злодейский рецепт из собственного арсенала Мастера, а также сухое описание его действия. «Очень эффективно при погружении человека в глубокий сон — псевдосмерть». Виралай прочитал отрывок без всякого интереса, потом внезапно застыл на месте.

Он поднял голову. Сузил глаза. Прочитал снова.

Псевдосмерть.

Заклятие не позволяло ему убить Мастера, но чем хуже состояние глубокого сна? Пот выступил у Виралай на лбу, сердце заколотилось как бешеное. Зажав в кулаке кусок пергамента, как будто он мог послужить ключом к Вратам Ада, Виралай кинулся на кухню.

Святилище так глубоко врезалось в горные породы под ним, что стены казались камнем необследованных пещер: темные и недоступные, готовые заморозить до смерти. Даже факелы, горевшие вдоль туманных коридоров в самом сердце цитадели, не могли отразиться на поверхности стен и едва мерцали, когда Виралай быстро проходил мимо тем же вечером, с ужином для Мастера на подносе.

В последний раз он делает это...

Озноб, который Виралай чувствовал, минуя бесчисленные коридоры по дороге к комнате мага, являлся не только реакцией на температуру внутри цитадели: магия Мастера сама по себе несла холод.

Там, где сквозь лед проступала каменная основа, в неверном свете факелов сверкали минералы: полевой шпат, сульфаты, турмалин, амфибол. Для Виралай, обученного ощущать природную гармонию, каждый из них носил на себе печать, отличную от других, каждый камень имел свой голос. Ученику мага нравилось думать об этих голосах как о душе земли, закованной в кристаллы, попавшей в ловушку на миллиарды лет. Может, так оно и было. Виралай видел, как Мастер говорил со стенами еще до того, как окончательно сошел с ума.

Ближе к центру лабиринта стены засияли золотом и серебром. Виралай узнал из книг о том, что, хотя многие минералы не ценятся во внешнем мире — мире, который он теперь знал под именем *Эльда*, — некоторые считались сокровищем. Однако следовало помнить, что народ Эльды, судя по всему, приписывал камням ценность совершенно произвольно, потому что некоторые из так называемых бесполезных булыжников (которыми изобилует туннель) по виду почти не отличались от тех, за которые бились воины из древних преданий.

Четвертый поворот: тупик, первая дверь после свисающей сосульки, вниз на три ступеньки, нажать на стену за гобеленом.

Оказавшись в непосредственной близости от покоев Мастера, Виралай стал более осторожным. Он поднял металлическую крышку, прикрывавшую ужин Рахе, и снова понюхал пищу, хотя и постарался не слишком глубоко вдыхать пары, боясь, что даже через воздух вещества могут повредить ему. Но, несмотря на сильнодействующие ингредиенты из старинного рецепта на пергаменте, добавленные в тушеное мясо, он не почувствовал присутствия ни одного из них — ни врожденными, ни приобретенными чувствами.

Ученик мага улыбнулся.

Добравшись до комнаты, Виралай обнаружил дверь слегка приоткрытой, изнутри доносились голоса. Сердце застучало молотом.

Аккуратно балансируя с подносом, он приник к замочной скважине.

Увиденная учеником мага картина чуть не заставила его уронить тарелки. Кровь ударила в голову, грудь, чресла. Челюсть отвалилась, как незапертая калитка. Он смотрел и смотрел, впитывая деталь за деталью. Потом по-волчьи ухмыльнулся. Жаждущему будет дан шанс, а взявшего Судьбу за горло наградят троекратно: так ведь сказано в книгах? Виралай

подсчитал свои удачи. Точно — троекратно.

Он осторожно постучал в дверь:

— Ваш ужин, хозяин.

Последовало молчание, за ним — возня, шорох тяжелого шелка. Потом:

— Оставь поднос у двери, Виралай, — прозвучал слегка ворчливый голос Мастера, — я сейчас немного занят.

— Конечно, хозяин: да будет вам даровано удовольствие.

Бете, кошка, выскользнула из спальни мага и посмотрела, как Виралай удаляется подлинному коридору. Она с минуту постояла над подносом, понюхала закрытое блюдо, недовольно фыркнула и отвернулась.

Единственными свидетелями отъезда Виралай на следующий день стали крачки, облюбовавшие залив под Святилищем, и одинокий буревестник, крыльям которого свет медного зимнего солнца придавал какой-то маслянистый перелив. Буревестник полетел дальше, не заинтересовавшись драмой, которая разворачивалась внизу: ему предстояло пересечь еще много миль затянутого льдами океана в своем длинном путешествии. Крачек, однако, одолело любопытство при виде большого деревянного сундука, который человек в плаще тащил в опасно накренившуюся одноместную лодку. Они нырнули вниз и закружили в ожидании лакомого кусочка.

Кошка Бете, бесцеремонно завернутая в одеяло, перевитое кожаными путами, лежала смирно, если не считать искр в ее глазах, которые сверкали, когда она смотрела на блеск птичьих перьев: яркая раскраска, прелестные красные клювы — такие близкие, но такие до бешенства недоступные.

Виралай, в конце концов выигравший битву с собственной поклажей, взошел на борт, отвязал лодку и, оттолкнувшись от берега, начал неумело грести навстречу океану. За ним белой волной последовали птицы, отвлеченные от поисков пищи.

Только выйдя из теснины ледяных стен, волны начали устрашающе раскачивать лодку. Кошка, забрызганная холодной морской водой, жалобно замыкала. Виралай пропустил гребок, выругался, сложил весла и, после нескольких минут бесполезной суеты, сумел поднять парус.

Некоторое время тот висел, как борода индюка. Потом легкий бриз наполнил полотно и начал тащить суденышко — медленно, но неуклонно, — обратно к берегу, пока корма не ударилась о лед. Морские птицы дружным писком выразили восторг.

Виралай взял себя в руки. Дурак, дурак, трижды дурак: он даже не умеет управлять лодкой. Идиот, упрекнул внутренний голос. Используй магию! Заклятие ветра: совсем простые чары, однако память подвела Виралай.

Порывшись в сумке, он вытащил маленькую записную книжку и полистал страницы. Потом освободил голову кошки от пут и произнес короткое заклинание. Бете уставилась на него злым взглядом, потом надрывно кашлянула. Парус опустился, потом заполнился воздухом с другой стороны. Крачки, застигнутые врасплох внезапной переменой направления ветра, приземлились, поправляя перья. Лодка плавно уходила в открытый океан.

Виралай прикрылся ладонью от восходящего солнца и посмотрел, как оно очерчивает обманчивые кривые, поднимается над местом, которое он всю жизнь считал родным домом. Для нетренированного глаза Святилище, наверное, выглядело как гигантских размеров кусок льда, обычный для арктических широт: огромные блоки и глыбы, нагроможденные друг на друга тысячами океанских штормов. Лед, превращенный в причудливые, странные фигуры морскими ветрами. Все дикое и пустынное, необитаемое, если не считать морских птиц и нарвалов.

Но для ученика Рахе Святилище представало во всем своем магическом великолепии. В том месте, где темная глыба соприкасалась с ледяным утесом, Виралай, сузив глаза, увидел,

как изгибающаяся стена большой залы встречает суровый лик восточной башни. Там, где разновеликие блоки лежали, будто рассыпанные рукой Бога, он замечал, как элегантно лестница вела вверх от статуэток и балюстрад церемониального сада, который любому показался бы ничем иным, как белизной нетронутых снежных полей. Шпили и столбы, колонны и каменная кладка — все совершенно пропорционально и искусно выполнено. Холодные белые поверхности романтическое солнце окрасило сейчас в рассветно-золотые и розовые цвета.

Мастер позаботился о каждой детали этой ледяной реальности. Ничто не имело природного происхождения: ничто не появилось случайно. Виралай подумал, а не смотрел ли маг на остров именно с данной точки, может, даже с этой самой лодки, когда придавал форму Святилищу.

Как оно появилось здесь и с какой целью, Виралай не имел представления, но собиравшись узнать.

Отвернувшись от ледяной скалы, он взял курс на юг, туда, где начинался *мир*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 СВЯТОТАТСТВО

Катла Арансон смотрела в мутную даль — мимо носа «Птичьего Дара», который прорывался сквозь серые волны. Пена, летевшая с весел, плескала ей в лицо, длинные рыжие волосы уже стали влажными, но Катла не обращала на такую ерунду внимания. Это было ее первое многодневное путешествие, они плыли по морю вторую неделю, но ей исполнилось только девятнадцать лет, и девушка жадно впитывала в себя мир, не могла пропустить даже секундочку настоящей жизни.

Позади слышалось кряхтение большой деревянной мачты и завывание сильного ветра, который уносил голос отца, выкрикивавшего команды. Большинство членов экипажа, как знала девушка, сидели на корточках в середине корабля около закрепленного груза, пытаясь согреться у горшка с огнем. Внезапный свист возвестил о начале приготовлений к ужину: матросы укладывали мясо в кожаные ведра, полные морской воды, и держали там, пока оно не просаливалось в достаточной степени, и, чтобы сделать его съедобным, бросали затем на горячие угли.

Чья-то рука опустилась на плечо девушки. Катла повернулась и обнаружила рядом своего брата-близнеца, Фента. Его длинная рыжая челка прилипла к лицу, остальные волосы парень завязал в хвост, чтобы не лезли в глаза.

— Послушай-ка это, маленькая сестра, — с шутиливой надменностью произнес он, прислоняясь к планширу, — и скажи, что думаешь.

Фент вытащил из туники длинную веревку с узлами, затянутыми на разных промежутках в сложной манере эйранцев: она одинаково служила и как помощь памяти, и как средство письменного общения. Осторожно водя пальцами по узелкам вверх-вниз, он начал декламировать:

Из северного моря к золотому морю
мягко плыл корабль с лебединой шеей,
на спинах белых лошадей Сура,
вдоль по лунному пути Господина,
легко
от Эйранских островов
пришли камнепадцы в Лунную равнину.

Фент свернул веревку и аккуратно вернул обратно в складки туники, перед тем как

взглянуть на сестру в ожидании одобрения.

— Повторяешь все время «лунный», — покачив головой, с ухмылкой сообщила Катла, с удовольствием заметив, что Фент недовольно хмурится. — И меня терзают смутные сомнения насчет *камнепадцев*.

— У меня не получилось вставить «клан Камнепада», — раздраженно ответил Фент. — Это не в рифму.

— На твоём месте, братец, я бы пошла и поупражнялась с мечом. Оставь сочинение песен Эрно.

Их кузен, Эрно Хамсон, несмотря на все его умение обращаться с оружием, в душе был тихим, серьезным молодым человеком, вдобавок он сейчас очень кстати находился вне пределов слышимости.

— Как будто ты можешь отличить хорошее стихотворение от своей... оу! Ты чего?

Ее пальцы внезапно вцепились в бицепс Фента, ногти впились в кожу, что чувствовалось даже сквозь твердую кожу куртки.

— Земля. Я чувствую ее!

Фент уставился на Катлу, в его светлых глазах появилась насмешка.

— Ты чувствуешь землю?

Девушка кивнула:

— Впереди скала. У меня пальцы дрожат.

Фент рассмеялся:

— Клянусь, сестричка, ты одержима троллями. Что у тебя за дела со скалами, если ты по ним то лазаешь, то ныряешь с них в глубины к китам! Мы еще в нескольких милях от Истрии: отец собирался пристать к берегу с первыми лучами солнца.

Но Катла прикрыла глаза рукой, упорно всматриваясь туда, где на горизонте между небом и водой чернело непонятное пятно.

— Там...

— Туча.

— Уверена, что нет.

У горизонта тысячи облаков громоздились друг на друга, образовывая башни и стены, тянувшиеся до самого верха, до самого неба, которое уже почернело и пошло красными полосами. Солнце в который раз проиграло каждодневную битву с надвигающейся ночью: кровавое небо, как определил бы Эрно.

Грезы прервал визгливый крик. Над кораблем внезапно появилась белая птица, обогнавшая корабль. Фент смотрел ей вслед с открытым от удивления ртом.

— Чайка, — проговорил он как маленький ребенок. — Береговая чайка.

Катла схватила его за руку:

— Вот видишь?

Через минуту очертания темной глыбы на горизонте приобрели отчетливость. Действительно, не облачный морок, а твердая земля — длинное, темное плато, на западе граничащее с холмами, расплывающимися в тумане из-за большого расстояния.

— Лунная равнина!

Катла слышала радость в голосе отца, даже не видя его лица. Девушка тотчас обернулась, глаза зажглись возбуждением, она нуждалась в его внимании.

— Земля, отец! Я первая ее увидела.

— И почувствовала задолго до этого, — негромко проговорил Фент.

Аран Арансон, с потемневшей от ветров кожей и едва тронутый сединой черной бородой, ухмыльнулся, показывая острые белые зубы.

Впереди темная мутная глыба становилась все более четкой, крошечные точки на абсолютно черном фоне постепенно превратились в разноцветные палатки, а более заметные звездочки света между ними — в походные костры. Направляясь к берегу, эйранцы могли разглядеть все корабли, становящиеся на якорь в бухте.

— Истрия. Ты чувствуешь запах? Это запах чужой страны, Катла. Запах Южной

Империи.

Катла чувствовала только запах соли и моря, а еще человеческого пота — люди жили полмесяца на тесном судне, без достатка свежей воды, которую нельзя тратить на мытье, — но никогда бы не призналась в этом.

— Чужая страна... — прошептала девушка, и голос ее дрогнул.

— Да, и в придачу кучка ублюдков-истрианцев, — буркнул Фент и продекламировал:

На юг, сладкий и прекрасный,
они плывут, тучные и сонные,
готовое мясо для волков.

Юноше не понадобилось на этот раз развязывать шнурок. Как мог отец так беспечно радоваться при виде земли давних врагов, он не понимал. Голова начинала раскалываться при одной этой мысли, и Фент повернулся, чтобы сделать еще пару замечаний, но Аран уже кричал что-то, направляясь к гребцам, на бегу отшвыривая ящики с грузом, горшок с огнем, удивленных членов команды. Бросив мрачный взгляд на Катлу, Фент последовал за отцом и занял свое привычное место среди матросов.

Катла смотрела, как огромный полосатый парус спустили вниз и свернули, когда корабль вышел на мелководье. По палубе бегали люди. Она видела, что отец стал на носу корабля, приняв свою обычную позу, и начал направлять судно вперед, через рифы и серые скалы.

Катла повернулась лицом к новому миру.

Лунная равнина.

Земля из легенды.

Наверное, прошло несколько часов, прежде чем они разбили лагерь.

К тому времени как разгрузили две лодки и люди сошли на берег, Морская Звезда уже ярко сияла в небе. Лежа на странно спокойной земле, уставшая до мозга костей Катла не могла заснуть просто из-за новизны ситуации.

Она слышала о Большой Ярмарке сколько себя помнила — все эти рассказы парней о лошадиных боях, сражениях на мечах, состязаниях в метании валунов; всякие сплетни, басни торговцев, длинные перечни экстравагантно звучащих имен. Девушка собственными глазами видела замысловатые серебряные украшения, которые отец привозил матери, когда торговля проходила удачно, и чудовищных размеров пушистые шкуры йеки, что служили покрывалами на постелях в зимние месяцы. Но сама она попала на Большую Ярмарку первый раз в жизни и потому не могла дожждаться ее начала.

Укутанная в вывернутую мехом наружу тюленью шкуру, Катла смотрела мимо мельтешащих перед глазами людей на далекие костры на территории ярмарки и с трепетом разглядывала огромную скалу, круто поднимающуюся над равниной, освещенную мерцающим светом. Именно ее она почувствовала за несколько миль, еще в море; теперь Катла ясно поняла это, повернувшись лицом к каменной массе.

Должно быть, сообразила она с дрожью восторга, там Замок Сура, святая земля. Именно здесь, по легендам ее народа, эйранцев, людей с севера, бог Сур впервые остановился на отдых (упав с Луны на поверхность Эльды) и основал свое новое владение. Оглядев окружающее пространство, он нашел его печально неполноценным и отправился вброд по морю, решив, что, следуя по отражению лунных лучей на волнах, сможет найти дорогу домой.

Лунная дорога, подумала Катла, вспомнив стихотворение Фента.

Несчастный Сур, потерянный и одинокий на пустой земле...

Бог перешел через Северный океан, раскидывая по пути камни, чтобы хоть как-то отвлечься от сковывающего холода (и так велики были эти самые камни, что потом они образовали острова Эйры), и наконец скрылся в тумане у края мира Эльды. Там, придя к

выводу, что никогда не отыщет дорогу домой, он возвел громадную цитадель под волнами, глубоко на дне океана. Эйранцы называли крепость «Великий Хоу» или иногда «Великий Зал». Пропавшие моряки пировали там за одним длинным столом с самим Суром, и говорят, что, если один член клана утонул и спустился в Зал, остальные вскоре последуют за ним.

Катла слышала, что истрийцы придерживались другого верования. Они не любили море и даже подвергали сомнению само существование Сура — жуткая ересь для эйранцев. Вместо этого они молились какому-то огненному божеству или существу — короче, женщине, которая, по слухам, вышла нагая из вулкана в Золотых горах, не тронутая лавой, с огромной кошкой на серебряной цепочке. Фалла Милосердная, так истрийцы называют эту женщину. Совершенно незаслуженно, впрочем, потому что во имя нее южане тысячами сжигают инакомыслящих и простых преступников, которых приносят в жертву, умиротворяя богиню и сдерживая расплавленное сердце мира...

Замок Сура.

Пальцы девушки начали дрожать. Первым делом с утра она пойдет туда осмотреться: там обязательно найдется тропа, по которой можно забраться на самый верх. Сражения и драгоценности, шкуры чудовищ и новая скала для лазания: действительно, Большая Ярмарка — великое событие, заключающее в себе такое разнообразие.

Катла лежала и улыбалась своим мыслям, пока не стала засыпать. Когда же глаза девушки наконец закрылись, ей приснился сон: Катла чувствовала где-то глубоко внутри притяжение скалы, как будто та — часть Морской Звезды, а она всего лишь магнит, плывущий к ней по темному морю.

С первыми лучами солнца на следующее утро Катла отбросила шкуру тюленя и осторожно выбралась из лагеря, как лиса из курятника.

На этой части прибрежной линии никто даже не пошевелился. Катла направилась вверх со всей возможной быстротой, слыша, как громко поскрипывает под ногами рыхлая пепельно-черная земля.

Находясь уже в тени Замка Сура, девушка взглянула вверх. Огромная скала нависала над ней, выпускала в свою прохладную темноту, казалась неожиданно выше — и круче к тому же, — чем на первый взгляд с берега. Темные тучи собрались над горой, обещая дождь: надо было торопиться.

Желудок Катлы сжался, а сердце застучало сильнее: обычное дело перед началом восхождения, и довольно полезная реакция, как она уже обнаружила: тревога только усиливала концентрацию внимания. Над ее головой тянулась вертикальная, заполненная мелом трещина — наиболее удобный подъем, насколько девушка понимала.

Трещина выглядела достаточно широкой снизу, чтобы туда поместилась коленка для удержания равновесия, и сужалась ближе к вершине — как раз до размеров кулака. По обеим сторонам ясно виднелись камни, какие-то кристаллы отражали лучи раннего утра: полезные опорные точки, заметила Катла.

Она подтянулась и нашла, где зацепиться рукой: зазубренные обломки прямо внутри щели. Пальцы нащупали холодный, немного влажный, острый, но крепкий камень. Как только девушка ухватилась за него, по руке прокатилась волна энергии. И это чувство было знакомо Катле: магическая связь с камнями и скалами и минералами, которые они содержали. Девушка подождала, пока волна силы докатится до груди, а потом и до головы. Дезориентирующее жужжание смолкло, и Катла занялась делом. Перенесла вес тела на опору, она прыгнула вверх на фут, прямо в трещину.

Первый шаг с земли всегда давался с трудом. Устроившись же в щели, Катла восстановила равновесие и легко начала продвигаться вперед, постепенно, методично и осторожно перебирая руками, иногда отклоняясь от трещины для большей устойчивости, когда угол подъема становился слишком крутым. Текстура скалы напоминала ей об изъеденных морем утесах родных берегов: все в каких-то выбоинах из-за разрушительного аппетита волн, и такие же болезненные для кожи, как морские уточки.

Девушка чувствовала, как камни впиваются в стопы через дубленую кожу подошв. Сур

знает, как будут выглядеть ее руки в конце пути, даже несмотря на привычные предосторожности. Не то чтобы Катла была тщеславной девушкой, нет, далеко не так, но если она вернется домой вся в царапинах и порезах, придется отвечать на неприятные вопросы.

Удовольствие от лазания вскоре вытеснило чувство беспокойства: когда девушка преодолела половину пути, начался дождь. Тут угол наклона скалы настолько увеличился, что Катла сумела, не теряя равновесия, встать и оглядеться, впитывая в себя яркость красок торговых палаток, натертых воском, который не пропускал дождевые капли, и поэтому струйки воды стекали вниз. Она никогда раньше не видела таких пульсирующих оттенков: на островах единственная заслуживающая внимания краска, которую можно изготовить, — достаточно отвратительного вида желтая. Одежда, выкрашенная подобным образом, выглядела так, будто ее вымочили в поросычей моче, хотя, конечно, на самом деле такой цвет ткани придавал обычный лишайник, растущий в огромных количествах на гранитных утесах, которые составляли основу суши ее родины. (Однако следует заметить, что моча — о, совсем немного, всего несколько капель! — все-таки требовалась для закрепления краски, чтобы та не поплыла по ногам при первом же шторме. Краска недолго издавала неприятный запах: лишь около недели.)

Именно на гранитных утесах своей родины Катла впервые узнала о магии, текущей по жилам гор. Именно там она училась карабкаться вверх в таком странном состоянии, едва чувствуя оплывающую гальку под ногами, жадную пасть океана, костедробильную силу падения. Там она собирала яйца чаек поздней весной, а сапфиры летом. Девушка исследовала обрывистые выступы и вытаскивала одну за другой переливчатых макрелей из тайных укрытий. А иногда просто бродила по утесам — из желания побывать там, где не ступала нога человека.

Два последних движения, и девушка положила руки на горизонтальную поверхность. Вот, используя острый выступ под правой ногой, чтобы подняться повыше, она опирается на скалу, пока вес тела не ложится на руки, переносит ноги на последнюю опору и внезапно оказывается на вершине Замка Сура, на вершине мира!

Потом она сидит там, на краю пропасти, болтает ногами, а далеко внизу простирается Лунная равнина, и чудесное ощущение умиротворения снисходит на Катлу...

Поэтому ничего не было странного в том, что девушка очень удивилась и даже пришла в смятение, когда кто-то начал орать, явно обращаясь к ней:

— Эй ты, там!

Второй крик прозвучал на древнем языке.

Она обернулась.

У дальнего западного края скалы двое пожилых мужчин, прихрамывая и тяжело отдуваясь, карабкались по тщательно вырезанным ступеням. Кто-то благоразумно предусмотрел пару тугих пеньковых перил по краям лестницы, и седовласые скалолазы висели на них, даже когда продолжали вопить. Оба носили длинные темно-красные рубахи с изящной парчовой отделкой. Даже со своего насеста на расстоянии в семьдесят ярдов Катла могла разглядеть серебряные нити, блескующие в слабом свете. Богатые люди, подумала она. Не эйранцы — по крайней мере не похожи ни на кого из тех, кого она когда-либо видела. Северяне никогда не позволили бы себе носить такие одежды, ценой в весь груз их корабля, вместе взятый, и даже если бы решились, то ни за что не стали бы бродить по горам в дорогих облачениях.

— Сейчас же слазь оттуда!

Первый из стариков добрался до последней ступеньки и, опустив полы своей одежды, начал набирать скорость.

Катла приложила ладонь к уху и пожала плечами: всем понятный жест, означающий «Я не слышу ни слова из того, что вы говорите».

В ярости седоголовый замахал своей палкой:

— Совет и охрана Большой Ярмарки...

— Управляющей комиссией которых мы являемся...

— Точно, брат! Управляющей комиссией которых мы являемся, объявили Скалу Фаллы священной землей!

Скалу Фаллы?

Второй почти поравнялся с приятелем. Он грозил сразу двумя кулаками в сторону девушки:

— Ты заплатишь за то, что не проявил должного уважения, юноша!

Юноша?

Катла рот раскрыла от изумления. Юноша? Он, наверное, ослеп. Она поднялась на ноги и с агрессивной поспешностью развязала волосы. Девушка всегда сооружала хвост на голове, когда лазила по горам, и правильно делала. Распущенные локоны упали тяжелыми волнами ей на плечи. В тот же миг, как будто чтобы подчеркнуть значение момента, вышло солнце, дождь превратился в серебряный ливень, а волосы Катлы — в огненный маяк.

Второй старик врезался в первого.

— О Великая Богиня, Госпожа Огня... Это же... это женщина!

Они выглядели крайне изумленными и даже оскорбленными.

Катла, решив не выяснять, что же их так обидело, просто повернулась и ушла, возвратившись по собственным следам со значительным проворством и немалым умением.

На севере пожилые женщины любят повторять одну поговорку (на Эйре на каждый случай найдется поговорка, такая уж это страна): предусмотрительный переживет героя. Как и братья, Катла всегда считала подобный взгляд на жизнь излишней осторожностью, но в данном конкретном случае, наверное, людская мудрость все же имела смысл.

Саро Винго выбрался, помаргивая, из палатки.

Боги и природа все еще решали, выпустить на небо солнце или полить землю дождем. Голова Саро болела, как будто кто-то наступил на нее ночью. По неизвестной причине его отец решил, что первое посещение сыном Большой Ярмарки следует ознаменовать большой попойкой, а дядя вместе с кузеном и старшим братом, Танто, сговорились подставлять ему стакан за стаканом мерзкой дымящейся гадости, а затем наблюдать, как он осушает их одним глотком, пока не опустеют все до единой фляжки.

Родственнички не отставали от Саро ни на стакан, но оказались гораздо лучше приучены к спиртному. И все-таки все они тоже в конце концов сдались — кто повалился на пол рядом с собаками и следами рвоты, кто рухнул на обтянутые шелком кушетки и сейчас храпел во весь голос на рулонах роскошных гобеленов и накидок, привезенных в подарок королю северян. Хотя почему люди Империи должны беспокоиться о каком-то варваре, Саро не представлял. Фалла знает, что он станет делать с великолепными истринскими тканями, сейчас залитыми алкоголем и блевотиной. И все же эйранцы известны своей дремучей необразованностью: король наверняка решит, что запах зависит от технологии окрашивания.

Саро хотелось посмотреть на женщин-северянок. Все парни, впервые приехавшие на Большую Ярмарку, пребывали в одинаковом нетерпении. Северянки стали главной темой для разговоров во время путешествия из южных долин. Король Врай Ашарсон, говорят, направлялся на Большую Ярмарку, чтобы выбрать себе невесту. Эйранская знать наверняка должна привезти своих дочерей и сестер в надежде заполучить жениха королевской крови. Для Саро это было главное событие Ярмарки: его не заботили скучные сложности заключения сделок и не привлекала перспектива торговаться с толпой старых жирных купцов, которые точно знали, в какую игру играют, и делали из него полного идиота — поскольку он не владел правилами этой игры.

Женщины Эйры слыли самыми красивыми на Эльде, а это уже интереснее. Хотя первым делом следовало признать, что Саро не имел понятия, как вообще выглядит женщина, не говоря уже о том, чтобы судить о ее красоте. У него дома женщин большую часть времени прятали от чужих глаз. С того момента как Саро исполнилось пятнадцать — вот уже шесть лет назад — и его посвятили в мир секса, он едва видел свою мать.

Саро подумал о матери сейчас. Как она, закутанная с головы до ног в разноцветную сабатку, бесшумно перебегала из комнаты в комнату, давая рассмотреть только руки и губы. Волшебная, экзотическая бабочка...

Через минуту Саро припомнил событие, открывшее ему дорогу в мир настоящих мужчин: тогда отец заплатил за него за вход в темную комнату в трущобах Алтеи... потом был запах женщины — мускусный, зловонный, и еще ощущение ее прохладных ладоней и горячих губ на теле, неконтролируемый юношеский оргазм и последовавший за ним стыд.

Однако говорили, что северные мужчины позволяли своим женщинам не только свободно бродить где угодно, но и показывать, кроме рта и рук, все лицо целиком, а иногда даже и бедра, и грудь. При мысли о подобном святотатстве в сердце у Саро стало горячо. И не только в сердце.

Его бледные щеки все еще пылали от всяких нечистых помыслов, когда юноша услышал крик. Обернувшись, он увидел невдалеке двух пожилых истрийцев, представлявших управляющую комиссию городов-государств, — Гревинга Дистру и его брата Гесто. Они упорно карабкались по лестнице на вершину Скалы Фаллы. Похоже было на то, что старики машут руками и кричат.

Заинтригованный Саро прошел между палатками, сгрудившимися у подножия скалы, и, прикрывшись от солнца рукой, посмотрел вверх.

На вершине Скалы Фаллы сидел вроде бы молодой человек, одетый в домашнюю коричневую тунику и высокие ботинки. Вот он поднялся на ноги, явно в смятении — его ведь поймали за богопротивным занятием. Гревинг грозил негодю, вторгшемуся в святое место, кулаком, а Гесто как раз одолел последнюю ступеньку, когда юноша повернулся к ним лицом и нетерпеливым взмахом руки стянул веревку с волос. Внезапно его лицо залил свет; открывая слишком правильные для мальчишки черты, окаймленные ярким огненно-рыжим водопадом локонов.

Саро обнаружил, что не может вдохнуть. Даже на таком расстоянии он испытал шок при виде девушки с голыми ногами и руками. И не просто девушки, а варварского создания, бросившего вызов приличиям, на вершине священной Скалы — это было как удар.

Совершенно неожиданно ноги отказались служить Саро, и юноша тяжело сел на гальку.

Когда он снова поднял голову, девушки уже нигде не было видно.

Катла надеялась незаметно проскользнуть обратно в лагерь клана Камнепада, однако у нее ничего не вышло.

Приближаясь к месту стоянки, она рассматривала темный песок там, где еще недавно лежала храпящая команда корабля, будто стая тюленей на отдыхе. И нашла их — только уже проснувшихся. Издали люди сильно смахивали на суесящихся муравьев.

— Сур меня заberi, — выругалась девушка, — вот теперь у меня действительно проблемы.

В сотне ярдов от берега стоял на якоре «Птичий Дар», покачиваясь в бледных лучах встававшего солнца. На таком расстоянии корабль выглядел изящным и стройным, изгибающийся нос смотрелся элегантно, словно шея лебедя. Но вблизи, как прекрасно знала Катла, судно представляло собой менее впечатляющее зрелище: отличный дуб местами покрылся пятнами в долгих путешествиях по суровым северным морям. Планширы, поцарапанные и расщепленные камнями, столкновениями и яростными атаками вражеских топоров; длинный, покрытый орнаментом бушприт, заканчивающийся пугающей головой тролля с разинутой пастью, в которой каждый острый зуб вырезан с любовью и сверхъестественным умением. Естественно, эйранцы сняли провокационное украшение перед тем, как войти в нейтральные Лунные воды, и положили его аккуратно завернутым в чистую тряпицу у нижней мачты. Аран сказал, что не дело напоминать старому врагу о худших временах, когда ты готовился ослепить неприятеля перед атакой.

Около дюжины мужчин из команды судна сновали около корабля, вытаскивая

огромные деревянные сундуки и бочки из трюмов, переправляя их на берег по одному на низких маленьких лодках, которые качались и скрипели под тяжестью груза.

Вторая из корабельных шлюпок только что пристала к берегу в мелких водах. Четверо мужчин прыгнули с носа — чистые белые вспышки на фоне черной земли — и перетащили лодку на невысокий берег, словно русалку. Катла узнала своего старшего брата Халли и Фента, остальными были Тор Лесон и ее кузен Эрно Хамсон.

— Этого только мне не хватало, — простонала она. — Зрители.

Вздернув подбородок, девушка решительно зашагала вниз навстречу неминуемому наказанию. Галька беспомощно захрустела под ногами.

Когда девушка подошла почти вплотную к отцу, тот повернулся к дочери и смерил ее взглядом. Его обветренные грубые руки уперлись в бока.

— Где ты была?

Аран Арансон даже по эйранским стандартам уродился громадным. Его жена, Бера, часто шутила, что еще до их свадьбы, когда бы ее мать ни завидела будущего зятя, едущего на ферму на крепком маленьком пони почтить их визитом (ноги всадника тащились по земле, и, несмотря на героические усилия лошадки, казалось, что она вот-вот потеряет равновесие и свалится на землю вместе с седоком на потеху окружающим), то говорила: «Вот едет Аран Арансон, твой великан-людоед, Бера. Если у вас появятся дети, помни мое слово, они превратятся в маленьких троллей, и тебя разорвет на части, просто в щепки!» Потом она начинала кудахтать и суетиться вокруг Арана, пока бедный парень не краснел до корней волос, понимая, что опять подвергся насмешкам со стороны будущей тещи.

Впрочем, бабушка Рольфсен до сих пор проявляла неумное чувство юмора, и ее смех часто доносился туманной ночью из становища клана Камнепада. Однако зять так и не научился понимать и принимать такой юмор. Вот и теперь, стоя перед блудной дочерью, Аран не показывал и тени улыбки.

Катла, за долгие годы приучившаяся задабривать отца после своих мелких проделок, отметила его сошедшиеся на переносице, нахмуренные брови, недобрый блеск в глазах и совсем пала духом. Сознывая свою вину, девушка ломала голову в поисках подходящих оправданий.

— Я просто пошла погулять, посмотреть на восход солнца над Замком Сура, — объяснила Катла, старательно избегая прямой лжи: ведь ее прогулка в принципе началась именно с такой целью.

— Мы уже не в Эйре, — хмуро сообщил Аран, совершенно без надобности. — Тебе не следует бродить в одиночку на Большой Ярмарке. Это небезопасно.

Итак, оказывается, в его глазах блеснул вовсе не гнев, а беспокойство! Отец беспокоился за нее! Девушка почувствовала неимоверное облегчение и засмеялась.

— Какая здесь может быть опасность? Я не боюсь никого, тем более мужчин, — усмехнулась она, насмешливо делая ударение на последнем слове. — Ты прекрасно знаешь, что я могу защитить себя. Разве не я выиграла состязания по борьбе прошлым летом?

Это правда. Тонкую, быструю, верткую, ее никто не мог одолеть. Борьба с Катлой превращалась в схватку со скользким ужом.

Девушка продемонстрировала бицепс, как бы подтверждая свои слова. Битье по металлу тяжелой кувалдой и раздувание вручную мехов сделали свое дело: твердые круглые шары внушительных мускулов рвались на свободу.

— Кто станет со мной связываться?

Но отца Катлы подобным удивить было трудно. Двигаясь гораздо быстрее, чем можно подумать о мужчине такого телосложения, он кинулся вперед, как волк на зайца, и сжал ее руку так, что девушка невольно поморщилась. А когда Аран ее отпустил, следы от его пальцев четко проступили на нежной загорелой коже. Улыбка сползла с лица Катлы, внутри вспыхнула ярость.

Повисла неловкая тишина. Катла, испугавшаяся собственной злости, уставилась в землю и начала угрюмо ковырять пальцем ноги песок.

Молчание затягивалось, девушка обнаружила, что невольно уже прикидывает, как вставить вот тот камень в рукоятку следующего кинжала, который она изготовит.

— Они странно обращаются с женщинами, эти люди Империи, — проговорил Аран. — Им нельзя доверять, истрийцы завели странные обычаи, несоблюдение которых может стать для нас опасным. Твоя сила останется неоцененной. К тому же ты тут оказалась по моей милости. Брать тебя с собой на Большую Ярмарку не было никакой надобности: одни траты. Я обеднел на целый сардоникс из-за тебя, ведь Фости Козлиная Борода собирался поехать со мной в этом году. Я мог купить твоей матери милую шаль и красивые украшения на выручку. Отказав маме в подарке, а старому Фости в месте на корабле, я оказал тебе большую услугу, а ты, в свою очередь, можешь отплатить за мою щедрость и ничего не делать — я имею в виду, ничего без моего разрешения. Понятно? И не исчезай из моего поля зрения.

Катла уже открыла рот, чтобы возмутиться, но передумала.

Ничего, она подождет, пока у отца улучшится настроение, а потом попробует на нем свои чары, подумала девушка с внезапной твердой решительностью. Даже на островах, где женщины работали наравне с мужчинами и считались в большинстве случаев полноправными членами общества, Катла обнаружила, что женские уловки предоставляли ей восхитительно несправедливое преимущество перед братьями.

— Да, отец, — согласилась она с показной покорностью и, бросив лукавый взгляд на Арана, была вознаграждена смягченным выражением его лица.

— Смотри мне, — неловко пробурчал отец.

Дочери... Почему с ними настолько сложнее, чем с сыновьями?

В этот момент к ним присоединился один из отпрысков семьи мужского пола. Брат и кузен ненамного от него отстали. Высокие, хорошо сложенные парни.

Арансоны с кузенами представляли немалую силу. Халли пошел в отца: крупный нос с возрастом обещал стать крючковатым, как у совы. Фент, как и его сестра, унаследовал Берины огненные волосы, хрупкие кости и замечательную кожу, и ко всему прочему тщеславие, потому что брился как южанин. Но тяжелая работа превратила его мускулы в пружины и наполнила легкое тело энергией, которой хватило бы на троих.

Как будто для того чтобы продемонстрировать самый яркий из возможных контрастов или показать разнообразие типов внешности, встречающихся на Эйранских островах, природа наградила Эрно Хамсона и Тора Лесона светлыми до серебристости волосами и бородами. Эрно, у которого недавно умерла мать, вплел сложный памятный узел, наполненный ракушками и кусочками ткани, в левую косу. После двух недель в море ткань выцвела и задубела от соли, и узел держался крепче, чем прежде. По ночам, стоя на вахте у румпеля, Катла слышала, как Эрно тихо повторяет стихотворение, которое написал в память о матери, когда вплетал узел. Пальцы двигались по впадинам и выступам узла, освежая в памяти слова:

Ткань — голубая, как твои глаза,
Ракушки — в память о твоей щедрости,
Узел — в память о мудрости, данной, но не навязанной,
Узел — в память о том, как ты выхаживала меня
во время лихорадки...

Катлу удивляло, как человек, такой сдержанный и робкий днем, может превращаться в сильного и нежного по ночам, он почти нравился ей за это качество.

— Итак, блудная дочь вернулась! — просиял Фент. — Думала избежать тяжелой работы, так ведь?

— Уклоняешься от семейных обязанностей? — скорчил рожу Тор.

— Оставляешь все парням с мускулами? — добавил Халли, чей цепкий взгляд не пропустил хвастливую демонстрацию бицепсов.

Эрно промолчал. В присутствии Катлы он всегда будто язык проглатывал.

Аран выглядел раздраженным:

— Вы принесли палатки и прилавки вместе с остальным грузом?

Парни закивали.

— Хорошо, тогда Фент, Эрно и ты, Катла, пойдете со мной, поставим палатки. Халли и Тор, проследите, чтобы рабочие разгрузили корабль. Я вернусь через час, и мы взвесим сардоникс.

Фент улыбнулся сестре, показав острые, как у всех лисиц, резцы.

— Можешь нести веревки, — сказал он, — раз уж ты единственная девчонка.

Он с легкостью увернулся от ее выброшенного вперед кулака и потрусил вдоль берега к груде снаряжения. Там светлые камешки валялись вокруг рулонов связанных шкур, промасленных шерстяных тканей и свернутых бухт веревок. Два гигантских железных котла, вместе с подпорками и крышками, лежали посреди кастрюль и тарелок, ножей и топоров, рассыпанных по песку чьей-то торопливой рукой, готовой принимать следующий груз.

Фент складывал охапку кухонных принадлежностей в один из котлов, пока куча посуды не выросла горкой над краями.

— Вот, — крикнул он Катле. — Если тебе он под силу!

Железный котел такого размера весит фантастически много, не говоря уже о наполняющих его инструментах. Катла это точно знала: однажды подобная посуда свалилась с крюка и чуть не прибила ее. Она сумела-таки вовремя увернуться, чтобы не заработать переломы ног, но даже скользящий удар стоил ей расплющенного пальца. Девушке пришлось целую неделю завязывать ногу в тряпки, прежде чем опухоль спала, и она смогла надеть башмак.

Угрюмо взглянув на брата, Катла ухватила котел обеими руками и смогла протаскать его шагов двенадцать, проделав внушительную борозду на песке, прежде чем остановиться. Каждый мускул на руках протестовал против такой тяжести. Казалось, конечности уже вытянулись не меньше чем на ладонь.

Мальчишки взорвались смехом. Даже отец заулыбался. Девушка посмотрела на них, сузив глаза, потом подняла котел снова, уже одной рукой, а второй отчаянно размахивая для равновесия. На этот раз она выпрямила руку и спину, принуждая напряжение переходить с мускулов на кости, чему научилась, лазая по отвесным скалам.

Котел нехотя оторвался от земли и больно стукнул по ноге. Катла закусил губу и упорно двинулась вперед. Достигнув после нескольких минут утомительных усилий края пляжа, она поставила котел и оглянулась.

Приняв подобное упрямство как должное, мужчины перестали следить за ней: вместо этого они собрали оставшееся снаряжение и шли теперь по следам Катлы.

Нагнав дочь, Аран отобрал у нее котел и вручил тюк ткани.

— Тебе не надо ничего доказывать мне, дочка, — мягко сказал он, глядя на Катлу глазами зеленее моря. — Я знаю, что твое сердце не уступит в силе мужскому.

С этими словами он поднял котел с такой легкостью, будто тот превратился в деревянное ведро, и быстро прошел мимо девушки.

Аран с семьей работали быстро и достаточно эффективно. Никто не нуждался в дополнительных инструкциях.

Меньше чем через час они поставили пару палаток, которые должны были стать их домом на время Большой Ярмарки. Может быть, эйранские палатки и не блистали яркими красками, как шикарные павильоны, которые Катла видела у подножия Замка Сура, зато они не пропускали влагу и предоставляли довольно места: почти двадцать футов в длину, четырнадцать в ширину, в центре до десяти футов в высоту — достаточно просторно для всей семьи, команды корабля и груза.

Холодный прибрежный бриз появился будто ниоткуда, пока они работали, ставя дубленую кожу крыши куполом. Катла с давно растрепавшимися волосами натягивала

веревки и привязывала их к подпоркам, когда обнаружила подле себя мужчину из имперских в богатом синем плаще. По смуглому лицу и бритому подбородку незваного гостя любой догадался бы, что он не с островов.

Истриец носил серебряный обруч в черных волосах, очень гладкая кожа выглядела как полированное дерево. Он был выше Катлы, хоть и ненамного, однако смотрел на нее сверху вниз так, будто видел перед собой нечто мелкое и грязное.

Девушка почувствовала, что в первый раз в своей жизни не знает, что сказать.

Аран бесшумно встал рядом с дочерью.

— Чем я могу вам помочь? — поинтересовался он.

Глаза иноземного господина скользнули неприязненно по голым рукам и буйной шевелюре Катлы, задержались чуть дольше, чем позволяли приличия, на ложбинке между грудей, видной из-за ручейка пота на тунике, потом повернулся к Арану.

— Насколько я знаю, вы продаете отличные кинжалы, — произнес он.

Голос будто шелковый. Гость говорил на Древнем языке без малейшего акцента.

Аран кивнул:

— Да. Однако мы не начнем торговлю до полудня.

— Я хотел бы стать вашим первым покупателем, чтобы получить лучшие из товаров.

— Тогда вам следует быть здесь перед самым открытием, — коротко ответил Аран.

Что-то в иноземном господине не понравилось ему, догадалась Катла по тону отца.

Истриец поднял изящную бровь:

— Понятно.

Он помолчал, потом вытащил кошелек из-за пояса, глубокомысленно взвесил его на руке.

— Может, мне удастся убедить вас открыться сейчас — за сумму, которая удовлетворит нас обоих?

Аран засмеялся.

— Нет. Мы не будем готовы до полудня, — повторил он.

Глаза иноземца вспыхнули. Он отвернул одну сторону плаща так, чтобы на секунду показался знак его рода, потом позволил ей упасть обратно.

— Мне необходимо иметь только лучшее из того, что вы предлагаете.

— Я польщен, что наша репутация достигла далеких стран, — осторожно проговорил Аран. — Возможно, мы могли бы открыться чуть раньше полудня, и Катла покажет вам самые лучшие лезвия. Они сравнимы с высочайшими...

— Эта женщина? — Истриец выглядел сбитым с толку. — Вы позволяете женщине показывать ваши клинки?!

Аран насторожился:

— Конечно. Их сделала сама Катла, они лучшие во всей Эйре. Может быть, вам покажется недостойным, что я хвастаюсь работой собственной дочери...

Господин отшатнулся так, будто Аран испортил воздух. Он сотворил рукой какой-то сложный знак и сказал несколько слов на своем языке, совершенно непонятном для уха эйранца.

Наконец незнакомец произнес:

— Я не могу купить оружие, которое трогала женщина, это совершенно невозможно. Доброго дня.

Гость повернулся на каблуках. Потом, будто бы о чем-то вспомнив, он остановился и прямо обратился к Катле.

— Ходят слухи, что какую-то молодую эйранскую женщину поймали сегодняшним утром на вершине Скалы Фаллы, — проговорил он холодным, угрожающим тоном. — Я надеюсь, ради вас и вашей семьи, которая, я уверен, очень вас любит, что той женщиной были не вы.

Катла уставилась на него.

— Да в общем-то нет, — тут же ответила она, глядя незнакомцу прямо в глаза.

Во всяком случае, они ее не поймали, так что она не солгала.

— Дело в том, — холодно продолжал незванный гость, — что для женщины нарушить границы Скалы Фаллы означает совершить смертельный грех. Скала — священная территория, отданная Богине. Любая другая женщина, ступив на священную землю, совершает преступление.

Фент выступил вперед, его лицо искривилось от ярости.

— Скала принадлежит Суру... — начал он, но Аран перебил с угрюмым выражением лица:

— Это не могла быть моя дочь, потому что, как вы видите, мы работаем здесь уже несколько часов, и она ни на минуту не выходила из моего поля зрения.

Истрийский господин выглядел успокоенным.

— Мои извинения.

Он собрался уходить, но Аран быстро спросил:

— Могу ли я спросить, почему вы заподозрили мою дочь в преступлении против вашей богини?

— Да из-за цвета ее волос, конечно. Два господина, наткнувшись на женщину, описали ее довольно точно. Длинные рыжие волосы, так они сказали, длинные волосы, забранные в хвост, который она распустила в насмешку над ними.

Аран засмеялся:

— Как вы прекрасно знаете, господин, у нас на севере мужчины и женщины по традиции носят длинные волосы; многие — как мой сын Фент, например, — могут похвастаться рыжей шевелюрой. Боюсь, что неизвестные мне господа, которые обнаружили преступника, не первой молодости люди, или же у них есть проблемы со зрением.

Истриец на минуту задумался. Потом кивнул головой:

— Такое действительно вполне возможно, господин. Дистра очень пожилые люди. Наверное, они ошиблись. Надеюсь на это ради вашей дочери, потому что слухи распространились по всему лагерю, а стража уже ищет преступницу. Она может столкнуться... с определенными трудностями на Ярмарке, если еще кто-то придет к тому же выводу.

Аран выдержал его взгляд в полном спокойствии, потом истрийский господин кивнул.

— Счастливой торговли на Ярмарке, — официальным тоном попрощался он и пошел прочь. Великолепный синий плащ развевался на крыльях бриза, как будто предусмотренного в дополнение к одежде.

Эйранцы смотрели, как он уходит.

Когда господин оказался вне пределов слышимости, Аран схватил Катлу за плечо:

— Ты, маленькая ведьма! Я обещал твоей матери, что не выпущу тебя из виду, а ты уже умудрилась попасть в самую страшную из возможных переделок!

Он смерил девушку взглядом — короткая туника, голые ноги и взлохмаченные волосы. Потом, не говоря ни слова, Аран поймал ее двумя руками и выхватил разукрашенный кинжал, который Катла носила за поясом.

— Подержи-ка ее волосы, Фент, — приказал он тоном, не допускающим возражений.

Эрно ахнул. Катла, поняв, что у отца на уме, начала вырываться. Но Аран был вполне способен составить ей конкуренцию, в отличие от нетренированных парней, с которыми она боролась и которых побеждала на летних играх. Крепко ухватившись одной рукой, он принялся обрезать огненные волосы девушки, пока Фент с перекошенным от страдания лицом держал их натянутыми для кинжала.

Закаленное лезвие — лучшее из всего, что делала Катла, она гордилась этим кинжалом безмерно, и клинок подтвердил свою ценность, проходя сквозь спутанные локоны, как сквозь шелк. Искрящиеся волны полились на землю, сверкая как огонь, из ниоткуда появившийся на темной гальке.

— Собери, — сказал Аран, обращаясь к Эрно.

Тот колебался всего мгновение, потом упал на колени и начал прятать волосы под

рубашку.

Секундой позже Аран отпустил дочь. Она стояла некоторое время, как обложенный со всех сторон медведь. На девушку накатывалась ярость. Потом Катла повернулась и помчалась прочь так, будто за ней гнался дьявол.

Фент усталился на волосы, которые до сих пор держал в руке — теплые, словно маленькое живое существо из пламени, — потом медленно уронил их на землю. Посмотрел на отца.

Аран состроил гримасу:

— Это для ее же собственного блага. Если твою сестру найдут, то ее непременно сожгут.

Он засунул кинжал в ножны и вытер руки о кожаную безрукавку. Тонкие полосы красного золота унес бриз. Аран смотрел, как они улетают, с непроницаемым выражением лица, потом, пролаяв приказ парням, направился к берегу смотреть на сардониксы.

Эрно переглянулся с Фентом, продемонстрировав напряженное и угрюмое лицо. Фент смотрел в сторону, его правильные черты резко контрастировали с внешностью отца.

— Ты слышал, что он сказал, — проговорил он и, видя сомнения Эрно, добавил: — Но до этого не дойдет. Если они тронут Катлу, вся Эйра возьмется за оружие.

Фент угрюмо забросил молоток внутрь палатки.

— Пойдем.

Они побежали догонять удаляющуюся фигуру главы клана.

Глава 2 ПОТЕРЯННЫЕ

Саро Винго и его старший брат Танто только закончили приводить в порядок второй табун чистокровных фамильных лошадей Винго: дюжину лучших истрийских жеребцов с изящными узкими головами, блестящей шерстью, тонкими ногами и острыми желтыми зубами. И именно из-за этих зубов — если конкретно, то принадлежащих красавцу одноплетке по прозвищу Ночной Предвестник, игривому зверю с несносным темпераментом, — Танто теперь сидел на земле и нянчил укушенный локоть.

— Ублюдочная тварь! — цедил он сквозь зубы, яростно потирая кожу.

Четко различимые следы от зубов выделялись пурпурно-красным на коричневом фоне.

Танто потерял терпение, общаясь с Ночным Предвестником, гнедым жеребцом с белой звездой во лбу, и слишком сильно дернул волосы щеткой, причесывая его челку. Саро не пытался навязывать свою волю животным таким жестоким образом, поэтому его никогда и не кусали. Примечательно, что животные вообще не слишком любили его брата. Танто вечно либо лягали, либо кусали, либо царапали. Также примечательно, что дома кошки проскальзывали мимо него бесшумно, на согнутых лапах, почти по стенке. А долгими теплыми истрийскими вечерами, когда последние лучи солнца просачиваются через высокие окна и проливаются светлыми лужицами цвета меда на полу, борзые внимательно следили за братом уголками сверкающих черных глаз, стоило Танто встать со стула — что, впрочем, случалось довольно редко, если в руке у него оказывался кувшин с пивом или фляжка с аракой.

— Он просто убийца, — угрюмо пробормотал Танто. — Говорил же отцу в последний раз, когда этот твареныш меня укусил, что лучше скормить его собакам, чем везти до Ярмарки на проклятой барже.

Он подобрал кусок черного камня, пару секунд повертел его в руках, потом кинул с внезапной яростной силой в провинившееся животное. Точный, как всегда, Танто попал в нежное место между ляжкой и боком. Жеребенок отскочил и рванул на другую сторону огороженного пастбища, в глазах его белым плескалась паника.

— Бесполезный карлик!

Саро нахмурился, но ничего не сказал. Ночной Предвестник был лучшим во всем

табуне — замечательный бегун, который, вполне вероятно, в один прекрасный день сможет выиграть любой забег.

Саро давно научился никогда не становиться брату поперек дороги, когда тот взрывался гневом, любые замечания еще в детстве стоили ему порезов и синяков. Вместо того чтобы спорить, он собрал сумку, возвращая каждую кисть и каждую фляжку с маслом в особый мягкий чехол, и сказал:

— И в каких состязаниях у тебя больше всего шансов выиграть, по-твоему?

С Танто произошла резкая перемена. Казалось, черные тучи сдуло ветром, и на мир взглянуло солнце. Привлекательный, атлетически сложенный парень, прекрасно знающий о достоинствах своей внешности, он всегда радовался, когда кто-либо, пусть даже его презренный меньшой братишка, проявлял интерес к его персоне.

Танто покачал головой, солнце заиграло на каждом черном локоне, на тугой щеке, впадине ровного горла и в конце концов остановилось на призовом колье из сардоникса, перемежавшегося шариками восхитительного красного халцедона и сверкающего кварца. Отличное дополнение к темной теплоте его кожи.

Хмурое выражение лица Танто сменилось широкой радостной улыбкой.

— Ну конечно же, во всех, братишка! Ты же знаешь, я тренировался.

Действительно, он тренировался. Пока Саро вместе с маленькими мальчишками подставлял руки для побоев лишнего чувства юмора учителя в темной прохладной тишине учебного дома, снаружи на солнце Танто разрезал гладь озера неутомимым брассом. Или бросал тщательно сбалансированное копье в далекие мишени из соломы под неусыпным надзором дяди Фабела, беспощадно катал по полю какого-нибудь несчастного мальчишку-раба, которого укутали в дубленую кожу и дали зачаточные навыки борьбы. Или в холмах с отцом, Фавио Винго, с триумфом добивал зайцев, уже утыканных стрелами от предыдущих выстрелов короткого лука.

Видя в старшем сыне чемпиона Большой Ярмарки, которым тот вообще-то никогда и не становился, Фавио постоянно дарил Танто великолепное оружие: кинжалы из форентской стали, отличные ножи с севера, луки, сработанные из древнего дуба, и стрелы с перьями гусей, специально выращенных для этих целей на озере Йетры на Тильсенской равнине. Танто доставалось все отменного качества — от первого ломтя жаркого до самых исключительных куртизанок отца. Сам он считал это совершенно справедливым, если принять во внимание богатство и славу, которые принесет семье его доблесть.

Саро улыбнулся брату (впрочем, улыбка не затронула его глаз), чувствуя к Танто обычное отвращение, спрятанное глубоко внутри под внешним спокойствием, и пропустил мимо ушей стандартный поток хвастовства. Сам Саро всегда жалким образом проигрывал в тех соревнованиях, где Танто превосходил всех. Как оказалось, ему не хватало необходимой физической силы и координации, чтобы соревноваться с собственным братом или с кем-то другим, если уж на то пошло. Боязнь воды заставляла Саро идти на дно озера со скованными неподвижностью мускулами. Копья вылетали из его рук по непредсказуемым траекториям, так что рабам приходилось в страхе разбегаться в стороны. Изящные южные мечи, явно слишком легкие для по-настоящему действенного оружия, нелепо выскальзывали из рук, а что уж до кулачных боев... Может, все дело в отсутствии воли к победе? А может, в том, что с Танто поблизости не шло и речи о соревновании. Зачем пробовать и ошибаться? Только чтобы заработать колотушки и насмешки? Саро показалось легче принять свою ограниченность и смириться с неизбежным неудовольствием отца.

— Саро, ты никогда ничего не добьешься, — постоянно повторял Фавио Винго, и мальчик привык принимать это как должное.

Кроме того, думал про себя Саро, наблюдая за тем, как ходуном ходит грудь брата, потому что тот был не в состоянии контролировать дыхание, рассыпаясь в похвалах самому себе, — если непременно надо уподобляться Танто, чтобы преуспеть в жизни, кому вообще захочется становиться чемпионом?

— Итак, наверное, именно в бою на мечах я действительно превзойду всех с моим

новым вороненым клинком даже несмотря на то, что отец Фортрана подарил сыну золоченый эфес, а Гаро брал уроки все лето у мастера-мечника из Гилы, — закончил Танто.

— Конечно, брат, кто может сравниться с тобой?

Танто улыбнулся, соглашаясь, размотал руку и пошел вдоль по полю — командовать рабами, заканчивавшими возводить частокол. Высокий и мускулистый, он шел с легкой изящностью, которая Саро и не снилась. Хотя когда они были и детьми, добрые тетушки, поблескивая глазами из-под вуалей саботок, всплескивая от восхищения руками, часто отмечали поразительное сходство между мальчиками: «Как шишки с одной елки!» Танто это вовсе не нравилось, даже несмотря на их действительную схожесть, и Саро вскоре начал чувствовать себя обманщиком, виновным в явной ошибке суждений тетушек.

Танто направо и налево отдавал приказы рабочим, ни на минуту не сомневаясь в своем праве на такое поведение. Рабы тут же удвоили усилия, стараясь избежать его сурового взгляда. Жеребцы к тому времени отбежали подальше и теперь раздували ноздри, выжидающе поглядывая на Саро.

Убедившись, что Танто надежно отвлекся на что-то другое, Саро запустил руку в мешочек, подшитый на спине туники, и вытащил лакомство для лошадей, которое всегда таскал с собой. Ни отец, ни Танто не одобряли такую «порчу» животных.

— Они здесь, чтобы принести нам деньги, — говорил Фавио, — огромное количество денег. Это не домашние любимцы.

Чистокровные лошади представляли большую ценность в Истрии. Они годились и для подтверждения высокого статуса, и для участия в скачках, и для красоты, и в качестве взятки для привлечения лучших офицеров в армии, которыми гордилась каждая провинция. Торговля подобным товаром была одним из главных источников дохода семьи Винго. Только членам семьи позволялось приближаться к лошадям, потому что Фавио, суеверный во всем, что касалось денег, уверял, будто прикосновение руки чужого человека каким-то образом запятнает, испортит, разрушит чистоту их освященного Фаллой потомства.

Оба брата проехали много миль, чтобы попасть на Лунную равнину. В этом году их сопровождали несколько соотечественников. Баржи, нагруженные живым товаром, слишком медлительны и громоздки, чтобы бороться с быстрыми водами реки Альты или открытого моря, поэтому им пришлось держать извилистый путь вверх по широкой, спокойной Золотой реке. Танто, конечно, долго жаловался на то, что его не пустили на корабль Винго, «Деву Каластрины», на котором разместился весь клан, но здесь отец остался непреклонен.

— Мой мальчик, — сказал он, — количество денег, отложенных на твою свадьбу, будет зависеть от цены, которую мы выручим от продажи табуна в этом году. Помни об этом. Заботься о животных с усердием и плыви по реке с полным надежд сердцем, потому что если все пойдет по плану, то в следующем году ты станешь владельцем собственного поместья, благородной жены и приличного замка.

Танто прекратил свои жалобы, но продолжал избегать лошадей, как только они потеряли из виду родные земли, и с радостью свалил всю работу на Саро. Сам же он все время посвящал разглядыванию карт русла реки и командованию моряками. Осведомленные о скверном нраве Танто, люди безмолвно мирились с этим, хотя Саро не раз видел, как они обмениваются ухмылками: все знали, что даже ребенок сумеет провести баржу по Золотой реке.

Учуяв лакомство, жеребцы тотчас собрались вокруг Саро, толкая его своими бархатистыми мордами, пока юноша не спрятал угощение обратно и не разогнал их. Однако Ночной Предвестник задержался около Саро и теперь заинтересованно поглядывал на него.

Саро не спеша прошел мимо других лошадей, пока не приблизился к жеребцу на расстояние вытянутой руки. Протянул к нему пустую ладонь. Конь скосил глаза. Когда Саро попытался погладить Ночного Предвестника по щеке, тот откинул голову, но не попятился. Юноша осторожно пошарил в кармане и вытащил целую горсть лакомств. Учувший угощение жеребец сделался странно послушным. Через несколько секунд Саро почувствовал, как по его ладони скользнули шершавые губы, а потом все исчезло как по

волшебству, и в следующий миг жеребец прижимал морду к его груди, обнюхивал одежду, так что пришлось даже отталкивать попрошайку. Как только юноша излишне резко махнул рукой, рубашка внезапно расстегнулась у пояса, и лакомства рассыпались по земле.

Звук получился, как от миниатюрного камнепада.

Танто мигом повернул голову и обнаружил, что шестеро из лучших чистокровных коней семьи Винго шумно чавкают, склонившись у ног его младшего брата.

Дочь Арана Арансона неслась вперед, пока резкая боль в боку не заставила ее остановиться.

Гнев увел Катлу на милю от родной палатки, к границе ярмарочной территории, а потом и за нее. Никто не обращал особенного внимания на девчонку, настойчиво продирающуюся сквозь толпу, потому что вокруг было очень много людей, снующих туда-сюда с различными поручениями. Как и Арансоны, все ставили лавочки, палатки и павильоны, строили временные загоны для животных, ухаживали за лошадьми и собаками.

С верхушки горы Катла смотрела вниз на ярмарочную суету и поглаживала костяшками пальцев живот, пытаясь успокоить боль. Дура! Она настолько разозлилась, что позабыла о правильном дыхании. А дома ведь пробегала целые мили, упорная и неутомимая; длинные ноги несли через болота и луга, холмы и горы, но у нее никогда не ныло в боку так, как сейчас.

Будь проклят отец с его жестокими причудами! Она уже взрослая женщина и явно достойна уважения. Как осмелился он обращаться с ней, будто с овцой во время стрижки! И будь прокляты заодно и Фент с Эрно: стояли, как бесполезные калеки, даже пальцем не пошевелили, чтобы помочь ей. Не столь удивительно, что Фент не восстал против отца, потому что гнев придавал Арану недюжинную силу, но Эрно ее разочаровал. Мог бы хоть поругаться с ненормальным родителем...

Глядя на его преувеличенно скромное обращение с ней, девушка решила, что нравится Эрно, но теперь стало ясно, что он такой же трус и неудачник, как все остальные. Она бессознательно провела рукой по волосам, в первый раз почувствовав необычность прически: остатки роскошных волн кололись и торчали неровными прядями. Голова стала странно легкой. Катла с удивлением заметила, что не против такого ощущения.

По крайней мере теперь мытье головы не будет представлять такую проблему, как раньше, когда сырой длинный хвост лип к телу, словно мокрая кошка, целыми часами. Короткие волосы высохнут за пару минут.

Девушка невольно засмеялась при новой мысли: теперь отец и не подумает выставить ее на смотрины перед королем Враном, надеясь на заключение брака! Когда Брета, Йенна и Тиан узнали о предстоящей поездке на Большую Ярмарку, все их разговоры начали сводиться к королю Врану Ашарсону — какой он красивый, сногшибательный и, вне сомнений, необузданный, как жеребец во время спаривания. Они хихикали и краснели и утомительно долго выдумывали платья, которые наденут на прием, представляли, как будут делать реверансы и смотреть на короля, как они уговорят отцов представить их ко двору.

Примечательно, что Йенна сумела убедить отца взять ее с собой на Большую Ярмарку в этом году, хотя Катла и сомневалась, что ей позволят принять участие в конкурсе невест. Клан Чистых Вод, хоть и богатый, с длинной линией благородных предков, являлся семьей кораблестроителей, и Катла подозревала, что они уже положили глаз на одного из ее братьев для Йенны. Наверное, Халли, как старший из двух... да, скорее он, чем Фент.

Катла в любом случае догадывалась, что ее суровый старший братишка неравнодушен к кокетливой, жеманной Йенне. Она предпочитала смуглых мужчин и, если ей предоставят выбор, точно выберет Халли, хотя и не раньше, чем рассыплются в прах ее глупые мечты о Вране Ашарсоне. Девицы в полном составе будут присутствовать на Собрании. Это Катла знала точно, потому что любая эйранская семья, платившая дань королю Врану и снабжавшая его кораблями, моряками, бойцами, имела право принимать участие во всех общественных событиях. Северян не слишком заботили церемонии, слава Суру.

Хотя что делать с лохматым ежиком, чтобы соорудить прическу, с которой не стыдно будет появиться на королевском приеме, она не знала, а ведь оставалось всего несколько дней.

Девушка планировала причесаться по последней моде, которую ей показала Йенна, когда вернулась из Халбо в прошлом месяце с великолепным новым платьем из лучшего южного шелка — сияющим, отделанным пеной галианского серебряного кружева. У Катлы не было нового великолепного платья. Она успокаивала себя тем, что ее волосы более блестящие и живые, чем у Йенны, и то, чего не хватало в одежде, собиралась возместить восхитительной *коронной*, как горделиво именовала их мать.

Правда, теперь мало что осталось от восхитительной короны, с горечью подумала девушка. Бера, без сомнения, впадет в ярость, когда они вернутся домой, и обязательно накажет Арана за разрушение дочкиных надежд выйти замуж — и не только за короля... что Катле, впрочем, не казалось такой уж страшной перспективой. Она не считала, что существует достаточно щедрый муж, который позволит ей путешествовать на Большую Ярмарку, как это сделал отец, несмотря на все его жалобы. Не говоря уже об одиночных прогулках по островам, лазании по горам и катании на диких пони. Нет, ее обуздают и посадят дома с кучей детей, которые появятся, не успеет она и глазом моргнуть... а потом ребенок будет следовать за ребенком, пока она не превратится в мать клана. Эйранцы считали большие семьи знаком благоволения Сура, которого довольно сложно достичь, поскольку большинство взрослых погибает в междоусобных войнах и волнах моря.

Девушки, как она знала, только и делали, что болтали о замужестве: какой парень выйдет лучше всех, у кого лучшие перспективы в жизни, какие будут у них дома, что они наденут на свадьбу, сколько родят детей и как назовут каждого ребенка. Катле подобные разговоры казались обсуждением списка ненавистных обязательств, а восхищение девушек собственным будущим заключением — мягко говоря, извращением. Тяжело поддерживать отношения с друзьями, когда не разделяешь их мечты. Недавно она обнаружила, что отдаляется от них, все более и более замыкается в своих интересах и вовсе не скупает по их глупой болтовне.

Странно, но Катла привыкла считать братьев и их приятелей, а не представительниц своего пола близкими союзниками, рядом с ними она узнала восхитительное чувство дружеского общения в разделении обязанностей по дому и приключений в холмах. Однажды девушка взяла с собой Халли на вершину Волчьего Гнезда, будучи в уверенности, что видела горного призрака в пещере у отвесной скалы. Используя веревку из кожи котика, Катла опасно раскачивалась на плечах высокого брата перед скалой, потом сумела ухватиться за край и забраться внутрь пещеры, только чтобы обнаружить перед лицом яростную чайку. Та кинулась на вторгшегося в ее убежище человека, широко развернув крылья, крик гнева пронзил воздух, а ее сумасшедший маленький птенец с огромными глазами и нелепыми перьями начал клевать девушку в руки. Вот и весь горный призрак. Халли так смеялся, что свалился вниз, но, к счастью, веревка зацепилась за край пещеры, а Катла составила противовес. Они болтались вдвоем над морем, хихикая над своей глупостью, пока совсем не обессилели.

Это случилось всего год назад. Не слишком достойное поведение для молодой женщины в возрасте замужества.

Катла вытерла руки о тунику, посмотрела на полосы соли, которые оставили весла, на пятна от пота, еды и животных. Даже если не обращать внимания на печальное состояние материи, она не сможет долго носить тунику из соображений приличия. Одежда стала слегка коротковатой и удивительно тесной в груди. Возможно, она продаст достаточно кинжалов, чтобы хватило на новое платье.

Девушка видела кожу, привезенную с Ярмарки, мягкую, как обыкновенная ткань, ее можно сшивать обычной иглой вместо длинного, громоздкого тупого шила, которое эйранцы применяют для соединения лошадиных шкур. Из такой кожи получится шикарная безрукавка.

Вообще-то Катла не собиралась шить сама. Скорее придется уговорить мать сделать это за нее, так как портниха из Катлы, прямо скажем, никакая. Предоставленная сама себе, девушка делала широкие, в руку длиной, стежки, чтобы побыстрее управиться с работой, а когда к ней приставали с расспросами, хмуро отвечала: «Так надо». Конечно, надо признать, что не одно и не два платья, сшитые ею, рассыпались на части, часто в пикантных ситуациях, но это не сделало Катлу терпеливее. Может быть, думала она, возвращаясь к закупочным фантазиям, удастся раздобыть пару рубашек и вышитый жилет и какие-нибудь замшевые штаны. И пару ботинок на шипах. И красивые высокие сапоги для верховой езды...

Девушка засмеялась. Придется продать все запасы клинков, чтобы позволить себе подобную коллекцию!

Зная, что ей предстоит умерить свою гордость и вернуться в семейную палатку, чтобы присоединиться к рабочим, но все еще не придя в себя от жесткого обращения, Катла стояла на вершине и смотрела, как сгорают в небе облака, открывая голубизну, схожую цветом с яйцом малиновки. Далекие холмы выступили из хмурой тени, выставив напоказ пурпурные и красно-коричневые склоны, которые скорее всего в это время года покрыты черникой и вереском, папоротником и травой, как и холмы ее родины. Совершенно нечаянно девушке пришла в голову мысль, что, возможно, восхождение на Скалу было необдуманным шагом, потому как она действительно не рассчитала последствий и наказание получила заслуженно. Но Катла выбросила все из головы, почувствовав внезапную, острую необходимость бежать подальше с территории Ярмарки, туда, к странным холмам, по одной из темных тропинок и на самую вершину, где можно оглядеть широкий южный континент.

Так она и поступила.

— Что это за человек? — спросил Фент, лицо его заострилось от любопытства.

Истрийский господин оказался именно таким, каким Фент ожидал увидеть представителя знати старых врагов: высокомерный, презрительный, откровенно грубый, еще и фанатик до корней волос. Юноша чувствовал, как кинжал корчится у ноги, как живой, от ненависти к южанину.

У кромки воды Аран Арансон, прикрыв глаза, смотрел на две корабельные лодки, качавшиеся на прибое, наполненные до краев грузом и членами команды. Прошло несколько минут, а вопрос так и висел в воздухе без ответа.

В конце концов Фенту пришлось его повторить.

Аран повернулся к нему лицом, заметил яростный блеск в глазах юноши, его сжатые кулаки, вспомнил вспыльчивый характер сына.

— Это человек, которого тебе следует избегать, — мягко сказал он.

Такой ответ вызвал только большее раздражение.

— С чего вдруг мне избегать его? Я бы сказал, что легко разделаюсь с мягкотелым южанином, важная персона он или нет, — бросил Фент.

Лицо его отца сделалось пустым и невосприимчивым.

— Во имя Сура, да кто он? — продолжал настаивать юноша, подстегиваемый воспоминанием о высокомерном поведении иноземца, его презрении к Катле и странном отказе.

Аран скрипнул зубами и сразил сына каменным взглядом, каким обычно подчинял неуправляемых собак.

— Его имя — Руи Финко, лорд сильной провинции Форент. Он опасный человек. Предоставь подобных клиентов мне. Мы приехали сюда торговать, а не искать неприятностей.

— Мне он не нравится, — упрямо сказал Фент, но боевой задор из его глаз исчез.

— Привязанности имеют мало общего с бизнесом.

С этими словами Аран вошел в волны, чтобы вытащить очередной нагруженный плот на берег.

Растительность на холмах даже отдаленно не напоминала ту, что Катла встречала на Эйре: в основном осока и лишайники странных расцветок, а еще жесткая трава, пробивающаяся через них, как пучки перьев. Уклон был большой, но боль в боку не вернулась, и девушка добралась до вершины менее чем за полчаса — дыша тяжелее, чем хотелось бы, но с радостью от мысли, что забралась гораздо дальше, чем братья, в глубь новой страны.

Недалеко от вершины Катла повернулась посмотреть на Ярмарку. Отсюда Замок Сура казался крошечным камешком, люди — копошащимися насекомыми, корабли — спокойными маленькими птичками на блестящих волнах. Но когда девушка добралась до хребта холма, то вместо того, чтобы получить награду в виде залитой солнцем экзотической панорамы Истрии, она не увидела ничего, кроме гор, гор и еще раз гор. Цепи, выстроившиеся друг за другом, как армия, защищающая свою территорию.

Потом Катла вспомнила, что пришвартованные у Лунной равнины лодки принадлежали не только Эйре, там же стояли и странно изящные истрийские корабли с вырезанными на носу и по бортам глазами, которые позволяли судну «смотреть» во все стороны. Большинство истрийцев приехали на Большую Ярмарку тоже по морю, не по суше.

Тогда что же это за люди там, внизу, на расстоянии в тысячи футов? Долина раскинулась, как драгоценная лента, невероятно зеленая среди широких каменных просторов; узкая тропинка извивалась, словно изумрудная змейка, у подножия гор. И по этой тропинке до самого горизонта тянулись повозка за повозкой, фургон за фургоном, сотни огромных, черных, медлительных зверей, шагающих след в след длинной цепочкой. На их спинах восседали крошечные фигурки, похожие на божьих коровок.

Катла в изумлении открыла рот. Кочевники, блуждающие по Эльде, занятые тем, что прославило их на весь мир, — путешествием...

Это было самое восхитительное зрелище, какое она когда-либо видела. Катла смотрела, как они прокладывают себе путь к дальнему перевалу, и понимала: караван направляется на Большую Ярмарку! Она тотчас рассмеялась, лицо закинулось к небу, солнце согрело кожу. И правда, Сур одной рукой отнимал, другой давал: если бы она не полезла на скалу, отец не стал бы отрезать ей волосы; если бы она не потеряла волосы, то никогда бы не убежала в ярости, не попала бы сюда и не получила бы тайный взгляд на иной мир.

Как говорят на севере: «Случается и вероятное, и невероятное». И это правда.

Саро спас от колотушек приезд Фабела Винго.

— Прелестные лошади в этом году, а, Танто?

— Действительно, дядя. Как видите, — он вытянул укушенную руку на обозрение, — Саро и я дорого заплатили, чтобы они прекрасно выглядели!

Фабел кивнул с одобрением и заржал, что твой жеребец:

— Конечно, лучшую цену дадут за самых норовистых, хотя это относится не только к лошадям, не так ли, парень?

К дядиному ржанию присоединился громогласный и крайне чистосердечный смех Танто. Саро посмотрел на них и слабо улыбнулся. Не ответить на шутку нельзя ни в коем случае, хотя он и представления не имел, что их так рассмешило.

Дядя Фабел взял под руку старшего племянника, и они вдвоем пошли по полю.

Фабел указывал на достоинства каждого коня, Танто проникательно кивал, как будто ловил каждое слово. Саро вздохнул. Пнул ком земли. Жизнь на самом деле часто несправедлива. Любой идиот мог заметить, что Танто вовсе не интересовали животные: по его мнению, они — лишь ходячие мешки с кантари, готовые к обмену на приличное приданое.

Смешно, думал Саро, ковыряя носком в земле, что у его брата не хватало мозгов, чтобы довершить метафизический скачок мысли изящной метафорой. Если лошадей можно продавать за деньги, чем отличается положение самого Танто? Подкармливаемый нескончаемыми денежными запасами, заработавший себе статус на соревнованиях Большой

Ярмарки, не будет ли он в конце концов продан предложившему самую высокую цену: в семью человека, который заключит с Винго лучшую сделку в смысле политических и социальных перспектив?

На мгновение перед мысленным взором Саро предстало следующее видение: его брат, голый и немножко побитый, стоит на торжище... нет, бежит по кругу: волосы и мускулы блестят от масла, глаза выкатились от страха, а он бежит взад-вперед с остальными парнями брачного возраста. Продавец серебряной палочкой указывает на замечательную грудь Танто, гордую посадку головы, изгиб шеи, плавные линии бедер и икр, слегка хлопает его плеткой по заднице, чтобы показать достойную выдержку, грациозную походку. Потом, проведя палочкой по боку, поднимает на обозрение половой орган, чтобы зрители отметили (пренебрежительно) потенцию и длину его...

— Саро!

Юноша так резко вскинул голову, что чуть не сломал себе шею. Фавио Винго уже присоединился к брату и Танто и теперь направлялся ко второму сыну. Хвала Фалле: его домашние не умели читать мысли, подумал Саро. В противном случае на кончике плетки плясал бы не Танто, а он.

— Здравствуй, отец.

Фавио Винго, невысокий, но мускулистый мужчина, спрятал сегодня постыдно лысую голову под сказочно роскошным платком, заколотым изумрудной булавкой.

— Я хочу кое-что показать тебе, Саро. Пойдем со мной.

Отец прямо-таки сиял. Как показалось Саро, он все еще находился под воздействием араки, потому и обращался так великодушно с тем, кого презирал до глубины души.

Нацепив на лицо самое располагающее и приятное выражение, Саро взял протянутую руку отца и зашагал в ногу с ним.

— Что ты собираешься показать мне, отец?

— Слова не смогут описать это. Ты должен увидеть все сам и сформировать собственное мнение. Я помню, как наблюдал подобную сцену в первое посещение Большой Ярмарки. — Фавио остановился. — О Фалла! Больше двадцати пяти лет назад, поверишь? Двадцать пять лет. Двадцать пять визитов на Лунную равнину, о Дева! А память о том первом путешествии так свежа, будто все случилось только вчера. Просто здорово, правда, Фабел?

Фабел Винго посмотрел на них через плечо:

— Ну да, я помню свою первую Ярмарку. Правда, она случилась на несколько лет позже твоей, брат.

Он подмигнул и отвернулся, продолжая разговор с Танто. Как будто бы неосознанно провел рукой по густой шапке волос.

Фавио состроил гримасу.

— Это был не просто его первый раз на Большой Ярмарке, — сказал он слишком громким голосом, чтобы замечание предназначалось только для ушей Саро, но от брата не последовало ответа.

Они прошли мимо остальных стойл и временных кабинок для слуг и пастухов и вскоре оказались на незанятом пространстве. Солнце, уже стоящее в зените, проливало потоки лучей на вулканический пепел, и дрожащий от жары воздух заставлял восточные горы подниматься над равниной огромными, ребристыми волнами, будто в шторм. Небо над головой, после того как утренние облака сдул ветер, стало глубоким, как нетронутая голубизна чаши Йетры.

Фавио прикрыл глаза рукой. Саро, последовав его примеру, уставился на жаркий туман. Танто и Фабел, уже утомившись, начали обсуждать замысловатые серебряные инкрустации, которые можно добыть у северных ремесленников, по слухам, специализирующихся на изготовлении разукрашенных кинжалов и закаленных мечей. Замечательная работа, хотя явно не дешевая.

— О!

Вздых вырвался помимо воли Саро. Из центра тумана, как из сердца легенды или словно великолепно обманчивая фата-моргана, увиденная путешественниками, искавшими легендарное Святилище, мерцая, как мираж, жутко преувеличенный волнами жара, караван кочевников пульсировал перед глазами. Покачивающееся многоногое существо, поднимающее пыль по пути к Большой Ярмарке.

— Бродяги!

— Да, парень, — сказал весело Фабел. — Потерянные люди идут, готовые снова ослепить всех нас своими чарами!

Глава 3 ЧАРЫ

Йенна Финнсен смотрела в полированное металлическое зеркало, которое только что принес в их палатку Халли Арансон в качестве «подарка девушке на ее первую Большую Ярмарку».

Она услышала, как юноша представлялся у двери, и быстро скрылась за перегородкой, оставив его нелепо переминаться с ноги на ногу перед ее отцом. Что за болван, думала девушка. Просто большой деревенский дураком — без намека на манеры, пусть даже и влюбленный в нее по уши.

Йенна захихикала, потом посмотрела с тревогой, как ее большие серые глаза исчезают в толстых маленьких складках кожи, появляются морщинки у носа и рта. О нет, решила она в отчаянии, совсем непривлекательно. Ты не должна так улыбаться, когда встретишься с Враном. Сдержанность и серьезность, вот путь к его сердцу.

Она быстро успокоилась и вернулась к любимой мечте.

Держа зеркальце в футе над головой, Йенна посмотрела вверх из-под светлых ресниц и обратилась к невидимо присутствовавшему королю мягким голосом:

— Да, господин, мое имя Йенна Финнсен, я дочь Финна Ларсона из клана Чистой Воды, что снабжает ваше королевское величество лучшими мореходными судами.

На это король всегда отвечал:

— Если бы вы не сказали мне своего имени, я бы догадался о нем по грациозному изгибу вашей шеи, благородной, как у лебедя, которая наверняка вдохновляет вашего отца при создании чудесных кораблей...

Здесь Йенна скромно опустит глаза, таким образом притягивая взгляд короля к округлым грудям, устроившимся, будто пара гусиных яиц, в замечательных галианских кружевах... а дальше король, напроць побежденный несомненной красотой, возьмет ее за подбородок и, пробормотав ужасно восхитительные и дико романтические комплименты, обратится к собравшейся толпе (где, естественно, найдутся так называемые друзья, которые говорили ей о неисполнимости ее мечты, и молодые люди из ближних кланов, особенно Тор Лесон, который один раз ляпнул, когда им было по тринадцать лет, что она выглядит, как молочная корова его матери) и объявит, что выбрал себе невесту — просто исключительную госпожу Йенну, — и теперь все должны как можно быстрее покинуть помещение и оставить его наедине с возлюбленной. Потом король, уяснивший раз и навсегда, что красота — это страшная сила, поднимет ее в воздух (Йенна представляла мощные мускулы его рук, легкость, с которой он прижмет ее к груди, биение возбужденного сердца) и...

Опустив зеркальце до уровня своего лица, девушка закрыла глаза и страстно поцеловала его. Холодный металл затуманился, как будто в смущении.

— Значит, тебе понравилось зеркало?

Йенна испуганно прижала металлический овал к груди и резко повернулась назад, оказавшись лицом к лицу с говорившим.

— Я... я думала, ты ушел.

Халли скривился:

— Я вышел на пару минут обсудить дела с твоим отцом.

Йенна с подозрением сузила глаза. Она надеялась, что это были не те дела, о которых она подумала. Ее раздражала перспектива стать частью какого-то межкланового перераспределения земли — кодекса сделки, заключаемой между мужчинами.

— Что за дела? — резко спросила девушка, бросившись в атаку, прежде чем он смог развить тему зеркала.

— Я подумываю о том, чтобы купить у него корабль.

— Корабли моего отца — лучшие в мире, они только для избранных!

Халли моргнул.

— Наши деньги так же хороши, как и любые другие, — достаточно миролюбиво ответил он.

Когда же Йенна и не подумала продолжать разговор, Халли добавил:

— Король Вран созывает людей с собственными кораблями, чтобы исследовать пролив между Вороновым Путем и Дальним Западом. Я собирался предложить свои услуги и, — он пристально посмотрел ей в лицо, — заработать достаточно денег, чтобы купить клочок земли и взять жену.

— И ты уже знаешь, кто удостоится этой чести?

Халли твердо встретил ее взгляд:

— Возможно.

— Возможно, свиньи научатся летать.

Халли достаточно соревновался в красноречии со своей маленькой непослушной сестренкой, чтобы позволить взять над собой верх так просто.

— Знаешь, было такое в середине лета пару зим назад в Санди, — поведал он. — Кажется, я припоминаю, как один человек утверждал, что сможет научить свиней летать, да и овец тоже.

Йенна фыркнула:

— Он наверняка продавал простакам какое-нибудь зелье, сделанное из растертых поганок.

— Более чем вероятно. — Халли дал паузе затянуться. — Но, заплатив два медяка, я увидел, как некая девушка смогла взлететь. Она влюбилась в луну, именно в луну, и прыгала вверх изо всех сил, довольно потешно при этом выглядела, но, как бы высоко она ни взлетала, бедняжка никак не могла заставить старушку луну заметить ее...

Йенна смотрела на него с недоверием.

— Она так и сгинула, бедолага, из-за желания иметь то, что никогда не сможет достать, — спокойно закончил Халли.

Понимание приходило медленно. Жаркая волна краски залила шею Йенны, щеки и даже кончики ушей. Рука крепче сжала зеркало.

— Я собирался пригласить тебя вместе посмотреть на кочевников, с их растертыми поганками и магическими зельями для простаков, но вижу, что такое легкомыслие тебя не прельщает. В таком случае я прощаюсь с тобой, Йенна, до Собрания. Может, поговорим после него, а?

Халли пригнул голову и вышел вон из палатки.

Последовало несколько минут тишины, потом снаружи раздалась буря восторга. Йенна узнала смех отца, различила голоса своего брата Матта и кузенов, Торда и Тара.

В ярости она швырнула зеркало на пол и топтала его до тех пор, пока милая вещица не потускнела и не покрылась царапинами.

— Когда-нибудь ездил на йеке, Джоз?

— Нет.

— Как насчет тебя, Кноббер?

— Нет.

— А ты, Мэм?

— А иди-ка, Дого...

— А я вот ездил, знаете ли. Я ездил на йеке, когда работал на герцога Церы, командовал войсками, которые первыми пересекли Скарнский перевал. Вы спросите, воняла ли эта животины? Еще как она воняла!

— Да заткнись же...

Ничуть не смутившись, Дого повернулся к приятелю слева — огромному, чрезвычайно плотному, хоть и невысокому человеку, одетому с головы до ног в кожу и железо.

— Док, ты когда-нибудь катался на таких тварях?

Большой человек смерил его взглядом:

— Умолкни, Дого.

— Ладно, Док. Извини, Док.

На пару секунд восстановилась тишина.

Пятеро наемников бездельничали, подпирая частокол, который их наняли охранять — одно из множества заданий на этой Большой Ярмарке, самое легкое, хотя в соответствии с данным обстоятельством и не слишком хорошо оплачиваемое. Наемники смотрели, как Потерянные въехали на территорию Ярмарки с огромными лохматыми йеками, обшарпанными повозками, фургонами и наездниками в разноцветных эксцентричных одеяниях.

— Тебе когда-нибудь гадали по руке, Джоз?

— Нет.

— А тебе, Кноббер?

— Нет.

— Мэм?

Она подарила ему тяжелый взгляд.

— Что насчет тебя, Док? Ты когда-нибудь ходил к кочевникам-предсказателям, чтобы тебе погадали по руке?

— Давай посмотрим на твою руку, Дого.

— Давай. Что ты видишь?

— Чертовски короткую жизнь, если ты не прекратишь задавать свои дурацкие вопросы.

— Фу-ты, ну-ты...

Мимо протрусила длинная цепочка коз с красными кисточками в ушах, подгоняемая парой пегих собак и парнем, исполняющим сальто на ходу. Шестиколесная телега тарахтела позади процессии, в ней сидели несколько загорелых женщин и двое заросших мужчин, все в мандаринового цвета шелковых платках и все покрытые несчетным количеством бус из слоновой кости. Люди эти возлежали на горке подушек и вдыхали ароматный дым из огромного котла с носиком. Какофония из свиста и мяуканья сопровождала караван.

— У тебя когда-нибудь была Потерянная женщина, Док?

— Дого...

— Чего, Док?

Послышался звук удара и вскрик.

Аран Арансон смотрел на приближающийся караван и чувствовал, как вздрагивает сердце, будто услышав первые ноты любимой песни.

Вид Потерянных всегда производил на него такое впечатление — заставлял поверить в существование бесконечных возможностей. В кочевниках было что-то не от мира сего, а в том, что они привозили с собой, — нечто магическое, вызывающее, рискованное. Оно придавало остроту монотонности торговли и сплетен, поднимало Большую Ярмарку на иную ступень бытия. Может, во всем были виноваты незнакомые ароматы, наполнявшие воздух, когда Потерянные проходили мимо, — тонкие и незнакомые запахи пищевых приправ или духов, неуловимые, приглушенные, колеблющиеся на грани узнавания. А может, все дело заключалось в звуках чужого языка. Или просто сбивало с толку знание, что эти люди пересекли Эльду вдоль и поперек и в результате научились гораздо большему, чем он сможет когда-либо понять.

Если честно признаться, то Аран Арансон завидовал Потерянным. Он завидовал отсутствию у них излишних обязанностей, их чувству общины. Но больше всего он завидовал постоянной смене горизонтов, образов и тому, что каждый день приносит новые открытия о мире и твоей собственной жизни в нем.

Аран смотрел на кочевницу, шагающую мимо в широкой рубашке из шерсти йеки, вытканной серебряными нитями, на мужчину с татуировками на лице от подбородка до лба, на молодых парней, смеющихся и бегающих наперегонки со сворой паршивых собак. Маленькие черные козы и птенцы с экзотическим оперением. Целые орды детей — с коричневой и золотой кожей, светлыми волосами и белыми зубами. Мимо прошел мул, нагруженный седельными сумками, из которых выпирали свечи всех мыслимых форм и размеров; на животном восседал остролицый человек с дюжиной бумажных фонарей в ярд высотой в руках. Как ему удалось сохранить их в целости при жестоких ветрах Скарнских гор, Аран не представлял. Он смотрел и смотрел и через некоторое время ощутил странные перемены в собственном лице. Потребовалась пара минут, прежде чем он сообразил, что расплывается в улыбке.

— Кажется, тебе весело, па?

Аран повернулся. Сзади стояла Катла, с мужицкой прической, в заляпанной тунике.

Он в некотором смятении оглядел ее с головы до ног:

— Что скажет мать, когда тебя увидит?

— Это все, что мне пришло в голову.

Катла прошлась рукой по увлажненной потом стрижке:

— На самом деле мне новая прическа даже нравится. Волосы не попадают в глаза во время бега.

Тут девушка схватила его за руку.

— Правда, они замечательные, эти кочевники? Я видела с вершины холма, как они ехали сюда. Представляешь, Потерянные перешли через горную цепь!

— Да. — Аран скользил взглядом по проходящей процессии. — Они замечательные люди. Настоящие первопроходцы. Ничто не остановит их на пути, когда маршрут окончательно определен, — ни горы, ни леса, ни пустыни.

Катла заметила, как глаза Арана затуманились. Он и сам кочевник внутри, подумала она, вспомнив истории, которые отец рассказывал о своих предках, путешествовавших по диким уголкам мира, когда вся семья собиралась вокруг зимнего костра. И видя так ясно эту жажду жизни, она чувствовала себя как никогда близкой ему.

— Представляешь, каково это — покорять пустыню на спине йеки: солнце согревает лицо, горячий ветер дует в спину... — сказала она задумчиво. — Или взбираться на гору, где никогда не тает снег и откуда можно увидеть все континенты Эльды.

Но ее отца было не так-то легко увлечь. Он сгорбил плечи, будто почувствовав груз бытия, пригибавший к земле.

— Ты — девушка, — без всякой необходимости напомнил он. — Все эти путешествия не для тебя.

В ответ на несправедливое замечание дочь вскинула голову.

— Почему нет? Среди кочевников есть и женщины: они ездят на йеках, управляют телегами и фургонами, а там, наверху, — она указала на частокол, — я видела женщину в кожаных доспехах, она выглядела такой же сильной, как мужчина. Почему я не могу избрать такую жизнь? Я бегаю быстрее мужчин, плаваю, езжу верхом, да, кстати, и сражаюсь тоже.

— Кочевники отличаются от нас, Катла. Они живут по другим законам. А что до торговых мечей, наемников, то у них вообще нет никаких законов и правил.

Глаза Катлы загорелись.

— По мне — это истинная свобода.

Аран повернулся лицом к лицу к своей дочери:

— Эйранские женщины управляют фермами и домами, поднимают семьи. В чем есть большая власть, нежели в создании рая для других, обрабатывании земли и дарении новой

жизни?

— Власть? — фыркнула Катла. — Эйранскими женщинами торгуют, их продают наиболее выгодному партнеру, а мы только стараемся состроить хорошую мину при плохой игре. Женщины вынашивают ребенка за ребенком только для того, чтобы терять их, отдавать холоду, лихорадке или злым духам. И даже если дети вырастают, все равно они потом умирают в кровавых сражениях или в океане! Женщины вкалывают с утра до вечера, а потом до полуночи, и даже минутки не могут потратить на самих себя. Такого рода власть мне бы не хотелось заполучить.

— Смелые слова, сестричка! — Фент обнял ее за плечи. — Может, ты лучше выйдешь замуж за истрийского господина — например, того, по чьей вине отрезали твои волосы?

— Фент! — прикрикнул Аран резким голосом, но сын не обратил на отца никакого внимания.

— Дорогая сестра, я уже заранее вижу твое лицо под вуалью и тело, закутанное в лучшие шелка... розовые? пурпурные? нет, это не подойдет к твоим волосам или к тому, что от них осталось, — пожалуй, нужны алые или зеленые. Еще вижу, как тебе позволяют видаться только с женщинами днем и только с мужем — ночью. Если король Вран собирается выбрать себе истрийскую жену и взять ее с собой на острова, то самое меньшее, что мы можем сделать в ответ, это продать нашу Катлу одному из их господ. Она заговорит его до смерти! Или же будет бить его до степени полного изумления. Только подумайте, она вполне в состоянии стать великим оружием Эйры! Ни один истриец не имеет ни малейшего шанса победить нас, если возьмет в жены Катлу. Ни малейшего, пока не заткнет ей рот и не замурует в подвале!

— Фент, замолчи! — На этот раз в голосе Арана послышалась грозная нотка. — Я не потерплю разговоров о войне. Между нами царит мир вот уже двадцать лет, и я благодарю за это Сура.

— Мир! — презрительно отозвался Фент. — Наша истинная родина лежит в двух шагах от этих гор, а прапраправнуки тех ублюдков, что отобрали ее у нас, ходят по Ярмарке без тени страха в сердцах. Они обращаются с нами как с тупыми варварами. Издеваются над нашими обычаями, оскорбляют нашу сестру и требуют, чтобы мы открыли лавку пораньше, чтобы они смогли купить оружие. Но нет, мы же никак не должны говорить о войне!

Аран провел рукой по лицу, будто пытаясь успокоиться. А когда заговорил снова, его голос звучал глухо:

— Когда твоего отца убивает имперский наемник на твоих собственных глазах, а ты сам получаешь меч в бок при попытке спасти родителя, когда ты видишь корабли в огне и исходящих визгом людей, которых пожирает пламя, или человека, такого голодного, что он согласен съесть собственную руку, или женщин, убивающих своих детей, чтобы те не попали в плен, в рабство, не подверглись насилию, охота говорить о войне пропадает навсегда.

Фент смотрел в сторону:

— Я знаю, отец. Но все, что ты сказал, только подтверждает мою правоту. А мы — вот, пожалуйста, приехали на Большую Ярмарку, торговать со старыми врагами. — В последней фразе прозвучало презрение, но Аран решил пропустить ее мимо ушей.

Катла, однако, не стала этого делать.

— Фент, тебе не следует так разговаривать со своим отцом!

Фент изумленно уставился на нее. Потом улыбнулся.

— Да чья бы корова мычала!

Он повернулся к Арану:

— Отец, я приношу свои извинения. Больше никогда не буду говорить о вражде, но если я не могу убивать истрийцев, то позволь хотя бы обирать их на рынке, и у тебя будет причина гордиться своим сыном. Кроме того, если мы с Халли хотим получить корабль, на который положили глаз, придется постараться на этой Ярмарке.

Аран поднял бровь:

— Да?

Катла застыла.

— Мы с Халли много раз обговаривали это. Пришло время нам встать на ноги. Отец, прошу твоего разрешения выделить нашу долю доходов.

— Если таковые будут.

— Если таковые будут, и купить корабль у Финна Ларсона — большой корабль: сто двадцать весел, не меньше. Нам понадобится очень прочное судно, которое выдержит бешеные волны Воронова Пути.

— Вы едете на Дальний Запад? — Катла оцепенела от изумления.

Глаза Арана заблестели внезапным интересом.

— Чтобы присоединиться к новому флоту первопроходцев, сформированному по приказу короля.

— Можно мне с вами?

— Катла. — Замечание Арана прозвучало деликатно, но твердо. — Из всех ты — последняя, кого бы я отпустил в плавание в сторону заката. У меня другие планы относительно тебя.

— Что? — встревожилась девушка. — Что ты имеешь в виду?

— Скоро узнаешь, — подмигнул Аран, потом повернулся к младшему сыну: — Я вовсе не уверен, что ваша с Халли доля с прибылей, полученных от продажи сардоникса, позволит купить хоть какой-то корабль, не говоря уже о судне Финна Ларсона.

Фент опустил голову.

— Но Халли сказал...

Аран по-волчьи улыбнулся:

— Я устрою вам сделку, сынок. Если ваша доля не окажется достаточной, я добавлю мою и вашей матери, и Катлину тоже.

— Отец! — возмутилась Катла. — Ты не можешь так поступить, по крайней мере не посоветовавшись с нами. А что с долгами? За новый свинарник, и мы задолжали дяде Маргану за крышу, и...

— Катла, деньги, которые ты получишь от продажи оружия, принадлежат только тебе одной, потому что клинки ты изготавливала сама, и они дались тебе не без труда. Но затраты на торговлю покрывал я, и, следовательно, я же брал на себя риск: значит, мне решать, как распределять доходы. Фент и Халли придумали дерзкий план, и мне нравятся амбиции сыновей. Я знаю, их мать согласится со мной, и, хотя она, может, и ждет безделушек с Ярмарки, я уверен, Бера не откажется отложить ненадолго свои удовольствия, чтобы получить их в тысячекратном размере с Дальнего Запада! Кроме того, дочь, я и не думал, что ты захочешь так скоро прибрать к рукам свое приданое!

— Я — нет. — Она покачала головой, напомним себе в очередной раз об утрате волос неожиданной легкостью движения. — Я вообще не хочу мужа!

— Никогда не говори так, дитя мое.

— Я куплю маме шелк и зерно, которое она ждет, из собственного кармана, — яростно предупредила Катла. Потом повернулась к Фенту: — Но если ты позволишь мне поехать с вами, я отдам тебе и свою долю от продажи сардоникса, и все доходы от оружия.

Фент слегка ущипнул девушку за руку:

— Прибереги свои карманные деньги, маленькая сестричка. Тебе в любом случае понадобится все состояние, чтобы заманить в свои сети мужчину, с такими-то обрезанными, как у мальчишки, волосами!

Он метнулся прочь.

Аран смотрел, как двое его детей петляли и ныряли в растущую толпу, пока они не исчезли из виду. Постепенно его глаза потеряли фокус.

— Воронов Путь, — вздохнул эйранец, уставившись в пустоту. — Ах, Дальний Запад!

— Ну, Халли, как Йенне понравилось зеркальце?

— Гораздо больше, чем нравлюсь ей я, — сокрушенно ответил Халли. — Я застал ее за

нашептыванием любовных словечек моему подарку, как если бы он вдруг превратился в короля Врана.

Эрно засмеялся;

— Она глупая девчонка, Халли. Не понимаю, что ты в ней нашел.

Тор Лесон ухмыльнулся:

— Когда это ты стал экспертом в подобных вопросах, Эрно Хамсон? Стоит девушке только взглянуть на тебя, как ты тут же краснееешь и убегаешь прочь.

Эрно вспыхнул и опустил голову.

— Кроме того, — продолжал Тор со злорадным блеском в глазах, — если ты так яростно протестуешь против прелестей Йенны, то, несомненно, тебя привлекла другая, более достойная...

— Нет, ничего подобного!

Халли, извечный миротворец, вмешался:

— Йенна вырастет из своих фантазий, когда король Вран выберет себе невесту, а сама она получит собственного мужчину. К тому же она из хорошей семьи.

— Ты, случайно, не подумываешь об одном из кораблей ее отца, а, Халли? — проницательно посмотрел на него Тор.

Халли выдержал его взгляд:

— Это не единственная причина моего интереса.

Тор засмеялся:

— Однако и не самая последняя. Клянусь, я бы и сам не побрезговал маленькой пышкой Йенной, чтобы наложить лапу на одну из красавиц Финна!

— Вы друг друга стоите! — яростно объявил Эрно.

Он неловко поднялся, сложив руки на груди, будто для того, чтобы удержать нечто за пазухой, и окинул кузенов горящим взглядом.

— Пойду прогуляюсь.

Эрно пробрался мимо груды сардониксов, каждый из которых подвергался взвешиванию, записыванию и освидетельствованию долгими вечерами, и исчез в дверном проеме.

Тор наблюдал за его уходом со странным блеском в глазах.

— Он по уши влюблен в Катлу, — заметил он.

— Гм, — пожал плечами Халли. — А вот ей плевать на него, ты же знаешь.

— Конечно, плевать, — легко рассмеялся Тор, — она предпочитает меня.

Эрно неуверенно шел мимо эйранских палаток, в ушах отдавалось биение сердца.

«Идиот! — повторял он про себя. — Идиот!»

Если Халли заподозрит, что он любит его сестру, то непременно все расскажет Катле, а такое Эрно перенести не в силах. Катла Арансон, честно признаться, не отличалась добротой. Нет, она станет смеяться над ним, расскажет друзьям, а потом продолжит игнорировать его, как обычно, только на этот раз все будет гораздо хуже, потому как он точно будет знать, что не интересуется ее.

Эрно миновал Фалко и Горди Ливсона, парни кивнули ему, улыбнулись и вернулись к возведению ограды. Потом он прошел мимо Эдельсонов и их сестры, Марин, тонкой девушки семнадцати лет с глазами темными, как у тюленя.

— Привет, Эрно.

Он кивнул, но не придумал, что сказать. Тор прав. Он не слишком умеет обращаться с девушками.

Несмотря на это, Марин зашагала рядом с ним.

— Куда ты идешь?

— Да так... просто гуляю.

— Можно мне с тобой?

— Пожалуйста.

Они шли рядом в неуютной тишине, пока не добрались до частокола. Там собралась толпа, навалившаяся на забор, чтобы хоть глазком посмотреть на караван первопроходцев. Но Эрно уже в третий раз приезжал на Большую Ярмарку, и прибытие экзотических кочевников уже не так сильно действовало на него, как в первый раз. Марин, конечно, пришла в восторг.

— Я слышала, Потерянные обладают даром колдовства, — взволнованно выдохнула она.

Эрно уставился вперед, в пыль и шум.

— Они действительно производят такое впечатление, — отозвался он, — но я боюсь даже подумать, сколько в этом обмана и фокусов.

Марин выглядела разочарованной.

— Я собирала деньги, — проговорила она, открывая кожаный мешочек, который висел у нее на шее, и придвинулась к юноше.

Внутри кошелька Эрно разглядел блеск монет.

— Хочу купить одно зелье, о котором мне рассказывали...

— Какое? — спросил Эрно: любопытство преодолело стеснение.

Марин вспыхнула.

— Я не могу тебе сказать. — Она нервно провела рукой по платью.

— Почему?

В ответ он получил серьезный взгляд.

— Ты мужчина. А это — по женской части.

Теперь настал черед Эрно краснеть. Никто никогда еще не называл его мужчиной.

Они облокотились на частокол и проследили взглядом за последним фургоном кочевников. Когда тот скрылся из виду, толпа начала рассасываться, а Эрно внезапно как током ударило: юноше показалось, будто к нему, расталкивая людей, бежит Катла Арансон, но, присмотревшись, он понял, что это Фент — длинные рыжие волосы свободно развеваются на ветру, блестят острые зубы. Потом все исчезло. За частоколом уже улеглась черная пыль.

— Пошли, посмотрим на лагерь Потерянных, — предложила Марин.

— Я не уверен, что твой отец... — начал было Эрно, но она уже тащила его за руку.

— Ну же!

Место, выделенное для кочевников хозяином Ярмарки, находилось в дальнем восточном углу, где не было свежей проточной воды. Высокие утесы, окружавшие стоянку, изобиловали орущими день и ночь морскими птицами — тысячи чаек, гагарок, кайр, куликов-сорок, осторожно цеплявшихся за узкие уступы, перед тем как взмыть снова в небо в поисках пищи для вечно голодного молодого потомства.

Чайки, конечно, досаждали всем на Большой Ярмарке — кружили над лавками с едой, устраивали бомбардировку жилищ, обыскивали свалки и навозные кучи. Говорят, чайки могут даже украсть пищу с руки, если оставить ее без присмотра. Кочевники, однако, казалось, были совсем не против их вмешательства, они даже собирали птичий помет со скал и перья, вылетевшие из гнезд. Для каких целей могла понадобиться подобная гадость, Эрно не имел ни малейшего понятия.

Он как раз рассказывал обо всем этом Марин (и она выглядела более заинтересованной, чем любая другая девушка на ее месте, хотя, может, просто старалась вести себя вежливо), когда что-то ударило юношу по спине. Тут же высокая женщина в полосатом тюрбане и бронзовых браслетах крикнула нечто на непонятном языке, а ее два приятеля — мужчина с двумя серебряными кольцами в брови и еще одним в губе и мальчик с выкрашенным в черное лицо — начали смеяться и показывать на него пальцами.

— Что такое? — спросила Марин, оглядываясь. — Над чем они смеются? Почему они смотрят на нас?

Эрно нахмурился:

— Не знаю.

Женщина опять залопотала, постоянно показывая на Эрно. Потом толкнула мальчика, который, вовсе не обидевшись, встал и пошел к юноше и Марин.

— *Ма-на ех-ан-е-най?* — спросил он, склонив голову набок, как маленькая обезьянка.

— Что?

Мальчик улыбнулся. У него были огромные черные глаза и очень белые зубы.

— Эй-ран?

— Да.

— Моя мать сказала: «Вы получили великое благое знамение», — улыбнулся он.

Эрно еще больше нахмурился.

Мальчик нырнул к нему за спину и провел пальцем по тунике. Потом поднял его и показал окружающим, повторил снова:

— Благое знамение, видите?

Марин засмеялась.

Помет чайки.

Обгадившая Эрно птица кружила над головой, пронзительно крича. Ребенок схватил юношу за руку и потащил к фургончику, где уже поднимались на ноги женщина в тюрбане и ее друг. Женщина вышла вперед, протянула руку. Бронзовые браслеты охватывали ее от кисти до локтя. Эрно подумал, что они должны весить не меньше тонны, но, если он и не ошибся, женщина ничем не выдавала, что носит на себе подобную тяжесть.

На Древнем языке она промолвила:

— Добро пожаловать, молодой человек. Кажется, тебя благословили!

— Благословили? — Эрно покачал головой. — Это моя лучшая туника, так что я не совсем уверен в вашей правоте.

Женщина повернулась к Марин:

— Твоя сестра?

— Нет, — ответила Марин с улыбкой.

— Тогда любимая, — подмигнула женщина.

Эрно решительно затряс головой:

— Нет-нет, мы просто друзья. Пришли сюда за зельем для Марин.

Женщина вопросительно оглядела Марин:

— Фезак Певчая Звезда?

Марин кивнула:

— Да, мне называли именно это имя!

Женщина повернулась и прошептала что-то приятелю. Он прищелкнул языком, потом свистнул и исчез в фургоне. Минутой позже вернулся со старой женщиной, опиравшейся на его руку. Бабка была практически лысой, за исключением короны из ярко раскрашенных перьев и единственного чубчика белых волос. Ожерелье из двадцати или тридцати серебряных цепочек покоилось на сморщенной коричневой груди.

— Я Фезак, — представилась она птичьим голосом. — Райееш.

Сложив ладони вместе, старуха резко дернула головой, как птичка, собирающаяся склевать червяка.

— Д-добрый день, госпожа, — вдруг начала заикаться от удивления Марин.

— Ну, давай, — подбодрил Эрно. — Попроси у нее зелье.

Марин уставилась на него широко открытыми глазами:

— Я не могу, только не при тебе...

Внезапно старуха оказалась у ее локтя.

— Пойдем со мной, дитя, пойдем в фургон, там и расскажешь, что мне намешать для тебя.

Эрно легонько подтолкнул девушку.

— Иди, — улыбнулся он. — Это как приключение.

Марин выглядела неуверенной.

— Не уходи без меня.

— Не уйду.

Он проследил закрывшимися в фургоне Марин и Фезак Певчей Звездой. Вторая женщина улыбнулась ему:

— Никакой опасности нет, не волнуйся.

Она подняла руку с зажатой в ней небольшой тряпицей:

— Я почищу твою спину.

Когда она улыбнулась, Эрно заметил маленькие драгоценные камни, вставленные в зубы, и крошечное серебряное кольцо в кончике языка.

Женщина повернула его кругом и оттерла птичий помет с туники так тщательно, как сделала бы это его собственная мать, если бы была до сих пор жива.

— Подними руки.

Эрно выполнил приказ.

— Еее-кор-ни! Что это?

Он посмотрел вниз и обнаружил женщину в тюрбане у своих ног с полными красно-золотых волос ладонями. Его сердце остановилось: локоны Катлы, они выпали из туники, где он их хранил.

Женщина приложила прядь к волосам Эрно. Ее улыбка стала еще шире.

— Не твой?

— Нет.

Эрно чувствовал, как наливаются жаром щеки, шея, уши. Ему стало совсем плохо. Он бросил виноватый взгляд на фургон. Что, если прямо сейчас выйдет Марин и станет свидетельницей такой нелепой сцены?

Эрно собрал с земли волосы, отобрал локоны у женщины и запихал все обратно.

— Нет, не мои, — повторил он.

— Какой-то девушки?

— Да.

— Тогда — подружки?

— Она не моя подружка.

— Ах, но ты хотел бы, чтобы она таковой стала?

Эрно вымученно кивнул.

— Фезак поможет тебе. Возьмет волосы и сделает амулет. Ты будешь носить его у сердца, и девушка полюбит тебя.

Эрно засмеялся:

— Если бы все было так просто...

— Так и будет. Дай мне волосы.

Она протянула испачканную тряпицу, теперь еще в белых полосках помета.

— У меня нет денег.

— У тебя есть благословение чайки. За это мы подарим тебе чары бесплатно.

Что он мог сказать, не опускаясь до грубости?

Эрно осторожно положил локон Катлы на тряпицу. Женщина завернула концы и положила все в обширный лиф платья.

— Я передам их матери тайно, — пообещала она, — а ты приходи завтра.

Занавеска у двери откинулась, и вышла Марин, крепко держа в руках темную стеклянную бутылочку с восточного вида серебряной пробкой.

— Втирай на закате и на рассвете, — пропела женщина, — на закате и на рассвете, запомни.

— Спасибо, — нервно поблагодарила Марин.

Девушка изобразила поклон и скатилась вниз по ступенькам.

Она подбежала к Эрно, нетерпеливо разглядывая его лицо, пытаясь узнать, понял ли он истинное значение наставлений старухи, но юноша смотрел только на женщину в тюрбане. Его лицо горело огнем.

— Еще раз спасибо, — крикнула она старухе.

Человек с кольцами и серьгами свистнул и сделал неприличный жест.

Марин схватила Эрно за локоть, и они вместе быстро пошли прочь из лагеря кочевников в угасающем свете вечера.

— Отец!

Та, что издала возглас, стояла в полутьме в глубине павильона, окаймленного колышущимся серым полотном. Даже когда она вышла на свет, видимыми остались только руки, сцепленные в замок, и рот — бледный, ненакрашенный, сейчас стянутый в узкую линию.

В такой позе — высокая, тонкая и абсолютно неподвижная — она выглядела, как подумал Тайхо Ишиан, словно гранитная скала перед неумолимыми волнами Северного моря. Сабатка, традиционная одежда каждой уважаемой истрийской женщины, когда-то принадлежала ее матери. Скромная до крайности, она скрывала от глаз каждый миллиметр женского тела, начиная со ступней и до вуали на лице. Но все равно он знал, что под строгой материей обнаружатся те же соблазнительные мягкие изгибы, какими обладала Ализон, когда он впервые увидел ее, прекрасную восемнадцатилетнюю девушку, среди выставленных на продажу рабынь в Гибоне.

Она околдовала его своими губами, открывшимися на секунду при легком движении строгой черной сабатки, стандартной одежды для рабынь. Губы были красные, как коралл. Увидев их, Тайхо страстно возжелал узнать, как выглядит тело. Но позволять так обследовать выставленную на продажу женщину не принято у респектабельных купцов, однако Тайхо уже тогда обладал даром убеждения. Полчаса и две дюжины кантари спустя он провел тщательное и более чем удовлетворительное исследование. Это случилось, естественно, до того, как его самого узнал весь мир, а он получил титул и земли. Когда же он стал лордом Тайхо Ишианом, его любимая Ализон настолько освоилась с этикетом их приемной страны Истрии, что даже герцогиня Церы не могла презирать ее за низкое происхождение.

— Селен, дорогая... Подозреваю, что очень важная причина заставила тебя побеспокоить меня всего за час до молитвы.

Такая далекая и холодная, восхищенно подумал он. Ее мать оказалась хорошей учительницей. Но если она хоть немного походит на Ализон, то под ледяной внешностью должно скрываться полное огня сердце, пышущая жаром лава между гладкими бедрами...

Он почувствовал, как с готовностью поднял голову его гордый Багровый Скакун, выражая согласие хоть сию секунду отправиться на выпас в Пламенный Сад Наслаждений, и поспешно пресек дальнейшие мысли.

— Винго опять приходили ко мне сегодня.

Она не потрудилась ответить, и Тайхо продолжил:

— Их предложение представляется мне достаточно соблазнительным.

— Тебе — наверное.

— Мне — да. Они не против объединить наши земли, точно так же как и зоны политического влияния. И говорили они о довольно... значительной сумме.

— Которая, несомненно, покроет твои долги перед Сокровищницей?

Это его изумило. Тайхо не имел понятия, что дочь так внимательно изучает учетные книги.

— О да, она поможет мне исполнить кое-какие обязательства.

— Что, без сомнения, предоставит тебе шанс занять единственное оставшееся место в Совете, не так ли, отец?

Его глаза сузились. Как хорошо, что женщины не имеют права голоса в политике, если уж они таким образом проводят свободное время: шпионят и разбирают, изучают характер и устремления мужчины, как стервятники над падалью.

— Пришло тебе время взять мужа, Селен, и я считаю, что Танто Винго составит тебе отличную партию.

— У меня нет права голоса по этому вопросу? — ледяным голосом поинтересовалась она.

Тайхо ухмыльнулся:

— Абсолютно никакого.

— А что, если я не произнесу клятвы?

— Я прикажу пороть тебя, пока не произнесешь.

Вид коленопреклоненной дочери, обнаженной по пояс, с плеткой, облизывающей своим красным языком ее нежную кожу, был слишком восхитительным, чтобы долго на нем задерживаться.

— Ты не осмелишься!

— О, только не надо этих высокопарных слов, дочь. Ты ничего не выиграешь ими.

— Да, выиграешь — только о нем ты и в состоянии заботиться.

Тайхо поднял бровь:

— Не только. Но заверяю тебя, выгода — вещь, очень близкая моему сердцу.

— Сердцу? Твоему? Когда Фалла создавала тебя, она вложила в твою грудь перегоревший уголь.

Он засмеялся:

— Дочка, дочка... Танта Винго станет счастливейшим из мужчин — с такой гадюкой на груди по ночам...

Тайхо вздохнул.

— Не забудь получше накрасить губы, когда они придут завтра делать официальное предложение, слышишь?

В последовавшей тишине он чуть ли не физически ощущал, как напрягается ее лицо под вуалью, глаза сужаются до крошечных щелочек, а на щеке начинает дергаться мускул.

— Итак, ты собираешься продать меня как шлюху, да? — наконец спросила она. — Почему бы тогда не предложить меня на ночь северному королю?

Его рука ударила по щеке дочери так стремительно, что это напугало обоих.

— Молчать!

Она с вызовом подняла голову.

— По крайней мере эйранцы обращаются с женщинами достойно — вместо того чтобы прятать их, завернутых, как конфеты, и вынимать только для удовлетворения своих низких потребностей.

— О Фалла, ты замолчишь наконец?! — прорычал он.

— Или ты снова ударишь меня? Но не дело портить товар, вдруг Винго потребуют тщательной проверки? Они могут и не заплатить полную сумму за испорченную упаковку.

— Ты явишься в назначенное время завтра, с закрытым, прилично накрашенным ртом, или я отдам тебя Дочерям, клянусь Фаллой!

С этими словами Тайхо повернулся на каблуках и вышел.

Селен смотрела в его удаляющуюся спину и чувствовала, как поднимается жаркая волна унижения.

Как он осмелился обращаться с ней как с вещью, которую можно продать предложившему наивысшую цену? У него что, совсем не осталось никаких человеческих чувств к ней? Когда она была маленькой девочкой — до Вуалирования, — он, помнится, наблюдал за ее возней с борзыми щенками во дворе. Тогда его лицо совсем не носило отпечатка непреклонности. Что изменилось в нем, что заставило поступиться собственной дочерью? Это не пустая угроза: отдать ее Дочерям Фаллы, отец — страстно верующий человек. Его заставляло пылать не только обещание богатства и власти, но и любовь к Богине. Он поклонялся Фалле с фанатичным усердием, с самозабвенностью, редко встречающейся среди самых истовых истрийцев, с обожанием, граничащим с фетишизмом. Повсюду в доме Тайхо встречались изображения Богини — из слоновой кости, сардоникса, дерева, серебра: статуи обнаженной женщины с узкой талией и плоской, как у мальчика, грудью охраняли входную дверь, в сопровождении кошки показывались в коридорах,

освещались ритуальными свечами в нишах, зловеще свисали с потолков спален, угрюмо взирали с плитки в ванной, пряча одну руку за спиной, а другой прикрывая рот.

Глаза Богини и ее вечной спутницы, казалось, ни на минуту не упускали людей из виду. И всегда, всегда жаровни стояли, заполненные подношениями, которые испускали запах тлена и смерти. По мнению Селен, только нездоровая вера может требовать такого показного поклонения.

Наверное, в этом случае, как и во всех остальных, отец победит, так как получит либо роскошь и власть, продав ее Винго, либо душевное богатство, подарив ее Дочерям.

И с какой стороны ни посмотри, она оказывается в проигрыше.

Поборов панику, Селен начала рассматривать варианты выхода из положения. Она осторожно навела справки, собрав женские сплетни, и обнаружила, что Винго не считали ни чересчур набожными, ни жестокими людьми. Но когда она коснулась личности Танто Винго, девушки сделались чрезвычайно тихими, потом поспешно скрыли свои сомнения болтовней о его красоте и атлетизме, словно подобное могло ее впечатлить. И как будто она не заметила неловкой паузы. Дуры!

Итак: ей суждено либо стать сексуальной рабой и производительницей наследников для пустоголового мальчишки, либо попасть в руки к кошмарным Дочерям Фаллы, чтобы посвятить всю жизнь служению Богине.

Девушка вздохнула, разум упорно противился обеим перспективам. Она заставила себя вновь обдумывать ситуацию. Первое ей не под силу вынести. Даже одна мысль о мужских руках на ее теле вызывала тошноту. Селен уже практически выбрала второй вариант. По крайней мере у нее появится время для книг и размышлений; она могла работать в саду и жить с другими женщинами — если только, конечно, ее вера не подвергнется сомнениям. Именно здесь и возникает проблема. Селен никогда не чувствовала огня Фаллы в сердце и уже начала относиться к ежедневному поклонению как к бессмысленному бремени. Сможет ли она притворяться под бдительным оком Дочерей? Говорят, те проводят испытания для новичков, которые в состоянии пройти только истинно верующие. Говорят также, что менее успешные женщины встречают мучительную смерть...

— Как жаль, что я не родилась мужчиной.

В ярости, совершенно неосознанно, она произнесла это вслух. Руки сами закрыли рот. Такое замечание считалось наивысшей ересью, ее бы сожгли даже за одну мысль.

— Фалла, Богиня, Дарительница Жизни: сотворенная по образу твоему, благодарю тебя за великодушный дар, — автоматически пробормотала она.

Будто по команде, послышался звон колоколов снаружи палатки. Глашатай объявлял время молитвы на истрийской территории Большой Ярмарки. Несколькими минутами позже, после глухого бормотания купцов и сплетников, воцарилась мертвая тишина.

Селен с отвращением смотрела на резную фигуру из сардоникса, притаившуюся в углу ее собственной палатки: слепые глаза, безжалостная улыбка, хвастливая поза... нечеловеческое существо рядом.

С безмолвным криком она повернулась спиной к идолу, осела на пол и спрятала лицо в ладонях.

Глава 4 ТЩЕСЛАВИЕ

Следующим утром Катла проснулась от запаха незнакомой почвы и едкой навощенной ткани.

Девушка открыла глаза. Солнечные лучи пробивались в палатку: даже в такой ранний час чувствовалось его тепло и обещание жаркого безоблачного дня. Отец и братья так часто говорили о широком голубом небе Лунной равнины, о жаре, при которой невозможно и шага ступить, не покрывшись потом, когда рассказывали о своих предыдущих поездках на Большую Ярмарку... Вся семья собиралась послушать их у зимнего очага: на улице завывал

ветер, град стучал по черепичной крыше, и Катла не верила ни единому их слову. Теперь же стало ясно, что они, как обычно, преуменьшили и обделили поэтичностью свои описания.

Девушка заворочалась на шкуре котика, нашла сандалии, которые единым духом выкатились из-под соломенного тюфяка, и поднялась на ноги. Засунув обувь под мышку, девушка прокралась к выходу, шагая через спящих братьев. Халли, как обычно, спал на спине, густая черная борода скрывала всю нижнюю часть его лица. Фент, наоборот, свернулся калачиком в углу палатки, вокруг валялись шкуры. В таком положении он напоминал ей лису. В следующем отделении Тор Лесон раскинулся на две трети свободного пространства и оглушительно храпел, а Эрно, оставив большую часть тюфяка Тору, неудобно приткнулся к стенке палатки, его голова покоилась на мешке с зерном. Катла улыбнулась. Во сне, как и в жизни...

Как только она это подумала, веки Эрно дрогнули, и он уставился на нее. Катла задержала дыхание. Его губы задвигались, будто он собрался что-то сказать. Увидев это, Катла покачала головой, потом наклонилась к Эрно и прижала палец к его губам. Через секунду девушка уже исчезла.

Эрно посмотрел на откинутую занавесь у двери.

Вытащив руку из-под меховых одеял, он крепко прижал ее к губам, как будто только одним этим мог сохранить ощущение ее прохладного, легкого пальца на коже навсегда в памяти...

Отец приказал ей не исчезать из виду. Но поскольку на данный момент его глаза закрыты, Катла решила, что это аннулирует сделку. Кроме того, подумала она, готовясь дать отпор обвинениям, Аран едва ли мог отменить разрешение посещать отхожие места.

Палатки для умывания поставили на дороге, где вчера группа имперских рабов вырыла несколько глубоких каналов, ведущих от палаток к берегу, что, таким образом, позволяло грязной воде и отходам всасываться в черный песок или смываться морским прибоем. Разбазаривание доброй мочи, думала Катла, используя устройство по назначению. Дома они хранили урину в глубоких бочках: ценный продукт применялся для закрепления краски, удобрения земли, сохранения мяса котиков, гашения металлических изделий. Когда у нее кончилось хорошее масло, что изготавливают из пойманных морских животных, Катла приспособилась опускать раскаленные наконечники копий и ножи в бочку рядом с кузницей. Моча действовала не так здорово, как масло, а запах и вовсе получался отвратительный, но она была в тысячу раз эффективнее, чем вода, как девушка обнаружила на собственном опыте; по какой-то причине образуется не так много пара, и металл затвердевает быстрее. Железо не так легко найти на островах, чтобы позволить расходовать его как попало.

Снова оказавшись снаружи, где ярко светило солнце, Катла направилась к ближайшим палаткам. Чайки орал над головой, над сверкающей водой большой баклан сложил крылья, нырнул и исчез из виду. Девушка подождала, пока птица снова появится, но, несмотря на несколько минут, проведенных в пристальном наблюдении, ничто не появилось на поверхности.

Наверняка баклан проплыл под водой несколько метров и вылетел там, куда она и не смотрела. Катла улыбнулась. Ей нравилось смотреть на ныряющих птиц, хозяев двух стихий. Разметая черный песок, она пошла по дороге дальше. У последней палатки Катла остановилась и прислушалась. Казалось, внутри раздавался непрерывный плеск. Катла нахмурилась. Она подождала, но водопад не прекращался, сопровождаемый частыми стонами, как, впрочем, и изрядным грохотом. Не имея сил противиться природной любознательности, Катла просунула голову в дверной проем. Внутри женщина в бледной эйранской тунике склонилась над ведром, окуная в него голову.

У Катлы промелькнул проблеск узнавания.

— Йенна? — осторожно спросила она.

Ведро с грохотом опрокинулось, на пол и голые ноги девушки полилась река желтой

жидкости.

— Сада тебя заberi!

— Йенна, такое ругательство из уст молодой благовоспитанной девушки! Ты меня шокируешь!

Йенна скрутила длинный хвост в кокон и обернула шарфиком голову, затем выпрямилась. Глаза у нее были красные и беспрерывно моргали.

Катла уставилась на Йенну, потом посмотрела на ведро и обратно.

— Что ты, во имя Сура, делаешь? Так ты никогда не утопишься, разве не понятно?

Йенна Финнсен окинула ее яростным взглядом:

— Чем я занимаюсь — не твое дело, Катла Арансон.

Она надменно подняла голову, но эффектную позу безнадежно испортил распутившийся тюрбан, который внезапно свалился на землю и выпустил на волю теплый, едкий запах уборной.

Катла начала смеяться.

— О, Йенна! Стоит ли мой брат стольких усилий?

— Халли! — Йенна вернула на место шарфик и поплотнее укутала мокрые кудри. — Ты думаешь, я бы пошла на это ради твоего тупого братца?!

— Я не совсем уверена, кто в данной ситуации тупее, — весело ответила Катла. — А ты всерьез полагаешь, что отмачивание волос в моче поможет тебе завоевать сердце короля Врана Ашарсона?

Йенна подарила ей ядовитый взгляд. Потом лицо ее сморщилось.

— О, Катла... Что мне делать? Отец сказал, что позволит мне пойти на Собрание и даже представит меня королю, хотя еще и не согласился предложить ему мою руку, но если Вран выберет другую, мое сердце точно будет разбито.

Катла не нашла, что сказать. Йенна, конечно, глупая девчонка, но все равно она ей нравится. Бедный Халли: справится ли он с ее мечтательностью?

Катла наклонилась, чтобы поднять ведро, и сморщила нос, как только учуяла пары замечательной жидкости для окраски и укрепления волос.

— Во имя Сура, Йенна! Кажется, ты твердо решила воплотить мечту в жизнь.

— Да, ты абсолютно права.

Катла покачала головой. По ее мнению, говорить тут было не о чем. Она проследила за тем, как струйки жидкости впитались в темный песок.

— Пошли, — через некоторое время позвала она. — Давай вернемся, пока родственники не всполошились. Возможно, если мы прямо сейчас прополощем твои волосы в чистой воде, то хоть мухи не налетят.

Однако когда они вышли наружу, вокруг обнаружилось много народу. На дороге собиралась целая толпа, все прикрывались руками от солнца и вглядывались в равнину моря.

Катла последовала их примеру. На горизонте, отражаясь на сверкающих волнах на фоне бледно-голубого неба, вне всякого сомнения, вырисовывалась дюжина силуэтов эйранских кораблей.

— О!

Йенна все смотрела и смотрела.

— Флот короля Врана! О, Катла... Мы увидим его прибытие!

Йенна обхватила подругу за талию. В ее глазах блеснули слезы счастья. Потом выражение лица внезапно изменилось.

— Мои волосы, Катла! Мои волосы! Что мне делать?!

— Глупая гусыня: он не разглядит тебя в такой толпе. Заверни их в шарфик.

Твердой рукой Катла завязала шарфик вокруг головы Йенны и отступила назад полюбоваться работой.

— Слушай, а выглядит довольно необычно.

— Спасибо, Катла, — поблагодарила Йенна. Потом быстро отвернулась в смущении: — Знаешь, я собиралась спросить о твоих собственных, но слишком занялась собой.

— Моих собственных?..

— Волосах, Катла. Что с ними случилось?

Руки девушки метнулись к голове, потом она улыбнулась:

— Ах, это! Я совсем забыла. Их обрезал вчера отец в качестве наказания и в некотором роде для моей защиты.

— От чего?

— Я залезла на Замок, и парочка истрийцев видела меня. Говорят, они в Совете управления Большой Ярмаркой объявили Скалу священной землей. Мужчин штрафуют за такой проступок, а женщин карают смертной казнью. — Катла безрадостно рассмеялась. — А я стояла там и трясла своими волосами, как будто бросаю вызов их дражайшим верованиям.

Йенна задыхнулась:

— То есть если тебя поймают, то сразу убьют?

Катла наморщила лоб. До этого момента она практически не смотрела на проблему в таком свете. Покорение горы принесло всего лишь невинное удовольствие. Почти религиозное, если на то пошло. Для нее прикосновение к металлу или камню приравнялось к молитве, даже пусть обращенной к самой Эльде, а не к определенному божеству. Хотя были и такие, кто утверждал, будто сам Сур приложил руку к ее работе. Но кто возьмется утверждать, какому богу принадлежит Скала? Все казалось нелепым.

— Именно так все и считают.

Йенна ахнула:

— Но, Катла, это ужасно! Тебе не следует гулять по улице. Тебе надо спрятаться.

— Такое поведение только навлечет подозрения. Кроме того, — засмеялась Катла, — посмотри на меня. Как они смогут узнать меня сейчас?

— Я понимаю, но... — Йенна окинула озабоченным взглядом лицо Катлы, — но, о, Катла, твои бедные волосы. Что ты станешь делать с Собранием?

— Это только волосы, Йенна, — быстро успокоила ее — а заодно и себя — Катла. — Это лучше, чем потерять голову.

— Что касается меня, я в этом не уверена.

— Йенна — ты глупая, тщеславная женщина!

— Да. И я ничего не могу с этим поделать. — Йенна взяла Катлу за руку. — Давай позже сходим к кочевникам и поищем ленты и ткани, которыми можно будет украсить твои остриженные волосы. — Она запнулась. — И, может, я там найду что-нибудь, чтобы заставить короля меня заметить...

Голос Йенны упал почти до шепота:

— Они творят магию, эти Потерянные: делают зелья, наводят чары и тому подобное. Марин Эдельсен ходила к ним вчера с Эрно и рассказала Китте Соронсен о множестве амулетов, которые там можно достать.

Катла почувствовала легкий озноб. Эрно и Марин? Она думала, он ею интересуется, а не худышкой Марин Эдельсен. Озноб превратился в отвратительную дрожь. Неужели она ревнует? Конечно, нет, ей вообще безразличен Эрно, так ведь?

— О, смотри, — быстро проговорила Катла, отвлекаясь от неприятных мыслей. — Ворон на главном корабле...

И он действительно там был — огромная черная птица на вздутом парусе первого корабля: ворон, хранитель мудрости и добрый вестник. Мифический хозяин воздуха и путей усопших, сидевший палевом плече Сура и каркавший полезные мысли ему на ухо. Символ и имя их короля.

— Это его корабль, — выдохнула Йенна, — правда, его...

— Доброе утро, сестра. Очень привлекательный головной убор, Йенна. Вполне в йетранском стиле.

Фент неискренне улыбнулся блондинке, потом взъерошил нечесанные кудри сестры. За его спиной Катла углядела Халли и отца, углубившихся в разговор, а еще дальше стоял

Эрно.

Она сбросила руку брата.

— Что ты вечно обращаешься со мной как с собакой? — яростно рявкнула она, приглаживая волосы.

— У тебя ведь всегда было сердце дворняжки, сестренка. А теперь ты заполучила еще и подходящую прическу.

— Смотри, чтобы я не укусила тебя за подобное замечание, братец!

— И не подарила пену у рта вместе с водобоязнью?

— Ты так редко моешься, что, думаю, уже поражен этой болезнью.

— Маленькая ведьма!

— Тебя не только за рыжие волосы зовут лисицей, братец.

— Катла! — возмутилась Йенна. — Фэнт, тебе следует извиниться перед сестрой! Катла, тебе тоже.

Катла улыбнулась обоим — без тени раскаяния, впрочем.

— У меня нет сестры, чтобы перед ней извиняться, Йенна, дорогая. Но мне жаль, если наши шутки оскорбили тебя. К тому же ты быстро к ним привыкнешь, когда станешь частью нашей семьи.

При этих словах на лице Фента появилась широкая улыбка, а Йенна рассвирепела. Потом между ними упала тень.

— Добрый день, Йенна. Я рад, что ты присматриваешь за моей блудной дочерью.

— Она помогала мне мыть волосы, господин, — сказала Йенна, мельком поймав суровый взгляд Арана Арансона, потом отвернулась, чтобы встретить встревоженные глаза Катлы.

Аран, заметив переглядывание, жестко улыбнулся:

— Ах да, теперь у нее не так уж много осталось своих волос, чтобы о них заботиться. Так что я сомневаюсь, что она достаточно глупа, чтобы в одиночку бродить по Ярмарке, нарываясь на более высокую плату за непослушание.

Фент быстро парировал:

— Ты же знаешь — если они схватят Катлу, то все эйранцы будут драться за нее, правда, отец?

Аран коротко глянул на него:

— Я бы предпочел, чтобы моя безумная дочь не стала причиной жестокой конфронтации, Фент. Я запрещаю подобные разговоры. Особенно в преддверии Собрания. У короля Врана достаточно проблем и без нашей Катлы.

— Вы имеете в виду выбор невесты? — с готовностью откликнулась Йенна.

— А... ну да, среди всего прочего.

— И вы собираетесь представить ему Катлу на Собрании?

Аран издал лающий смешок.

— В данных обстоятельствах, думаю, нет.

— А ты, Йенна, — послышался глубокий голос Халли. — Твой отец собирается предлагать тебя королю?

Йенна покраснела:

— Я... я еще не уверена.

— Ну, он прибыл сюда, по слухам, чтобы заключить выгодное политическое соглашение. Так что почти наверняка выбор падет на истрийку. Может, на дочь лорда Прионана или на одну из девушек из долины Алтана.

Здесь Йенна издала неразборчивый вскрик и помчалась прочь. Через секунду она уже исчезла из виду, поглощенная толпой людей, пришедших, чтобы посмотреть на корабли.

— Итак, отец, ты думаешь, что лорд Тайхо примет наше новое предложение? Соблазнится ценой?

Фавио улыбнулся, с обожанием глядя на любимого сына.

— А как же иначе, Танто? Мы предлагаем ему единственную вещь, которую не купишь за деньги: доброе имя нашей семьи и все, что из этого вытекает. А его дочери — лучшего из истрийцев, парня, победившего на всех состязаниях Ярмарки и завоевавшего все девичьи сердца вдобавок.

— А ты хотя бы видел ее, отец? Мне бы не хотелось получить уродину или, еще хуже, калеку. — Танто скривился от одной мысли о подобном.

— Успокойся, мой мальчик. Я слышал, она настоящая роза среди женщин. Но ты увидишь ее позднее, когда мы придем делать официальное предложение. И если тебе не понравится девчонка, мы подробнее обговорим условия брака, прежде чем принимать решение. Так подойдет, сынок?

— Замечательно, отец. Я последую вашим советам в этом, как и во всем остальном.

Какой лицемер, горько подумал Саро. Он будет говорить правильные слова и делать то, что ему нужно, как всегда. Он видел, как отец подарил Танто приторную улыбку, которая никогда не доставалась младшему брату, и потом отвернулся и начал смотреть поверх голов на входящие в гавань корабли.

Мерно погружавшиеся весла едва колебали поверхность воды. Какие изящные эти эйранские корабли, с высокими носами и низкими, летящими корпусами. Неудивительно, что эйранцы так часто и так далеко путешествуют по бурным океанам: они не выглядят чем-то посторонним среди водной стихии — прямо стая больших морских орлов, выжидающих время для удара. Неудивительно также, что так много южных лордов собиралось доверить свое состояние этим бродягам и авантюристам, продать северному королю своих дочерей, потому что кто знает, какие сокровища таятся на Дальнем Западе?

Саро не сомневался, что, если бы у них с Танто была сестра, отец ни на минуту не задумался бы, представлять ее на Собрании или нет, несмотря на то, что некоторые сочли бы это оскорблением Богини. Он страстно желал увидеть двор короля варваров, хотя обыкновенные эйранцы, которых он видел то тут, то там на Ярмарке, порядком разочаровали его: обычные люди, ничем не отличающиеся от истрийцев. Они отпускали длинные волосы, и Фалла знает, для чего предназначались многочисленные косички и узлы. Но в целом эти люди казались такими же корыстолюбивыми, пьющими, хваткими и убедительными, как любой торговец или лорд на Эльде.

За исключением, естественно, женщин. На этой Ярмарке Саро вообще-то видел их еще не слишком много, если не считать кочевниц. Однако Потерянные женщины казались ему такими абсолютно чужими со своими кольцами и татуировками, бритыми головами и причудливыми рисунками, клочками одежд из диких шкур, что он едва признавал их за людей. И все-таки его до сих пор преследовал образ девушки, которую он видел вчера на Скале Фаллы: голые золотые ноги и руки и великолепные волны волос...

Саро бродил по Ярмарке весь предыдущий вечер, по наполовину выстроенным лавкам, по берегу, медленно — мимо женских палаток, даже до территорий кочевников, но не нашел и следа ее. Да и неудивительно, если вспомнить об указе Дистров.

О, вот и они, Гревинги Гесто, прямо перед семьей Винго у самого прибоя, готовые приветствовать короля Врана Ашарсона, как только он ступит на песок Лунной равнины, как будто она была всего лишь садом перед их домом и они принимали северянина, как радушные хозяева великого гостя. Чего, интересно, они хотели? Собираются ли навязать ему свою внучку, Лебеда Йетры, на Собрании? Будут ли торговаться из-за кораблей и сардоникса, чтобы потом обогнать соседей в богатстве и оттяпать у них больше земли? Куда все делось: честные слова и жесты, заключение перемирия и сделок... Все принципы позабыты, кроме тех, где гордость соответствует власти, с двурушничеством и коварством, скрытым от глаз посторонних.

— Я невысокого мнения об их кораблях, — говорил Танто. — Видите, как они открыты непогоде, и так низко сидят в воде. Клянусь, единственная большая волна запросто перевернет их, — засмеялся он.

Саро уставился на брата, но Танто уже пошел вперед рука об руку с отцом, показывая

по пути различные дефекты эйранского флота.

— Видите — никакого укрытия, и, похоже, у них нет рабов, чтобы грести. Что за примитивные люди, с таким неудобством перевозить собственного короля!

Про себя Саро думал, какие они сильные с виду, эти северяне, с огромными мускулами на руках, сокращающимися при гребле, с длинными волосами, откинутыми с острых лиц, и бородами, подчеркивавшими мощные выступавшие подбородки. Жесткие и воинственные, не боящиеся ни океана, ни штормов. Он, наверное, недооценил их горожан, мужчин, прятавших мускулы под рукавами и говоривших вежливо на Древнем языке.

— Это их король? — спросил Танто. — Тот высокий мужчина в темной тунике, стоящий на носу?

— Да, сынок, это действительно король Вран.

— Он выглядит вовсе не по-королевски. У них что, вообще никакой гордости нет, у северян, раз король носит те же старые обноски, что и простолюдины? Ни короны, ни ожерелий, ни даже плаща!

Дядя Фабел засмеялся:

— Правда, парень, они мало внимания уделяют безделушкам, но он величественный человек, этот Вран Ашарсон, ты увидишь. Поразительный малый, выше многих мужчин.

Двое северян работали длинным веслом на носу, пока судно входило в мелкие воды Лунной бухты. Остальные опустили паруса, но никто не потрудился снять ужасающую голову дракона с открытой пастью с мачты. Намеренное оскорбление, подумал Саро, или случайный недосмотр?

Его размышления прервал резкий голос брата.

— Почему они не убирают весла? — спросил он. — Они же теперь не могут подойти еще ближе.

Ответ пришел быстрее, чем можно было ожидать. Жилистый мужчина, стоявший на корме, которого дядя Фабел назвал северным королем, теперь легко спрыгнул на планшир перед румпелем и побежал вдоль корабля, перепрыгивая с весла на весло, пока не оставил позади все двадцать. Ноги его твердо и уверенно становились на круглые мокрые шесты. Команда корабля-ворона приветствовала такую сноровку бурными аплодисментами и криками, но, добравшись до последнего весла, вместо того чтобы перешагнуть через борт и опять оказаться на палубе, Вран широко улыбнулся и соскользнул обратно на планшир, а оттуда побежал по огромной мачте и спрыгнул с верхушки, кувыркнувшись в воздухе.

Это был невероятный прыжок. Королю почти хватило силы, чтобы достигнуть берега. Почти, но не совсем. Он приземлился в воду с громким всплеском, забрызгав и братьев Дистра, и всех кругом огромной волной белой пены, и поднялся, отряхиваясь, как собака, не переставая смеяться, как будто проделал жутко смешную штуку.

За спиной Саро послышался визг ярости. Юноша повернулся, очарование странной выходки короля нарушилось. Танто скакал взад-вперед, лицо его покраснело от гнева, руки оттирали мелкие пятна на богатой материи пурпурной туники.

— Испорчена! Сволочь, она испорчена! С бархата не выводятся пятна морской соли, каждый дурак это знает! Ублюдок! Он сделал это нарочно! Что я теперь надену на встречу с лордом Тайхо?! У меня нет ничего, в чем бы я не выглядел как бродяга и не опозорил свою семью!

Фабел и Фавио, оба одинаково оглушенные прибытием короля Врана, но улыбающиеся снисходительно при своем обычном, пусть и неуместном, взрыве Танто, взяли его под руки с обеих сторон и потащили прочь.

— Не стоит так кричать, парень, — увещевал дядя Фабел. — Мы пришли посмотреть спектакль, и нельзя слишком сильно жаловаться на то, что он захватил и тебя. Тунику легко заменить, но такое событие ты еще долго не забудешь, так ведь?

Он поймал взгляд Саро через голову свирепого Танто и подмигнул.

Удивленный Саро улыбнулся в ответ.

Больше походит на то, думала Катла, изучая мир через щели своей будки, что их король решил внести немного разнообразия, чтобы оживить Ярмарку.

К тому времени как девушка добралась до эйранской части территории, где расположились палатки и лавки, все уже шутили по поводу происшествия — этот старый добрый трюк, бег по веслам. Такое вытворяли подвыпившие моряки по ночам, когда у них заканчивалось пиво, чтобы впечатлить женщин, или делали это на спор, хотя Катла и сомневалась, что у них получалось так же грациозно, как у Врана Ашарсона.

Она почти начала понимать, почему бедняжка Йенна по королю с ума сходила. Люди не обошли вниманием эпизод с мокрыми от соленой воды богатыми одеждами истрийцев. Девушку удивила степень неприязни к южанам, которая тщательно скрывалась за обыкновенной вежливостью эйранцев и проявлялась в понимающих взглядах, взрывах смеха, плещущемся в глазах тайном удовольствии при виде злостной провокации с головой на мачте. Возможно, Фент прав: наверное, вражда никогда не прекращалась. Катла слышала, как они с Тором разглагольствовали об антипатии между двумя странами, слышала жалобы об украденной земле и древних бойнях, военные рассказы пожилых мужчин, хотя отец и предпочитал не распространяться на эту тему.

Забавно выкладывать на прилавок оружие с подобными мыслями, думала девушка. Но ее кинжалы так красивы! Больше похожи на произведения искусства, на драгоценности, чем на инструменты смерти. И действительно, когда Катла била молотом по железу, складывая полосы раскаленного металла снова и снова; когда смотрела на то, как огонь, пульсирующе красный, превращается в шипяще белый, а потом металл охлаждался до черного, и она могла оттачивать края; когда полировала его кожаным ремнем и наблюдала за отваливавшимися крошечными частичками шлака... когда заливала его и снова нагревала, полировала — деревяшкой, потом проволокой и в конце концов овчиной... когда видела, как тайные частицы кружатся по металлу, будто всегда там существовали — под поверхностью, просто ожидая освобождения от рук того, кто в совершенстве владеет магией железа, — все это время Катла думала только о красоте, равновесии сил и хорошо проделанной работе и никогда об убийственном взмахе меча или о том, как зубы наконечника для копья будут застревать в плоти. Никогда.

Вытаскивая очередное лезвие из предохраняющей навощенной материи, Катла провела рукой по его гладкой, мягко выгравированной поверхности. Действительно, замечательная работа.

— Прекрасный клинок.

Катла подпрыгнула, но это оказался только Тор.

— Ты напугал меня. Что ты тут делаешь? Разве тебе не следует зарабатывать свой хлеб где-нибудь в другом месте?

В ответ Тор лишь пожал плечами. Он нагнулся к прилавку и провел ладонью по мечу, который она только что распаковала.

— Милая вещица, очень милая.

Его пальцы пробежали по линиям сварки, оставившей следы на металле. Девушка молча следила за ним. Пальцы длинные, с широкими сплюснутыми кончиками. Костяшки покрыты завитками ярких серебряно-золотых волос.

— Прямо как змеи или крошечные драконы. Видишь? Они плывут по лезвию, готовясь нанести жертве ядовитый смертельный удар.

Тор засмеялся, одним плавным движением поднял клинок над головой и опустил его вниз в миллиметре от головы Катлы, но она смотрела прямо ему в глаза, решительно не желая шевелиться.

Губы Тора искривились в мимолетном разочаровании от такого отсутствия реакции. Потом, все еще не отводя глаз, он опустил меч и провел большим пальцем по режущему краю клинка. Когда начала выступать кровь, Тор подарил девушке дикую улыбку. Катла внезапно поняла, что не может выдержать его взгляда.

Опустив глаза, девушка посмотрела на тоненькую полоску алого цвета, блестящую на

подушечке его пальца.

— Замечательно острый, — одобрительно заметил он. — С легкостью оттяпает ногу человеку.

Катла подняла бровь:

— Ты говоришь так, будто имеешь в виду кого-то конкретного.

— Возможно. — Он, ухмыляясь, протянул к ней окровавленный палец. — Лучше поцелуй его, Катла.

В отвращении она откинула руку Тора:

— Говорят, если девственница попробует кровь мужчины, то привяжется к нему навеки.

— Да неужели?

— О да!

Он с преувеличенной осторожностью положил меч, потом быстро повернулся и поймал ее за подбородок. Катла яростно отпрыгнула назад со сверкающими глазами, но Тор последовал за ней, не отпуская ее лицо, пытаясь наклонить голову для поцелуя.

Она на мгновение опустила голову, будто поддаваясь напору. Тор придвинулся ближе. Глядя на него из-под новоприобретенной челки, Катла злобно улыбнулась. Он явно не проявлял должного внимания к ее победам на летних играх.

Девушка резко вскинула голову, изо всей силы врезав Тору в челюсть.

— Оу!

Его руки взлетели ко рту. Кровь выступила на треснувшей губе, где Тор, по всей видимости, прикусил ее.

— Кажется, ты привязался сам к себе, Тор. Не волнуйся: говорят, нет лучшей любви, чем любовь к самому себе, в которой у тебя уже достаточно опыта, как я погляжу!

Тор вытер лицо рукавом, только размазывая пятна крови по бороде, потом выскочил из лавки. Смех Катлы звенел в его ушах.

Стоя перед громадным резным сундуком, который рабы притащили в палатку Танто, Саро недоумевал, как только его брат мог заявить, будто ему «нечего надеть»?

Юноша никогда не видел так много богатых одежд: туники и плащи с чудесной отделкой, расшитые серебром с медной проволокой; восхитительные льняные нательные рубашки; мягкие кожаные ботинки в дюжине различных стилей, даже пара инкрустированных драгоценными камнями тапочек, которые какой-то подневольный мастер Серана пошил на манер Дальнего Запада (хотя еще никто никогда и не ступал на легендарные земли, не говоря уже о жирном купце, что едва в состоянии осилить коротенькую лестницу; трудно понять, как ему удалось прийти к такому знанию), — все это служило поводом для зависти лордов богатого истрийского круга.

Лично Саро полагал, что тапочки выглядят нелепо — со слишком узкими мысами и совершенно неудобными, чересчур острыми камнями, наверняка создававшими впечатление, будто носишь на ногах какое-то ракообразное существо — вареного лобстера или, например, краба.

И все-таки эти тапочки плюс светло-красная туника, расшитая жемчугом, и бледно-зеленая рубашка с розовыми штанами входили в список того, что ему поручили принести из кладовой, когда братец достаточно успокоился, чтобы величественно поручить ему это задание.

Саро с отвращением свалил одежду кучей на покрывало. Ясно как день, что Танто не собирался сегодня помогать ему с лошадьми.

Снаружи палатки послышались ругательства и звук удара кулаком в челюсть — очевидно, на пути Танто попался несчастный раб, — потом:

— Идиотский мальчишка. Слеп он, что ли... а, отлично, братец, не так хорошо, как пурпурное, но сойдет. Помогите мне сбросить эти вонючие обноски. Я собираюсь произвести наилучшее впечатление.

Танто стянул мокрую тунику, в спешке порвав ворот из тончайших кружев. Двадцатью пятью минутами позже, после того как бедному Саро пришлось сбегать за теплой лавандовой водой и нужными драгоценностями, пока Танто прихорашивался, наряд был готов.

Саро оглядел брата с плохо скрываемым изумлением. Неужели он действительно хочет выглядеть перед своей будущей женой как павлин?

— Должно произвести нужный эффект, а, братец? — хмыкнул Танто, увидев отвисшую челюсть Саро.

— А? Да, конечно... Вряд ли она скоро сможет забыть это, я бы так сказал.

— Она? Какое мне дело до девчонки? Я собираюсь покорить ее отца, а не глупую шлюху.

— Ты готов, сынок? Нам пора выходить.

Танто уверенно вышел из палатки. Если Фавио и посчитал его вид немного необычным, то ничего не сказал, но одноглазый мальчик-раб, стоявший рядом, застыл с открытым ртом, как дебил, и почти уронил корзину, которую держал в руках.

Лорд Тайхо установил свою палатку как можно дальше от эйранского квартала.

Очевидно, его люди прибыли на Лунную равнину очень рано и со специальными инструкциями установить огромные палатки на чахлой травке, откуда открывался прекрасный вид на всю Ярмарку и на сверкающее море. Здесь даже ветер казался немного более свежим и прохладным. Внизу среди будок и лавок полуденное солнце создавало настоящую парилку.

Ничто не улучшило настроения Танто, которое ухудшалось с каждым шагом с тех пор, как они двинулись в путь. Во-первых, эйранский мальчишка в запачканной тунике с охапкой кинжалов открыто рассмеялся при их появлении и крикнул довольно пухлой девчонке с замотанной полотенцем головой — мол, смотри скорее, что носят в этом году ряженные клоуны. Потом худой белобрысый мужчина с косичками в волосах и бороде, проходивший мимо, уставился на Танто неотрывным взглядом и даже наткнулся на группу наемников, упав при этом. Те, в свой черед, начали показывать на Танто пальцами и громко ржать, а толстый коротышка бежал рядом с ними какое-то время, передразнивая его степенную походку. Потом, в довершение ко всему, Танто потерял одну из дурацких тапочек в вязком леске, когда они поднимались к палатке лорда Тайхо, и Саро ободрал все коленки, выискивая ее, а когда попытался вернуть тапочку на место, Танто просто сбросил ее обратно, как упрямый жеребец. К тому времени как они достигли павильона, Танто безмолвно хмурился, что не обещало ничего хорошего.

Раб в безупречно белой льняной рубашке со знаком лорда Кантары на щеке мягко выступил из тени павильона и без слов пригласил их войти внутрь. Там оказалась приятная прохлада. Еще два раба стояли по краям входа в главную комнату, пошевеливая опахалами. В то же время безыскусная дыра в верхней части палатки оставалась открытой и пропускала одновременно и поток свежего воздуха, и лучи яркого солнечного света, который падал, будто по божественной воле, на самого лорда Кантару, аккуратного мужчину среднего роста с темной от загара кожей, крючковатым носом и в одежде безупречного стиля.

— Добро пожаловать, господа Винго, — произнес он, вежливо кланяясь каждому по очереди.

Танто кивнул в ответе минимумом уважения и свалился на одну из ближайших обтянутых материей кушеток, широко раскинув ноги. Саро дождался реакции на своего чудаковато одетого, невоспитанного брата, но если Тайхо Ишиан и заметил нечто необычное во внешности или поведении Танто, то не выдал себя ни единым жестом.

Последовали ничего не значащий разговор и угощение аракой, одобренной розовым маслом. Дядя Фабел и Танто тут же осушили бокалы.

Арака оказалась вкусной и достаточно крепкой, хотя и не походила ни на что-либо, пробованное Саро до сих пор. Он заметил, однако, что лорд Тайхо щедро разбавил водой собственное питье, поэтому юноша отставил кубок на стол, едва пригубив.

В конце концов Фавио сказал:

— Мы обдумали условия, которые собираемся предложить, господин, условия предстоящего брака. Чтобы все было ясно и предельно точно, мой писец набросал их для вас. — Он передал лорду Кантары свиток, украшенный лентами.

Тайхо аккуратно развязал ленты длинными пальцами, медленно развернул свиток и бросил взгляд на черные фигуры на листе.

— Двадцать тысяч: очень щедро... и табун чистокровных коней, тоже неплохо. Ага... форт и земли в Алтее в обмен на замок в Виррее. Хорошее место, хотя и слегка отдаленное.

Он просмотрел оставшуюся часть документа молча. Внимательный взгляд порхал по сложным знакам и колонкам.

Потом Тайхо поднял глаза.

— Здесь не упомянуты земли, граничащие с Золотой рекой у Кошачьего утеса, — мягко заметил он.

Фавио и Фабел обменялись растерянными взглядами. У Саро возникло странное чувство, будто их в чем-то уличили.

Фавио протянул руку за свитком и быстро пробежал его глазами.

— Идиот! Я имею в виду — мой писец, господин... такое глупое недоразумение. Я так и знал, что он пропустит нечто важное.

Фавио потянулся через стол, налил себе еще один стакан благоухающего розой напитка и проглотил его единым духом, пытаясь отвлечь внимание от лжи.

Лорд Тайхо забрал свиток обратно.

— Так я и думал, — проговорил он ровно, — досадное недоразумение. Но не беспокойтесь. У меня здесь есть писец, мы все исправим.

Он сделал знак одному из рабов. Тот пропал в черноте палатки и через несколько секунд вернулся вместе с худым молодым человеком в тюрбане. Писец принес гусиное перо, маленькую чашу и другой документ.

Фавио состроил недовольную гримасу. Когда Тайхо нагнулся, снова усаживаясь в кресло, Фабел пожал плечами.

— И земля, от деревни Фасала до... до Талсии на севере, а на юге граничащая с Кошачьим утесом, с выходом к Золотой реке, вместе с мостом, где взимается сбор, и причалом для барж, — продиктовал Фавио без всякого выражения.

— Извини, отец. — Танта наклонился к нему и схватил за руку. — Как насчет женщины? — прошипел он так, чтобы услышали все вокруг. — Я хочу взглянуть на товар, прежде чем ты отдашь мое наследство...

Тайхо сузил глаза, потом перевел взгляд на явно перегревшегося Танта.

— Позвольте мне позвать свою дочь, — медоточиво сказал он. — Она будет счастлива познакомиться с молодым господином, которому, возможно, предложат ее руку.

Он подождал, пока завуалированный ответ на оскорбление дойдет до собеседников.

— Вероятно, вы хотели обсудить мои условия, пока леди Селен готовится присоединиться к нашей компании?

Взяв неразвернутый лист пергамента из рук писца, Тайхо передал его Фавио Винго, потом повернулся и резко выкрикнул имя дочери.

Саро наблюдал, как отец моргнул раз, другой, потом попробовал прочитать документ на расстоянии вытянутой руки. О Фалла, внезапно дошло до Саро, да он пьян!

— Отец, — мягко сказал юноша, — хочешь, я прочитаю тебе? Я знаю, в последнее время тебя подводило зрение.

Фавио подарил ему странный взгляд, но пергамент из рук не выпустил.

— Не вмешивайся, — громко приказал Танта. — Ты здесь просто свидетель. Это не твое дело.

Леди Селен внезапно материализовалась за плечом своего отца, будто весь предыдущий час ожидала вызова в соседней комнате. Она надела сабатку черного цвета — черного с едва заметным синим отливом, — очень простую и очень строго скроенную, но из

отличного льна. Совершенно без украшений сабатка покрывала ее с головы до ног и больше походила на погребальный саван, чем на платье, подходящее для радостного события. Селен низко опустила голову, и потому в тот момент виднелись только ее руки.

Девушка сделала шаг вперед, руки повернула ладонями вверх в традиционном приветствии, повернула голову сначала к отцу, потом к старшим Винго и, наконец, к Танто с братом.

Танто подался вперед, пристально разглядывая будущую невесту.

Фигура высокая и тонкая, что само по себе приятно, отметил он. Двигалась она с тихой грацией: тоже неплохое качество для женщины. Но когда Селен встала в полосу света, рот Танто открылся от удивления. Сзади послышалось неодобрительное шипение — первая эмоция, которую позволил себе выразить лорд Тайхо за все время их визита.

Единственный разрез в вуали сабатки обнаружил, что Селен Ишиан накрасила рот, как уличная проститутка. Губы, пухлые до неестественности, сияли всеми цветами радуги. Солнечные лучи играли на сверкающей желтизне и пурпуре, зелени, всех оттенках радуги одновременно, будто девушка служила витриной для продавца косметики. Как раз справа от верхней губы — в настоящий момент изогнутой в безрадостной улыбке, — к бледной оливковой коже прилипла серебряная мушка в форме лунного серпа: всемирный символ проституток, предпочитавших оказывать очень специфические, особые услуги.

Взгляд Танто жадно путешествовал по ее губам, потом застыл на мушке. Его глаза расширились, он засиял.

— Она сокровище, мой господин, — выдохнул парень, поворачиваясь к лорду Тайхо, — настоящее сокровище.

Рот Селен Ишиан превратился в длинную натянутую линию.

Фавио Винго выглядел удивленным. Фабел как будто прирос к месту. Брови лорда Тайхо сползли в единую темную борозду. Казалось, он сейчас взорвется. Саро переводил взгляд с одного на другого и обратно на темную статую девушки. В воздухе витало электричество, вызов и сексуальное напряжение, причину которого он не совсем понимал.

Фавио кашлянул и вернулся к документу.

— Здесь, кажется, все в порядке, лорд Тайхо. Давайте подпишем бумаги и скрепим сделку печатью?

Из-под вуали послышался глубокий вздох. Тонкая фигура начала покачиваться. Потом Селен Ишиан сползла на пол.

Когда она очнулась, палатка была пуста. Никого не было — за исключением ее отца, стоявшего над дочерью с угрюмым лицом и ясной решимостью.

В руках его змеилась плетка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 5 ЗОЛОТО

Тайхо Ишиан шагал по Ярмарке, не глядя по сторонам, пока не достиг рынка рабов, который — по его мнению, совершенно логично, — располагался ближе к жилым кварталам.

К полудню рынок уже заполнился заинтересованными покупателями, пытающимися купить товар по дешевке. Запах отстоявших поблизости животных остро ощущался в безветренном воздухе.

Толстый купец с юга показывал горскую девчонку лет девяти-десяти. Даже укутанная в широкую обычную сабатку, она выглядела болезненно худой, а одно плечо явно торчало выше другого: мало похоже на «крепкую судомойку», как ее определили. Никто не торговался. Позади девчонки выстроилась пестрая коллекция закованных мужчин, темных и

жилистых — все явно из одного клана с холмов: очевидно, захвачены и обращены в рабство во время недавних боев на юге. Их одели так, чтобы привлечь внимание покупателей пастухов и лакеев, но Тайхо пришел не за этим.

Он прошел мимо.

Следующий продавец подходил ему больше. Только женщины, все правильно одеты и представлены. Они стояли вместе на поднятых подмостках. Две держались за руки, как будто ища человеческого сочувствия в преддверии унижения. Тайхо заметил блеск оков на их запястьях. Он протолкнулся в первые ряды небольшой толпы, собравшейся послушать речь купца.

— ...девушки с Фаремских скал; прекрасные, щедрые, желанные, все из одной семьи. Длинноногие и норовистые, как лошадки, кровь пустынных вождей течет в их жилах: как вы можете устоять перед их чарами? Фалла знает, я не смог!

Он склонился вперед, ухмыляясь слушателям, большая часть которых взревела от смеха. Некоторые сосредоточенно пересчитывали деньги в кошельках, другие стояли без движения с каменными лицами, готовые затеять нешуточный торг.

— Я согласен продать девушек по одной или всей группой разом. Но представьте удовольствие, которое смогут доставить они вам, господа, все вместе. Есть ли покупатели на пятерых?

Женщины выступили вперед, подгоняемые помощниками купца. Слезы оставили дорожки на помаде, тщательно нанесенной на губы. Тайхо повернулся спиной к подмосткам и пошел дальше.

Не то чтобы он против таких жестоких зрелищ, думал лорд по пути. Скорее ему не нравилось очевидное — даже в таком возбужденном состоянии, в каком он пребывал с того самого момента, как увидел возмутительно накрашенный рот дочери... а особенно с того момента, как избил ее за непослушание, тихо и старательно, стараясь не оставить следов, которые долго продержутся или смогут попасть на глаза даже личным слугам. Образ дочери, отползающей подальше от плетки, до последнего пытающейся не показать свою слабость, сдерживающей слезы, заставлял кровь бурлить в жилах истрийца.

Он обязательно должен найти женщину, с которой можно будет поклониться Богине, и быстро. Тайхо посетовал про себя, что оставил свою любимую партнершу в Кантаре, но это было необходимо, принимая во внимание ее настоящее состояние. Глупая женщина хотела провести его, спрятать покруглевший живот и грудь под сабаткой из более плотного материала, которая бы не облегала тело. Но он не зря платил слугам: домоправительница сразу же пришла к господину с известием, как только заметила, что Ноа стошнило одним утром. Как раз вовремя. Прерывание становится опасным после шестнадцати недель беременности, и, хотя он злился на Ноа за ложь, все же не собирался смотреть, как она умирает под ножом хирурга. Беспольный расход ресурсов, Фалла знает, позволить себе в данный момент он не мог.

Каждый раз, приходя на рынок рабов, он надеялся найти вторую Ализон: гордую, спокойную, смышленную красоту, которая не только затронет желания, а, возможно, даже сможет составить компанию теплыми, темными вечерами у озера под лимонными деревьями. Но только не жена из рабынь — хватит! Его положение будет только больше укрепляться с ростом социального статуса, который принесет союз с Винго. И место в Истрийском Совете, которое ему, несомненно, пожалуют, как только выплатит долги.

С немалыми усилиями Тайхо удалось завоевать значительное уважение среди и старожиллов Совета, и новичков. Теперь он широко известен ораторскими способностями и набожностью. На самом деле в юности сегодняшний лорд собирался соединить оба таланта и податься в священники, но обстоятельства внесли свои коррективы.

Он отбросил неприятные воспоминания.

Женщины в следующем ряду оказались темнокожими, совсем не в его вкусе. С уже проявившейся нетерпеливостью, чувствуя, как настойчиво восстает детородный орган под туникой, Тайхо Ишиан направился к территории кочевников.

Аран Арансон скептически посмотрел на положение солнца в небе и, решив, что до начала серьезной торговли на территории эйранцев еще достаточно времени, отправился в путь. Он точно знал, что ему нужно. Эдель Оллсон упомянул, будто видел человека из Потерянных, продававшего коллекцию карт континентов, морей и тому подобного. Эдель говорил, что карты не совсем обычные. Пергамент настолько старый, что его страшно коснуться, по краям пожелтевший до коричневого цвета ореха, будто от языков пламени. Из чего сделаны многие другие свитки, он не слишком понимал — может, из кожи козы или — здесь он приблизился к самому лицу Арана со встревоженными глазами — может, даже человеческой кожи!

Эдель Оллсон — известный фантазер, презрительно подумал Аран. Он всегда выдумывал какие-то планы, схемы, но никогда не претворял их в жизнь. Слову такого человека верить нельзя. Возможно, нет никаких карт вообще — просто всякие любовные песни для знатных дам, ноты или даже пьесы. Эдель, как большинство эйранцев, никогда не учился читать, предпочитая делать заметки с помощью традиционных узелков и косичек, и Аран сам едва знал буквы. Но наверняка даже такой человек, как Эдель, смог бы отличить ноты от морских карт! Естественно, требовалось небольшое расследование.

Аран Арансон любил карты. Они были для него чудом — с локсодромией и розой ветров, запутанными береговыми линиями и стилизованными горными цепями, разбросанными тут и там островами и фантастически переданными монстрами глубин. Но больше всего он любил карты за обещание новых путешествий, которые еще предстоит совершить.

Он быстро миновал эйранские торговые ряды, кивая знакомому тут, обмениваясь приветствиями там. При этом глаза Арана оставались зоркими и внимательными. Казалось, в этом году продавали меньше сардоникса — неужели истощались запасы? Тогда иена может подняться. С другой стороны, в первых двух лавках с сардониксом, которые он миновал — хозяева Хопли Гарсон и Фенил Соронсон, — царила мертвая тишина. Халли придется поискать деньги на свой корабль в другом месте, сокрушенно подумал Аран. Однако в третьей палатке было не протолкнуться, несмотря на раннее время. Аран свернул шею, оглядываясь. Груды темных камней, лежавших по краям прилавка, зрители игнорировали. Зато люди почти падали друг на друга, чтобы поближе рассмотреть маленький кусочек блестящего камня в середине.

Аран Арансон встал на цыпочки. Его сердце чуть не остановилось. Золото — или нечто очень похожее на него: огромный, сверкающий кусок желтой руды. Золото, величайшая редкость. Истрийские равнины изрывали вдоль и поперек по мельчайшим подозрениям, слухам, открывали шахты у подножия Золотых гор, только чтобы узнать, что эти величественные пики не оправдывают свое название. В Эйре мужчины сходили с ума, разыскивая золото в ледяной воде и болотах. Единственные экземпляры милого металла достались самым отважным и счастливым в обломках древних кораблей, погибших много лет назад на предательских скалах эйранских островов: кораблей, которые мало походили на простые суденышки юга и севера и приносили с собой невероятно сработанные вещицы, говорившие о прошедшем веке и потерянной цивилизации.

Он вспомнил сказочный скипетр, который однажды видел во дворце в Халбо, — массивный, инкрустированный невиданными драгоценностями, такой тяжелый, что нести его под силу только двум мужчинам. Несколько поколений назад его нашли в мелких водах у Южного острова и теперь использовали для инвеституры эйранских королей. А однажды на Большой Ярмарке, шесть или семь лет назад, один из истрийских лордов разгуливал в золотом воротнике странной формы, который заставлял его сгибаться под своим весом. На следующий день лорд валялся мертвым на дороге — кровь, засохшая на липких штанах, привлекала кучу мух. Воротник, естественно, исчез, и никто его больше не видел. По мнению Арана, его наверняка распилили, расплавили и вставили в сотни украшений и рукояток кинжалов — продали скорее всего тайно...

Он нахмурился. Никто не осмелился бы выставить такое сокровище открыто, если только это не самый богатый в Эйре человек, а продавец за прилавком Аран не узнал. Вдобавок ко всему он носил скромную одежду, а двое охранников, стоявших за его спиной, явно не принадлежали к кругу профессионалов. Их оружие — старое и вышедшее из употребления, острие меча одного из них было округлым: подобная форма уже два поколения не использовалась. Да и не походил меч на драгоценную семейную реликвию, передаваемую от сына к отцу на протяжении долгих лет. И все же наверняка ничего не скажешь: внешность часто бывает обманчивой.

Аран некоторое время следил за торговлей в лавке, пока зеваки дотрагивались до золота, как до талисмана, и постепенно расходились, чтобы рассказать об увиденном друзьям и знакомым. Никто не покупал сардоникс.

Аран подошел к лавке:

— Могу я взглянуть?

— Конечно.

Мужчина махнул рукой, будто уже успел привыкнуть к подобным просьбам.

Аран протянул руку и дотронулся до камня кончиками пальцев. Золото оказалось холодным и шершавым, имело неправильную, как у магнита, форму, хотя на каждом ребре играли солнечные лучи.

Аран отдернул руку. Кожа на кончиках пальцев зудела. Он никогда раньше не касался золота. Рассказчики говорили, будто оно теплое и чувственное, но, наверное, это плод их поэтического воображения.

— Где вы нашли такой потрясающий экземпляр? — спросил он, осторожно польстив продавцу.

— Это была хорошая сделка, господин, просто отличная.

— С кем, могу я спросить?

— С путешественником. Это все, что я могу сказать, господин.

Потерянный, решил Аран. Он почувствовал дрожь возбуждения, пронзившую грудь. В голове стали бродить сказки дяди Кетила о магии и сокровищах, словно Аран опять стал девятилетним и снова сидел у него на коленях...

— И этот человек открыто предлагал золото на территории кочевников?

Продавец с подозрением посмотрел на Арана.

— Вам незачем искать его. У него был только один слиток, — быстро проговорил он.

Слишком быстро, по мнению Арана.

Он распрощался с купцом и легким шагом направился к кварталу кочевников, не обращая внимания на остальные эйранские лавки, жилые палатки и рынок рабов. Другой на его месте легко отклонился бы от своего первоначального намерения, но Аран игнорировал окружающие соблазны. На остальное времени еще хватит: купить подарок Бере можно и потом. Сейчас Арансона вело нетерпение, и в то время, как с его лица не сходило обычное суровое выражение, внутри он улыбался как ребенок.

Золото!

Арану казалось, что, если только удастся достать хоть маленький кусочек, тот станет его талисманом, который он искал всю жизнь, который станет поворотным моментом, ознаменует уход от тоски фермерского существования к плаванию в сторону бесконечного голубого горизонта...

Продавца карт пришлось долго искать, Аран преуспел только случайно, спросив дорогу у высокой женщины с перьями в волосах. Она приложила ладонь к уху и наклонилась к эйранцу, когда он раздельно повторял свой вопрос и делал такой жест, будто разворачивал географическую карту.

Потом Аран показал ей свою розу ветров — ту самую, которую получил от москательщика в Халбо, самого последнего и модного вида. Кочевница взяла ее, потом хрипло рассмеялась, будто поняв его желание, и начала запихивать розу ветров в кошель. Когда женщина взяла его за руку и раздвинула тунику, скрывавшую его гениталии, эйранец

сообразил с ужасом, что она подумала, будто он предлагает розу в обмен на ее услуги.

Аран торопливо покачал головой и вернул себе бесценную вещь. Женщина уставилась на него в изумлении, когда он принялся чертить фигуры на черном песке: береговую линию, жестами показал, как качается на волнах корабль, чтобы женщина поняла, что кривые линии обозначали море.

Через некоторое время Потерянная улыбнулась, показав полный рот гнилых пеньков вместо зубов — значит действительно проститутка, и явно раньше принадлежавшая работоторговцу с юга, — потом хлопнула в ладоши. Она сказала нечто неразборчивое, но тут же, уразумев, что собеседник все равно ничего не поймет, взяла его под руку и повела куда-то.

Аран начал было думать, что шлюха снова ошиблась, и хотел уже вырваться, когда она протаскала его между двумя закрытыми фургонами к третьему, деревянному, большому по размерам, чем остальные, с примыкающей к нему лавкой ярких цветов под тенью навеса.

Под навесом стоял высокий, худой, бледный мужчина, перед ним на разноцветной тряпке лежали пергаментные свитки. Он сунул монету в руку кочевницы, та поклонилась, улыбнулась и пошла восвояси.

Аран уже собирался двинуться к лавке, когда уловил боковым зрением какое-то движение. Рядом с фургоном сидела черная кошка с прищуренными зелеными глазами. На ее шее покоилась рука, пугающе белая на фоне черной шерсти, пальцы заканчивались жемчужно-розовыми безупречно овальными ногтями. Владелицы руки видно не было, только пальцы, в гипнотическом ритмедвигающиеся по телу кошки, чье мурлыканье слышал даже Аран.

Эйранец почти не мог оторвать глаз от чувственного поглаживания, от прекрасной руки. Почти: притяжение карт оказалось сильнее.

Как только он повернулся к лавке, мужчина поднял голову. Их глаза встретились, и Аран ощутил чуть ли не физический толчок, но какого рода, сказать было трудно.

Мужчина, бледный до бесцветности, с широким плоским лицом, представлял собой странное существо, как подумалось Арану, хотя обычно он редко так судил о людях. Среднего возраста, кожа на лице не отмечена теми обычными линиями, которые оставляет жизнь, но глаза явно принадлежат уже не юноше. К какому народу принадлежал этот человек, тоже оставалось неясным.

— Могу я взглянуть на ваши карты? — быстро спросил Аран на Древнем языке.

Без единого слова мужчина кивнул, что Аран принял за согласие. Эйранец взял первый попавшийся под руку свиток и осторожно развернул его. Нечто — скорее всего его собственное предвкушение — заставило пальцы гореть и зудеть.

На карте были изображены какие-то острова немного восточнее его собственных. Что интересно, все детали оказались скрупулезно прописаны, каждый риф и каждый кусок скалы, которые открывались только при отливе. Места лова рыбы обозначались прекрасно нарисованными макрелями, а котики отмечали глубокие воды открытого моря к северу. Полезная вещь для тех, кто нуждался в карте.

Аран узнал свои земли. Он улыбнулся и свернул пергамент.

Следующая карта изображала истрийскую равнину — с центром в Золотых горах, с озерами и реками, стекавшими вниз со скал. В различных местах попадались изображения баржи — здесь пролегали лучшие выходы к морю.

Третья карта оказалась схематичной до крайности. Горы как марширующие треугольники по всей восточной части; йека, похожий на палку, плелся по свободному пространству оттуда к морю. «Пустынная земля», — прочитал он слова, разместившиеся в центре карты, медленно проследив пальцами их путь. Пустыня. Крайне интересно. Но он моряк, а не всадник, даже и не сидел никогда на спине йеки. Расстроенный, Аран отложил и эту карту.

— Вы ищете нечто особенное? — спросил мужчина на эйранском без малейшего акцента.

— Да нет. — Аран немного помедлил, потом добавил мягко, так, чтобы никто посторонний не услышал: — Хотя мой друг упоминал о карте, на которой нанесен остров с сокровищами. А другой человек, которого я встретил на пути сюда, показал мне часть клада.

Мужчина улыбнулся, не разжимая зубов. Его длинные бледные губы растянулись, а глаза остались холодными и безжизненными, как у кальмара.

— Покажите мне ваши руки.

Аран уставился на него:

— Простите?

— Ваши руки.

В голосе мужчины, если эйранец не ошибался, проскользнуло нетерпение, некоторый оттенок непреклонности.

Аран медленно вытянул руки.

Продавец карт взял его ладони, повернул вверх и молча принялся изучать, легко водя кончиками пальцев взад-вперед по коже. Аран чувствовал себя чрезвычайно неудобно. Никто не прикасался к нему так раньше. Он надеялся, что ни один знакомый не завернет сюда, чтобы стать свидетелем странной сцены.

Через несколько минут Аран не выдержал.

— Ну и что вы там видите? — спросил он.

Человек ответил, не поднимая глаз:

— Я вижу, что вы моряк, и уже давно. Не нужно большого умения, чтобы понять это, потому что ваши руки загрубели от соли и веревок, заработали мозоли на ладонях и подушечках пальцев. Однако вам приходится обрабатывать землю, хотя, наверное, и без особого желания. А здесь, — он повернул правую руку Арана, показывая на длинный белый шрам на коричневом загорелом запястье, — здесь рана, полученная от тонкого кинжала форентской стали, и случилось это во время сражения с истрийцами, примерно девятнадцать или двадцать лет назад.

Аран вытаращил глаза.

— Замечательно, — проговорил он. И понял, что улыбается этому человеку. — Что еще вы видите?

— В вас есть авантюрная жилка, в настоящий момент подавляемая обстоятельствами, но если вы последуете за своими инстинктами и используете заработанные тяжелым трудом на протяжении многих лет навыки, то вам представится шанс преодолеть все препятствия на своем пути и обрести то сокровище, которое вы ищете, хотя за такое богатство придется заплатить кровью.

Палец хироманта прочертил изогнутую линию на ладони Арана, и там, где он касался кожи, эйранец чувствовал ледяной холод моря в его жилах.

— Снова кровь. И сокровище — по-настоящему огромное. Продавец карт поднял взгляд и был вознагражден искрой огня в темных глазах Арана.

— За хорошую плату, — добавил он, — я мог бы помочь вам сделать первый шаг навстречу судьбе.

— Да?

Продавец карт наклонил голову:

— Можно ли вам доверить важный секрет?

— Доверить?

— В моем распоряжении имеется фрагмент старинной карты, указывающей дорогу к давно забытому острову под названием «Святилище» — это цитадель великого мага, который спит колдовским сном. В цитадели находятся настоящие сокровища: золото, серебро, драгоценные камни, редкие артефакты и магические приспособления. Если я идам вам этот фрагмент, то только за определенную плату.

Аран отшатнулся, внезапно сделавшись подозрительным.

— Я слышал об этом месте, но только в сказках. Цитадель наверняка плод выдумки всяких болтунов и помешавшихся на дешевой романтике поэтов...

Хиромант ухмыльнулся. Из-под прилавка он вытащил кусок того же сверкающего желтого металла, который Аран видел у продавца сардоникса, и положил его на все еще протянутую руку эйранца. Потом крепко сжал пальцы Арана вокруг слитка.

Металл тяжело лег в ладонь. Слиток был слишком велик, чтобы целиком поместиться в руке. Аран разжал пальцы и поднес золото к лицу. Грани заблестели на солнце, ослепили глаза... Хотя этот кусок металла и оказался таким же холодным, как предыдущий, ладонь горела, будто от неостывшего уголька.

— Золото!

Моргая, он положил слиток обратно на прилавок.

— Оставьте себе, — сказал продавец карт. — Там, откуда взялся этот, есть много таких же.

— Цитадель?

— Точно. Хотите знать больше?

— Покажите мне карту.

Хиромант отвернулся, при этом кошка вскочила, фыркнула, вздыбила шерсть и шмыгнула под защиту крытой части фургона. Послышались звуки какой-то возни, потом обрывки разговора, приглушенного и короткого. После этого продавец карт появился вновь.

В руках он держал кожаный короб. Оттуда хиромант извлек сложенную страницу с оборванными краями, которая выглядела более мягкой, чем бумага, хотя и потемнела от возраста. На верхней стороне ничего не было. Медленно продавец карт повернул лист.

Аран уставился на него с жадностью. Хотя карта и была разорвана, любой сказал бы, что рисовальщик, кем бы он ни являлся, не пожалел усилий на работу. Роза ветров красовалась в верхнем правом углу, южный рукав показывал по диагонали на оторванный левый угол. На украшенных полях, где обычно стоят необходимые обозначения, Аран смог разобрать только слова: «Эстрия», «Эйра», «Океан» и «Ледовая равнина». В сердцевине розы сияли кругом буквы: «Святилище».

Аран глубоко вздохнул. Написание — очень древнее, даже он смог это понять. Перекрещивающиеся линии извивались по всей поверхности, исходя из точек компаса. Кто-то пометил маршруты фигурками и неразборчивыми подписями, как будто производил необходимые для навигации вычисления. Аран нагнулся ближе, внезапно узнавая сложную, зазубренную береговую линию.

— Кит Холм! А тут — северные земли Эйры!

Он принялся изучать карту внимательнее, перевернул ее и снова взглянул на лист. Гравировка закрывала некоторые детали в верхней правой четверти карты.

— Изумительно! Что вы хотите за нее?

Аран начал развязывать кошелек, но рука хироманта стремительно взлетела вверх, как нападающая змея.

— Никаких денег, господин навигатор, никаких денег.

Аран нахмурился:

— Что тогда? У меня есть сардоникс прекрасного качества, если вы желаете произвести обмен, а моя дочь изготавливает лучшие во всей Эйре лезвия...

— И это мне тоже не нужно. Я прошу нечто более ценное. Прежде всего, меня интересует, господин искатель приключений, можно ли вам доверять? Потому что если да, то у меня есть для вас задание, и если вы исполните его, тогда карта достанется вам, и только вам.

— Мне можно доверять. Я известен как человек слова.

— Тогда пойдемте внутрь, господин, скрепим печатью наш договор, и карта станет вашей.

С определенной долей отвращения к самому себе лорд Тайхо Ишиан обнаружил, что его привлекают Потерянные женщины.

Не могло даже быть и речи о том, что они красивы: проколота, испачканная кожа под

перьями и костяными безделушками, странные косички и дикие одежды. Но вид такого количества обнаженной плоти мужчине его моральных устоев было трудно вынести.

Тайхо бродил между фургонами, телегами и лавочками в полупьяном состоянии. Вокруг плясали фокусники, мальчишки пытались всучить ему палочки с благовониями, музыканты выпрашивали монеты, рядом шла на руках акробатка: ее оголенная грудь, вывалившаяся из-под янтарного ожерелья и цветных тряпок, ненадежно балансировала над землей, покрытой черной вулканической пылью.

Последняя деталь упорно стояла перед глазами Тайхо, пока он пробирался между продавцами драгоценностей и предсказателями судьбы, чесальщицами волос и колдунами. Он как раз пытался избежать столкновения с высоким темным мужчиной, выходящим из лавки с зажатым в руке клочком пергамента, когда увидел женщину, которая высунула голову из ярко раскрашенного фургона, чтобы проводить взглядом темнокожего эйранца.

Тайхо увидел ее лишь мельком, но и этого оказалось достаточно. Глаза цвета моря, окаймленные черными ресницами, длинный прямой нос, кожа белая, как крыло лебедя, и губы — такие нежно-розовые, будто принадлежали ребенку. Глаза, однако, были вовсе недетские. Тайхо почувствовал, как сердце взмывает куда-то высоко вверх, и не только оно.

А потом видение исчезло.

Тайхо протолкался к фургончику, в котором скрылась женщина, и тут же налетел на мужчину средних лет, который стал на его пути и поклонился на странный манер кочевников.

— *Райееш*. Я могу чем-то вам помочь, мой господин?

Он говорил без всякого выражения, явно не с эйранским акцентом, но и не с истрийским. Человек был слишком бледным для кочевника, несмотря на свое поведение, слишком тусклым и светлоглазым для горца. Волосы, брови и ресницы — белые до бесцветности: альбинос, одним словом. Незнакомец был похож на слишком долго избегавшее солнца растение, которое выросло обескровленным и слабым в темноте и холоде. Тайхо с любопытством оглядел его.

— Прочь с дороги, приятель, — приказал он внезапно севшим голосом.

Мужчина улыбнулся. Медленной, совершенно неприятной улыбкой.

— Ах, — произнес он и подмигнул.

Тайхо вскипел, оскорбленный всезнающим видом незнакомца и его чересчур конфиденциальным подмигиванием.

— Там женщина...

Мужчина склонил голову набок:

— Да, мой господин?

— Женщина. В вашем фургоне. Я хочу ее.

Слова вылетели, прежде чем Тайхо успел остановиться. Кошмарная волна холодного ужаса прокатилась по спине. Что-то здесь было не так, совершенно не так...

Альбинос покачал головой:

— Все мужчины ищут фонтан, чтобы утолить жажду. А Роза Эльды — сам океан. Любой мужчина ищет Розу Эльды, — заявил он загадочно. — Кто же ее не хочет?

Тайхо уставился на него:

— О чем ты говоришь? Я всего лишь хочу женщину, женщину из твоего фургона. Она твоя? Ты продашь ее мне?

Он начал развязывать кошель у пояса, но мужчина поднял руку.

— Мое дело — карты суши и моря, — мягко сказал он. — Их я продаю. Розу Эльды купить нельзя.

— Если она женщина, то ее можно купить. Ведь все имеет свою цену?

Тайхо с ужасом распознал в собственном голосе умоляющие интонации.

Продавец карт положил ладонь на руку истрийского господина. Даже сквозь льняную материю рубашки Тайхо почувствовал холодные, липкие пальцы мужчины, будто принадлежащие морской твари, медузе, чему-то не совсем живому.

Он резко дернул плечом.

— Если я не могу купить ее, — объявил истриец более напористо, — может, мы договоримся, и я одолжу ее на часок-другой?

— Одолжите, мой господин? Взятое взаймы и потерянное нельзя вернуть.

Тайхо нахмурился:

— Не играй со мной, продавец карт. Почему я должен ее потерять? Даю двести кантари за час ее времени.

Двести кантари — это небольшое состояние, что он такое говорит? Должно быть, совсем сошел с ума. Но альбинос никак не отреагировал.

— К сожалению, мой господин, я не торгую женщинами. Ее судьба не здесь.

Видение огромных зеленых глаз на белом лице внезапно всплыло в воображении Тайхо Ишиана. Сердце встревоженно забилося, он чувствовал толчки крови вдоль каждого миллиметра рук и ног. Горячая кровь колола спину и пульсировала в черепе, как будто в приступе лихорадки.

— Тогда брак, — хрипло сказал он. — Я беру ее в жены.

Что он говорит? Это точно сумасшествие, им овладели духи...

Однако подобное предложение все-таки вызвало некоторое оживление у альбиноса. Странный, насмешливый свет зажегся в его глазах.

— Брак, говорите, мой господин?

Тайхо глубоко вдохнул, намереваясь отказаться от бредовых слов, но вместо этого произнес:

— Да, я женюсь на ней. Отдай мне ее, и я тотчас женюсь на ней, как только совершу необходимые ритуалы. Клянусь Фаллой!

Мужчина медленно покачал головой:

— А-а, я знал, что она имеет значение для мужчин, но, как теперь мне кажется, недооценил ее истинную ценность. Честно говоря, я не думаю, что расстанусь с ней просто так. Доброго дня, господин.

С этими словами альбинос опустил деревянные ставни на окна и скрылся в фургоне.

Тайхо Ишиан барабанил по двери минут десять или даже больше, но не получил ответа.

— Катла, Катла!

Это Йенна, и она наверняка примчалась бегом. Округлая грудь высоко вздымалась. Щеки девушки стали розовыми, как яблочки. Глаза сияли.

— Что случилось, Йенна? — спросила Катла, отложила один из своих кинжалов и откинулась, чтобы полюбоваться своей работой.

Девушка осталась довольна: стальной клинок, лежащий на красной материи, эффектно играл в лучах солнца. Девушка уже продала два таких же: один богатому эйранскому фермеру, а другой — тихому истрийцу с короткими серебристыми волосами и манерами аристократа. Катла запросила с последнего больше, чем сначала собиралась. Судя по его виду, он мог себе позволить и такую цену.

— Отец представит меня королю как возможную невесту!

Катла резко подняла голову:

— Что?

— Он наконец-то согласился! Король Вран увидит меня завтра вечером и назовет своей женой!

Лицо Йенны сияло, глаза обессмыслились от восторга. Девушка выглядела как деревенская кошка, которая, насытившись, выбегает из молочной.

Йенна облокотилась на прилавок и поймала Катлу за руку:

— Ты должна сейчас же пойти со мной к кочевникам. Мне нужны зелья, и ленты, и... о, Катла!

— Я не могу уйти сейчас, — осторожно проговорила Катла, думая про себя, что Финн

Ларсон наверняка свихнулся.

Просто совсем сдурел, старый хрыч. Вот и конец всем надеждам бедного Халли, а ведь семья так поощряла его.

Продажность корабельного мастера и непостоянство его дочери возмутили Катлу, сделав ее голос излишне резким.

— Я зарабатываю на жизнь, продавая оружие, и не могу просто так таскаться по Ярмарке ради твоей прихоти!

— Не волнуйся, Катла.

Девушка повернулась и обнаружила за спиной отца. Глаза Арана сияли тем же мечтательным восторгом, что и у Йенны Финнсен. В правой руке он сжимал клочок старинного пергамента.

— Иди погуляй с подругой, это все-таки твоя первая Большая Ярмарка.

— Но, па, а как же моя лавка? Мне понадобятся все деньги до последнего кантари, если я собираюсь восполнить расходы и оставить хоть что-то на мелкие покупки...

Аран отмахнулся от нее, как от назойливой мухи.

— С деньгами проблем не возникнет. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

Он достал кошелек и вытащил оттуда кусок золота.

Глаза Катлы округлились. Йенна Финнсен ахнула:

— О, золото! Какое красивое! Золото...

— Где ты нашел его, па? — спросила с внезапным подозрением Катла.

Что-то тут было не так, хотя она и не могла уловить, что именно. Как будто мир вдруг искривился, стал нереальным и неправильным.

Аран улыбнулся и засунул слиток обратно в кошель. Похлопал по мешочку.

— А, это долгая, странная история. Беги, Катла. Я присмотрю за твоей лавочкой. Я знаю цены, за которые надо отдавать твои кинжалы, не волнуйся. И, — он втиснул монетку ей в руку, — повеселись.

— Но, па, а как же сардоникс?

— Халли им занимается. Ему как раз подоспело время взять на себя хоть какую-то ответственность. Он взрослый мужчина и вскоре станет самостоятельным. — Он улыбнулся Йенне, та вспыхнула и отвернулась.

Неосознанная тревога Катлы только усилилась с приближением к палаткам кочевников.

Йенна только и делала, что журчала и побулькивала, как бурная речка, — болтала о платьях, отделанных кружевами, о галианской тесьме, о туфлях на каблуках в виде сердца. Поток слов обрушивался на Катлу, чей разум пытался укрыться от глупой болтовни, как лягушка, старающаяся не утонуть в горном потоке. Не всегда угадаешь, как обращаться с подругой в такой ситуации: король Вран явно приехал заключить по политическому расчету брак, который должен был принести земли и власть, деньги и влияние. Хоть Финн Ларсон и является лучшим корабелом во всей Эйре, он вовсе не аристократ. А его дочь не обладает красотой, способной затмить ум мужчины.

Однако же сказать правду Йенне означало причинить ей боль и заслужить гневную отповедь. Как когда-то говорила бабушка Катлы: «Принесший дурную весть подставляет голову под удар».

Поэтому девушка кивала и улыбалась, показывала Йенне на лавочки с милыми безделушками, мимо которых они проходили. Пуговицы из слоновой кости, вырезанные в виде снежных оленей, горностаев и странных животных с длинной шеей, похожих на страшноватых коров... Но Йенна точно знала, чего хочет, а подобная мишура хоть и отвлекла ее на минуту, но особого интереса не вызвала.

— Продавцы зелий, — воскликнула она после доброго часа блужданий по торговому кварталу кочевников. — Вон там!

Она указала на разрисованный фургончик, над которым возвышался плакате корявой надписью на Древнем языке.

Катла сузила глаза и изучала надпись пару минут. Чтение не очень легко давалось ей.

Чтобы выучиться в детстве, приходилось слишком долго оставаться спокойной, а Катла всегда была подвижным ребенком и не намеревалась тихо сидеть на коленях у Беры, пока мальчишки бегали как угорелые по двору с дикими криками.

— Фезак Певчая Звезда? — наконец спросила Катла. — Что это за имя?

Она усмехнулась:

— Если ты веришь, что оно настоящее, ты еще большая дурочка, чем я думала.

Йенна замотала головой так, что солнце расцветило волосы всеми оттенками золота. Похоже, подумала удивленная Катла, помывка в моче пошла на пользу.

— Потерянные сами выбирают себе имена. Это свидетельство их свободы. Ты что, ничего не знаешь? Марин рассказала мне о Фезак Певчей Звезде. Она настоящая колдунья, по словам Марин: продала ей зелье для увеличения груди, и она уже на два пальца шире, чем была вчера.

— Когда вырастет на ладонь, скажи мне, я пошлю Тора проверить.

Йенна захихикала.

— Да, он как раз подходящий человек, — согласилась она. — Боюсь подумать, где побывали его руки. — Она искоса взглянула на Катлу. — Хотя, может, ты знаешь об этом больше, чем говоришь.

— Нет уж! Он такой дурень, — поежилась Катла.

— Тогда тебе, наверное, больше по вкусу Эрно? Тихий и скромный. Скорее всего ему нет нужды хвастаться тем, что у него в штанах.

— Йенна! Откуда тебе все это знать?

— Девчонки болтают.

— А какая девчонка знает про такое?

— Марин считает, что у него прекрасная фигура, у Эрно Хамсона. Поэтому она выбивается из сил, чтобы ему понравиться.

— А Эрно любит женщин с сиськами, как у коровы?! — в ярости осведомилась Катла. Она подумала о собственной маленькой и крепкой груди. О величине тут говорить вообще не приходилось. Мужчине даже некуда положить руки. Может быть, ей стоит купить зелье Марин?

Катла улыбнулась. Боже упаси!

— Ну, пошли тогда. Повидаемся с твоей продавщицей зелий.

Они уже собирались постучать в дверь фургончика, которая была сама по себе произведением искусства — сочного темно-синего цвета, с изображениями звезд и Луны во всех фазах, — когда та широко распахнулась, выпуская молодого человека. Он повернул голову, прощаясь с колдуньей.

— Носи его у сердца, — говорила пожилая женщина, — и ее любовь согреет тебя...

Потом юноша нечаянно толкнул Катлу. Девушка полетела с лестницы, свалилась на черную землю и начала хохотать, как безумная.

Молодым человеком был Эрно.

На секунду он устоял на Йенну, прижавшуюся к стене фургончика, потом на стриженую девчонку. На его лице появилось выражение полнейшего смятения. Затем Эрно быстро сунул что-то под рубашку.

Катла сразу же перестала смеяться и оглядела его. В юноше как будто нечто изменилось, появилась даже некоторая значительность. В ореоле какого-то нереального света, золотого и серебряного блеска на фоне темного песка, с покровом из вечных небес над ним, Эрно на мгновение показался девушке Суром, восстающим из Северного океана, чтобы населить свою землю чудесами.

Потом, смущенно опустив голову, он умчался, петляя, как заяц, меж лавками. Катла следила за Эрно, пока тот не скрылся из виду, потом помотала головой, будто встревоженная чем-то, и поднялась с земли.

Йенна, с надеждой ухватившись за кошелек, уже одолела полпути к фургончику, и Катла взбежала по лестнице, догоняя ее.

Женщина-кочевница представляла собой удивительное зрелище. Не то чтобы она никогда не видела лысых женщин, подумала Катла, вспоминая старую Ма Галласен, чьи волосы выпали, говорят, после известия о смерти ее мужа от рук бандитов двенадцать лет назад. С того времени у нее стало не все в порядке с головой, и теперь она жила в маленькой будке с кошкой и козой. Просто Фезак Певчая Звезда — с единственным пучком перьев, гордо сидящим на голом черепе, — отличалась безупречным овалом лица и коричневой, как желудь, кожей головы.

Йенна уже разразилась таким нескончаемым потоком слов, что кочевница в конце концов замахала на нее руками. Женщина свистела и каркала, как галка, а потом совершенно отчетливо произнесла:

— Успокойся, девочка. Помедленнее для Фезак, пожалуйста. Много лет, медленный ум.

Йенна повторила свою просьбу, без лишней болтовни о расчудесном короле Вране и своем безутешном сердце, об обещании ее отца и о толпах людей, что посетят Собрание.

— Что-нибудь, что заставит его заметить меня, — закончила она. — Что-то такое, что отвлечет его внимание от других...

Пожилая женщина наклонилась и коснулась пальцами волос Йенны.

— Такие прекрасные волосы...

Йенна состроила гримаску.

— У многих эйранских женщин такие волосы, — сказала она. — Этого недостаточно, чтобы привлечь его внимание. Неужели у вас нет какого-нибудь зелья?

Фезак улыбнулась. Вставленные в ее зубы мельчайшие драгоценные камешки поймали свет и заблестели, как крошечные искры. Потом она закивала:

— У меня есть, что тебе нужно. Хотя и не дешево.

— Мне все равно, — с отчаянием воскликнула Йенна. Она высыпала содержимое кошелька на ладонь. — Возьмите сколько нужно.

Старуха наклонила голову к протянутой ладони Йенны и покопалась в серебре похожим на коготь ногтем. Наконец она выбрала две или три маленькие монеты и попробовала на зуб каждую с серьезным видом. Потом опустила деньги в небольшой керамический горшочек на полке и пошла в заднюю комнату фургона.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — шепнула Катла. — Я не уверена, что стала бы доверять ей.

Йенна упрямо вздернула подбородок.

— Это мой единственный шанс, — решительно объявила она, — и я собираюсь держаться за него руками и ногами.

Фезак Певчая Звезда вернулась через мгновение с маленькой стеклянной бутылочкой. Ее-то старуха и вручила Йенне и, подняв великолепный золотистый локон девушки, прошептала что-то ей на ухо — так, чтобы не слышала Катла. Потом Фезак выпрямилась и открыла дверь, провожая посетительниц наружу.

Девушки по возможности вежливо попрощались и снова очутились на ослепительном солнце, моргая и дыша полной грудью после темного, душного фургончика.

Старуха, стоя на ступеньках, смотрела на них сверху вниз.

— Пока он не увидит тебя, — напомнила она Йенне, строго погрозив пальцем. — Запомни.

— Видал ту грудастую, Джоз?

— Гм.

— Видал, Кноббер? Огромную блондинку с худеньким парнем вон там, у лавки со сладостями?

— Да. Вполне мила.

— Я бы не против повеселиться с ней.

— У тебя грязная пасть, Дого.

— И грязные руки, которые годятся только для одного.
— Держи их при себе, когда ты рядом со мной, или они утратят контакт с телом.
— Да, Мэм. — Пауза. Потом: — И все-таки, готов поспорить, у тебя есть пара историй, Мэм, с того времени, как ты работала шлюхой?
— Они не для маленьких мальчиков, Дого.
— Приходи в мой бивак сегодня вечером и поймешь, что я не такой уж маленький.
Удар.
— Эй! За что?
— Маленькие мальчики не должны лгать.
— А кто лгал?

Глава 6

ДАР

Фент Арансон и Тор Лесон быстро шагали прочь от палатки с сардониксом, оставив Халли кричать нечто неразборчивое, но скорее всего обидное, вслед.

— Замечательно, Тор. Я бы не вытерпел Халли минутой дольше. Он в состоянии говорить только о Йенне и еще раз о Йенне, и о корабле, на который положил глаз. Он весь вечер читал мне лекции о преимуществах оседлой жизни. Взять жену, скопить достаточно денег для покупки фермы, каждый день понемногу откладывать, не тратить ничего — ничего, заметь, — на женщин и выпивку!

— Мне казалось, он всем сердцем рвется в путешествие на Дальний Запад.

— Только чтобы получить в награду землю и семью. Не для удовольствия, как я.

— Он идиот, твой братец, — кратко высказался Тор. — Не умеет хорошо проводить время. Йенна Финнсен! Представляю себе. Один жир и тряпки. Я бы скорее хотел такую, в которую можно вцепиться. Девушку с характером, воображением и мускулами, готовую обвиться вокруг тебя на часок-другой, а потом пойти собственной дорогой. — Он по-волчьи улыбнулся, потом покачал головой. — Женщины! Они приносят одни неприятности мужчинам вроде нас с тобой.

Фент искоса на него посмотрел:

— Не сумел добиться расположения моей сестры, не так ли?

— Она озорница. Сплошные зубы и когти. Но я на самом деле люблю в них силу.

— Точно, — ухмыльнулся Фент. — Квартал кочевников?

— Квартал кочевников, — кивнул Тор.

— Женщины или вино?

— И то, и другое!

— Пошли, напьемся в дым, найдем себе парочку Потерянных шлюх и будем веселиться до потери пульса.

— И заставим потерять пульс еще парочку истрийских ублюдков.

Саро Винго выскользнул из палатки так быстро, как только смог.

Он был сыт по горло рассуждениями брата о своей будущей жене. «Как только она станет моей, с месяц не будем с кровати вставать, — повторял он. — Ты видел ее рот? Она дожидаться не может, это точно». Такие слова заставляли Саро стыдиться и семьи Винго, и даже своего истрийского происхождения. Впрочем, может, в этом-то и состоит сущность мужчины.

Он шел по Ярмарке, опустив голову, избегая взглядов прохожих. Неужели все мужчины так говорят о своих женах? Ведь отец никогда не говорил так о матери! Илустрия, высокая и стройная, с накрашенными приглушенного фиолетового цвета помадой губами, говорила так мягко, что все присутствующие умолкали, чтобы расслышать ее слова. Неужели Фавио хоть когда-нибудь называл ее шлюхой и рассказывал друзьям, что любит с ней вытворять?

Саро почувствовал, что краснеет просто из-за того, что он мужчина, что он хоть косвенно, но причастен к возможному унижению матери, от понимания, что он и сам не лучше других.

Образы, не покидавшие его разума с того момента, как он увидел варварскую девушку на Скале.

Кошелек звякнул, ударившись о ногу Саро, что навело юношу на мысль: нужно купить матери подарок, необычный, иноземный, такой, который никто больше не догадается привезти домой. С новой целью Саро направился к торговому кварталу кочевников.

Солнце только что начало свой долгий медленный нырок в море, когда он достиг первых лавочек. Все вокруг купалось в неясном, каком-то рискованном свете. Странно и слегка волнующе самостоятельно путешествовать по незнакомой территории Ярмарки, особенно по этой ее части. Мурашки предвкушения пробегали по спине Саро. Кто знает, какие приключения могут выпасть на его долю, с какими странными людьми придется познакомиться?

Саро лавировал между бесчисленными лавками, предлагавшими безделушки и сказочные ткани, пищу с экзотическим запахом и фляжки с алкоголем. Вокруг одного прилавка, специализировавшегося на различных ароматических араках, собралась большая группа молодых людей, которые устроили дегустацию и орали на торговца, иссохшегося старика без единого зуба. Саро быстро миновал лавку.

Он купил пирожное и остановился у балаганчика, где давали кукольное представление. На ярко выкрашенной сцене, над полосатой матерчатой будкой, скрывавшей кукловодов, три гротескные куклы стучали палками. Они демонстрировали длинные, тонкие пальцы и острые носы, паучьи ноги и позолоченные одежды.

Саро не имел ни малейшего понятия, кого куклы изображали. И когда появился четвертый персонаж в белой рубаше, которого публика приветствовала, будто героя, он все еще терялся в догадках.

Маленькая белая кукла отвела трех больших к доске с нарисованными горами и к темному пятну черной тряпицы. Потом она хлопнула в деревянные ладоши, и сцену заволочло зеленым дымом, к большому удовольствию зрителей. Когда дым рассеялся, три большие фигуры исчезли, осталась только маленькая белая с деревянной кошкой у ног. Все начали аплодировать. Саро обнаружил, что делает то же самое — из вежливости.

Маленькая темноволосая девочка с одним серебряным кольцом в носу и другим в правой брови вприпрыжку выбежала из-за сцены и поклонилась публике, потом широким жестом достала большой кожаный короб, открыла его и выставила вперед. Публика принялась бросать туда монеты, потихоньку расходясь. Саро вскоре остался один. Девочка подошла к нему, сложила ладони вместе и поклонилась.

— Райееш мина истриани, — сказала она.

Саро неловко скопировал поклон и повторил странное приветствие, что почему-то рассмешило девочку. Потом осведомился, медленно и внятно произнося слова Древнего языка, что же такое он только что посмотрел.

— Рахе и колдуны! — ответила девочка удивленно. — Ты разве не знаешь?

Саро пожал плечами:

— Нет, не знаю. Я пришел поздно и пропустил почти все, кроме последней сцены.

— Пошли со мной, и я, пока буду готовиться к завтрашнему представлению, расскажу эту историю. Если, конечно, тебе интересно.

— Очень интересно.

Девочка начала руками сметать со сцены пыль, потом с улыбкой показала ладони Саро. Они окрасились в ярко-зеленый цвет.

— Хочешь почувствовать магию?

Саро рассмеялся:

— Магию? Это только зеленая пыль!

— Может, сейчас и так. Но в пьесе... — Она протянула юноше руку и он быстро взял

ее. Ее пальцы — тонкие, как у ребенка... а пыль пахла едко и остро, совершенно незнакомо — запахом чужой страны, другого мира.

Певучим голосом девочка начала повествование:

Рахе, король Запада,
Хранитель мира, создатель золота,
Самый мудрый из королей,
Чей народ жил счастливо до старости.
Слава его облетела весь мир,
И колдуны узнали о золоте Запада
И снарядили корабль,
Чтобы похитить сокровища.
Из-за моря приехали они ко двору
(Их корабль разбился на скалах),
Король Рахе, мудрый муж, улыбнулся им —
Умный, как сова, хитрый, как лисица.
«Оставайтесь здесь, в моих землях,
Прошу об одном — исполните три желанья».
Так молвил он, а в ответ
Колдуны рассмеялись дерзко,
Зная, что нарушат клятву.
И король Рахе попросил умения
Передвигать скалы, призывать огонь с небес.
«Это два, — сказали они. — Осталось одно».
И тут появилась кошка короля.
«Заполните мою кошку своими чарами», —
Произнес третью просьбу король
И отдал кошку им в руки.
«Готово, — пришел ответ. — Странная просьба».
Три дня пировали колдуны.
Ели, пили и разрушали.
Они принесли с собой горе и несчастья,
Убили козу, собаку и ребенка.
На четвертый день король взял их в горы,
Где золотые пещеры блестели на солнце,
И когда они вошли внутрь, призвал свои дары:
Во мгновение ока исчезли колдуны.
Он призвал землетрясение,
Которое раскололо пещеру надвое,
И горы задвигались,
Закрывая старые пещеры новыми.
Снова в замке он гладил кота,
Пока тот не отдал чары хозяину,
И с их помощью сделал свои земли богатыми
И счастливыми, завоевав людские сердца,
Рахе, король Запада,
Хранитель мира, создатель золота,
Самый мудрый из королей,
Чей народ жил счастливо до старости.

Девочка вытерла зеленые ладони о тунику.

— В песне на Древнем языке не сохраняется рифма, но я знаю только эту версию. На

самом деле здесь следовало сопровождать себя на ситаре, но мой настолько расстроен, что тебе вряд ли захотелось бы его услышать.

Саро покопался в кошельке и извлек серебряную монету.

— В любом случае большое спасибо, — сказал он, протягивая девочке деньги. — Мне понравилась твоя сказка.

Она отмахнулась:

— Не оскорбляй меня деньгами. Это было бесплатное представление — я сама захотела рассказать тебе историю. Считай моим подарком тебе в честь твоей первой Большой Ярмарки.

— Откуда ты знаешь?

Саро невольно улыбнулся девочке и с радостью увидел, как она улыбается в ответ: темные глаза сощурились на гладком загорелом лице. Обнаженном женском лице...

Саро почувствовал, как поднимается волна стыда за такие греховные мысли, и наклонил голову, чтобы скрыть краску.

Когда же он снова посмотрел на девочку, та напряженно разглядывала его.

— Ты так смотришь на меня, будто никогда раньше не видел женского лица.

Саро почувствовал себя идиотом.

— Извини, — промямлил он. — Просто там, откуда я родом, женщины не показывают своих лиц. Они носят вуали, которые оставляют открытыми только рот, чтобы есть и говорить, и...

— Ты истриец.

Саро кивнул, хоть она и не спрашивала, а констатировала.

— Твой народ странно относится к женщинам, — засмеялась девочка, собирая кукол и развязывая нити, запутавшиеся в конце пьесы. — Так ревниво прячут их. Должно быть, ваши мужчины действительно очень напуганы.

Она протянула одну из отвязанных кукол Саро, тот осторожно взял ее. Повернул. И только теперь заметил, что сделана фигурка с удивительным мастерством: каждая черточка, каждая линия выпестована заботливо и тщательно.

Саро потянул за ниточку и увидел, как подпрыгнула нога, понял, что у умелого кукловода каждый палец куклы сможет двигаться отдельно от других, рука даже складывалась в кулак.

Он раздумывал над словами девочки, вертя куклу так и эдак. Наконец сказал:

— Говорят, сила Фаллы сверкает в женских глазах. Наверное, мы боимся этой силы.

Девочка засмеялась:

— И правильно делаете! Ну-ка дай мне колдуна, пока не соскреб с него все золото.

Она положила все четыре куклы в умно устроенную деревянную коробку с отделениями для веревок и ниток.

— И что же вы делаете здесь, с бродягами, в вашу первую Большую Ярмарку, молодой господин?

— Ищу подарок для своей матери.

— Хороший мальчик. — Она окинула его одобряющим взглядом. — Женщины любят подарки. Ты уже знаешь, что это будет?

Саро покачал головой.

— Может быть, украшения, — неловко произнес он.

Девочка хлопнула в ладоши.

— Тогда я отведу тебя к дедушке. Он занимается камнями настроения, вставленными в браслеты и ожерелья, кольца и броши, и даже, думаю, отдельными, без всяких украшений. Твоя мать будет в восторге.

— А почему их называют камнями настроения?

— Они меняют цвет в соответствии с настроением человека.

Саро засмеялся:

— Неужели камни на такое способны?

Девчонка пожала плечами:

— Спроси дедушку. Он большой специалист.

— По камням?

— Нет, глупыш, по настроениям.

Лавочка старого кочевника располагалась как раз затем местом, где торговали аракой, когда Саро проходил здесь раньше. С того момента толпа значительно выросла — и в размерах, и по шумности.

Молодые истрийские мужчины с бритыми подбородками, в изящных туниках, общались с северянами в коже и с косичками. И хотя они выглядели довольно нелепо в компании друг друга, совместная выпивка связала их тесной дружбой: один парень — похоже, Ордон Каран из Талсии, — рука об руку с молодым эйранцем с бело-золотыми волосами и бородой пел старинную песню, причем каждый на своем языке, но при этом более или менее в тон.

Саро узнал в других выпивках друзей брата, на несколько лет старше его, партнеров по борьбе и охоте. Вот Диас Сестран, в нелепой серебристо-оранжевой тунике, и Леоник Бекран, и... О Фалла, вот и сам Танто, спотыкающийся, с красным лицом и пустыми глазами, вытряхивающий последнюю каплю из фиолетовой фляжки себе в глотку.

Саро вздохнул и пошел быстрее.

— Ты их знаешь? — с любопытством спросила девчонка, глядя на пьяные ужимки молодых людей.

Один истриец поднял эйранца и носил его по кругу на плечах. Эйранец, весь состоящий из длинных рыжих волос и волчьей усмешки, потрясал опасным на вид кинжалом.

— Один из них мой брат, — процедил Саро сквозь сжатые зубы.

— И ты не хочешь к ним присоединиться?

— Совсем не хочу. Я пришел сюда, пытаюсь избежать встречи с ними.

Девчонка засмеялась:

— Ему слишком хорошо, чтобы замечать тебя. Пошли.

Лавочка ее дедушки была увешана цепочками и сверкающими украшениями, утыканными молочного цвета камнями, отполированными до блеска. Сам старик носил их и на руках, и в ушах, и на лентах вокруг шеи. Даже посредине его лба, и то сверкал камень, свисавший с тонкой серебряной цепочки и выглядящий, как настоящий третий глаз. И в то время, как на лавочке камни выглядели молочно-белыми, этот, на старике, омывался всеми оттенками мягкого синего цвета.

— Дедушка!

— Гайя, дорогая...

Черные глаза старика, маленькие и круглые, сверкали, как у малиновки. Он склонил голову, оглядывая Саро таким же быстрым и смысленным взглядом, как маленькая птичка.

— Это мой друг...

— Саро, — быстро подсказал Саро.

— Мой друг Саро хочет выбрать что-нибудь в подарок своей матери.

Саро улыбнулся старику. Она — то есть Гайя, — назвала его «другом», и, хотя она всего лишь иноземная девчонка не больше двенадцати-тринадцати лет от роду, его сердце наполнилось теплом и радостью.

— Гайя... — Он запнулся, не совсем уверенный в правильности произношения: на языке кочевников, кажется, в имени было гораздо больше слогов. — Гайя сказала, ваши камни меняют цвет в соответствии с эмоциями человека.

Без единого слова старик взял в руку подвеску: длинный, в форме боба, камень в простом гнезде на серебряной цепочке.

Элегантный, изящный камень от прикосновения старика приобрел нежно-голубой цвет. Он протянул его Саро, и тут же цвета смешались, сменившись на охряной и горчично-желтый.

— Ты счастлив сейчас, хотя под счастьем лежат более глубокие чувства — гнев или даже страх.

Саро с изумлением уставился на него.

Гайя подошла поближе и забрала у дедушки подвеску. Охра тут же уступила место сверкающему золоту. Старик засмеялся.

— Она простой ребенок, моя Гайя. Чистый и спокойный ребенок.

— Милая вещица, — проговорил Саро. Он изучал витрину, но старик не ошибся в выборе. — Сколько вы хотите за нее?

Он уже собирался открыть кошелек и высыпать содержимое, когда послышался громкий крик со стороны соседней лавочки, сопровождаемый жутким грохотом.

— Там что-то стряслось, Док.

— Кажется, какие-то проблемы, Джоз.

— Вмешаемся, Кноббер?

— Ну почему бы и нет. Всегда любил немного порезвиться на Большой Ярмарке.

— Никогда не знаешь, с кем можешь сцепиться!

— Идешь, Мэм?

— Не дурийте: нам за это никто не заплатит.

— Как хочешь.

— Я мечтаю врезать одному из этих истрийцев прямо по роже, честное слово.

— Лучше поосторожнее, Дого. Они на пару голов выше тебя.

— И вот мы идем, вниз по склону, вниз по склону, вниз по склону...

Лорд Тайхо Ишиан шел по Ярмарке после того, как нашел временное облегчение в объятиях темной женщины с ракушками в волосах (хотя все время, что она работала над ним, Тайхо представлял себе пару бледных рук и морских зеленых глаз), когда заметил суету у лавочки с напитками.

Пара молодых людей вцепились друг другу в горло, но, к счастью, никто из них не имел при себе оружия. Высокий блондин отвел кулак в сторону и ударил истрийца прямо под ребра. Когда истриец, одетый в странно знакомую ярко-розовую тунику, сложился пополам, эйранец резко поднял правое колено, и его оппонент свалился на землю, схватившись за низ живота и дико завывая.

Последовала секунда тишины: казалось, драка исчерпала себя, сейчас кто-то произнесет подходящую случаю шутку, и все возвратятся к выпивке, но в этой неестественной тишине блондин вдруг выкрикнул:

— Это за твою стерву богиню, болван! Фалла раздвинула бы перед Суром свои ноги и благодарила его за блестящую возможность.

Тайхо остолбенел. Кровь бросилась ему в лицо, потом отхлынула, оставив обычно коричневую кожу бледной, как у северянина.

У лавки разразилась буря. Может, минутой назад молодые люди и были друзьями по выпивке, партнерами в лошадиных бегах, но теперь все до одного превратились в эйранцев и истрийцев — слугителей Богини и последователей Сура: история и религия разделила их надежнее, чем язык, культура и образование.

Враги на протяжении сотен поколений, многих столетий, пережившие возвышение и падение династий, разрушения городов, осквернения культов, они вспомнили с внезапной яростью, на чьей стороне находятся, и неистово бросились защищать правое дело. Ненависть, более двухсот лет сдерживаемая в узде, вырвалась наружу во мгновение ока. На свет явились образы, встававшие перед их глазами раньше, когда они слушали странные и страшные рассказы у своих фамильных очагов: потерянные деды и израненные родители, утраченное в войну богатство и приобретенные пожизненные долги...

Стены лавочки-распивочной опрокинулись с треском. Маленький кочевник, хозяин, бегал туда-сюда, как загнанная в угол мышь, пытаясь избежать сыпавшихся со всех сторон

ударов. Потом четверо в доспехах с ревом вклинились в толпу и принялись раздавать удары направо и налево, не слишком выбирая цель — эйранец или истриец.

Какое-то время казалось, что их непрошеное вторжение изменит ситуацию, но вдруг юнец с всклокоченными волосами вытащил поясной кинжал, и серебряное лезвие покрылось кровью. Истриец в дурацких серебристо-оранжевых одеждах упал на землю, зажимая руками рану в животе. Младший сын Сестрана, вздрогнул Тайхо.

Его собственная рука потянулась к ножу у пояса, но, как только пальцы обхватили рукоятку, драка распространилась дальше и захватила вторую лавочку. Два северянина попятись, преследуемые четырьмя или пятью южанами. Одним из эйранцев был высокий рыжий парень, ранивший мальчика Сестрана. Он поднял руку с ножом — похоже, просто угрожая, — но на него навалилось двое южан, которые сумели отобрать оружие.

Высокий истриец с короткими темными волосами и толстым носом торжествующе взвизгнул и бросился на эйранцев, размахивая собственным ножом. Северянин попытался отпрыгнуть, но при этом врезался в лавку продавца украшений позади.

— Саро!

Гайя в ужасе ухватила за руку юноши, потому что внезапно все пространство заполнилось дерущимися. Послышался высокий, тонкий возглас отчаяния, и Саро обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как старик исчезает из виду, а его лавка рушится в жутком грохоте ломающихся досок и треске рвущейся материи.

Камни настроения полетели во все стороны: касаясь человеческой кожи, они вспыхивали темно-красным, каким-то жутковатым цветом, прежде чем упасть снова бледными и туманными на землю.

К ним метнулись двое драчунов. Лица их были искажены ненавистью, кулаки мелькали в жестоком напряжении. Саро схватил Гайю и спрятал за своей спиной.

Он чувствовал, как дрожит девочка, а потом кто-то нанес ему страшный по силе удар в висок, и Саро оказался на земле, с черной пылью во рту и глазах. Чужие ноги мелькали вокруг него, на нем, пинали и топтали...

В месте удара, казалось, череп раскололся надвое, каждый толчок крови превращался в пытку. Саро попытался поднять голову, и тут же оглушающая волна тошноты прокатилась сквозь все его тело. Кто-то жестоко пнул юношу в живот, и Саро скорчился. Его вырвало. Непостижимым усилием он сумел перекатиться под остатки лавочки продавца камней, только чтобы обнаружить себя лицом к лицу со стариком, у которого из жуткого пореза на лбу по лицу свободно текла кровь. Камень настроения сиял, чисто и прозрачно, голубым цветом — таким бледным, что казался почти белым посреди красного.

— Дедушка!

Внезапно рядом с неподвижным телом на земле оказалась Гайя, с кровью в волосах и наполовину сорванной туникой. Слезы ручьем катились по коричневым щекам девочки. Она уложила голову старика себе на колени.

— Он тяжело ранен. Нужно унести его отсюда.

Саро тупо кивнул. На большее сейчас он не отваживался.

Юноша закрыл глаза, сглотнул вставший в горле комок. Потом поднялся на ноги, опираясь на столбик лавки. Он увидел ошеломляющую картину: настоящее поле битвы.

Двое мужчин валялись на земле: один — Диас Сестран, как понял Саро с внезапным холодком в груди, а другой — молодой эйранец со светлыми каштановыми волосами и заплетенной в косички бородой. Из глубокой раны в его бедре толчками выплескивалась кровь. Вокруг двух раненых дюжина или больше молодых людей дрались по-настоящему — с ножами или палками в руках. Воздух был пронизан криками ярости и жажды крови.

Саро наклонился и поставил кочевника на ноги. Старик весил так же мало, как птица, — весь из кожи да тонких палочек костей, которые того и гляди сломаются. Гайя пошла с другой стороны от своего дедушки, подставляя плечо под его руку. Вместе они начали оттаскивать старика прочь.

Им, наверное, даже удалось бы справиться со своей задачей, но какой-то коротышка в вороненых доспехах врезался в них, пытаясь уйти от высокого молодого истрийца в ярко-розовой тунике, который орудовал клинком, отделанным серебром. Коротышка поймал Саро за руку и развернул его с такой силой, что старого кочевника вырвало из его рук и отбросило вперед. Послышался мокрый, хрустящий звук удара, последовавший за ним страшный визгливый крик. Когда Саро пришел в себя, он увидел Гайю с искаженным от горя лицом, которая бросалась на его брата, Танто, сжав кулаки, а старик лежал на земле с серебряным кинжалом, утопленным по рукоятку в его груди.

Танто отталкивал от себя Гайю, всей пятерней упираясь в лоб девочки, с выражением полнейшего отвращения на лице. Потом он грубо отбросил ее, повернулся, наступил старику на грудь и, вытащив свой кинжал, пошагал дальше. Саро прирос к месту, изумленно глядя ему вслед.

Коротышка, за которым гнался Танто, исчез в толпе.

С жутким воем Гайя упала, рыдая, на искалеченное тело своего дедушки. Старик медленно протянул руку и погладил ее по щеке. Глаза его помутнели. Саро упал рядом с ним на колени, онемев от шока. Там, где Танто вытащил кинжал, из мокрой дыры хлынула яркая пульсирующая кровь — прямо на чистую белую рубашку кочевника.

Саро смотрел на кровь со странным, незнакомым дотоле чувством. Потом он медленно, почти инстинктивно, прижал руку к открытой ране, пытаясь остановить кровотечение, но этого ему сделать не удалось.

Так много крови.

Саро и не представлял, что в теле человека может быть столько крови, не говоря уже о таком хрупком старике. Он почувствовал под ладонью быструю, тонкую пульсацию сердца — бьющаяся в клетке птичка... Нажал сильнее. В этот момент старик повернул голову.

Его темные глаза заглянули в душу Саро, и юноша опять почувствовал тошноту, теперь уже другого рода, скорее похожую на головокружение.

Потом кочевник положил руку на ладонь Саро, удерживавшую кровь, и прошептал что-то на непонятном для юноши языке, едва выдыхая воздух. Наверное, у более сильного человека слова превратились бы в свист.

Потом старик умер.

Саро мог точно определить момент, когда душа кочевника отлетела на небеса — не только потому, что у старика остановились глаза и открылся рот, как будто в разочаровании. Нет, просто камень на его лбу стал менять цвета, все более и более светлея, пока наконец не превратился в нечто серое.

Разум Саро стал холодным, чистым водоемом спокойствия, зеркальным озером, чью гладь не беспокоят люди, а воды не прорезает ни единая морщина. Кругом наступило мгновение полнейшей тишины, а потом на юношу навалилась лавина звуков. Из далекой толпы послышался высокий отчаянный вой женщины, крики мужчин, злые и испуганные, а еще плач ребенка.

Саро поднял голову. Танто стоял в отдалении с пустыми, ничего не выражающими глазами. Рядом — лорд Тайхо Ишиан, положивший руку ему на плечо: он одобрял поступок молодого человека, как показалось Саро в минуту ясности.

К лежащему на земле мертвецу бежала пожилая женщина с протянутыми руками и залитым слезами лицом. Она упала на колени возле мертвого мужчины и принялась покрывать его лоб поцелуями. Внезапно смутившись оттого, что присутствует при такой интимной сцене, при таком абсолютном горе, Саро встал. Чужая кровь полилась с него ручьями, закапала с рук...

Он отвернулся и уже собрался уйти — прочь от смерти, подальше от брата и любопытных зрителей, как вдруг почувствовал чью-то ладонь на своей руке.

Гайя.

Как только она дотронулась до Саро, юношу захлестнула горячая волна печали — печали и ужаса.

...кто-то убил ее дедушку — просто так, ни за что, бессмысленно, жестоко — и не спеша ушел. Он умер прямо перед ней, свет угас в его глазах. Страх, такой страх: теперь сердце бабушки разбито, кто позаботится о них, когда дедушка ушел, умер, умер?

Саро моргнул, покачал головой. Ладонь упала, и с ней отступил хоровод эмоций, оставив его, как рыбу, захваченную штормом, слабым, глотающим ртом воздух, как незнакомую субстанцию.

Он опустил взгляд. Гайя, эта девочка, стояла перед ним. Огромные, полные слез глаза... Она протягивала ему ладонь с кулоном, который Саро выбрал для матери. В руке девочки камень стал голубым, цвета зимнего неба, с полосками бледного пурпура, как предвестник заката. Он тотчас понял, что это означает ее горе и страх — понял не благодаря камню, но прислушавшись к чему-то внутри себя самого, к чему-то новому и непрошеному, что пришло, как неожиданный гость.

— Он сказал, что хочет преподнести тебе дар, — тихо проговорила она. — Думаю, он имел в виду это.

Саро медленно покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Не ожерелье, не его он имел в виду.

Юноша улыбнулся и почувствовал, как по лицу потекли слезы.

Девочка уставилась на него непонимающе, потом все равно втиснула кулон в его руку и убежала.

Глава 7 РОЗА МИРА

Находясь в безопасности в фургоне в квартале кочевников, Виралай следил за дракой с интересом и немалым страхом.

Он видел, как с треском разломали лавку, как разлетелись камни настроения, а старик исчез под ногами. Виралай заметил маленького толстого наемника, пытавшегося избежать ярости молодого истрийца, почти вдвое выше него, одетого в розовую тунику, который, без сомнения, собирался достойно наказать его за оскорбление, вызвавшее гнев южанина. Коротышка врезался в старого Хирона, развернул его и натолкнул на выставленный кинжал преследователя.

Все это представлялось достаточно необычным для того, кто вырос в тенетах Святилища, где все насилие сводилось к подзатыльникам. Но, наблюдая за беспечной жестокостью, с которой истриец вытащил свое запачканное оружие — поставив ногу на грудь умирающего старика для опоры, — Виралай испытал и возмущение, и какое-то извращенное возбуждение.

Подобное действие говорило о чем-то более глубоком и темном, чем простая свирепость. Отвратительное и привлекательное одновременно. Пренебрежение ценностью жизни, исключительное сосредоточение на собственной персоне, буйный, несдержанный эгоизм. Виралай не верил, что человек способен на такие жуткие поступки. И вдруг он обнаружил, что не в состоянии оторвать глаз от убийцы.

Он смотрел, как тот прошагал сквозь расступившуюся толпу к знатному господину, одетому в простые черные шелка.

Вздвигнув, Виралай узнал в последнем истрийца, который приходил к нему вечером и предлагал деньги, женитьбу, чуть ли не самую душу женщине (если ее можно так назвать), которая даже сейчас тихо лежала на лавке позади него.

Истриец ушел ни с чем, со смертью во взгляде.

Какими любопытными, острыми эмоциями обладают эти люди, думал Виралай: у каждого реакция на поступок крайне преувеличена по сравнению с провоцирующими ее обстоятельствами. Они казались абсолютно другим видом человека рядом с кочевниками — хотя и те отличались противоречивостью, — с кем он путешествовал последние месяцы. Потерянные, как их называли иноземцы, были спокойные люди, мягкие по отношению друг

к другу, нежные даже с самыми отвратительными животными. За все эти месяцы Виралай ни разу не видел, чтобы кочевник поднял голос на собрата. Те, другие, казались на их фоне буйными, неустойчивыми, злобными, как дикие собаки, напавшие на теленка йеки на равнине. Звери разорвали его на части, будто насилие над плотью несчастного животного само по себе приносило им величайшее удовольствие.

И в то время как кочевники весело жили сегодняшним днем, перебиваясь с хлеба на воду, те, другие, плели интриги и составляли заговоры, мечтали о богатстве и власти, о контроле над себе подобными, о подчинении себе человека и всего мира.

Виралай смотрел и учился. Жадность и легковерие этих людей повергали в изумление, как и его собственная изобретательность. Если Мастер чему-то и научил Виралая, так это тому, как правильно использовать свои мозги. А ученик нашел своим способностям практическое применение. Используя тон несомненного превосходства, перенятый у Рахе, в комбинации со сверкающим металлом, взятым — прихоть? предчувствие? — в Святилище, а также карты, которые он с таким трудом скопировал с оригиналов из библиотеки, Виралай уже сумел заманить в сети с полдюжины искателей сокровищ и славы, готовых предпринять опасное путешествие на север. Неужели ни один из них не прорвется сквозь шторма и ветры и не доберется до цитадели, чтобы навечно успокоить старика?

Заклятие, наложенное Рахе и из года в год повторяемое им с издевательской улыбкой, не позволяло Виралаю самому убить Мастера. Его останавливали смутные образы, посланные магом: муки в когтях безликих демонов, воющие твари, нескончаемая агония... Сначала ученику мага казалось, что он очень хитро обошел чары — погрузил Рахе в сон, похожий на смерть, до тех пор, пока кто-то не завершит начатое им — например, один из помешанных на море северян, привыкший принимать вызов.

Однако в последнее время Виралай изгрызли сомнения. К примеру, прошлой ночью он проснулся под утро весь в поту с бьющимся сердцем, с ужасом в душе. Что, если старик умрет от голода во сне? Даже сейчас, вспоминая о кошмаре, будто проворачивая нож в ране, он чувствовал, как лоб покрывается холодными каплями. Виралай отбросил эти мысли. Сделать ничего нельзя, остается только надеяться на чудо и ждать.

— Что случилось, Лай?

Женщина поднялась единым змеиным движением и выглянула из-за его плеча на улицу. Кошка, невидимая в темноте фургончика, замурлыкала.

— Что ты видел?

Пряди светло-желтых волос Розы Эльды касались его щеки, заставляя дрожать ученика мага. Виралай не мог ничего с собой поделать. Дрожь прошла сквозь кожу и мускулы, нервы и кости и прочно обосновалась в паху.

Время для очередного приема брома, подумал он уныло. Только бы удержать ее дьявольскую притягательность в узде... Виралай обнаружил, что вытяжка из овса — единственное лекарство от испепеляющего пламени, которое он принужден испытывать в ее присутствии. К счастью, чем больше Виралай удалялся от Святилища, тем лучше действовали его зелья, будто Мастер терял свою власть над учеником с каждой пройденной милей. Однако мощь Розы Эльды, к сожалению, развивалась по противоположной схеме. Хуже всего ему удалось плавание на лодке, потому что тогда он еще не нашел брома, чтобы умиротворять желание. Не стоило, подумал Виралай, вообще забирать ее с собой. Надо было оставить Розу Эльды там, где ее нашел, а он не бросил, не продал первому попавшемуся купцу в порту.

Во время путешествия ученик мага занимал себя размышлениями о природе существа, которое украл, вначале полагая, что эта женщина — всего лишь прекрасная игрушка, которая скрашивала длинные зимние ночи Рахе. Но потом, одним особенно скучным днем, когда магия подгоняла паруса, а кошка орала во всю глотку, пока ей не завязали морду тряпками, Виралай поднял крышку ящика. Это стало началом его падения.

Один взгляд в безумно красивые глаза — и ученик мага потерял себя в приступе непреодолимого желания. Разум будто улетел, оставив только муки неутоленной страсти.

Одно прикосновение прохладных рук, которые он так неразумно развязал, и его кожа зажглась огнем.

Проблема состояла в том, что даже если бы она и ответила на его чувства — и самое странное, женщина действительно не проявляла антипатии, — его собственное тело, похоже, не было приспособлено к тому, чего жаждала душа. После такого долгого, одинокого и невинного существования это показалось ему жутко странным.

Хотя вид и присутствие женщины заставляло все тело Виралае пылать от желания, а огонь прочно обосновывался в паху, плоть отказывалась слышать веление души и не собиралась вздыматься при виде великолепной Розы Эльды, оставаясь бледной и равнодушной с того самого момента, как он дотронулся до нее в комнате Мастера. Загадка — чертовски странная и чертовски несправедливая.

Еще большее негодование Виралае вызывала полная бесполезность кошки в этом конкретном случае. Поразительно, если учесть, сколько магии в ней содержалось. Как только они добрались до земли, ученик мага заколотил ящик и после нескольких робких, нелепо завуалированных вопросов направился в портовый бордель. Там, к своему стыду и ужасу, он обнаружил, что его тело не собирается реагировать должным образом на женщину, и напрасно лучшие профессионалки изощрались во всевозможных ласках, чрезвычайно энергично действуя руками и ртом, усаживаясь на беднягу сверху и подлезая снизу, устраивая танцы и зажигательные представления. Тщетно: ученик мага трясся, дрожал, бледнел, закатывал глаза, впадал в столбняк... но этот самый столбняк напрочь игнорировал ту единственную часть тела Виралае, которая по идее и должна была остолбенеть.

Тогда он помчался к кочевнику-целителю, который, тоже не имея возможности излечить его, покачал головой в смятении и из жалости прописал овес, без него Виралай совершенно точно сошел бы с ума.

Странное дело, думал ученик мага длинными днями, сидя на йеке, подарке принявших их караванщиков. Хотя шлюха из борделя немного и возбудила его, все ее старания по сравнению с единственным томным взглядом Розы Эльды превращались в ничто. Разве простая смертная могла вызвать такую стремительную реакцию и у него, и у каждого мужчины, попадавшего в ее поле зрения? Вряд ли это естественно. Виралай подозревал магию — и не только принадлежавшую Мастеру.

Но что с ней делать? Магия тут замешана или нет, Роза Эльды, несомненно, принесет прибыль, деньги и власть, если только он все хорошо обдумает...

— Смотреть уже не на что, — ответил Виралай, отклоняясь, чтобы прервать опасный контакт. — Была драка, кого-то убили.

Глаза цвета зеленого моря расширились. Ученик мага поспешно отвернулся.

— Убили? — нахмурилась она. — Сделали мертвым?

Ее восприятие подобных вещей до сих пор оставалось ограниченным до предела, несмотря на все его усилия обучить ее. Женщина даже говорила и понимала Древний язык лишь частично, будто Мастер решил, что мышление его игрушке никогда не понадобится.

— Да, сделали мертвым, — равнодушно повторил он.

— Кто он?

На этот раз в голосе прозвучала неприкрытая жалость. Странно, размышлял Виралай, что Роза Эльды каким-то образом научилась интонировать свои замечания, тогда как высказывания ее учителя оставались определенно однообразными, не важно, сколько раз он пытался исправить положение.

— Хирон Морские Волосы, продавец камней настроения.

— Как он принял смерть?

— Его заколол ударом в сердце юный истриец... или, скорее, старик сам напоролся на кинжал.

Она мгновение обдумывала его слова.

— Разве ты не можешь чем-нибудь помочь ему? — наконец спросила она.

Виралай повернулся и оглядел женщину с любопытством, мысленно приоткрывшись к

боли, которой будет стоять ему такой взгляд.

— Я не Мастер, — напомнил он мягко. — На тот случай, если ты забыла.

Роза Эльды улыбнулась, на ее щеках появились милые ямочки.

— Я не забыла, — сказала она. — Как бы я могла?

Женщина подобрала кошку и прижала к себе. Две пары светящихся зеленых холодных глаз уставились на него.

— Вы только посмотрите на себя! Кровь, царапины, аракой и мочой воняет до небес. Вы позорище для клана Камнепада!

Аран Арансон мерил шагами палатку. Лицо его было мрачным. Брови сошлись в единую линию на лбу.

— Тор, ты, как самый старший и как мой приемный сын, надеюсь, научишься вести себя лучше под моей опекой. А что до тебя, Фент, то мне больно понимать, что я не могу со спокойным видом выпускать тебя из виду. Мне казалось, после прошлогодней Ярмарки ты понял, что к чему, — но нет. Даже если не говорить о вашем поведении на территории кочевников, ты оставил брата за прилавком с сардониксом на весь вечер, и за это я удержу твою сегодняшнюю долю с продаж... не совсем успешных, правда.

Фент, с головой, гудящей от выпивки и удара, который оставил шишку величиной с гусиное яйцо на виске, уставился в одну точку, как раз за левым плечом отца. Его глаза сияли. Катла чувствовала, что он так же наслаждается сценой, как и выпивкой и дракой.

— Ты, кажется, не осознаешь, что конфликта с истрийцами эйранцы не могут сейчас себе позволить. Наши ресурсы исчерпаны. Мы все еще не очухались после последней кровавой войны, а король Эйры молод, неопытен и окружен корыстолюбивыми политиками и искателями приключений. А теперь являетесь вы и устраиваете драку с богатыми молодыми истрийцами. Счастье, если нам не придется платить кровью за кровь...

— Мы не устраивали драку, — спокойно проговорил Фент, переведя свои сумасшедшие голубые глаза с задней стенки палатки на взбешенное лицо отца. — Она началась без нашего участия.

Он улыбнулся, вспомнив с внезапным удовольствием вопль боли, который он вырвал из горла истрийского мальчишки в розовом.

— Мы уже потом ввязались, чтобы помочь друзьям.

Аран несколько мрачных секунд выдерживал взгляд младшего сына. Воздух наполнился предчувствием беды. Катла обнаружила, что задерживает дыхание, поэтому, когда снаружи послышались голоса, она почти почувствовала облегчение.

Почти.

Дверь со стуком открылась настежь, и на пороге появились двое стражей Большой Ярмарки с обнаженными мечами. Они носили синие плащи, что относило их к охранникам, но оба по внешности напоминали истрийцев: бритые подбородки и темные глаза.

В этом году все стражники Большой Ярмарки были уроженцами Империи. В свою первую Большую Ярмарку, на которой он присутствовал в качестве короля, Вран не смог подобрать эйранских воинов. Северные торговцы потихоньку ворчали на такое упущение, но, по мнению Катлы, чиновники — они и есть чиновники, независимо от происхождения.

— Мы ищем трех преступников, — заявил на Древнем языке с жутким акцентом первый страж, вступая под крышу палатки. — Двое из них эйранцы. На территории кочевников произошла драка, молодого истрийца серьезно ранили. Мы ищем виновного.

— У него рыжие волосы, — добавил второй, уставившись из-за плеча коллеги прямо на Катлу, сидевшую ближе всех к двери.

Фент, стоявший в тени, попытался сделать шаг вперед, но Тор удержал его за руку.

Катла встала.

— Я что, выгляжу так, будто только что побывала в драке? — с сарказмом в голосе спросила она. С ее колен низвергся водопад ярких лент и всяких тесемок. — Я покупала безделушки на Собрание.

Второй стражник покраснел, но первый невозмутимо заявил с гадкой улыбкой:

— Второй преступник, которого мы разыскиваем, — это молодая эйранка, совершившая святотатство на Скале Фаллы.

Катла почувствовала, как ее сердце забилося с внезапной силой.

— Святотатство? — тупо переспросила она.

— Преступление, караемое смертью.

Тор вышел из тени.

— Не пугайте девушку, — с нажимом сказал он, становясь между истрийцами и Катлой. — Вы ищете не ее, а меня.

Второй страж оглядел его с головы до ног.

— У тебя желтые волосы, — резко бросил он. — Поэтому ты не соответствуешь описанию того, кто ранил Диаза Сестрана. А свидетели говорят, что видели на священной Скале женщину.

Тор изобразил насмешливый реверанс.

— К вашим услугам.

Стражники обменялись взглядами.

— Своими издевками вы только зря тратите время, — зло заметил первый, вглядываясь мимо Тора внутрь палатки. — Так дело не пойдет.

Аран подхватил фляжку и вышел на свет.

— Я сожалею о непочтительности юного Тора, — серьезно проговорил он, протягивая емкость. — Как вы видите, он не подходит ни к одному из описаний. Пожалуйста, возьмите эту фляжку с «кровью жеребца» взамен вашего потерянного времени и как залог дружбы на этой Ярмарке.

Первый стражник взял протянутый сосуд и подозрительно принялся, откинул голову. Потом передал фляжку партнеру.

— Что это? — потребовал он. — Лошадиная моча?

Тор загоготал.

— Это лучшее вино с северных островов, — напряженно сказал Аран.

Второй стражник сделал большой глоток и рыгнул. Вытер рот, покачал головой и засмеялся.

— Если это лучшее пойло на всей Эйре, то мои соболезнования, друг. И по поводу твоего идиота-сына тоже.

Он повернулся на каблуках и вышел. Внезапно вспыхнул свет от заходящего красного солнца, луч проник в палатку и упал прямо на Катлу.

Первый стражник с любопытством осмотрел ее.

— Твои волосы как-то варварски острижены, — заметил он грубо.

Катла сглотнула:

— Действительно. Но такова мода на островах. Особенно в жаркое время года.

Стражник продолжал смотреть на нее. Глаза черные и немигающие. Катла, привыкшая к ясным, светлым глазам парней с северных островов, находила этот взгляд нервирующим, но голову не опустила.

Наконец стражник пожал плечами, потом криво улыбнулся:

— Несмотря ни на что, у тебя милое личико. Если на Собрании устроят танцы, может, покружишься со мной.

С этими словами он вышел из палатки.

— Жаркое время года! — захохотал Аран. — На Эйре? Как хорошо, что нам попался недоумок.

— Да, — сказал Тор. — Действительно, милое личико.

К тому времени как Танто Винго вернулся в семейный павильон, на нем уже не красовалась ярко-розовая туника, так безошибочно выделявшая его среди остальных истрийцев.

Сейчас он был в камзоле темно-синего полуночного цвета, подаренном лордом Тайхо Ишианом в качестве, как Танто точно знал, знака настоящей семейной солидарности. Теперь они уже находились в довольно близком родстве, или будут находиться после окончания Ярмарки, когда Винго уплатят за невесту. Две отличные туники потеряны в один день. И все же...

Танто провел пальцем по превосходному шелку. На его взгляд, одежда была немного грубоватой, однако отлично пошита и с замечательной отделкой. Танто представил камзол в более светлых тонах Йетры, увидел — ясно, словно днем, — как он пройдет через зал Совета, а остальные знатные господа начнут кланяться и восторженно перешептываться. Лорд Танто Винго, наследник поместий Кантара! Звучало очень даже неплохо. Почти отвлекало от тупой боли в паху, куда заехал коленом проклятый эйранец.

— Отец, дядя, — поприветствовал он их широкой улыбкой и с удивлением уставился на напряженные, встревоженные лица.

О Фалла, подумал Танто, они уже слышали о старике.

— Это не моя вина... — начал он.

— О небеса! Нет, сынок, конечно же, нет. Мы знаем. Вовсе не твоя вина.

— Иди сюда, присаживайся, парень, — хрипло пригласил Фабел, похлопывая по обтянутому тканью сиденью подле себя. — Лучше приготовься к небольшому потрясению.

Танто нахмурился. Наверное, они говорили вовсе и не о старом кочевнике...

Отец заботливо наклонился вперед и дотронулся до его колена:

— Мне жаль, Танто. У нас, можно сказать, неприятности. По части денег, понимаешь.

Танто уставился на него:

— Что? — В желудке начало разливаться холодное подозрение. Фавио скорчил гримасу брату и повернулся к сыну:

— Совет приказал оплатить ссуды, данные нам в прошлом году. Предполагалось, что нам дадут деньги на пять лет, но что-то изменилось.

— Твой отец, Танто, имеет в виду, что у нас не хватает денег для выполнения договора...

— Может, мы отдадим ему еще немного земли, Фабел? Например, поместье к западу от Кошачьего утеса.

— Но это уже задевает мои земли, Фавио!

— Я знаю, брат. Знаю, но что нам еще остается? Мы ведь говорим о будущем Танто, о будущем семьи Винго, нашей фамилии, поколениями стремящейся к славе и богатству.

— Брат! Ты, так же как и я, прекрасно знаешь, что лорду Тайхо нужна вовсе не земля. Он по уши в долгах — занял у Сокровищницы целое состояние, как я слышал. Ты думаешь, почему он вообще вздумал продавать нам свою дочь? Потому что ему не терпится породниться с нашей «аристократической» семьей? Ничего подобного. Ему нужны деньги! И если они потребовали погасить наш долг, могу поспорить на прелести Фаллы, он оказался в том же положении. Если Тайхо не получит денег от нас, то продаст дочь следующему покупателю, пришедшему с наличными кантари, а не с клочком сосновой рощи.

— Извините, но, по-моему, вы сейчас обсуждаете именно мои дела. Мои, вашего сына, вашего племянника. Так что, пожалуйста, не надо говорить так, будто меня здесь нет. — Танто по очереди оглядел дядю и отца. — Вы хотите сказать, что у вас нет денег заплатить за Селен Ишиан?

Отец молча кивнул.

Танто впал в ярость.

— Проклятие, как вы могли поставить меня в такое положение?! — Он истерически подергал край шелкового камзола. — Мой будущий тесть только что подарил мне эту превосходную вещицу как залог доброй воли, а вы осмеливаетесь утверждать, что у нас нет денег?!

Дядя поднял руки в успокаивающем, как он надеялся, жесте, но Танто повернулся к нему так, будто собирался ударить. Фабел, который был на целую ладонь ниже племянника,

попятился.

— Нам очень жаль, Танто, честное слово. Если бы мы могли что-то сделать... — Он пожал плечами.

Танто опустил кулаки.

— Значит, все напрасно, да? — со злобой спросил он. — Ни невесты, ни титула, ни будущего, и все из-за вашей абсолютной, никчемной, проклятой некомпетентности!

И в этот неподходящий момент в павильон вступил Саро.

Танто крутанулся на месте, вытаращив глаза:

— Что тебе надо, маленький ублюдок? Пришел позлорадствовать, а?!

Саро непонимающе уставился на него. Последний раз, когда он видел брата, тот стирал кровь старика с форентского лезвия, будто счищая лошадиный помет с ботинка. Но его слова не походили на страх раскрытого убийцы. Скорее Танто был полон праведного гнева на отца и дядю Фабела.

Фавио шагнул к нему.

— Тебе лучше прогуляться, сынок, пока мы не закончим беседу, — проговорил он, подталкивая Саро к выходу.

Материя плохо заглушает звуки: его прогнали явно для того, чтобы не провоцировать дальнейшие взрывы брата и просто из соображений приличия.

Стоя снаружи палатки, Саро отлично слышал все, что происходило внутри. Он не смог сдержать улыбки. Недостаточно денег для уплаты приданого за невесту! Ай-ай-ай, действительно крайне неприятная ситуация...

В перебранке наступило короткое затишье, потом занавески на двери взметнулись вверх и появился Танто, с красным лицом и выпученными от напряжения глазами.

Саро быстро присел и сосредоточил внимание на порванном шнурке на ботинке. Брат неожиданно шлепнулся рядом.

— Неумелые придурки! Неужели они вообще не умеют обращаться с деньгами?

Саро взглянул вверх, но замечание, видимо, не предназначалось никому конкретно, тем более ему. Танто негнушimsя пальцами теребил свое ожерелье из сардоникса.

— Нужно еще целых семь тысяч кантари, — угрюмо произнес он. — Так что теперь мне придется выиграть бой на мечях, а тебе, брат, гнать жеребца на скачках так, будто от этого зависит твоя жизнь.

Саро уставился на него:

— Что?

— Скачки на однолетках. На кону немалый приз, а мне нужны деньги.

— Но...

Мысли Саро полетели быстрее любого скакуна.

Ночной Предвестник совершенно точно имел шанс на победу. Быстрый и хорошо обученный жеребец. Однако они планировали продать его, а не использовать на скачках, поэтому учили в основном неспешно вышагивать по кругу, выгибая шею и показывая свои достоинства, а не бороться за победу с другими скакунами.

К тому же Саро слышал всякие истории о скачках на Большой Ярмарке: мертвые загнанные лошади, раны от укусов и копыт противников, наездники со сломанными ногами и раздробленными ребрами — люди мало что значили там, ведь победителями объявляли лошадей.

Юноша покачал головой:

— Извини, Танто. Если ты хочешь взять приз на скачках, это твое дело. Можешь обсудить его с отцом.

Он ожидал услышать взрыв ярости в ответ на отказ, но вдруг Танто сменил тон на заискивающий. Он склонил голову к Саро, и речь его потекла, словно мед. Саро видел, как брат использовал тот же трюк с девчонками-рабынями. Иногда срабатывало.

— Ради меня, брат, пожалуйста, ради всех нас. Будущее благополучие всей нашей

семьи зависит от этого брака. Подумай, как будет гордиться нами мать, как обрадуется, когда узнает, что я женюсь и приобретаю собственные владения...

Он дотянулся до руки брата. Тотчас Саро сбило потоком чужих эмоций: ненасытная жадность, еле сдерживаемая ярость, кипящее негодование, детская злоба и нечто более темное, глубоко спрятанное.

Он отвернулся от красного, напряженного лица брата, взгляд его упал на предмет, все еще зажатый в кулаке. В ладони сверкал камень настроения — невозмутимая, яркая золотая зелень.

Саро сбросил руку Танто со своего плеча и встал прежде, чем брат успел заметить драгоценность.

— Я сделаю это, — сам того от себя не ожидая, проговорил юноша. — Но только в обмен на одно обещание.

— Все что угодно, братишка! — воскликнул Танто.

— Если я ради тебя возьму приз, ты заберешь только половину денег на приданое. Другую половину сам отнесешь старой кочевнице, мужа которой убил, и отдашь как плату за пролитую кровь.

Танто уставился на него в изумлении. Рот широко открылся. Потом он принялся хохотать.

— Ты, должно быть, шутишь, братец! За того старика? Плата за пролитую кровь, как за поверженного воина? За какого-то старого колдуна без рода без племени?! Я что, дурак?

«Да, ты — дурак!» Мысль осталась невысказанной, но Саро все равно знал, что это правда. Жестокий, своевольный и эгоистичный дурак. Юноша видел смятение рассудка брата, сконцентрировавшегося на одной-единственной, ничтожной цели.

— Пусть так. Но такова моя цена за участие в скачках вместо тебя.

Танто сузил глаза. Его ли это маленький брат, столько лет безропотно терпевший насмешки, выпрямился во весь рост и стоит перед ним с каменным лицом? Невероятно.

Он яростно сделал кое-какие подсчеты в уме. Две с половиной тысячи за поединок на мечах, полторы тысячи за стрельбу из лука, если он победит в обоих соревнованиях. Откажись братец, и все полетит под откос. Проклятие, ему необходимо заставить маленького ублюдка победить в скачках, а потом забрать три из четырех тысяч призового фонда. Гори она синим пламенем, семья старика...

Танто Винго посмотрел брату прямо в глаза и улыбнулся.

— Обещаю, — солгал он.

Лорд Тайхо Ишиан лежал на заваленной подушками тахте и рассматривал разноцветные тафтяные занавеси высоко вверх.

Нетронутый стакан мутноватой араки стоял на резном деревянном столике подле него. Закрывал ли Тайхо глаза или держал их открытыми — все равно лицо той женщины стояло перед ним, как наяву, бледное и изящное. Пухлый, словно розовая клумба, рот. Волосы — чистое золото. Ладони... такие длинные, тонкие пальцы. Они бы были такими шелковыми и прохладными на его...

Тело Тайхо снова запылало.

Он пробовал молиться — безрезультатно. Каждый раз, когда лорд представлял себе Богиню, у той появлялось лицо кочевницы, и священнодействие превращалось в раздражающее, еретическое богохульство. Он пробовал холодные ванны, но жесткое полотенце провоцировало новый взрыв страсти. Даже ветерок, касающийся кожи, казался его воспаленному разуму легкими поцелуями губ этой женщины. Истриец еще никогда не знал подобных мук.

Наконец, не выдержав, лорд накинул плащ и, не сказав ни слова рабу у двери, вышел в темноту, снова направившись на территорию кочевников.

Король Вран Ашарсон сидел на сундуке в неудобной позе и слушал перебранку ярлов.

Его люди ушли помогать возводить огромный павильон для Собрании. Ашарсон охотнее присоединился бы к ним и занял руки грубой работой, нежели сводил себя с ума политикой.

Взойдя на трон после смерти своего прославленного отца в прошлом году, Вран обнаружил, что титул принес ему мало преимуществ, зато много забот и занятий «государственными делами», в которых он не чувствовал себя ни заинтересованным, ни компетентным.

— ...Но мы не можем доверять истрийским лордам, говорю вам, — жарко доказывал ярл Штормового Пути. — У них свои причины предлагать дочерей королю. Да и вообще их стремление само по себе странно и совершенно противоречит их традициям. В Истрии так высоко ценят своих женщин, что выкуп за невесту должен платить мужчина. Что-то происходит, попомните мои слова. По-моему, они собираются использовать нас для прорыва на Дальний Запад. Мы нужны истрийцам только для того, чтобы сражаться с морем и составлять карты для их навигаторов, а потом они набросятся на нас, как собаки на добычу. Империя — зверь, которого тяжело прокормить. Без сомнения, они уже сожгли всех рабов на алтаре своей сучки-богини. Врану нужна хорошая эйранская жена — сильная, прямая женщина, как королева Ауда, а не какая-то интриганка с юга.

— Однако предложение лорда Йетры тоже достойно внимания, — возразил ярл Форстсон. — Рулоны шелка, драгоценности; прекрасная керамика...

Ярл Южного Глаза рассмеялся:

— Какая ты баба, Яйцо. Прекрасная керамика! Любая чаша, брошенная в огонь, треснет.

Форстсон по прозвищу Яйцо, ярл Шепси, сконфуженно потер лысину и приложился к вину. Жуткая дрянь по сравнению с выдержанным красным южным вином, но другого не было. Северному двору не доставало денег, а у него в палатке хранились запасы превосходной выпивки, так как ярл Шепси приехал сюда в основном присмотреть предметы роскоши, которые предлагали истрийцы и кочевники: понадобились немалые усилия, чтобы уговорить его предпринять путешествие по морю в такие дни.

— Как я обнаружил, никто не предлагает нам форентскую сталь в приданое, — заметил ярл Штормового Пути.

— Ну конечно, берегут для себя, как всегда.

— Жду не дождусь случая показать им, что может натворить маленький кусочек железа, — мрачно проговорил ярл Штормового Пути. — Я был мальчишкой, когда форентская сталь забрала у меня это. — Он поднял левую руку, оканчивавшуюся замотанным в кожу обручком. — Всегда жаждал встретиться с хозяином того клинка один на один.

Яйцо Форстсон нахмурился. Разговор о старой войне взволновал его, память все еще мучила, как незажившая рана. На войну он пошел всего два года спустя после женитьбы. Два года и два маленьких ребенка, третий на подходе (ибо какой добрый эйранец станет ждать брачных ритуалов, чтобы лечь в постель со своей девушкой?), а он ушел в открытое море вместе с флотом старого короля. Потом пережил качку и голод, шторм и кораблекрушение, стрелы, копья и мечи, что стоило ему дюжины мелких ран. Через четыре года Яйцо вернулся в Эйру, чувствуя себя счастливым, потому что остался жив.

Счастливым он был, пока не добрался до семейного очага, опустевшего, брошенного, с прогоревшим до крыши домом и скелетами домашних животных, разбросанными по двору. Никто никогда так и не нашел его жену и детей — их угнали в рабство на южные рынки. Даже после заключения шаткого перемирия Яйцо прочесывал кварталы рабов каждый год на Большую Ярмарку, надеясь отыскать свою любимую Брину. Но как узнать ее, когда все женщины закутаны от волос до кончиков ногтей? А дети, если они еще живы, уже стали взрослыми.

Он представлял своих малюток-дочек взрослыми женщинами, но их образы постоянно ускользали в дымке. Что до третьего ребенка, Яйцо даже не знал его пола. И все же на

каждой Ярмарке его внимание привлекало случайное движение, покачивание бедер, взмах руки, наклон головы, и сердце пропускало очередной удар. И каждый год его надежды разбивались в прах. Он снова и снова представлял, как они живут теперь, в чужой стране с теплым климатом и прекрасными домами, вдалеке от разбитых штормами берегов севера, от крытых черепицей лачуг.

Через годы, когда боль ушла глубоко внутрь, Форстсон начал смотреть на особенности жизни истрийцев скорее глазами собственника, чем человека, утратившего все, что любил. Дотрагивалась ли Брина до этой тарелки, этого стакана? Любовалась ли она превосходным голубым блестящим фарфором Йетры, как он? Сохранили ли его дети хоть какие-то воспоминания об Эйре или говорили как коренные истрийцы, с мелодичным акцентом и мягкими согласными? Форстсон размышлял, что бы сделал, если бы нашел их, хотя такой оборот событий и казался слишком нереальным. Стал бы он вежливо торговаться с владельцем рабов, добиваясь более низкой цены? Или разум вмиг заволокло кровавым туманом, и он отобрал бы силой то, что принадлежало ему по праву? Или, как иногда казалось ему, просто закрыл бы глаза и прошел мимо?

— ...Яйцо?

Голос короля. Форстсон резко вскинул голову.

— Что ты думаешь о дочери ярла Херинсона?

— Очень милая девушка, мой господин.

Вран засмеялся: его советник, по своему обыкновению, тщательно избегал прямых высказываний.

Король уже знал мнение Яйца: Рагна — милая, маленькая кокетка, а он, Вран, мало напоминал и в характере и в силе воли своего усопшего отца, короля Ашара Стенсона, а когда дело доходило до женских чар, и вообще превращался в полного дурака.

— Да, она такая. Я так понимаю, что она не подойдет?

Отец Рагны, Фалл Херинсон, убежденный пьяница, прогулял все свое наследство и навряд ли создаст какие-либо проблемы, однако и предложить сможет мало чего, кроме невинности своей дочери. А последнее давно утеряно — она вот уже несколько лет приходится любовницей королю...

Вран с надеждой осмотрел собравшихся лордов. Штормовой Путь был хмур, как всегда. Король знал, что он все еще лелеял надежды по поводу собственной дочери, двадцатитрехлетней мужиковатой девчонки, к несчастью, унаследовавшей квадратную челюсть и лохматые брови отца. Но у Врана не хватало смелости сказать Штормовому Пути, что скорее женится на своем призовом жеребце, чем ляжет в постель с дочерью старика.

Были и другие лорды, соревновавшиеся друг с другом за теплое местечко, и он прекрасно понимал это. Например, его кузен, Эрл Вардсон, желающий заполучить наследника королевской крови. Советник его покойного отца, Керил Сандсон, слишком любящий комфорт. Да и куча других, готовых предоставить ему своих прелестных, горящих желанием дочерей с приданым в обмен на кое-какие преимущества при дворе.

Опасная это игра — политический брак. Опасная, и к тому же скучная: все женщины — по крайней мере те, что еще не побывали в его постели, — напоминали кормящих свиноматок, а их родственники мужского пола — роющих землю кабанов, ждущих удобного момента, чтобы сбросить его с трона.

— Нет, господин, — твердо сказал Южный Глаз. — Нам надо наполнить казну. Если вам так не терпится, переспите с ней, но жениться — нет.

Вран вздохнул. Предстоит тяжелая работа. И делу вовсе не помогает тот факт, что истрийские женщины все закутаны в ткань и совершенно невозможно определить, толстые они или стройные, целомудренные или страстные. Ему нравились, однако, их губы, накрашенные до неприличия: всплеск цвета посреди строгих одежд. Неужели истрийцы не догадывались, как провоцирует эта деталь, какие сладострастные мысли порождает?

Он сомневался, что догадывались: большинство южных зануд интересовались только делами и своей мрачной религией, а не простыми удовольствиями земной жизни. Их

женщины, наверное, могли бы привыкнуть к вкусам северян: немного резвого веселья — вместо болезненного, претензионного внимания их вялых мужей. Вран еще не спал с южанками. Наверное, жениться на одной из них стоит только для того, чтобы испытать новые ощущения...

— Мой господин...

За дверью послышался грохот.

Король поднял голову и обнаружил в дверном проеме двух молодых людей. Один, высокий, с соломенными волосами, поддерживал второго, стройного, с длинной темно-каштановой расплетенной гривой, правая нога которого, хотя и замотанная тряпками, промокла от крови.

Южный Глаз тут же вскочил с места:

— Турил! О Сур, что случилось, парень?!

— Царапина от истрийской булавы, па, просто царапина, — ответил раненый мальчишка, слабо улыбувшись, и тотчас упал в обморок.

— Истрийцы... пьяные... в квартале кочевников, — пояснил блондин, глотая воздух. — Драка, — без надобности добавил он.

Ярл подхватил сына на руки. Вран, обрадованный возможностью сделать хоть что-то, уже выскочил за дверь, вызывая целителя с королевского корабля.

Оставшиеся лорды обменялись встревоженными взглядами. Невероятно, но именно Яйцо Форстсон, а не суеверный Штормовой Путь, припомнил древнюю поговорку:

— Кровь, пролитая в Ярмарку, прольется вновь. Одна жизнь ушла — появилась вражда, больше жизней ушло, и у нас уже война.

Аран Арансон, сидя в уединении в затемненной части палатки клана Камнепада, поздно ночью слушал ровное дыхание своих родственников. Потом он вытащил из-под рубахи карту, приобретенную утром, и начал вертеть ее так и эдак, рассматривая со всех сторон в неровном мерцании свечи.

Наконец он заключил, что это самая прекрасная работа на свете. Восторг Арана вызвала не просто необычная палитра красок — фиолетовых и голубых для океанских глубин, зеленых для обозначения побережий и алых для суши, — но еще и изумительная точность букв и линий, нарисованных художником. Почерк такой мелкий, почти неразличимый, особенно для неискушенного в чтении; но каждый мельчайший штрих на береговой полосе обещал тайную пристань, каждая волнистая линия — выступающий риф. Но соблазнительнее всего ему казались неясные обозначения в верхней части карты, потому что там, отмеченный пунктиром (что наталкивало на мысль о корабельной качке), посреди океана с единственным словом «лед», постоянно повторяющимся на белых просторах, лежал приз — Святилище, остров золота.

Почти бессознательно пальцы Арана прошли по куску желтого металла, оттягивавшего кошелек на бедре.

Несмотря на поздний час, в квартале кочевников все еще оставалось немало гуляк.

Казалось, именно здесь собирается весь ищущий развлечений народ, потому что остальная часть Ярмарки дышала тишиной и покоем.

Тайхо Ишиан принял очень важное решение. Он поставит все на единственный шанс в одном безрассудном порыве, и если выиграет то, чего взалкала душа, остальной мир пусть катится в пропасть...

Отчаяние убыстряло его шаг. Тайхо протолкался через толпу людей, наблюдавших, как Потерянная женщина глотает, в особенно бесстыдной манере, дюжины горящих ножей, которые ей бросал покрытый татуировками мужчина в широких штанах. Ишиан отвернулся от кучки проституток, кричащих и свистящих в его сторону (одна из них, в смятении осознал Тайхо, увидев блеск белых ракушек в волосах, чуть раньше сегодня предлагала ему свои услуги), потом сбился с пути из-за огромной толпы, собравшейся посмотреть на нечто вроде

представления уродов.

В ужасе (ибо истинно поклонявшиеся Фалле верили в совершенство человеческих форм: деформированные младенцы на дальнем юге страны немедленно отдавались богине, их оставляли ночью высоко в холодных горах, где уродцы непременно выпускали дух) он обнаружил, что заморожен видом безрукого ребенка, неверно балансировавшего на теленке йеки.

Зажав животное между коленями, уродец заставлял йеку ходить аккуратными кругами по разложенным на земле в замысловатых узорах красным лентам и постоянно радостно улыбался при взрывах восторженных аплодисментов толпы. Толстый коротышка в кожаных доспехах, с серебряным кольцом в ухе и сверкающим гвоздиком в носу, громко смеялся и бросал новую порцию денег на монеты своего партнера.

Тайхо отвернулся. Делать ставки на урода казалось в лучшем случае извращением, в худшем — смертельным оскорблением богини. Недоброе предзнаменование перед его предприятием.

Весь дрожа, он добрался до фургончика продавца карт. Деньги, захваченные в знак доброй воли, звенели, ударяясь о бедро. Однако фургончик стоял погруженный во тьму.

Тайхо обошел его, пытаясь заглянуть внутрь сквозь зашторенные окна, но так и не нашел признаков жизни. Однако когда истриец вернулся к входу, не удовлетворившись разведкой, на ступеньках появилась большая черная кошка.

Тайхо уставился на животное. Кошка ответила немигающим взглядом, но, когда лорд протянул к ней руку (сам не зная почему — он совсем не любил кошек), она отпрянула, шерсть на голове превратилась в устрашающий капюшон, который потом начал распространяться по всему ее длинному черному — теперь изогнутому — телу и наконец украсил пикой змеящийся хвост. Кошка зашипела.

Тайхо отступил назад и врезался в продавца карт, который тихо, словно призрак, очутился сзади него.

— Не думаю, что вы понравились кошке, господин, — заметил продавец своим странным спокойным голосом без всякого выражения.

Тайхо проглотил зарождавшиеся в горле слова.

— Нет, не понравился, — согласился он, вежливо кивнув.

— Она отлично разбирается в людских характерах, — продолжил продавец карт, протягивая ладонь к кошке, которая тут же успокоилась и повисла у него на руках, как тряпка.

Однако уши зверюги продолжали нервно дергаться, а глаза не выпускали Тайхо из виду. Мужчина открыл дверь и загнал кошку внутрь фургончика. Она исчезла в темноте, не оглядываясь. Тайхо прокашлялся.

— Я пришел заключить с тобой сделку, продавец карт, — проговорил он немного напыщенно.

Альбинос молча оглядел лорда. Потом улыбнулся. Улыбка заставила Тайхо почувствовать себя неудобно. Как будто капля ароматного масла по поверхности воды в чаше, она разлилась по коже, не затронув ни души, ни разума.

Тайхо поспешил развязать кошель и протянул его продавцу карт. Взгляд альбиноса упал на содержимое, но брать мешочек из рук Тайхо он явно не собирался.

— Приданое, — быстро сказал Тайхо, боясь пожалеть о своем решении.

Мужчина изогнул бровь:

— Да?

— За женщину, — поторопился продолжить Тайхо. — Я дам тебе двадцать тысяч кантари за нее после окончания Ярмарки. Возьми это как залог всей суммы. Здесь пять тысяч кантари.

Пять тысяч кантари сами по себе представляют немалую сумму. На них можно купить стадо йек, построить дом, приобрести полоску превосходной земли. За двадцать тысяч кантари можно получить небольшой замок и нанять постоянную армию.

Тайхо никогда не держал в руках двадцать тысяч кантари и даже не клал столько в банк, никогда в жизни. Огромное состояние. Именно столько истриец собирался заработать к концу Ярмарки, продав дочь мужиковатому, но очень богатому мальчишке Винго. Заплатив Совету, он мог бы наскрести не меньше тринадцати тысяч.

Тайхо выкинул долг из головы, и это получилось достаточно легко.

Сумасшествие, это сумасшествие, но он ничего не мог поделать...

Лицо продавца карт стало странно пустым. Выражение ли это игрока, прикидывающего шансы, подумал Тайхо, или кочевник просто шокирован до беспамятства? В любом случае он решил продолжить уговоры.

— Это огромная сумма, продавец карт, — указал лорд на очевидное. — Ты не заработаешь столько и за сотню Ярмарок.

Мужчина склонил голову набок.

— Где находятся твои земли, истриец? — спросил он.

Дерзкий вопрос со стороны кочевника. Даже оскорбительный.

Но Тайхо сейчас мало интересовал этикет.

— На дальнем юге, возле гор.

Лицо продавца карт сделалось еще более пустым, будто данное обстоятельство меняло все его планы. Потом он коротко кивнул, словно соглашаясь в чем-то сам с собой. Взял кошель из протянутой руки истрийца, с важным видом взвесил его, глянул внутрь и опустил в складку обширных одежд, где тот исчез без звука.

— Я принимаю ваше предложение, — ровно проговорил он, и сердце Тайхо чуть не выпрыгнуло из груди. — Но на двух условиях.

— Все, что угодно!

— За свои двадцать тысяч кантари вы получаете не только самую красивую женщину на свете, но и наши с кошкой услуги. — Мужчина коротко поклонился. — Нас нельзя разлучить, понимаете.

Тайхо нахмурился. На что ему сдался продавец карт, тем более его блохастое животное?

Мужчина снова улыбнулся.

— Знаю, что у вас на языке вертится вопрос, — мягко проговорил он. — Но у нас есть свои достоинства — у Бете и у меня. И я не могу позволить Розе Эльды выскользнуть в большой мир без сопровождения. Это чрезвычайно опасно.

— Я буду защищать ее, не щадя собственной жизни.

— Я вовсе не это имел в виду, господин.

Мужчина выдерживал его взгляд без видимых усилий, пока Тайхо не отвел глаз.

— Как хочешь, — быстро согласился лорд. Сомнения бродили в его голове. — Я принес тебе деньги как залог моей доброй воли. Могу ли я увидеть женщину — в качестве подтверждения сделки с твоей стороны?

— Секунду.

Альбинос открыл дверь и скользнул внутрь.

Послышался скрип, шорох материи, потом приглушенные голоса. Внутри фургончика зажегся свет. Мужчина появился снова и сделал знак фигуре позади него.

Тайхо, надеявшийся зайти в фургончик и провести несколько минут наедине с будущей невестой, почувствовал разочарование. Но все следы сожаления исчезли, как только появилась женщина с круглыми, зелеными, как у кошки, глазами. Она медленно повернула голову к истрийцу и оглядела его с ног до головы.

Тайхо подумал, что сердце его сейчас разорвется на части, так громко оно забилось. Кровь забурлила в ушах, на лице, в груди. Он попытался улыбнуться, успокоить ее тревогу, неизбежную при таких странных обстоятельствах их знакомства, но не смог. Вместо этого Тайхо обнаружил, что идет к ней, как в трансе.

Когда до женщины оставался всего шаг, лорд протянул руки и погладил милое лицо. Оказалось несравненно легче целовать ее с закрытыми глазами. Как только их губы

встретились, ее язык скользнул между губ Тайхо, будто кочевница отлично знала все желания мужчины. Ощущение было таким неожиданным, таким неопишным, что ноги отказались повиноваться южанину, а в паху запылал огонь.

Но когда лорд наконец оторвался от ее губ, он встретил немигающий, напряженный взгляд и понял, что все это время глаза женщины оставались открытыми.

Глава 8 СЛУХИ

Весь следующий день Ярмарка бурлила. Дела шли активно и в истрийском, и в эйранском секторах: заключались сделки и выполнялись обязательства, закреплялись семейные союзы и продавались товары. Как обычно, народ отдыхал на территории кочевников, но везде, куда бы вы ни пошли, в воздухе ясно ощущалось напряжение, как будто вот-вот зазвучит брань, поднимутся кулаки и польются слезы.

Для остроглазых и любопытных предоставлялась неплохая возможность подслушать пару интересных разговоров.

— Говорят, северный король собирается жениться на леди Йетры...

— Многие посчитают это святотатством — отослать прислужницу Богини в языческие земли...

— Может, до этого и не дойдет.

— Что ты имеешь в виду? Все говорят, он возьмет в жены Лебедь...

— Ну, когда он придет забирать ее, — голос упал до шепота, — его будет ожидать стража.

— Для чего? Неужели Империя настолько возгордилась, что решила, будто сможет убить северного короля на священных землях и ей это сойдет с рук?

— Не убийство. Нет. Мои источники вовсе не об этом вели речь.

— Тогда о чем?

— Ты заметил, как Совет в эту Большую Ярмарку собирает долги?

— Естественно. На самом деле, я не сильно обрадовался, когда они пришли ко мне. Все-таки чересчур рано. Мы договорились на пятнадцать тысяч сейчас, а остальное в месяц урожая, но мне давали ссуду на два года, так что теперь я несчастный человек. Но как это связано с королем северян? Не думает же он, что мы предоставили ему приданое, когда он и так забирает у нас самое лучшее!

— Не знаю. Скажем так, соблазн добраться до сокровищ Дальнего Запада может оказаться для Совета непреодолимым.

— А король варваров соберет экспедицию...

— Точно.

— Если Вран выберет дочь Керила Сандсона, нам придется действовать быстрее.

— Я говорил с вожаком банды наемников. Его цена самая... приемлемая.

— Я слышал о земле, где даже ночные горшки сделаны из чистого золота.

— Не понимаю, почему все так загорелось этой дурацкой мечтой о Дальнем Западе. Нам бы следовало заняться рудниками в собственных горах.

— Ха, тебе бы не захотелось забираться туда слишком глубоко. Говорят, там внизу — чудовища. Кто-то видел гиганта с головой волка всего лишь неделю назад. Да и огромных летающих змей в придачу.

— Что за глупости! Ты слишком доверчивый человек, Пасто. Ты того и гляди поверишь, что жестянка — это серебро, а медь — золото.

— Ни за что. — Голос оскорбленного достоинства. — Но я все же верю, что сильным духом достается великое богатство.

— И кто вложил эти слова в твои уста? Мы прекрасно знаем, что Дальний Запад может оказаться таким же бедным, как и остальная часть мира.

— Кто говорил о Дальнем Западе?

— О, ты о другом легендарном острове сокровищ? Еще одно твое сумасшедшее предприятие? Харан, ты стал глупым, как котенок...

— У меня есть карта!

— Некоторые истринские парни неплохо выглядят.

— Безбородые милашки.

— Мне понравился темненький с ожерельем из сардоникса.

— Они все темненькие, идиотка. Которого ты имеешь в виду?

— Того, что забрал приз по стрельбе. Он выглядел как Великий Хорин-Охотник, когда сгибал лук. Кожа — как полированное вишневое дерево. Когда он напрягал руку, просматривался каждый мускул.

— Пришло тебе время взять мужа, Фара. Вне всяких сомнений.

— У меня побывал странный гость пару дней назад, Фелестина.

— Подумаешь! Вот удивила.

— Да, правда. Он был таким жестким, что я начала опасаться за свое благополучие. Жесткий, как скала, и примерно такой же внимательный. И, что еще более странно, через несколько секунд после окончания он начинал снова...

— Многие из истрийских лордов сластолюбивы, как козлы. А вся их религия подавляет естественные потребности, пока они не сходят с ума.

— Что ты наденешь на Собрание, Йенна?

— Наверное, зеленое.

— Говорят, зеленое — к несчастью.

— Но оно так подходит к моим глазам.

— Думаешь, ты подойдешь достаточно близко, чтобы король Вран заметил твои глаза?

— Думаю, я распушу верхние три шнурка на лифе.

— Тогда он точно будет смотреть вовсе не на глаза.

— Он сказал — золото. Везде сплошное золото.

— И все, что нам придется сделать по прибытии, — это убить старика?

— Так он сказал.

— Надо набрать команду.

— Да, но только тихо, а то у нас появится целый флот конкурентов.

— Вот это самое странное.

— Что, Фезак?

— Ты видишь маленькую девочку, там? Северянку, что приходила ко мне пару дней назад?

— Вижу.

— Посмотри повнимательнее, глупая. Ее грудь...

— Действительно, хороший размер.

— Когда девчонка пришла ко мне, она была плоской, как доска. Я дала зелье, чтобы поставить ее тело на правильный путь развития. Но такое внезапное увеличение ненормально.

— Может, она напихала тряпок в лиф.

— Может быть. Я бы и сама так решила, если бы не другие вещи, что начали происходить с недавнего времени.

— Например?

— Ты не заметила благословенную тишину в фургончике Лорнака?
— Да, он действительно больше не кашляет. Наверное, все дело в сухом воздухе.
— В сухом воздухе! По-твоему, он также виноват в рождении, двухголового ребенка у Ферии?

— Но он не выжил.
— Или ребенка с чешуей на руках и когтями, как у орла, из Талсеи?
— Ш-ш, мама, не так громко.
— Это работа магии: настоящей, сильной магии. Я чувствую ее кожей.
— Не говори так, мама. Истрийцы могут вытерпеть безвредные зелья и чары, но времена костров для таких, как мы, не так уж прочно забыты, чтобы они не вспомнили свои страхи. Никто из нас не захотел бы вновь увидеть, как поджигают хворост.

— Нам надо стать осторожными. Разбавь свои предсказания, дорогая, говори только расплывчатыми фразами, даже если видишь судьбу как на ладони. Поднимается сила, и она становится все мощнее.

— Не окажешь мне услугу, Док?
— В чем дело?
— Взгляни на это ради меня.
— Ха. Убери, Дого. С чего, именем всех богов, ты решил, будто я стану смотреть на твой уродливый член?

— Ты понимаешь в таких вещах, Док: я видел, как ты лечишь раны и тому подобное. Смотри, он растет. И растет с того самого момента, как я вчера купил зелье у кочевников.

— По-моему, тебе срочно требуется помощь Фелестины. Она быстро заставит его уменьшиться.

— Она целительница, Док?

— Целительница, черт возьми? Она моя любимая шлюха, Дого.

Игры привлекали огромные толпы — в первый день испытание меткости, стрельба из лука и метание копья, потом плавание и поединки на мечах, но наибольший интерес вызвали соревнования по борьбе, где сотни молодых людей, цвет Эйры и Истрии, раздевались до пояса и намазывались маслом, чтобы ослабить хватку противника.

Эйранские женщины и кочевницы собрались у веревок, огораживавших ринг, свистели и приветствовали приглянувшихся бойцов, фыркали и шипели при виде тех, кто, по их мнению, наверняка потерпит поражение или просто выглядит менее привлекательно.

Довольно плотный молодой темноволосый истриец подвергся бомбардировке гнилыми фруктами после того, как одолел фаворита эйранцев — высокого парня с Черных островов, чьи пронзительные голубые глаза многим девушкам стоили обморока.

Катла смотрела на поединки не мигая. Халли, бесполезный кусок мяса, выбыл еще во втором раунде. Из всего клана Камнепада борьба давалась только ей. Девушка могла бы даже — за деньги, конечно, — многому научить истрийца: не силе — он и так перегружен мышцами, — а проворству и технике, хотя Катла и сомневалась, что сумеет отправить его в отключку, даже если свалит на землю.

Однако здесь женщинам запрещали участвовать в играх, а притвориться мужчиной, хоть и с ее плоской грудью, никак нельзя, будучи раздетой по пояс. Даже только чтобы прийти и посмотреть на бой, ей пришлось укутать голову в разноцветный шарф по приказу отца, отданному после посещения их палатки стражниками. «Либо так, либо покрась их в черное», — хмуро сказал Аран.

В то же время Фент, куда бы он ни пошел, везде привлекал к себе внимание — хотя и обвинения в драке давно снял быстро пошедший на поправку истрийский парень. Нет, взгляды притягивали рыжие волосы в сочетании с правильными чертами лица и стройной фигурой. Преступление женщины, посмевшей ступить на священную Скалу, задело потаенные струны в душах южан-фундаменталистов. Теперь, когда распространилась весть,

что негодяйку не поймали, все только и говорили о святотатстве. Фент замечал, как многие истрийцы мрачно резко глядели ему вслед, будто стараясь не обманываться его мужской одеждой и походкой. Дважды его останавливали, но один короткий взгляд на жесткую рыжую щетину на подбородке — и все подозрения отпадали.

Тор, сопровождавший его в одной из подобных прогулок, предложил Фенту надеть одну из туник Катлы и симитировать провоцирующую походку от бедра, чтобы у южан на самом деле появилось о чем сплетничать. Ему тут же пришлось защищаться от настолько яростной атаки, что он даже растерялся: его приемный брат с такой угрюмой решительностью махал кулаками, что, несмотря на превосходство в высоте и скорости, Тор получил весьма неприятный удар в челюсть.

Хуже того, предыдущим утром двух рыжеволосых сестричек со Светлых островов также остановили и взяли под стражу. Двенадцатилетнюю и четырнадцатилетнюю малолеток без знания Древнего языка продержали в камере большую часть дня. Бедняги жалобно лопотали на эйранском, а хмурые офицеры перебирали их рыжие волосы и задавали им бесполезные вопросы на мелодичном языке, которым девчонки только недавно восхищались, слушая двух истрийских бойцов, обменивавшихся шуточками перед схваткой.

В конце концов члены семьи заметили их отсутствие и, прочесав Ярмарку, собрали достаточно большую армию охотников, которые пришли к будке охраны Большой Ярмарки — скорее для того, чтобы объявить об исчезновении девочек, чем по подозрению, что они задержаны офицерами. Последовавший шум вылился в еще большую подозрительность офицеров. И все же инцидент заронил искру скандала этой ночью, и в воздухе повисло напряжение.

— Ты видел меня, Саро?

Танто Винго перепрыгнул через веревку и хлопнул брата по спине так сильно, что тот вскрикнул.

— Я был великолепен, даже сам понимаю. Ты видел, как я его ногой в конце? Финт, финт, блок, поворот... — он разыграл свою победу на глазах у Саро, — я позволяю ему достать меня, и — бам! Прямо ему под руку. Если бы не эта дурацкая пуговица, которую заставляют нацеплять у сердца перед схваткой, я бы уложил его наповал.

Саро стоял, качаясь, с пустыми глазами, чувствуя триумф и жажду крови, льющиеся в его тело через ладонь Танто. Все закончилось так же быстро, как и началось, оставив его выжатым, совершенно пустым.

— Правда, вот клинок испортил.

Танто вытащил оружие из ножен и помахал им перед носом брага.

Лезвие, хотя и слегка зазубренное, в остальном выглядело нетронутым. Крошечные пятнышки бурой жидкости высыхали вдоль всей его длины, и Саро обнаружил, что гадает, кому принадлежала кровь: противникам по рингу или старому продавцу камней настроения, так бесполезно погибшему от руки Танто. Так типично для брата — не почистить тщательно оружие. Это забота раба, если он не забудет ему приказать.

— Придется купить другой перед завтрашним финалом. Не хочу, чтобы клинок какого-нибудь ублюдка зацепился за зарубку.

— Но, Танто, ты не можешь себе позволить новый клинок, если не...

— Я выиграю бой на мечях, а ты, мой дорогой Саро, победишь на скачках, тогда у меня появятся деньги на невесту и еще сверх того. Так что не надоедай мне из-за такой ерунды.

С этими словами он схватил Саро за руку и потащил в сторону истрийского квартала.

— Я виделся с Винго, голубка моя. Мы заключим нашу сделку завтра вечером. Я надеялся на сегодня, но по определенной причине случилась заминка. Без сомнения, они выманивают денежки у народа, как и мы все.

Селен Ишиан с отвращением обнаружила, что ее отец пребывает в самом веселом расположении духа. Она почти видела, как он уже подсчитывает деньги и придумывает, как

урезать выплаты Совету настолько, чтобы оставить большую часть приданого себе.

Завтра вечером.

Сегодня ее последняя ночь и день в качестве свободного человека. Потом ее запихнут в заваленную подушками палатку и — как это у них деликатно называется? — посвятят в женщины.

Селен почувствовала, как где-то внутри зарождается гнев, и поспешила уставиться в пол. Если отец увидит в ее глазах несогласие, то снова изобьет. Неудивительно, что он схватился за ремень, когда она так грубо покрасила губы, но неповиновение обернулось против нее самой.

Знание, что она вызвала своим видом такую жадную страсть в мальчишке Винго, оказалось даже худшим наказанием, чем побои.

— Я купил тебе нечто особенное на церемонию, дорогая.

Тайхо хлопнул в ладоши, вбежали двое мальчиков-рабов: Фело и Тэм, заметила про себя Селен с легким интересом. Она будет скучать даже по ним.

Их поймали три года назад во время похода на племена холмов, внезапно подумала она — впервые в жизни с проблеском сочувствия. Сколько им сейчас — восемь или семь лет? Увидеть в четыре-пять лет, как твою семью убивают, а деревню сжигают... стать рабом, угодить в руки к чужеземцам, чей язык ты не знаешь, и получать колотушки, пока не заговоришь на чужом наречии, — ужасная судьба.

Селен очень старалась представить свое собственное положение в более приятном свете по сравнению с ними и не смогла.

Мальчики положили сверток у ног господина. Ловкими руками распутали сложные узлы, без единого слова поднялись и послушно вышли за дверь.

Тайхо повел бровью в сторону дочери.

— Не хочешь посмотреть, что там? — мягко предложил он.

Селен посмотрела на него, потом на сверток. Ноги девушки, казалось, приросли к полу.

Тайхо издал вздох неудовольствия, потом нагнулся сам к свертку, схватил материю, в нетерпении выпрямился и вытряхнул рубашку из самого лучшего оранжевого шелка, какой Селен когда-либо видела.

Девушка затаила дыхание.

— Красиво, правда?

Она коротко кивнула, чувствуя, как глаза заволакивает слезами. Ее свадебное платье. Оранжевый цвет символизирует священный огонь Фаллы, производящую силу мира, которую разбудят на церемонии. На уровне груди и бедер — вышивные отверстия, верхнее — горизонтальное, нижнее — вертикальное. Сейчас они не расходились благодаря сатиновым лентам. Она знала, для чего разрезы. Женщины описывали ей все очень подробно.

Король Вран повел плечами, почесался и вздохнул.

Глаза Ашарсона устало скользнули по разбросанным картам, которые он изучал последние два часа, в перерывах между разгоряченными спорами (по крайней мере только среди знати) о выгодах и слабых сторонах возможного союза с Югом.

Слова на картах и людские разговоры уже давно потеряли всякий смысл для Врана. Некоторое время назад он обнаружил, что, если не фокусировать взгляд, пергаменты становились неотчетливыми, смазанными, простирались по столу дюнами и возвышениями, превращаясь в подобие пустыни. Крошечные рисунки на них колебались, будто в зное полудня или в середине фата-морганы. Вран скучал по тем дням, когда еще не был королем и мог отправиться куда угодно по собственному желанию.

— Аран Арансон из клана Камнепада просит встречи с вами, господин.

Вран поднял голову:

— Кто такой?

— Островитянин с запада, господин.

— Наконец-то передышка, — улыбнулся Вран. — Впустите его.

Штормовой Путь и Южный Глаз выглядели недовольными внезапным вмешательством в такие важные дела, но Яйцо Форстсон живо вскочил на ноги, услышав имя друга.

— Аран, дорогой друг!

Нырнув под навес, высокий западник попал в медвежьи объятия, сопровождавшиеся смесью запахов плесени и зверя, хотя исходили они от человека или от желтоватого меха одежды, которую тот упрямо носил даже в середине лета, сказать было трудно.

Яйцо отступил, все еще держа Арана за руку, и оглядел его с восхищением.

— Сколько времени прошло, друг!

— Да, почти год, с прошлой Ярмарки.

Аран улыбнулся в ответ, хмурое лицо преобразилось.

На фоне выдубленной ветрами кожи и темной бороды зубы сверкали белизной снега. Ярл Шепси, как в свою очередь подумал Аран, выглядел усталым — усталым и серым, как будто прошедший год бежал для каждого из друзей в разных направлениях. Старший сам себя загонял в могилу, тогда как он, Аран, мчался с огромной скоростью в обратную сторону. Они сражались вместе, бок о бок, спина к спине, в самой кровавой битве последней войны. Парни схлестнулись, когда корабль Арана подожгли и пустили на дно во время рейда на истрийский порт Гедера, а его самого со всеми выжившими моряками «Зуба Дракона» приняли на борт «Медведицы», фамильного судна отца Яйца.

Истрийцы сумели перекрыть вход в бухту за «Медведицей», и они попали в западню. Со всех сторон летели горящие стрелы, пламя охватило парус, палубу, одежду... В борта корабля впились крюки, бойцы противника с воем метали снаряды с маленьких лодочек вокруг них, дожидаясь того момента, когда люди, спасаясь от огня, сами начнут прыгать в воду.

По разнообразию оружия и доспехов каждому становилось ясно, что большую часть атакующих составляли наемники, Аран даже мог поклясться, что видел среди них бывших эйранцев. Забавно: у Империи всегда находятся деньги на то, чтобы за них сражался кто-то другой, — помнится, подумал он, когда первые наемники полезли на борт. А потом позади раздался жуткий рев, и корабль старого короля, «Мореплаватель», прорвал заслон и пошел крушить легкие суденышки истрийцев, разнося их в клочья.

Вот были времена, подумал Аран, а теперь они вынуждены торговать и дипломатично вести себя со старым врагом. Как хотелось снова броситься в бой!

Он дотронулся до карты, спрятанной под туникой, как до талисмана, и выступил вперед.

— У меня к вам просьба, господин.

Аран склонил голову со всем почтением, какое должен проявлять к королю подданный. Вран смерил взглядом темную макушку Арана.

— Ну так вперед, западник. Говори, чего ты хочешь.

Аран в сомнении посмотрел на остальных присутствовавших.

— Это деликатный вопрос, мой господин.

— Это мои доверенные советники. Неужто ты не можешь говорить даже при них?

Аран выглядел смущенным.

Вран ухмыльнулся.

— Наверное, у тебя что-то слишком личное, чтобы доверить это такой толпе народа. — Он повернулся к лордам: — Пойдите, принесите мне вина, парни. Горло превратилось в дно иссохшей реки! Навестите конюшню Сорва Плосконосого и проследите, чтобы он дал вам лучший бочонок «Крови жеребца». Он будет клясться, будто не держит такого, но вот увидите, где-то стервец его засундучил: я слышал, как он хвастался Форилу Сенсону. А если потребует платы, напомните, что он до сих пор должен мне за две последние партии товара. Это скорее всего будет большая бочка, насколько я знаю Сорва. Надеюсь, вдвоем вы ее утащите.

Три лорда переглянулись. Никто особо не обрадовался заданию. Штормовой Путь

одарил Арана неприятным взглядом, Южный Глаз закрихтел, поднимаясь из-за стола, но Яйцо Форстсон хлопнул западника по спине и пожелал ему удачи.

— Он не очень много говорит, — через голову Арана сообщил он королю, — но когда открывает рот, то не напрасно.

Когда все ушли, Вран жестом пригласил Арана сесть и с любопытством его оглядел.

Король подумал, что, наверное, уже встречался с Араном Арансоном раньше: скорее всего в Халбо, когда он впервые сел на трон и все лорды и землевладельцы пришли засвидетельствовать свою лояльность. Если это тот человек, то, помнится, тогда Вран посчитал его суровым — суровым и непреклонным, нелепо выглядящим в богатых одеждах. Аран явно выделялся на фоне веселья и роскоши, но все-таки по-своему производил впечатление. Из людей старой породы, хотя и не такой уж пожилой.

Вран вспомнил, что отец хорошо отзывался о нем.

— Итак, что же это за тайная просьба, Аран Арансон?

После секундного замешательства, во время которого он подыскивал нужные слова, но так и не нашел, Аран вытащил карту, будто она в отличие от него была наделена даром речи.

Развернув пергамент с бесконечной осторожностью, он расстелил его среди других карт на столе. Потом передвинул четыре камня, которые для веса ставят на края свитка, на собственную карту, сделав ее плоской, насколько это представлялось возможным.

Пальцы Арана с любовью проследили очертания земель. Он уже знал каждую линию, каждый риф, каждый берег наизусть, провел три последние ночи без сна, с зажженной свечой изучая мельчайшие детали карты — розу ветров, расписанные поля, пометы для навигатора...

Заскучавший король взглянул на пергамент. Еще одна карта. Его тошнило от одного их вида. Единственная карта, которая его интересовала, была та, что покажет путь через Воронов Путь к Дальнему Западу. Но, может быть, подумал Вран, если он возьмет жену, которую ему навязывали, и быстренько сделает наследника, то удастся самому присоединиться к экспедиции...

Аран поднял голову и в изумлении увидел остекленевшие глаза короля.

— Я купил ее у кочевника, — быстро проговорил он, пытаясь заинтересовать Врана. — Это просто удивительная вещь. Посмотрите здесь, — он показал на очертания острова, — Кит Холм, и так аккуратно прорисован. А здесь, — Аран сдвинул ладонь на юго-восток, — ваша столица, господин: Халбо.

Король нагнулся, посмотрел на отметку на карте.

— Да, — равнодушно ответил он. — Хотя, кажется, название написано неправильно...

Аран уставился на знакомые буквы. Создатель карты поставил крест в «о», но в остальном ничего необычного. Он ничего не сказал.

— А здесь, господин, — его пальцы взлетели к верхней части карты, к словам «Ледяная Равнина» и повторяющемуся «лед», — посмотрите на чудную розу ветров...

— Превосходная работа, — безучастно вздохнул король. — Очень полезная, уверен. Зачем ты мне ее показываешь, Арансон? Неужели не видишь, что у меня и своих карт пруд пруди?

— Посмотрите внимательнее, господин, — настаивал Аран. Его палец дотронулся до легенды. — Тут, господин.

— Святилище, — прочитал король и поднял глаза. — Что, то самое Святилище?

— Да, господин.

Вран засмеялся:

— Сказки для маленьких детей! Последнее пристанище короля Рахе и его кошки!

Он продекламировал:

Рахе устал от золота,
Взял кошку и вышел в море,
Поплыл на север, где дуют ледяные ветра,

К острову под названием «Святилище»!

Аран склонил голову.

— Да, господин.

Вран весело притопнул ногой:

— И у тебя есть карта, где нанесен путь к секретному острову мага?

Аран выпрямился, в глазах его засверкала надежда.

— Да, господин...

Он задумался на минуту.

— И вот еще что.

Аран порылся в кармане туники и извлек кусок металла, который дал ему продавец карт. Золото засверкало в его руках, очень яркое в полуденном свете. Слиток казался тяжелее, чем Аран помнил.

Король уставился на золото, потом осторожно взял из рук западника. Металл почти вибрировал в его ладони, будто живой. Вран нахмурился, попытался сконцентрироваться на своих мыслях.

Отдав слиток, Аран внезапно почувствовал себя обделенным. Он смотрел, как Вран подносит золото к свету, щурится, взвешивает в ладони. Потом чуть неохотно отдает обратно. На его лице появилось странное выражение, будто он тоже чувствовал потерю слитка, хотя и в меньшей мере, чем член клана Камнепада.

— Очень мило, — наконец проговорил король. — Сокровище для тех, кто хочет верить в него.

Схватив драгоценность, Аран опять наполнился энергией. Внутри скапливалась ярость, но лицо оставалось спокойным. Без поддержки короля он никогда не накопит деньги на экспедицию.

Эйранец осторожно положил золото в карман.

— Я хотел попросить у вас корабль, господин, чтобы добраться до места. Я посвящу новые земли вам, как только окажусь там, назову их вашим именем. Земля Короля Врана — это, согласитесь, звучит.

— И привезешь мне сокровища?

— Конечно, господин. И это тоже.

Вран засмеялся:

— Корабль в обмен на груз блестящего камня?

— Золота, господин, — упрямо поправил Аран.

Такой непреклонный человек... так легко заразиться его лихорадкой.

Вран вспомнил королевский скипетр. Древний артефакт казался наполненным магией, когда он его держал при короновании. Он был пьян после похорон отца и едва стоял на ногах, но все равно прекрасно помнил, что скипетр сиял по-другому — как маленькое солнце в руках.

Потом Ашарсон вспомнил дрожь слитка, которую ощутил только что: держа золото в руках, он вдруг почувствовал прилив невиданной мощи.

Вран заколебался, но только на одну секунду. Король должен быть уверенным в своих решениях, он не может проявлять слабость и нерешительность.

Скинув камни с углов, Вран грубо свернул карту и кинул ее Арану Арансону.

— Оставь глупые надежды. Лучше присоединяйся к моей экспедиции на Дальний Запад. По крайней мере он-то уж точно существует! А пока наслаждайся Ярмаркой. Торгуешь?

— Сардониксом, господин.

— Хорошо, хорошо...

Аран увидел, как глаза короля вновь потеряли осмысленное выражение.

— Что же — сказал он очень сдержанно, чувствуя, как гнев и разочарование поднимаются в его душе. — Я пойду, господин.

Вран вскинул голову. Увидел отчаяние в глазах собеседника и улыбнулся:

— Не так быстро, Аран Арансон. Теперь, когда ты пожал плоды моей мудрости, сделай одолжение, отплати мне советом.

Аран остановился на полпути, ярость его не прекращала бурлить.

— На ком мне следует жениться, как ты думаешь? Брак по политическому расчету — утомительная вещь, а женщин мне предлагают исключительно скучных. Более того, похоже, каждый, кто высказывает мнение, имеет своекорыстные цели.

— У меня нет ни мнения, ни целей.

Вран пожал плечами:

— Неужели у тебя и мыслей собственных нет?

Снаружи палатки послышался шум, приглушенные голоса и шарканье ног, будто кто-то пытался втиснуть что-то большое через узкий проем. Лорды Штормовой Путь, Южный Глаз и Форстсон вернулись с огромной бочкой — буквально с быка величиной. Король Вран подскочил, внезапно наполнившись энергией.

— Моя «Кровь жеребца»! Отлично!

Лорды с трудом протащили бочку через дверь, потом поставили ее на пол с таким грохотом, что подпрыгнул стол, и карты, уже не прижатые камнями, с шорохом полетели на землю. Южный Глаз, владелец большинства из них — карты создали во времена его деда, а некоторые и того раньше, — упал на колени и начал их лихорадочно собирать.

Аран, увидев шанс сбежать под шумок, обогнул чудовищную бочку и направился к выходу, не прощаясь.

— Какую мне выбрать, западник? — крикнул король в удаляющуюся спину. — Добрую северную девушку или иноземную южанку?

— Да хоть троллиху, мне плевать, — последовал ответ Арана Арансона, тихий, но совершенно четкий.

Мореход исчез за дверью.

Глава 9 СДЕЛКИ

Когда братья Винго добрались до лавки с оружием, уже наступил вечер, хотя они и вышли из дома достаточно давно.

Внимание Танто постоянно привлекали прилавки с драгоценностями и одеждой, бесчисленные лавочки, предлагавшие араку, вина со специями, булочки с наркотиком, погружавшим человека в странно расслабленное состояние, и, наконец, группа экзотических танцовщиц, путешествовавших с кочевниками, однако принадлежавших к южным пустынным племенам (все прекрасно знали, какие странные у них обычаи). Танцовщицы не носили ничего, кроме тысяч хитро завязанных тонких полосок кожи, которые они предлагали зевакам (за скромную сумму) распутать и снять, пока сами кружились и подпрыгивали, как дервиши.

Эти мускулистые женщины с тяжелым взглядом загипнотизировали Танто, и за последний час Саро порядком разозлился. Ко всему прочему, он обнаружил, что проталкиваться через толпу стало невероятно сложно. Саро врезался в плечо одного мужчины и внезапно попал в омут беспокойства за слабое здоровье его жены; другой человек, любовавшийся пустынной, задел его руку, и Саро узнал, что можно при желании сделать с нагой танцовщицей, парой кожаных ремней и группой мужчин. Юноша поспешно отодвинулся, чувствуя тошноту, только для того, чтобы натолкнуться на еще одного прохожего, обуреваемого похотью.

Наконец, совершенно обессиленный этими ненужными вторжениями, он потянул Танто за руку.

— Поединки на мечах начинаются завтра в полдень. Тебе нужен клинок или нет? К тому же, если ты будешь продолжать выбрасывать деньги на танцовщиц, у тебя не останется

кантари на покупку.

Танто зло отмахнулся от него:

— Я скоро женюсь, поэтому заслужил напоследок немного развлечений.

— Мне казалось, ты желаешь этого брака?

— Я хочу замок. Я хочу титул. Я хочу быть сам себе хозяином. И если для того, чтобы получить все это, мне понадобится жениться на какой-нибудь аристократке с крепкой задницей, то я не отступлю. А вот чего я не хочу, так это того, чтобы мой маленький жеманный братец прожужжал мне все уши посреди толпы!

Саро вздохнул, борясь с желанием повернуться и уйти ко всем чертям, оставив Танто бродить в пьяном виде по Ярмарке до конца ночи. Но, по правде говоря, ему хотелось, чтобы брат поскорее женился и убрался с глаз долой — ради него самого, ради рабов, кошек, лошадей, окружающей природы...

— Мы прошли лавку с оружием вон там слева, между продавцом овчин и вязальщиком веревок.

Именно туда они и направились.

Братья начали выглядывать из-за плеч множества покупателей, столпившихся вокруг прилавка с огромным выбором прекрасно сработанных клинков, красиво разложенных на богатом синем бархате.

Вообще-то именно материя привлекла внимание Танто. А вот Саро поразила девушка, стоявшая за прилавком.

Высокая, жилистая, с обнаженными руками, на которых играл каждый мускул, когда она подавала оружие рукояткой вперед заинтересованным покупателям. Живое и умное лицо исчезло из виду, когда девушка начала показывать скрытые впадины и выгравированный рисунок на лезвиях. Нос длинный, резкие скулы, а брови, похожие на крылья пустельги, — иссиня-черные и поднятые вверх.

Но волосы!

Рыжие, как умирающие угольки в гаснущем костре — костре, беззаботно раскиданном и затоптанном дюжиной ног. Пряди падали в разные стороны, большинство вообще стоял и дыбом, будто ее остригли, как овечку. Прическа кухонного мальчишки, конюха, уличного шалопа. А туника! Грязная вареная кожа с пятнами от пищи и соли, явно слишком короткая и слишком узкая в груди, только подчеркивала ощущение беспорядка. Кому пришло в голову нанять такое существо показывать дорогое оружие? Кинжалы совершенно точно принадлежали к элите среди клинков. Даже издавек Саро мог определить по тому, как будущие покупатели взвешивали в руках оружие, что оно отлично сбалансировано, а лезвия смертельно остры. И все же девушка говорила авторитетно и наверняка знала достаточно, чтобы ответить на любые вопросы заинтересованных клиентов.

Эйранка нагнулась и вытащила деревянные резные ножны из ящика на земле, а Саро увидел гладкое загорелое бедро, что заставило его сердце биться со скоростью света.

Выпрямившись, она поймала остановившийся взгляд юноши. Глаза их встретились — девушка смотрела насмешливо, с намеком на озорство, и, казалось, без труда читала его мысли.

Молодой истриец почувствовал, как расширяются его зрачки. Что-то такое было в этой девушке, что-то очень знакомое... Он поискал ключ к разгадке в этих серо-голубых глазах, но она уже разговаривала у другого конца прилавка с огромным мужчиной, заинтересовавшимся узелками, встроенными в рукоять меча. Более короткое и широкое лезвие, нежели у форентского, более тяжелый, чем южные кинжалы, в громадных, покрытых шрамами и руках мужчины меч выглядел по-настоящему смертоносным оружием.

Саро протолкался поближе, чтобы расслышать их слова.

— А это, — говорила она, — Дракон Вена.

Она показала на сложный серебряный виток на рукоятке.

— Видишь, вот хвост, свернувшийся вокруг его приятеля, Снежного Волка, вот крылья, тут и тут, обнимают хранителей.

Похожий на медведя мужчина склонил голову и одобрительно ощупал рисунок.

— Потом его голова прямо на эфесе: я вставила красный камень — видишь, здесь, на месте глаза, чтобы удобнее было держать в руке. Ну, что ты думаешь?

Воин взял меч двумя руками, пробуя баланс, потом отступил назад и начал делать сложные пассы. Народ расступился в стороны, освобождая ему место.

Несмотря на возраст и огромный рост, этот человек оказался очень проворным. Он протанцевал вправо, сделал выпад, отклонился назад, невероятным образом изогнув спину, и размахнулся мечом в полную силу. Лезвие опускалось вниз сквозь дымку сумерек — удар, который в сражении наверняка стал бы последним.

— Он прекрасен, Катла Арансон, — с одобрением произнес воин. — Лучший из всех, что я видел.

Он передал клинок женщине, стоявшей рядом — крепкой на вид островитянке с квадратной челюстью и кожей цвета состарившейся сосны. Она носила те же диковинные доспехи, что и ее приятель: кожаная безрукавка со стальными дисками, перемежавшимися с темным железом, по всему торсу. Три ножа болтались у пояса и еще один крепился к бедру. На спине висел меч.

— Как ты считаешь, Мэм?

Женщина взяла у воина клинок, перекинула его из руки в руку, потом поднесла ближе к лицу и принялась изучать рисунок.

— Отлично, — произнесла она. — Просто отлично, Джоз.

— Да, милая штучка, — ответил мужчина, забирая у Мэм меч. — И какая прочная! Ты превзошла сама себя, Катла. Он легче и острее, чем любое оружие противника. Даже пальцы покалывает. Ты уверена, что не использовала магию? — улыбнулся он.

Катла улыбнулась в ответ. Потом покачала головой.

— Фалко использует китовое масло для закаливания, а Трелло Длинный Рог клянется, что опускает мечи в кровь. Врет, насколько я знаю. У меня свой собственный метод, — сказала Катла, слегка наморщив нос.

Потом засмеялась и добавила:

— Хотя не уверена, что его можно назвать магией.

Саро ахнул. Эта девчонка, Катла, сделала это оружие? Он, должно быть, ослышался?

Но Танто сообразил быстрее брата.

— Эй, ты! Да, ты! Ты женщина или северная троллиха? Ты утверждаешь, что выковала эти клинки? — Словно в поисках поддержки он оглянулся на зевак. — Женщины не в состоянии делать мечи. Это все равно, как если бы... — он лихорадочно искал аналогию, — как если бы мужчины вышивали нижние юбки!

Гогот из задних рядов толпы заглушил шум, с которым Танто распахивал народ в стороны.

Саро почувствовал запах араки, исходящий от брата. Он посмотрел на старого воина и его товарищей: женщина, еще двое высоких мужчин, довольно крепких на вид, и круглый коротышка, скучный и настораживающе спокойный. Возможно, они родились на Эйре, но доспехи были по крайней мере из дюжины разных стран. Да еще и женщина-воительница, что само по себе удивительно. Наверное, это наемники, и, возможно, очень опасные.

Саро задержал дыхание, но тот, которого женщина назвала Джозом, просто стоял и улыбался, уперев руки в боки и глядя на Катлу.

Глаза Катлы опасно сузились.

— Насколько я слышала, — сухо проговорила она, — на юге мужчины только и могут, что вышивать нижние юбки.

На этот раз последовал взрыв смеха, и не только со стороны наемников.

— Кажется, нет нужды сражаться за тебя в твоей войне, а, девочка? — сказал Джоз.

— Получила в наследство материнское остроумие, Катла Арансон, — заметил высокий бородатый мужчина позади него.

— А, да, я помню, как пару раз испытал острое лезвие язычка Беры Рольфсен еще в

юности.

— Тогда ты и потерял руку, а, Кноббер?

— Не, это был истрийский пес, не старше вот того молодого щенка, в битве в порту Гедеры.

Танто оставалось только презрительно усмехаться. К счастью наемники находились в благодушном настроении. Высокий мужчина, Джоз, принялся торговаться с Катлой по поводу цены меча пока девушка наконец не вытащила отличные кожаные ножны, окаймленные промасленным деревом, и скрепила ими сделку.

Старый воин пересыпал в ее ладонь серебро, которое Катла тут же отправила в железную коробочку под прилавком. По виду она была чрезвычайно довольна продажей.

Как только представление закончилось, зрители начали расходиться, пока не остались только два истрийца.

Танто принялся бесцельно вертеть в руках один из украшенных ножей из первого ряда выставленного оружия.

— Детский ножик, — пренебрежительно объявил он. — Дешевка.

Катла окинула Танто недружелюбным взглядом и начала упаковывать клинки, намеренно игнорируя его. Торговый день, очевидно, закончился. Свет угасал, и остались только эти два идиота. Теперь мало шансов продать хоть что-нибудь, особенно желторотому юнцу с луженой глоткой, который не отличит копья от зубочистки.

Танто уставился ей в затылок, раздраженный явным пренебрежением к собственной персоне. Потом подобрал два клинка и начал бить лезвие о лезвие, вначале слегка, затем сильнее и сильнее, как своевольный ребенок. Металл звучал ясно и чисто.

Саро подтолкнул брата:

— Ты что делаешь?

— Испытываю лезвие, — хмуро ответил Танто, уставившись в спину Катлы. — Не резон тратиться на клинок, который подведет меня в финале.

Катла повернулась и посмотрела на него.

— Ты дошел до финала в сражениях на мечах? — Изумленное презрение обострило мягкие гласные Древнего языка.

Танто поднял бровь.

— Я вскоре разделаюсь с тем старым дураком, — похвастал он, указывая на северянина, купившего меч и теперь стоявшего у прилавка вязальщика веревок.

Катла рассмеялась:

— С Джозом Медвежьей Рукой? Я сильно сомневаюсь! Он пробил себе дорогу через весь мир и обратно. У тебя ни малейшего шанса в схватке против него. Посмотрите на себя. — Она включила взмахом руки и Саро в свое обобщение, потом потянулась через прилавок и схватила обоих за руки, повернула их так и эдак, изучая гладкую коричневую кожу. — Ни единого шрама. Вы в жизни не видели настоящей драки.

Саро омыло волной тепла, его заполнило добрым юмором, уверенностью молодой женщины, которая в совершенстве владела своим крепким телом, сохраняла невозмутимость, слушая угрозы пьяного юнца, имела прекрасно развитые мускулы, натренированные работой в кузнице и несколькими годами лазания по утесам. У юноши никогда бы не хватило смелости сделать то, на что оказалась способна она. Внезапный, четкий, незабываемый образ прыгнул в разум Саро.

— Это была ты, — выдохнул он, отшатываясь от руки северной девушки. — Тебя я видел на Скале... — Юноша в ужасе замер.

Время остановилось. Саро видел, как кровь отхлынула от лица Катлы, осознал, что Танто вдруг все понял. Он мог назвать точный момент, когда брат вспомнил награду за поимку преступника, объявленную сегодня утром, прежде чем Танто начал кричать:

— Стража! Здесь...

И тут Саро ударил его. Движение получилось таким инстинктивным, таким рефлекторным, что его кулак врезался в подбородок брата с безошибочной неимоверной

силой. Танто упал как подкошенный.

Катла выбежала из-за прилавка. Она уставилась на Саро, потом на его брата, лежавшего на земле с раскинутыми руками — одна ладонь Танто все еще сжимала клинок, с которым он недавно играл. Его челюсть съехала в сторону. Саро с мгновенным виноватым удовольствием понадеялся, что сломал ее. Несколько человек, привлеченных суматохой, выглянули посмотреть на них из других лавочек, но, увидев распластавшегося Танто и его улыбающегося брата, возвратились к своим делам.

— Почему ты это сделал? — спросила Катла, ее серые глаза потемнели от какого-то непонятного чувства.

Саро храбро взглянул на нее.

— Не знаю. Так получилось. — Он помолчал, потом аккуратно подтолкнул голову брата носком башмака. — Это была ты, правда? Там, на Скале? — тихо спросил он. — Хотя тогда твои волосы были длинными...

Катла одарила его всезнающим взглядом.

— Ты истриец, — хмуро констатировала она. — Я не собираюсь ни в чем признаваться тебе.

— Да, я истриец. Но не слишком ревностный верующий.

Произнеся эти слова, Саро внезапно понял, что сказал правду.

Он вспомнил долгие утренние часы, проведенные со священниками, суровыми людьми в черных одеждах и розгами в руках.

Юноша вспомнил их строгие голоса, жутковатые рассказы о вечных муках, ожидающих тех, кто прогневает Фаллу или ее проклятую кошку. Как он мог поверить в их лживые истории и мрачные угрозы? Почему вулкан должен проснуться только из-за того, что ты не принес жертву божеству? Почему должен сгореть твой дом, если ты произнес неподобающее выражение? Он никогда не видел вулканов, зато прекрасно понимал, что огонь — это порождение природы, а не какое-то магическое явление. И что касается самой Фаллы: как он мог поверить в то, чего никогда не видел своими глазами? Поклонение богине ничего не значило для Саро — всего лишь способ избежать наказания, жесткого контроля, способ не выделяться из толпы. И вдруг, столкнувшись с новой реальностью, с возможностью безумной, ненужной смерти, он осознал все это с невероятной четкостью.

— Сжечь кого-то на костре за то, что он поднялся на гору... глупо и жестоко.

— Они что, правда пойдут на это? — Лицо Катлы напряглось. Саро рассмеялся:

— О, конечно, без промедления. Наша религия действительно жестока. Она основана на боли.

Катла возмутилась:

— Но я всего лишь залезла на гору! Что здесь плохого? К тому же эта земля еще не так давно была нашей — во времена моего дедушки и до него несколько поколений. Это территория Эйры — вся Лунная равнина, Горы Скарна, Золотая река до самой Талсии. Твой народ украл ее у нас, построил свои дома, убил всех, кто не успел убежать. Или превратил их в рабов, гнувших спину на проклятую Империю. Ничто не забыто, знаешь ли, даже сейчас. — Она окинула Саро гневным взглядом.

— Я знаю. Последняя война закончилась не так уж давно. Мой отец участвовал в ней.

— Мой тоже.

— Мой дед погиб.

— Мой тоже!

Катла издала лающий смех, и Саро отметил, какие длинные и острые у нее клыки. Сейчас в девушке словно проявилось что-то животное.

— Итак, кто сказал, что это Скала Фаллы? Если она кому и принадлежит, так это Суру. Мы зовем ее Замок Сура.

— Какая тогда тут разница? Мы просто заменяем одного бога другим.

— По крайней мере мы не убиваем людей во имя него.

Саро пожал плечами;

— Хороший довод.

Катла улыбнулась. Это изменило ее лицо до неузнаваемости, даже цвет глаз. Она выглядела менее... по-волчьи. Потом девушка перегнулась через прилавок и схватила истрийца за руку снова, и опять волна тепла окатила Саро. Однако на этот раз он чувствовал не только благодарность девушки, но и собственный жар, быстро поднимающийся из живота к груди.

— Спасибо, что не выдал меня, — просто сказала Катла. — Скажи мне свое имя. Мне надо знать, у кого я теперь в долгу.

Саро ответил. Девушка коротко кивнула, будто мысленно занося новое имя в список.

— Что, если он все вспомнит, когда проснется? — внезапно предположил Саро, ужасаясь при одной мысли об этом.

— Он обнаружит за прилавком совершенно другого человека, даже отдаленно не напоминающего девушку с метлой вместо волос, — засмеялась Катла. — В любом случае думаю, что теперь мне придется их спрятать, так ведь?

Она подобрала кусок промасленной ткани и быстро закрутила ее вокруг головы.

— Смотри. Йетранская принцесса!

Саро улыбнулся. И что эти северяне только о них думают?

— Я заплачу тебе за кинжал, — предложил он, забирая из безвольных пальцев Танта клинок.

Он показался ему горячим, будто пульсирующим в каком-то подобии жизни.

В замешательстве Саро протянул клинок девушке.

Катла отмахнулась:

— Не надо. Это мой подарок — вместе с моими благодарностями. Мне будет очень приятно, если он останется у тебя, а не у твоего мерзкого брата.

Саро неуверенно улыбнулся, потом опустил кинжал в складки туники, где он и лежал, слегка пульсируя — или, может, юноша чувствовал биение собственного сердца? Трудно сказать. Эта девушка заставляла все его чувства обостряться.

Саро попытался сосредоточиться на том, что она сказала.

— Танта считает, что ни одна женщина не в состоянии противостоять его чарам.

— В таком случае у него явно мало знакомых женского пола, — насмешливо произнесла Катла, рассматривая валяющегося без чувств истрийца. — Он гораздо лучше выглядит так, чем в сознании.

— Тебе лучше уйти, прежде чем он очнется.

— Твоя правда.

Катла подарила юноше одну из своих самых чудесных улыбок и привычно принялась упаковывать каждый клинок в только для него предназначенный кусок масляной ткани и складывать все в громадный железный ящик.

Саро повернулся, чтобы осмотреть лежащего на земле брата, и натолкнулся на бесшумно очутившегося позади него высокого молодого северянина с бело-желтой бородой и волосами, сплетенными в сложные косички, перемежавшиеся кусочками цветастой ткани, ракушками и серебром.

— У тебя проблемы, Катла?

Катла завертелась было на месте, но, разглядев новоприбывшего, улыбнулась.

— Привет, Эрн, — проговорила она почти радостно. — Никаких проблем. Уже никаких.

Саро почувствовал, как опускается сердце, и быстро завертел головой, глядя на девушку и ее собеседника. Пусть он будет ее братом, отчаянно думал он, только братом, никем больше... Но выражение глаз высокого мужчины, смотревшего, как Катла собирает оружие, было далеко не братским.

Стон вернул его внимание к вопросу о брате. Саро взглянул вниз. Веки Танта принялись вздрагивать.

Саро наклонился, ощущая непонятную смесь страха и сожаления.

— Танто? Ты меня слышишь?

Рука Танто конвульсивно сжалась, и на один короткий миг Саро показалось, что кулак сейчас взлетит вверх и ударит его в лицо, но движение оказалось просто рефлекторным сокращением мышц.

Потом Танто резко сел — слишком быстро для человека, только что вышедшего из бессознательного состояния. Он схватился за голову и снова застонал.

— Что... что случилось? — нетвердо спросил он, пытаясь сфокусировать взгляд на лице Саро.

— Ты ничего не помнишь, брат? — осторожно поинтересовался Саро.

Танто нахмурился. Попытка собраться с мыслями явно причиняла ему головную боль.

— Я помню, — тут Саро затаил дыхание, — я помню... женщина, чужая женщина...

Сердце Саро забилось где-то в животе. Он быстро огляделся, увидел, как Катла закрыла свой массивный ящик большим железным ключом, сказала что-то негромко Эрно, потом повернулась и исчезла среди палаток.

Саро вдруг почувствовал себя совершенно опустошенным.

— Какая женщина? — резко спросил он.

Танто удивленно поднял глаза.

— Танцовщица, болван... та, с кожаными... кольцами...

Саро попытался выпустить воздух из легких как можно незаметнее.

— А, та... Больше ничего?

— Как я сюда попал?

Танто обвел окружающее пространство обвиняющим взором и, не найдя объекта для злости, остановился на брате.

Саро, отчаянно пытаясь избежать прямой лжи, пожал плечами.

— Ты слишком много выпил, — мягко объяснил он.

Во всяком случае, именно с этого все и началось. Если бы Танто не выпил столько араки по пути сюда из палатки семьи Винго, он бы не стал нападать на Катлу и не спровоцировал бы ее насмешки по поводу отсутствия шрамов на их коже.

Саро вспомнил дрожь, возникшую в ту секунду, когда девушка положила свои сильные пальцы на его плечо, и понял, что к этому моменту он долго будет возвращаться снова и снова.

— Тебе нужна помощь, чтобы вернуться домой?

Высокий эйранец, Эрно, протянул руку Танто, который посмотрел на нее, как на покрытую дерьмом палку.

— Только не твоя, — грубо бросил он, неуклюже становясь на колени.

Он схватился за пояс Саро и вскочил на ноги. Эрно долго разглядывал его, и Саро уже начал гадать — не ударит ли эйранец его брата? Подобное действие было бы чрезвычайно уместным, мрачно решил он.

Потом северянин вежливо произнес:

— Как хочешь.

После этого он повернулся и через несколько секунд уже растворился в толпе.

Саро смотрел, как он уходит, с бьющимся сердцем. Северянин воплощал собой все, чего не дано достичь Саро: высокий, мускулистый, с походкой атлета, явно человек дела, воин... и, вполне возможно, любовник Катлы.

Последняя мысль заставила юношу мучительно содрогнуться.

Катла шла назад по Ярмарке, словно в трансе. Саро Винго. Он ударил собственного брата так, что тот потерял сознание, только чтобы сохранить ее тайну. Саро Винго с глазами из черного бархата и с нежной улыбкой, вызывавшей ямочки на гладких щеках. Саро Винго — иноземное имя чужого мужчины, имя из незнакомых глубин Истрии. Даже простое повторение этих звуков доставляло удовольствие.

Катла вспомнила, как взяла южанина за руку, как темная кожа под ее пальцами

запылала огнем, и в мозгу возникло воспоминание — острое, как галлюцинация, — о том, как завивались его черные волосы, шелковые, как шерсть кошки... как ворот туники под горлом слегка открывал гладкую мускулистую грудь. Цвет его кожи гипнотизировал. Девушка не могла не гадать, стала ли она такой темной от солнечного света, а если так, то где спрятались более бледные участки тела?

Интересно, каково это — возлежать с мужчиной с южного континента? Что-то содрогнулось в ней, глубоко внутри.

— Катла?

Она виновато вскинула голову и обнаружила, что, словно по волшебству, оказалась перед семейной палаткой, а братья с любопытством смотрят на нее, отвлекшись на момент от деревянного сундука, полного денег, стоявшего с откинутой крышкой между ними.

Что с ней происходит?

Девушка поймала себя на том, что грустно улыбается. Вначале она вздыхала по Эрно — подумать только! — теперь по истринскому мальчишке, которого видела только раз и, возможно, больше никогда не встретит. Если она не станет осторожнее, то может закончить, как Йенна.

Катла нырнула в палатку и выронила свой ящик на пол с ужасным грохотом. Потом быстро, как змея, обхватила Халли за шею и игриво сжала его в объятиях.

— Что такое, маленький братишка? — Он был старше ее на семь лет и вдобавок ко всему больше в два раза, но так уж они привыкли дурачиться. — Играешь в счетоводов с Лисом, не так ли?

Халли повернулся и лукаво улыбнулся ей. Потом его правая рука молниеносно взлетела вверх и схватила Катлу за локоть. Он выкрутил сестре руку и уронил девушку на землю перед собой.

Катла больно ударилась об пол, разминувшись с твердым деревянным сундуком на ширину пальца.

— Ой!

Фент вскочил со смехом:

— Это научит тебя не смеяться над Халли, когда он выбывает соревнований по борьбе во втором раунде!

— Она смеялась надо мной?

Халли выглядел обиженным. Потом он погрузил свои волосатые пальцы в диафрагму Катлы и принялся двигать ими, изображая огромного паука.

Катла завизжала и захихикала, словно возвращаясь в давно забытое младенческое состояние: вскоре она уже стучала пятками по полу, будто трехлетняя.

Потом к ним присоединился и Фент, и вот уже они втроем катались по полу, пощипывая и щекоча друг друга, завывая, как звери. В какой-то момент опрокинулся сундук с деньгами, и его содержимое раскатилось по углам.

Именно такая сцена и предстала перед их отцом, вернувшимся с неудачной аудиенции у Врана Ашарсона. Где-то по пути из королевской палатки в свою собственную Аран наткнулся на Эрно. Сейчас оба выглядели хмурыми.

— Что, во имя неба, здесь происходит?! — заревел Аран. — Я ваши вопли услышал еще на Ярмарке!

Тут же воцарилась тишина. Драчуны отстали друг от друга и поднялись на ноги, виновато моргая. Монеты сверкали вокруг них, как доказательство вины.

— Откуда все это? — Аран нагнулся и разгреб серебро. Выловив монетку в двадцать кантари и парочку десятков, помахал ими в воздухе.

— Мы продали Тора в рабство, — сказал Фент с серьезным видом. Тут же рука Арана резко стукнула младшего сына по макушке.

Фент в изумлении отпрянул. Ладони его сжались в кулаки. Казалось, он вот-вот ударит отца, но юноша только опустил голову.

— Мы нашли покупателя на весь товар, — спокойно проговорил Халли. — Каменщик

из Форента, который собирается изваять двадцать статуй их богини. Он сказал, что нужны только превосходные камни, а наши оказались лучшими из всего, что форентиец видел. Мы получили хорошую цену. Так что собираемся завтра повидаться с Финном Ларсоном насчет корабля.

Выражение лица Арана изменилось. Его разум яростно работал. Возможно, вот оно — решение проблемы. В его жизни ничего не происходило случайно. Сур явно улыбался ему.

— В нашей семье больше не обсуждается экспедиция на Дальний Запад, — отрывисто бросил он.

— Но, па! — возмутился Халли. — Мы же с самого начала собирались присоединиться к королевской команде! Ты сказал, мы можем взять деньги с продажи сардониксов, да еще твою с мамой долю...

— Хватит! Больше этой темы не касаемся. Катла, вечером выкрасишь волосы в черный цвет. Эрно рассказал мне, что случилось сегодня...

— Эрно! — Она метнула в него яростный взгляд. — Ты сказал, что будешь молчать! Ты обещал!

Эрно смущенно переминался с ноги на ногу.

— Он поступил так, потому что беспокоился за тебя. Вот краска. — Аран швырнул дочери маленькую стеклянную бутылочку. — Когда закончишь, замотай чем-нибудь голову. Не будем давать повода для неудобных вопросов, почему твои волосы внезапно поменяли цвет. По крайней мере, если к нам снова заглянут стражники, они не найдут тут рыжеволосых девочек. Лучше побеспокоиться заранее, чем потом локти кусать.

— А как насчет того стражника, пригласившего меня на танец? — упрямо спросила Катла.

— Можешь повязать голову вот этим, — застенчиво предложил Эрно.

И протянул ей роскошный кусок ткани.

Эрно нашел ткань в лавке кочевницы и заплатил целое состояние. Ему приглянулся вначале цвет: ярко-синий и зеленый — серость грозовых облаков и глаз Катлы. Когда женщина, продававшая платок, улыбнулась ему и сообщила, что ткань зачарована, Эрно все неправильно понял и согласился, мол, тоже считает материал очаровательным.

— Нет-нет, — мягко поправила его кочевница. — Зачарован. Три элемента: там оттенки неба и моря, а здесь — защита от огня.

Кочевница забрала из пальцев Эрно материю и аккуратно развернула.

— Видишь?

Вдоль одного края бежала линия пламени. Именно чары против огня побудили Эрно купить платок: доброе предзнаменование, да к тому же волосы Катлы тоже огненного цвета. Хотя он и не на секунду не поверил в то, о чем толковала лавочница.

Катла затаила дыхание. Она развернула платок, и облако цветов вылилось в туманную темноту палатки. Зеленый, синий и серый свивались в неясные круги и спирали. Мягкая белая пена морской волны выглядывала то тут, то там. А по нижнему краю взвивались, как пламя, буйные жаркие тона — оранжевый и алый, золотой и ярко-красный.

Фент присвистнул:

— Тебе это наверняка влетело в копеечку, Эрно.

Он не мог себе представить, как нужно любить женщину, чтобы столько потратить на подарок ей. Но Эрно в ответ только вспыхнул и ретировался в глубь палатки.

Позднее, вечером, Саро вытащил браслет из камней настроения из кошелька на шее, поддержал его на ладони и обнаружил, что камни приобрели ярко-зеленый цвет кошачьих глаз.

Ранним утром следующего дня Фент и Халли оказались у палатки Финна Ларсона с деревянным сундуком в руках. Они нервничали: им никогда еще не приходилось поступать вопреки воле отца.

Корабел уже давно был на ногах. Его рабочие бегали туда-сюда с поручениями, а сын, Матт, скатывал в рулоны водонепроницаемые шкуры.

Ларсон был здоровенным мужиком, широкоплечим и мускулистым. Его руки, высывавшиеся из рукавов куртки, покрывались густым слоем шерсти, как у быка. Фент гадал, не унаследовала ли его дочь черты папаши под всеми своими кружевами и безделушками. Если так, то Халли явно ожидает большой сюрприз в первую брачную ночь...

На самом деле их действительно ожидал сюрприз, хотя и не связанный с Йенной Финнсен.

— Привет, парни. Как дела в такое замечательное утро?

Финн подмигнул им, явно пребывая в превосходном расположении духа.

— Хорошо, спасибо, господин, — вежливо ответил Халли, ставя на землю у ног корабела сундук. — У нас к вам предложение.

— Да неужели?

Финн явно любовался собой. Он послал одного из мальчишек за тремя стульями и кувшином вина и не дал пришедшим сказать ни слова, пока они не проглотили последнюю каплю горькой жидкости.

— И что же вы собираетесь мне предложить, что еще не успел ваш добрый отец?

— Наш отец?

— Ну, знаете, парни, Аран-великан, Аран-медведь, как мы называли его, когда дрались бок о бок в последней войне.

Халли подался вперед с серьезным лицом:

— Какую сделку предложил отец?

— Ну как же, парень, он заказал мне лучший корабль за весь этот год: из превосходного старого дуба с плантаций самого Керила Сандсона, ни больше ни меньше. Мачта из резного тиса от Ганнила Керрсона — я сохранил ее со старого корабля отца короля Врана. Думаю, отлично подойдет. И ледорез из закаленного железа. Этим займутся пятнадцать моих людей.

— Ледорез? — повторил Фент в недоумении.

— Честно говоря, о нем он попросил в первую очередь.

— Но на пути к Дальнему Западу нет льда, совершенно точно нет. Штормы и ураганы — да, но зачем ему ледорез?

Финн Ларсон пожал плечами:

— Я только принимаю заказы, парень, и если твой отец запросил ледорез...

Вмешался Халли:

— Нас не волнует, что заказал отец. У нас есть собственная просьба. Шестьдесят весел, загнутая назад корма и нос, судно быстрое и легкое: вот что нам нужно. Когда мы говорили в последний раз, было упомянуто, что подобный корабль будет стоить около шести тысяч кантари. Мы принесли большую часть суммы.

Корабел ошеломленно захлопал глазами.

— Кажется, клан Камнепада сейчас на подъеме в денежном вопросе, — заметил он и радостно потер руки. — Ну, давайте посмотрим на ваши денежки, потом я начну расчеты. На этой Ярмарке у меня много работы, гораздо больше, чем я планировал. Надеюсь, вам не так срочно нужен корабль, как остальным?

— К осени, — осторожно сказал Халли. — К осени этого года.

— Ага, — хмыкнул Финн. — Ну, случались и более странные вещи. Конечно, найти подходящее дерево для загнутых носа и кормы сложнее, чем для прямых. Но я постараюсь.

— Мы только на это и надеемся.

Фент подхватил сундук и вытряхнул его содержимое на землю. Послышался стук, резкий и глухой, и поток осколков сардоникса высыпался им под ноги, подняв облако пыли. Братья уставились на горку камней.

Финн Ларсон принялся хохотать. Белые зубы сверкали сквозь серую бороду.

— Лисица утащила цыпленка! — радостно взывал он, держась за огромный живот и

качаясь из стороны в сторону на стуле.

Наконец Ларсон набрал достаточно воздуха, чтобы выдохнуть:

— Вижу, вы, ребята, богаты только полудрагоценными камнями, а ваш отец внезапно разжился монетами, но, насколько я знаю, обилием сестер вы похвастаться не можете!

— Сестер? — Обычно низкий голос Халли поднялся на октаву. — У нас есть только одна, как всем прекрасно известно — Катла, подруга Йенны.

— Да, и скоро Катла будет новой женой Финна. Аран принес мне не слишком много монет, поэтому мы пришли к несколько иному соглашению. Она милая девочка, хотя и немного диковатая. Но это мы из нее быстро выбьем.

Братья уставились друг на друга:

— О небо, что он наделал?!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 10 ПОНИМАНИЕ

Позднее, тем же утром, Йенна, подслушав странный разговор у семейной палатки, вышла на поиски Катлы, надеясь, что та прояснит ситуацию. Однако, добравшись до лавки, нигде не обнаружила подруги. Вместо нее за прилавком стоял Эрно, огромный, мускулистый, в явно неуместной на фоне богатого синего бархата домашней тунике. В его широких ладонях маленький нож, который он показывал богатому истрийцу, выглядел, словно булавка.

Йенна улыбнулась.

— Отличный мастер, — услышала она, как Эрно обращается к лорду. — Да, один из лучших на северных островах...

Потом Эрно поднял голову, поймал ее взгляд и тут же вновь опустил глаза в смущении.

— Здесь ты Катлу не застанешь.

Йенна повернулась назад. Там стояла маленькая Марин Эдельсен. Только теперь она уже не выглядела такой уж маленькой. Даже спрятанная под роскошно вышитой шалью, которую девушка обернула вокруг плеч и прикрепила к лифу, грудь Марин была просто невероятных размеров. Здороваясь с ней, Йенна почти не могла оторвать глаз от фантастического зрелища.

Она усилием воли перевела взгляд налицо Марин.

— Эрно сказал, что Катла плохо себя чувствует, — сообщила та. — Она, может быть, даже не придет на Собрание. — Последнюю фразу Марин произнесла, как показалось Йенне, почти торжествующе. — Так что я жду здесь, пока Эрно закончит и у меня появится возможность пригласить его на танец.

— Марин? — возмутилась Йенна. — Ты не можешь просить Эрно танцевать с тобой! Это неправильно. Совсем неправильно!

Марин раздраженно взглянула на нее:

— Что тут неправильного? Он не принадлежит Катле, что бы она себе ни воображала, — произнесла она с какой-то ненавистью.

— Ты не можешь просить его танцевать с тобой. Так взрослые женщины не поступают, а, Сур свидетель, ты, по-моему, сейчас выглядишь по-настоящему взрослой. Честное слово.

Марин прижала руки к груди, но своевольная плоть не потерпела такого обращения. Почувствовав давление снизу, она тотчас подпрыгнула вверх и весело вырвалась из-под шали, как живая. Вскрикнув, Марин поспешно привела одежду в порядок.

— О, Йенна, — взвыла она, хватая старшую девушку за руку. — Что мне делать? Они растут и просто не желают останавливаться!

Йенна снова опустила взгляд. На хрупкой фигурке Марин ее новая грудь действительно

выглядела нелепо.

— Благодарю небеса за такой дар, — проговорила она со всей возможной добротой. — После стольких лет жизни с плоской, как доска, грудью, тебе следовало бы радоваться, что ты наконец начала развиваться как женщина. Грудь хорошего размера вовсе не мешает. Я так собираюсь подобрать такое платье, в котором моя откроется взору короля во всей своей полноте. А ты что наденешь вечером, Марин?

Девушка еще больше съежилась.

— Я... я не знаю. Платье, которое я собиралась надеть, ну то, голубое с меховой оторочкой, — Йенна кивнула, — оно слишком узкое теперь. Я мерила его вчера вечером, и оно разъехалось по швам. Сегодня я вообще не смогла его натянуть. Это неестественно, Йенна, честное слово.

— Конечно, естественно, дорогая, — Йенна использовала свой самый успокаивающий, покровительственный тон, — естественнее нет ничего на свете.

— Да нет же! — Марин поближе придвинулась к Йенне. — Обещай, что никому не расскажешь, потому что надо мной точно станут смеяться из-за моей дурости. Я ходила к кочевникам. — Она виновато огляделась и понизила голос до шепота: — Это магия. Что-то пошло не так. Я купила зелье. Чтобы заставить грудь расти. Чтобы... чтобы Эрно заметил меня.

Йенна ахнула, вспомнив свой разговор с Киттой Соронсен, когда ехидная маленькая мадам с ликованием объявила (хоть и немного напутав), что Марин потащила Эрно к Потерянным, чтобы купить ему любовное зелье. Тогда Йенна посчитала ее болтовню абсурдом. Какая патетика, подумала она сейчас. Ребячливая, щупленькая Марин зашла так далеко, чтобы заставить мужчину заметить ее. И получила такой результат на свою голову.

Она с трудом удержалась от смеха. Как нелепо! Да и еще ради Эрно Хамсона, этого увальня. Кроме того, все, кто еще не ослеп, прекрасно видели, что он страдает по Катле Арансон.

Она вздохнула. Бедняжка Марин.

— Магия? — Йенна неосознанно крутила локон между пальцами. — Ну, — весело добавила она, — тогда все поправимо.

— Правда?

— Конечно. Мы просто пойдем туда, где ты купила свое зелье, и попросим что-нибудь, отменяющее его действие.

Марин уставилась на нее с открытым ртом, будто Йенна превратилась в оракула.

— О, Йенна, ты такая умная!

Потом на ее лице снова отразилось отчаяние. Девушка схватила кошелек, висевший у пояса, и высыпала содержимое на ладонь. Выпали только две блестящие серебряные монетки.

— О небо! Кажется, не хватит.

— Сколько стоило зелье?

— Двенадцать кантари.

— Двенадцать кантари?

— Все мои сбережения, — словно оправдываясь, ответила Марин.

Двенадцать кантари. У Йенны в кошельке около тридцати, но она не собиралась ни в коем случае отдавать их Марин Эдельсен.

Потом в голову ей пришла блестящая идея. Она схватила Марин за руку и потащила прочь от лавки Катлы.

— Пошли со мной!

— Но... — Марин бросила умоляющий взгляд назад на Эрно, который, судя по повороту его головы и опущенным глазам, намеренно не обращал на них никакого внимания. — Но куда мы идем? Квартал кочевников в другой стороне. Я не понимаю...

— Нет смысла идти в квартал кочевников, пока у тебя не появятся деньги на новое зелье. Так что мы попытаемся достать для тебя пару кантари.

— Но как?

Йенна не ответила. Вместо этого она рванула Марин за руку так, что девушка потеряла равновесие. Ей пришлось бежать следом за подругой, чтобы не упасть.

— Йенна, — закричала Марин, почти срываясь на визг, так что Эрнэ резко вздернул голову. — В том направлении Игры...

— Знаю, глупая. Именно туда мы и идем. Где соревнования, там и ставки. Фара Гильсен сказала, там будет тот молодой истриец, о котором все говорят. Красивый, как сокол, с замечательным экзотическим именем: Танто Винго. — Она роскошно протянула гласные. — Фара сказала, он обязательно выиграет в поединке на мечах. Мы поставим на него твое серебро и удвоим капитал. — Она хлопнула в ладоши в восторге от собственной гениальности. — Легко.

Марин последовала за ней в смятении. Как должна вести себя настоящая леди, если ей не следует приглашать понравившегося мужчину на единственный танец на Собрании, но при этом можно весело отираться рядом с жуликами и проходимцами у стола букмекера. Если здесь ее увидит отец, она точно заработает порку.

Увлекаемая отчаянием, изнывающая от ужаса Марин покорно позволила Йенне увести себя. Грудь ее уныло колыбалась на каждом шагу.

Танто Винго в этот момент метал молнии. Его финальный поединок начнется менее чем через полчаса, а вчерашний сломанный кинжал все еще в его ножнах, и поправить ситуацию в оставшееся время, кажется, не удастся. Однако у него сохранилось смутное воспоминание о том, как где-то посередине между прогулкой по Ярмарке с братом прошлым вечером и бочкой араки, которой соблазнили его отец с дядей прошлой ночью, он держал в руках другое оружие — замечательно сбалансированный клинок, льнувший к ладони, как в смертельном поцелуе. Танто все еще ощущал его, как ампутированную конечность.

— Он не так уж и плох, Танто, правда, — принялся успокаивать его отец.

Саро видел, как он поднял кинжал, который Танто швырнул в ярости на землю, и смахнул с него пыль.

— Смотри. Зарубки очень маленькие.

— Он пропал! — взвыл Танто. — Как и все остальное! Как, именем Богини, я выиграю бой со сломанным клинком?! Даже против такого старого идиота? А если я проиграю, Саро лучше победить на проклятых скачках однолеток, или его жизнь ничего не стоит!

Это точно, понял Саро. Он извинился и пошел к лошадям.

Сегодня утром юноша проснулся от кошмара. Всю ночь его посещали видения с неясным смыслом, и если некоторые и начинались хорошо, то под конец и они обнаруживали свои темные стороны. Во сне, который запомнился ему лучше всех, он скакал на лошади по неизвестным болотам. Над головой облака скрывали солнце, так что если Саро мчался галопом, то оставался в тепле, как только замедлял бег, туман с земли, повторявший тучи на небе, норовил поглотить человека и коня. Необходимо было обогнать тени. По какой-то причине темнота избегала их. Сердце стучало в унисон с ударами копыт. Когда впереди внезапно появилось озеро, юноша осознал, что они погибли. Тут исчезла лошадь, а он начал тонуть — шел вниз, вниз, пытаясь вздохнуть, пока тьма не поглотила его полностью, и Саро решил, что уже совсем утонул. Но тотчас к нему приблизилось какое-то морское животное, появившись из ниоткуда — обитатель страшных глубин со знакомыми серыми глазами. Саро благодарно обнял его, и они вместе взлетели на поверхность, где безвредные облака мирно проплывали над головой, а вокруг разливалось море пульсирующего света.

Морское животное в пресных водах? Странно, удивился Саро, проснувшись. Он, наверное, сходит с ума.

Юноша выбрался из смятых простыней и уселся на краешек кровати, медленно прокручивая в голове события предыдущего дня. Потом поднял подушку и обнаружил кинжал, который сам же и положил туда — клинок, сделанный Катлой, серебряные завитки

и пламенные частицы там, где металл загибался, наплывал волнами, плавился в огне, пока не проступил дракон, как отражение изящно выкованного зверя, свернувшегося у рукоятки.

Саро взял его, обнял ладонью, как живое существо, и, как живое существо, кинжал начал пульсировать, посылая теплые волны по нервам его руки.

— Катла, — произнес юноша вслух. — Катла Арансон.

Звучание ее имени как будто околдовывало Саро...

Он закончил чистить бока жеребца и прижался головой к сильному плечу. Как только юноша сделал это, конь задрожал под его щекой, и разум животного встрепенулся, открываясь. В прикосновении было сочувствие, ощущение товарищества. Признание человека с нежными, мягкими руками. Того, который осторожно водил щеткой по шерсти, вместо того чтобы намеренно раздирать колтуны, который носил во внешней коже вкусные вещи, в то время как другой приносил только боль и страх: летящий камень, ранящая нога...

Саро отшатнулся от жеребца в изумлении, контакт с разумом животного немедленно угас. Юноша покрылся потом, затем его начал бить озноб. Само по себе неприятно, что дар старого кочевника наделил его нежелательным доступом к мыслям людей, но внезапно стать частью незнакомого разума лошади — вот что действительно выбивает из колеи.

Ночной Предвестник потянулся к нему носом, нюхая воздух, но Саро отпрянул в сторону. Его собственный разум находился в смятении. Получается, теперь поездка на лошади превратится в нечто вроде постоянного вторжения, соприкосновение разумов? Но тогда то же самое повторится и с другой лошадию. Как же теперь жить дальше, если он не в состоянии касаться ни людей, ни животных — без того, чтобы быть захваченным потоком чужих чувств и мыслей? Слишком неподъемный груз...

И как же теперь будет со скачками, подумал юноша, отчаянно пытаясь сосредоточиться на менее сложном вопросе, с которым можно хоть как-то управиться. Саро уронил щетку в пыль и повернулся к выходу. Он скажет им, что лошадь хромает и не может бежать. Наверное, отец и дядя найдут другой способ заплатить за невесту и спасут его от колотушек. Но что тогда с Гайей и ее бабушкой? Как они справятся без денег, которые он собирался для них выиграть? Мысли летели вскачь, путались и сбивались в кучу. Проблема обрастала новыми обстоятельствами и последствиями, превращалась в неразрешимую. Его мысли сцепились, как восемь рук мифического Поглотителя Кораблей после того, как Сирио Великий одержал над ним победу, так что он не мог найти ни начала, ни конца.

Добравшись до площадки, где проводились поединки на мечах, Саро все еще не придумал, как быть.

Он увидел большую толпу. Стражники в голубых плащах еле сдерживали зевак за веревками, отмечавшими края арены. А люди все подходили и подходили, будто по всей Ярмарке распространился слух, что здесь происходит главное событие года.

Из двух соревнующихся, однако, появился еще только один — Танто, беззаботно прогуливающийся взад-вперед по кругу, как по своей территории. Он улыбался и пожимал руки прелестных женщин, перегибавшихся через веревки, чтобы прошептать ему слова напутствия, дотронуться до него на счастье. Танто поцеловал одну в щеку, другую (с большей страстью) в губы. Девушки захихикали и покраснели. Вторая перевязала его бицепс вышитой ленточкой, которая теперь развевалась на ветру, словно вымпел. Кочевница кинула ему цветок. Истриец со смехом поймал его в воздухе и заложил за ухо.

Он нравится женщинам, с горечью заметил Саро. Танто как будто заморозил их, скромницы трепетали и краснели, когда он достаивал их взглядом. А дерзкие оторвы выпячивали грудь и отпускали неприличные замечания. Вот что значит обладать красотой и надменностью, подумал Саро, почувствовав укол ревности. Женщин не волновало, что под приятной внешностью скрываются жестокость и мелочность, которые он так хорошо знал, они думают только о возможном флирте и кокетстве. Юношу внезапно охватило непреодолимое желание передать им часть своего дара. Тогда они, возможно, станут меньше внимания обращать на брата.

На противоположной стороне круга толпа начала расступаться, давая дорогу высокому

мужчине в чалме пустынного. Он шагав сквозь толпу, по пятам за ним следовали его болельщики в таких же причудливых одеждах. Добравшись до веревок, вместо того чтобы поднырнуть под них, кочевник перепрыгнул через ограждение сверху. Толпа внезапно смолкла, воцарилась тишина, затем люди начали говорить все разом.

— Феникс, его зовут Феникс, — расслышал Саро слова человека, стоявшего впереди него. — Птица, восстающая из пепла.

Заинтригованный Саро принялся более внимательно рассматривать пустынного. Тот оказался не выше Танто, несмотря на примечательную внешность, разочарованно понял Саро. Пустыннику просто прибавляла роста чалма. И все же он производил впечатление: легкий, но мускулистый.

Наружность обманчива, решил Саро. Такой не станет хвастать своим умением. И действительно, снаряжение Феникса поражаало ветхостью и неухоженностью. Нателная рубашка из запятнанной, скомканной ткани непонятного цвета. Поверх нее простая безрукавка из дубленой кожи, тряпочный витой ремень, нагрудная пластина из толстой кожи, покрытая сотнями колец из закаленного железа. Штаны, сшитые из того же материала, что и куртка, Феникс заботливо замотал в варварской манере от колен до лодыжек кусками шкур, с которых удалось соскрести далеко не весь мех и плоть. Коричневые и черные пучки торчали и тут и там, но Саро боялся даже предположить, какое жуткое существо могло обладать таким кошмарным покровом.

Было трудно определить возраст Феникса из-за того, что ткань закрывала все, кроме его глаз. По его манере держаться — опытной, уверенной, очень подходящей воину, — Саро дал бы ему сколько угодно лет: от тридцати до пятидесяти. Глаза тоже не сильно помогали. Черные и блестящие. Морщинки в уголках, когда Феникс остановился, нахмурившись (или улыбнувшись, трудно сказать), оказались бледными по сравнению с темной от загара и ветров кожей.

Жесткий человек, решил Саро. Наверяд ли «старый идиот», как обозначил его недоумок-братец. Саро тут же пришло в голову определение «выдержанный боец», будто его подсказала сама внешность человека. Оно действительно безошибочно подходило пустынному. Он выглядел таким же крепким, как выдержанное дерево, дуб, оставленный на милость природы гнить или становиться тверже. А когда кочевник закатал рукава нателной рубахи, Саро разглядел паутину белых шрамов, изрезавших руки. Есть ли хоть один шанс у его брата против такого бойца?

Однако Танто вроде бы вовсе не волновала угрожающая внешность оппонента. Все вокруг ничего не значило, пока он впитывал восхищение толпы. Какая-то женщина громко спросила, женат ли он.

— Сегодня я холостяк! — объявил Танто, раскидывая руки так широко, будто пытался обнять их всех. — А вот завтра?

Казалось, все женщины без исключения расцветали под его взглядом. Саро заметил пышную девушку с развевающимися золотыми волосами, тащившую подругу — странное существо с тонкими руками и огромной грудью — поближе к веревкам. Кочевницы с бритыми головами и напичканными драгоценностями зубами свистели в сторону его брата. Две эйранские матроны в домашних туниках и шикарных шарфах громко отметили отличную длину ног Танто, так прекрасно подчеркнутую фиолетовыми штанами, которые он выбрал к ярко-зеленой вышитой тунике. Белые зубы и блестящие глаза на фоне темной кожи лица. Он выглядел, как пришлось признать Саро, словно жеребец отличной породы, выставленный на парад, весь сияющий и ловкий.

Но если Танто напоминал жеребца, то его противник, без сомнения, был пустынным конем, подумал Саро и пошел делать ставку. Добравшись до букмекера, он с удивлением обнаружил, что ставки на Танто увеличились до четырех к трем. Явно работа женщин, решил юноша.

Дорога к месту поединка на мечах заняла больше времени, чем предполагала Йенна,

потому что на пути попало слишком много отвлекающих моментов.

Марин особенно поразили соревнования по метанию валунов. Настоящие гиганты, все почти без исключения эйранцы, поднимали чудовищные камни и кидали их с пронзительными громкими криками чуть не на ноги зрителям. Потом человек с измерительной палкой отмечал расстояние до камня каждого участника.

Йенну, не проявлявшую интереса к горам мышц, особо не впечатлил такой вид спорта.

Лошадиные бои за следующей оградой без преувеличения называли кровавым побоищем. Девушки поспешно пробежали мимо, пряча глаза, стараясь не замечать визга лошадей, кусков оторванной плоти и раздробленных копыт.

Затем показался ринг, где сражались кулачные бойцы. Здесь уже настала очередь Йенны останавливаться и глазеть, потому что где еще можно рассматривать мужские обнаженные тела так свободно и так долго — разве только еще на соревнованиях по плаванию, но они уже далеко отошли от берега. Однако, напомнила Йенна Марин, хватая девушку за руку, будто остановка у ринга была ее идеей, надо успеть сделать ставки.

И действительно, у них еле хватило времени на то, чтобы поставить деньги на выбранных бойцов и найти свободные места, прежде чем стражники подозвали противников, чтобы осмотреть их оружие и зачитать правила.

— Он очень красивый, — прошептала Марин подруге, в то время как Танто потягивался и играл мускулами. — Но, по-моему, у него жестокий подбородок. А пустынный мне нравится даже больше.

Йенна удивленно воззрилась на нее.

— Что ты знаешь о мужчинах? Жестокий подбородок! Если бы мое сердце не принадлежало королю Врану, я бы бросила его к ногам Танто Винго без раздумий, — безрассудно рассмеялась она. — Потому что, не считая короля, он самый красивый парень, какого я когда-либо видела. И что ты нашла в пустыннике? Не видно ничего, кроме рук и лица. Не по ним же одним ты судишь?

— Это больше, чем видят истрийцы, когда выбирают себе невест, — заметила Марин несколько раздраженно, — потому что девушки показывают только губы и руки. И когда король Вран выберет себе в жены Лебедь Йетры, он получит возможность взглянуть на невесту только в первую брачную ночь.

Йенна разозлилась. Она поспешно огляделась — не слышал ли кто их разговор? Но окружающий девушек народ сосредоточил внимание на собирающихся вступить в бой противниках. В этот момент стражники в плащах обыскивали их на предмет припрятанного оружия.

Марин выделила из толпы Саро и сжалась над Йенной.

— Посмотри, — быстро проговорила она, пытаясь сменить тему. — Посмотри на того, за мужчиной с огромной бородой.

Йенна проследила за взглядом Марин. В молодом южанине у противоположного края арены определенно что-то было. Как и мужчина на ринге, хорошо сложенный и темнокожий, он отличался не столь точеными чертами лица, более длинными, не прилизанными волосами.

Йенна отметила, как юноша аккуратно лавировал среди зрителей, не спуская глаз — черных и напряженных — с Танто Винго. Может быть, они любовники! Йенна слышала из приглушенных разговоров придворных слуг в Халбо, что мужчины в южных государствах иногда жили вместе, как муж с женой. Там даже существовала версия истории о маге Арахе, будто он поссорился со своим любовником, тоже могучим магом, и был вынужден заключить его под землю, в пещеру из золота и хрусталя. И всю оставшуюся жизнь Арахе навещал его там и горевал. Магия вышла из него, оставив пепел вместо сердца.

Очень романтично, подумала девушка. И потом есть еще древние истории о героях. Как любовники шли вместе на войну — мужчины и мужчины, женщины и мужчины, и даже иногда, что было совершенно немыслимо для Йенны, женщины и женщины. Они дрались спина к спине, защищая друг друга, и умирали в попытке отстоять свою любовь. Но никто на Эйре — из тех, кому девушка задавала вопросы, — не хотел даже говорить с ней, будто она

затрагивала запретную тему.

Йенну посетило внезапное, прекрасное видение: словно она воительница, как Фирнир из Дапла, в сверкающей кольчуге и шлеме, с сияющим мечом в руках, стоит спина к спине — она почти чувствовала тепло его солнечной кожи сквозь слои материи и железа, — защищая своего господина и любимого, короля Врана...

Звон металла резко вывел девушку из задумчивости. Толпа взорвалась криками и свистом.

Феникс сделал выпад и прижал юного истрийца спиной к веревкам ограждения с первого же раза, так что тому пришлось быстро отступить и отбить атаку по ходу. Ноги бойца легко затанцевали по земле. Когда он повернулся к зрителям лицом, Йенна обнаружила, что южанин дерзко улыбался, а его лицо вспыхнуло от возбуждения. Внезапно ее ставка показалась почти наверняка выигрышной.

— Вперед, Танто! — закричала Йенна и услышала, как ее призыв подхватили другие.

Пустынник, несмотря на все свое искусство и таинственность, на этом конце арены, похоже, не завоевал особых симпатий.

Боец в тюрбане снова приблизился к противнику, и снова Танто увернулся. Тонкий северный меч пустынника рассек воздух, словно топор на скотобойне. Танто поймал клинок кинжалом, который держал в левой руке, и отбил вверх, затем проскочил под поднятой рукой соперника, полоснув своим отличным форе́нтским мечом по нагрудной пластине противника.

— Удар! — закричал судья.

— Удар! Удар! — эхом отозвалось в толпе.

Йенна возбужденно сжала руку Марин.

— Вот видишь!

Пустынник смотрел, как Танто ретировался к другому концу арены. Он покачал мечом из стороны в сторону, сопровождая упражнения выкриками на каком-то ужасном Древнем языке:

— Я уж тебя укорочу, милый мальчик! Заберу твои розовые ножки с собой и скормлю их собакам!

В ответ Танто махнул кинжалом в сторону противника таким манером, что в любой культуре это посчиталось бы оскорблением.

Феникс заревел и бросился вперед. Снова Танто отступил в сторону, но, когда он попробовал повторить тот самый маневр, что выиграл ему очко, пустынник, быстрее и легче, чем Йенна представляла возможным, нырнул вниз, заставив Танто потерять равновесие. Ловкая подножка помогла молодому истрийцу свалиться на землю окончательно. Глаза пустынника заблестели от насмешливого презрения. Его меч опустилсЯ сверху вниз, будто — хотя клинок был затуплен по правилам состязания — он собирался разрубить Танто надвое. Однако Феникс все же остановил меч и, отступив на полшага, резко ударил истрийца в грудь. Должно быть, получилось довольно сильно, потому что Танто взвизгнул, как побитая собака.

— Удар! — закричали болельщики пустынника.

— Удар, — согласился судья.

Танто вскочил на ноги. Все его движения говорили о безумной ярости, овладевшей им, а когда он повернулся, стало видно, что возбужденный румянец, с которым истриец начал бой, сменился уродливыми пурпурными пятнами.

Уже не такой красавец, удовлетворенно подумала Марин.

Танто бросился на Феникса, выставив перед собой меч. Даже с шариком на острие, с беспокойством подумал Саро, таким клинком с разбега запросто можно проткнуть человека насквозь. Но Феникс просто поднял вверх руку и совершенно спокойно отбил тонкий форе́нтский клинок. Снова Танто бросился на противника, и опять пустынник хладнокровно парировал выпад. Яростные атаки Танто и спокойные уходы Феникса продолжались несколько минут, пока толпа не охрипла от криков.

А потом положение изменилось.

Феникс, встречая очередной выпад Танто, не стал отступать или встречать клинок противника своим, а сделал шаг навстречу и, когда истриец промахнулся, сделал резкое движение, поднял плечо так, что оно ударило прямо в грудь противника, и перекинул более легкого Танто через себя на землю.

Если бы это видела Катла, она тотчас признала бы традиционный эйранский прием, один из ее любимых, призванный использовать вес и скорость противника против него самого.

Толпа буквально взвыла.

— Против правил! — завопила женщина справа от Йенны.

— Нечестно! — закричали истрийцы.

Феникс отступил, пожав плечами. Он посмотрел на судью, но тот неодобрительно поджал губы.

Танто тем временем вскочил на ноги и набросился на пустынного с удвоенной энергией. Несмотря на усталость, долгие тренировки давали себя знать.

Истриец в три гигантских прыжка пересек арену, вытянув руку, и острое меча вместе с шариком-протектором вонзилось в нагрудную пластину Феникса, прежде чем тот успел подумать о контратаке.

Феникс зарычал и отступил назад. Оружие Танто застряло прочно, и истриец был вынужден шагнуть вслед за противником.

Меч пустынного начал опускаться на голову Танто. Такой удар, если бы он достиг цели, расколол бы череп юноши надвое, несмотря на затупленное лезвие. Но молодой истриец продемонстрировал удивительную быстроту реакции, успев заблокировать атаку. Полетели искры, металл заскрежетал о металл, и тут клинок Танто не выдержал.

Обломки меча разлетелись по рингу, словно звездный водопад. Один осколок попал пустынному в лицо, между складками тюрбана. Брызнула кровь, но Танто, с онемевшей рукой, сжимающей рукоятку кинжала, и кончиком меча, все еще застрявшим в нагрудной пластине противника, стоял совершенно неподвижно, словно окаменев от шока.

Пустынный неуловимым движением поднес меч к горлу Танто.

— Победа! — заревели его последователи.

— Победа!

Толпа взорвалась криками. Два стражника в голубых плащах с трудом высвободили оружие истрийца из колец нагрудной пластины Феникса. Освободившись, Танто зло вырвал у них меч, сунул его в ножны и вылетел с арены, не позаботившись забрать дорогую рукоять сломанного кинжала. Однако он не забыл взять кошелек с призовыми деньгами за второе место. Какой-то парень из Потерянных с острыми глазами проскользнул под веревками, пока внимание толпы все еще занимали двое противников, и сунул за пазуху рукоять с победной улыбкой. Несколькими минутами позже между ним и неким эйранцем вспыхнула ссора, в которую затем ввязалась группа истрийцев.

Феникс вытер кровь с лица. Потом, прижимая к царапинам кусок пористой ткани, забрал приз и исчез в толпе.

Марин отправилась забирать свой выигрыш. Раздраженная разглагольствованиями Йенны, она поставила на Феникса. Букмекер высыпал в подставленную ладонь серебро.

За ее спиной из истрийцев в очереди стоял только Саро. Когда он подошел к столу, букмекер с любопытством смерил его взглядом, потом почесал нос и подмигнул юноше.

Саро и отдаленно не представлял, что обозначал данный жест, однако принял деньги, которые букмекер аккуратно отсчитал ему в руку, положил монеты в кошель и направился к загону, где оставил Ночного Предвестника. Теперь ему придется выиграть в проклятых скачках.

Пробиваясь через толпу и ни на что особенно не отвлекаясь, юноша внезапно услышал знакомый голос:

— Саро, подожди!

Обернувшись, он обнаружил пытавшегося нагнать его дядю. Сердце Саро ёкнуло, но оказалось, что Фабел собирался сказать только:

— Желаю удачи, парень. — Он с улыбкой взлохматил волосы племянника.

Странная смесь эмоций проникла в мозг Саро: отчаяние и тревога, беспокойство по поводу возможного проигрыша на скачках. Ведь трудно надеяться на не слишком атлетически сложенного парня, не умеющего как следует держаться в седле, и на Ночного Предвестника, который вообще никого не уважает и скорее всего встанет на дыбы и сбросит мальчишку. Фабел откровенно боялся того, что они никогда не наскребут денег на приданое, если Саро потерпит неудачу. И Фалла знает, что тогда сделает Танто, потому что у парня явно неустойчивая психика, несмотря на смазливую мордашку и физическое развитие... А Фавио — Фавио тоже разочаруется, он и так уже достаточно виноват перед братом, чтобы доставлять ему дальнейшие неприятности...

Все это Саро почувствовал в краткое мгновение, понадобившееся Фабелу на то, чтобы коснуться волос племянника.

Убрав руку, дядя оставил в нем единственное беспокойное видение: глаза женщины, расширившиеся от удивления и даже радости при виде мужчины, взбирающегося на нее. Он слышал голос, шепот, пронесшийся сквозь года: «О Фабел, Фабел...»

Только добравшись до загона, оседлав Ночного Предвестника и подъехав к стартовой линии, Саро осознал — на фоне нервного напряжения лошади, — что слышал голос вовсе не тети, а своей матери.

— Фезак! Фезак! Смотри, я вижу скачки однолеток! — ликовал мальчик, демонстрируя улыбку от уха до уха. — Смотри, бабушка, в камне.

— Не глупи, малыш. Скачки начнутся через час или два.

Фезак устала, сегодня было очень много клиентов. Мужчины, ищущие зелья для отваги, которую они не могут получить другим способом. Женщины, алчущие красоты, которой им никогда не достичь естественным путем. Другим хочется узнать собственное будущее... или требуется разъяснение предзнаменований и снов.

Были желающие наслать проклятие на соседей или недругов, их Фезак с гневом отвергала. «Бродяги не причиняют зла, думай в следующий раз, прежде чем просить». Последние две посетительницы, постучавшие в лунно-солнечную дверь, уже покупали у нее зелье. Оно возымело чрезмерный эффект, и теперь им понадобилось нечто, прерывающее его действие. Девушку Фезак помнила, хотя ее грудь и изменилась до неузнаваемости. На них обеих происшествие подействовало отрезвляюще.

Старуха стала за спиной внука, хотя была с ним почти одного роста. Она начала вглядываться в кристалл из-за его плеча, но ничего так и не увидела. Ребенок обычно не страдал излишним воображением. Однако во время Ярмарки действительно происходило много странных событий. И не только во время Ярмарки, поправила она себя. Нет, Певчая Звезда заметила еще кое-что — нечто неосязаемое, как напряжение в воздухе, волнение в крови — несколькими неделями раньше, словно первооснова природы мира претерпевала странные смутные метаморфозы...

— Смотри! Вот здесь, в центре огромного клуба пыли, две лошади дерутся. Пегая с гигантом в седле и гнедая, на которой сидит мальчик, спасший Гайю. О! Видишь, у пегой на зубах кровь, а у гнедой — рана на плече!

Фезак нахмурилась. Она мягко оттолкнула внука в сторону и наклонилась над большим отполированным камнем — куском розово-серого кристалла, извлеченного с немалыми усилиями из пещеры в западных скалах, там, где Золотые горы примыкали к одиночным острым вулканическим пикам, известным народам с холмов под названием Скелет Дракона.

Кристалл выкопали родители, не сдержав громких радостных восклицаний при виде чистоты и размера находки. Это был действительно ценный камень. Они все еще верили в старую магию, в то, что такие камни служили каналами для силы земли, давно стершейся из

памяти народа и бездействовавшей больше двух сотен лет.

Прошлое уже не так ясно вставало перед ней, но тот день остался с Фезак навсегда. Они возвращались с Собрания горных племен, праздновавших победу над истрийским лордом и его солдатами, которые пытались обратить их в рабство. Все захватчики теперь валялись мертвые под камнями, обрушенными женщинами клана, когда мужчины подвели ничего не подозревающего врага под опасные утесы.

Кочевники не поощряли подобную жестокость, да и не верили в возможность обращения в рабство одних людей другими, и присоединились к празднованию просто так. И все же на следующий день Фезак с родителями и другими кочевниками направлялась к горам с тревожным сердцем.

Появление кристалла никак не успокоило ее предчувствия, что за следующим перевалом их ожидает несчастье. И действительно, они встретили войско истрийцев тем же вечером. Солдаты врага нашли тела своих изуродованных товарищей и услышали сказки, будто кочевники вызвали камнепад магией. Обоих ее родителей убили, как и еще семерых мужчин. Выживших женщин изнасиловали. Результатом одного из надругательств стала ее дочь Алисия. Фезак не любила южан.

Положив ладони на кристалл, пожилая женщина почувствовала, как его мощь пульсирует в ней: слабое покалывание в пальцах и на запястьях, онемение рук. Она привыкла к этому ощущению, к вырабатываемой камнем энергии — достаточной для излечения мигрени, снятия боли от синяка или раны. Ясновидение, однако, всегда было за пределом возможностей камня. Поэтому Фезак с некоторой долей удивления ощутила, как кристалл овладевает ею, словно проходит через нее, ищет выход своей мощи. По костлявым рукам начали пробегать волны тепла.

Она почувствовала, как они достигли груди, шеи, дотянулись до костей черепа, где взорвались белым ослепительным светом, обожгли глаза изнутри. Старая женщина увидела хаотическую картину: дерущиеся лошади, чьи копыта разбивают землю в клубящееся облако черной пыли, искривленное от ужаса лицо мужчины, совсем еще мальчишки, его темные глаза, расширившиеся в панике... и еще что-то — знание, ужас. Другой мужчина, больше и старше первого, с угрожающим видом дотрагивается до его плеча и заносит плетку для удара. Остальные наездники несутся вскачь — мимо, мимо... Когда пыль улеглась, старуха поискала темноглазого парня снова, но безуспешно. Человек с плеткой лежал на земле, затоптанный собственным конем.

Фезак наклонила камень, чтобы разглядеть все в подробностях, но картинка тут же поблекла и изменилась, затем наступила темнота, и старуха почувствовала запах крови.

Кочевница взвизгнула и убрала ладони с кристалла.

— Тебе не следует прикасаться к камню, — с непривычной суровостью предупредила она внука.

Ее голос дрожал — и не только голос. Фезак взяла шерстяное одеяло с полки, где хранила постельные принадлежности днем, осторожно закутала в него кристалл, подняла свою ношу и тяжело спустилась по ступенькам фургончика.

Добравшись до жилища дочери, она позвала ее по имени:

— Алисия!

В фургоне слышались возня, приглушенные голоса, шуршание ткани. Затем последовал звук шагов, дверь открылась на половину ладони. Дочь высунула наружу голову. Голые плечи открывала поспешно накинутая на тело простыня, щеки пылали, волосы взъерошены...

— Мама?

Фезак заметила состояние Алисии, внезапную напряженную тишину в фургончике и тонко улыбнулась.

— Думаешь, я осужу твой выбор, дочка, что выглядишь такой виноватой? — мягко спросила она, руки и плечи опустили под тяжестью камня.

— Возможно. Он не из наших.

— Кто он, я знаю прекрасно.

Обе замолчали. Потом Фезак застонала:

— Дочка, неужто ты оставишь меня стоять тут с этой штуковиной?

Покрепче замотав простыню на груди, Алисия прошлепала босыми ногами по ступенькам и осторожно приняла кристалл из рук матери. Простыня тянулась за ней как шлейф, когда молодая женщина сопровождала мать внутрь фургончика, туда, где стоял низенький обеденный столик.

— Кристалл заработал. Внезапно. Без предупреждения. Фало использовал его, когда проводил сеансы ясновидения. Потом я тоже заглянула внутрь. И испытала шок — правда, Алисия... Не думаю, что снова переживу такое — не важно, истинным или ложным было видение. Лучше послушаю твое мнение.

С величайшей осторожностью Фезак развернула кристалл. Он все еще сиял, даже без участия человека. Грани кристалла сохраняли молочный цвет — остатки предыдущей картинки. Лицо Алисии вытянулось.

— Я еще никогда не видела его таким. Кажется, мне не хотелось бы иметь с ним ничего общего. В любом случае, — она сложила руки, отвернувшись, — я не уверена, что владею этим искусством.

— Моя мать, ее сестра, бабушка, прабабушка — все владели искусством. Говорят, Арния Небесный Жаворонок могла видеть оба континента с помощью кристалла гораздо меньшего, чем этот.

— Сказки, мама! Такая магия веками не использовалась.

— Что-то меняется. Пожалуйста, посмотри. Ради меня, Алисия.

Со вздохом Алисия подвернула простыню и уселась у стола по-турецки. В маленьком круглом окошечке в задней стене фургончика качнулись занавески, и Фезак на мгновение увидела белое лицо и поразительно бледные волосы, прежде чем фигура исчезла. Алисия тоже уставилась на окошечко. Потом поспешно отвернулась, когда внимание матери переключилось на нее. С отсутствующим видом женщина взялась обеими руками за кристалл.

И тут же выражение ее лица изменилось. Глаза расширились. Кровь отхлынула от щек, она задрожала.

Когда Алисия отняла ладони от кристалла, все тело ее тряслось, как в лихорадке.

— Мы должны уехать! Должны упаковаться и уехать, мам. Сейчас же, как можно быстрее!

Фезак Певчая Звезда подарила дочери вымученную улыбку:

— Ты видела то же, что и я. Убийства, кровь и пламя. Древние возрождаются, дочка. Я чувствую это. Магия возвращается и несет с собой смерть.

Глава 11 СОЧЕТАНИЯ

— Что ты сделал?

Слишком изумленная, чтобы что-то предпринимать, Катла рухнула на скамью. Будто ее колени осознали шок от заявления отца раньше всех остальных частей тела и прореагировали соответственно.

— Финн Ларсон — хороший мужчина. К тому же богатый.

Кровь отхлынула с лица Катлы. Глаза стали черными и пустыми, словно проруби во льду.

— Но он старик, — беспомощно произнесла девушка.

Аран возразил:

— Он на несколько лет младше меня.

— С чего бы это мне выходить замуж за мужчину твоего возраста? — закричала Катла.

Против воли девушки глаза ее наполнились слезами. Она смахнула их, разозлившись на

собственную слабость.

— Когда я спрашивала, привез ли ты меня сюда, чтобы выдать замуж, ты ответил, что у тебя на меня другие виды, — сказала Катла со злостью.

— Было такое. Я собирался принять предложение Финна удочерить тебя, чтобы ты смогла вместе с Йенной появляться при дворе. Мы обсуждали этот вопрос с матерью и надеялись, что ты станешь больше похожа на женщину.

— Так, чтобы ты смог более выгодно сбыть меня с рук?

— Для твоего же блага, Катла. Посмотри на себя. Просто какая-то бой-девка. Ты бегаешь и лазаешь по горам, дерешься с мальчишками. Ты не умеешь ни готовить, ни шить, ни носить приличные платья. Финн сам предложил мне превратить удочерение в брак, что меня безмерно удивило. Но, по-моему, он очень заинтересовался тобой.

— Этого не будет. Я убегу.

— Ничего подобного. Я дал ему слово.

— Слово? Какое мне дело до твоего слова? Я сама даю тебе слово! — Теперь Катла вскочила на ноги. — И мое слово — нет! Никогда!

Она попыталась выскользнуть мимо Арана из палатки, но отец встал у нее на пути и опрокинул обратно на скамью.

— Послушай меня, Катла. Это хорошее предложение. У него три огромных дома, собственная верфь, высокое положение при короле. Все будет по правилам. Вечером Ларсон принесет обручальные кольца на Собрание, и мы публично объявим о свадьбе. Ты вместе с Йенной поплывешь обратно в Халбо на «Русалке», а он присоединится к вам после, чтобы получить благословение и провести первую брачную ночь в первое полнолуние в месяц Отмели.

Первая брачная ночь!

Катлу передернуло. Отмель. Она проделала в уме быстрые подсчеты. Всего через тридцать дней!

Девушка с отчаянием повернулась к Халли, стоявшему за левым плечом отца. Тот выглядел не менее потрясенным.

— Халли... ты не можешь позволить ему сделать это! Ты собирался жениться на Йенне, а теперь не сможешь, потому что я стану твоей мачехой! Останови же его!

Халли опустил голову, стараясь не встречаться с сестрой взглядом.

— Мне жаль, Катла. Отец поклялся честью клана. Мы не можем взять его слово обратно.

— Честь?! Только она вас и заботит? А как насчет сердца, Халли? Мне казалось, ты любишь Йенну, ты хочешь построить корабль и отправиться в море, заработать состояние, чтобы жениться на ней?

Халли поднял голову. В его глазах застыла боль.

— Все теперь в прошлом, — ровно проговорил он. — У отца другие планы.

Катла повернулась к Фенту:

— А ты? Ты отойдешь в сторону и позволишь ему творить со мной все, что угодно?

Фент медленно покачал головой:

— Он наш отец, Катла. Он заключил сделку, его слово — закон. Извини.

Повисла неловкая тишина. Никто не смотрел друг на друга.

Внезапно прозвучал голос Тора.

— Что бы ни предложил вам Финн, — сказал он, обращаясь к Арану Арансону, — я удваиваю ставку.

Катла вскинула голову:

— Теперь я призовая кобыла на торгах?

Ее глаза метали молнии.

Тор пожал плечами:

— Я подумал, тебе больше понравится молодой мужчина, чем старик Финн Ларсон. Кто-то без огромного брюха и с огнем в душе.

— Мне не нужен ты! — сплюнула Катла.

Она обхватила себя за плечи, внезапно почувствовав озноб. Вся семья, казалось, предала ее: те, которые, как она считала, будут защищать ее до смерти.

Интересно, вдруг удивилась девушка, а где Эрно? Может, он спасет ее? Ведь не маленькую же Марин Эдельсен он любит — Катла не могла в это поверить. Нет. Эрно любит ее, она уверена. Он поможет ей сбежать...

Мысль пришла из ниоткуда и прочно застряла в голове.

Эрно — вот он, ответ! Надо дожидаться Собрания, и посреди всеобщего хаоса они смогут улизнуть незамеченными еще до того, как объявят о помолвке.

Эрно мог бы увезти ее на одной из лодок. Они будут грести вдоль берега. Катла наденет под платье штаны и рубаху, упакует вещи и оставит их где-нибудь в надежном месте.

Девушка начала перебирать в уме, что ей может понадобиться: кинжал с топазом в рукоятке, ее лучший короткий меч, кожаная безрукавка — нет, слишком тяжела, чтобы надеть ее под платье, — обувь...

Глядя на опущенную голову дочери, Аран чувствовал, как у него замирает сердце. Он ожидал взрыва ярости, злобной вспышки, бунта... Чего он никак не предвидел, так это подобной внезапной покорности. Катла хорошая девочка, несмотря на дерзкий нрав, и к тому же его любимица...

Арану было тяжело заключать сделку, что бы она ни думала — тяжело эмоционально, хотя вознаграждение и превышало все ожидания. Он обнаружил, что не может заставить себя думать о том, как его дочь станет жить с Финном. Все-таки, хоть с виду он приличный человек, однако ходили неприятные слухи о смерти его первой жены: она умерла во время родов, это совершенно точно, но некоторые утверждали, что схватки у женщины начались раньше времени из-за удара в живот. Вначале она потеряла ребенка, а потом и жизнь, когда не удалось остановить кровотечение. Кое-кто говорил, что она сама захотела уйти, а воля в таких случаях сильнее любой помощи...

Аран отбросил невеселые мысли. С Катлой будет Йенна — по крайней мере первое время, — а они так хорошо дружат.

Но в глубине души дурные предчувствия продолжали терзать Арана: отдавая Катлу и отбирая у Халли все, о чем тот мечтал, он поступал очень плохо.

Его рука скользнула в карман, и пальцы на мгновение сомкнулись на куске золота. Все снова стало правильным и нормальным.

Отдав короткую команду сыновьям, Аран отбросил занавеску у входа в палатку и вышел наружу.

Халли и Фент обменялись короткими неловкими взглядами и поспешили за ним. Тор сделал было движение к Катле, но, когда она не подняла глаз, отвернулся и присоединился к остальным.

Только несколькими минутами позже Катла осознала, что даже не спросила, почему ее выдают замуж. Что на Эльде могло так соблазнить Арана Арансона, чтобы он продал единственную дочь?

Саро положил руку на блестящую шею Ночного Предвестника и почувствовал биение пульса.

Жеребец был готов к скачкам, возбужден присутствием других лошадей, своих будущих противников.

Он обгонит их, потому что никто не обладает его стремительностью: он летит, как ветер, его хотели все кобылы. Мальчик на его спине весит не больше мухи, ничто не остановит его...

Жеребец выдохнул воздух через ноздри с громким фырканием и затряс головой от нетерпения.

Саро улыбнулся. Ему бы такую же уверенность, как у коня... Похоже, все, что ему оставалось делать, — просто предоставить свободу Ночному Предвестнику, потому что теперь они уже стояли на старте и их сдерживали только веревки. Леоник Бекран на Сыновнем Долге. Ордоно Каран на огромном белом звере с окрашенной в красное гривой. Старший сын Каластрина на аккуратной пегой лошади с круглыми глазами и подрагивающим хвостом. И дюжины других: северян, обитателей холмов, даже один пустынный — на коне, выкрашенном в золото с ног до головы.

Саро подумал о Гайе. О доме без своего болвана-брата. Ему необходимо выиграть. Необходимо.

Он коснулся шеи жеребца, пытаясь не дать собственной панике войти в разум животного.

Лорд Тайхо Ишиан пригладил нарядные одежды, надетые по случаю Собраний. Просто превосходно, хотя он и собирался присутствовать там всего несколько минут — ровно столько, сколько потребуется, чтобы забрать приданое у Винго, потом найти продавца карт и заключить сделку. Он приведет с собой священника и женится на той женщине прежде, чем ляжет с ней в постель, освятив их соединение перед Богиней. Что может быть правильнее?

Лорд щелкнул пальцами. Появился мальчишка-раб, одетый в чистенький бархатный костюм, купленный ему Тайхо по случаю Собраний. Непокорные черные кудряшки блестели от масла. Который это? Тэм или Фело? Тайхо не помнил. Мысли разбредались, он мог думать только о женщине.

— Как тебя зовут, мальчик? — резко спросил Тайхо у ребенка.

Мальчишка уставился на хозяина в удивлении. Он работал в доме господина уже четыре года, с того времени, как тот купил его на торгах в Гибеоне. Два года назад его сделали личным слугой хозяина, вместе с Фело, кузеном, который происходил из того же горного племени. В первый раз хозяин забыл его имя.

— Тэм, господин, — поспешно представился он.

— Тэм. Ты будешь ходить на Собрании строго за мной и, когда мы заберем у Винго сундук, понесешь его за меня, не горбатясь и не спотыкаясь, как бы тяжел он ни был. Мы пойдем туда, куда я укажу, — очень быстро. Понятно?

— Да, господин.

Тайхо кивнул. Предстоит переправить деньги в квартал кочевников по возможности тихо и быстро, если он хочет получить свою невесту, потому что нынешним утром представитель Совета являлся к нему и просил об аудиенции. Тайхо знал, что ему надо. Остальные лорды на Ярмарке жаловались об отзыве долгов, а он не собирался платить прямо сейчас. Лорд послал мальчика отправить человека восвояси — естественно, со всей вежливостью, — и только после бокала розовой араки и миндальной вафли неслышно выскользнул через заднюю дверь павильона.

Тайхо позволил себе вернуться к мыслям о Розе Эльды. Странное имя даже для кочевницы, размышлял он в сотый раз после того памятного поцелуя. Хотя она вовсе не походила на своих темнокожих соплеменниц. Роза Эльды... Роза Мира — перевел он с Древнего языка. Имя ей очень подходит, решил он. Ее нежная кожа, грациозная шея...

Ах, Роза Эльды! Вскоре я раскрою твои лепестки и погружусь в твой аромат. Скоро ты будешь моей!

— Ну, вы и наделали глупостей. Сумасшествие. Безответственность. Что бы сказал ваш отец, даже представить боюсь. Посмотрите на себя. Как мы объясним это лордам, которые придут оказать вам честь сегодня вечером?

Штормовой Путь уже два часа или больше продолжал в подобном духе — после того как свое слово сказал ярл Шепси, недавно вышедший из палатки.

Король Вран Ашарсон вздохнул, отнял бинт от лица, изучил его, повернул более или менее чистой от крови стороной и снова крепко прижал к щеке.

Дурацкая царапина не желала прекращать кровоточить, а теперь из-за удара у него появился свежий синяк под глазом. На Собрании он действительно произведет своим видом фурор. Но не это волновало короля. Просто ему не повезло, что нож мальчишки сломался. Истриец совершенно точно не задел бы его, несмотря на яростный напор и умелые атаки ногами.

— А что подумает ваша будущая невеста, увидев вас таким — в синяках и крови? Вам повезло, что хоть глаз цел остался!

— Ради Сура, прекрати ныть. Ты сейчас напоминаешь мою мать, когда я в семилетнем возрасте упал с лестницы в замке, гоняясь за Бретой.

— Извините меня, ваше величество, но даже у семилетнего ребенка хватило бы ума не делать того, что натворили вы сегодня.

Штормовой Путь рухнул на стул, будто потратил всю свою энергию на эту речь. Он выглядит совсем старым, заметил Вран. Старый, усталый человек.

— Я всего лишь немного повеселился. Просто с ума схожу от скуки. Мне не позволяют бродить по Ярмарке из опасения, что меня убьет какой-нибудь незаметный крестьянин — просто потому, что до ваших так называемых шпигов дошли смутные слухи. Я не могу принять участия в Играх из страха, что кто-то продырявит мою шкуру или свернет мне шею. Я не могу переспать с женщиной, чтобы не поднялся скандал...

— Вы наш король, — уже мягче объяснил Штормовой Путь. — У вас все еще нет наследника. Если мы потеряем вас, начнется междоусобная война, вы это прекрасно знаете. Вы должны понимать нашу тревогу.

— А если я женюсь на девчонке Керила Сандсона?

Вран с вызовом взглянул на своего главного советника. Он знал, что этого Штормовой Путь хотел меньше всего на свете. Ну или почти меньше всего...

Ярл Штормового Пути устало провел рукой по лицу:

— В конце концов, ваше величество, последнее слово останется за вами. Но вы обязаны знать, что именно такого шага Сандсон и добивался все последние месяцы. Почему, как вы думаете, он так часто появлялся при дворе? Уж не из великой любви к вам, что бы вы ни воображали. Я видел, как он шептался с ярлом Истока Водопада по углам, и еще со змием Эролом Вардсоном тоже. А все знают, что Эрол последние месяцы только и делал, что пополнял свою частную армию...

— А! Обожаемый кузен тоже пытается подсунуть мне свою девчонку. Стыд, да и только. Она милая маленькая телка, чего не скажешь о всех остальных... Ну, если тебе это послужит утешением, Алан, то я не собираюсь принимать в подарок ни одной из красавиц, которых мне навязывают. — Тут король заметил, как расслабился старик. — Но не думай, будто я выберу твою Брету.

Вран представил ее сейчас: крепкая молодая баба, против нее лично он ничего не имел — вовсе неплохо иметь женщину, у которой есть за что ухватиться, так же как и прилечь вздремнуть на мягкие округлости, — но, Сур милосердный, ее лицо. Даже в детстве, когда он гонялся за Бретой по всему замку в Халбо, она была уродливой как тролль. Ей бы еще бороду отрастить, и получится полная копия отца...

— Вы знаете наше мнение, — сурово проговорил Штормовой Путь. — Выбирайте одну из эйранских девушек — Эллу Стенсен, или Филию Янсен, или дочь ярла Несса, или даже Йену Ларсен: хоть ее отец всего лишь корабел, он хорошо знает свое дело, а девчонка сама по себе не такая уж страшная. Берите одну из них, не важно, что вам предложит юг. Мы не можем доверять имперским лордам. Это вам скажут все, кто участвовал в последней войне.

Вран закатил глаза. Почему все его советники такие старые? Они способны думать только о забытых войнах и древних обычаях.

— У тебя что, совсем нет авантюрной жилки? Тебе никогда не хотелось перемен, ты не ждал сюрпризов от жизни? Тебе бы не хотелось узнать, что южанки прячут под своими юбками?

— У меня было достаточно «сюрпризов», как выразились ваше величество, двадцать

два года назад, — горько покачал головой Штормовой Путь, помахав обрубком руки перед лицом короля. — И могу поклясться, южанки прячут под одеждами ровно то же самое, что и северянки.

— Не хочешь же ты сказать, что сам так и не выяснил это во время сражений в южных портах? Что не занимался осквернением и грабежами, изнасилованиями и мародерством?

Вран откинулся на спинку кресла и смотрел с каким-то извращенным удовольствием, как омрачается лицо Штормового Пути. Если его речь отвлечет старого дурака от причитаний, да ко всему прочему еще и смутит, то время потрачено не даром.

По правде говоря, он действительно горел желанием узнать, что прячут южанки, что бы там ни говорили его лорды. Приятная перспектива: иноземная девушка в его постели, пахнущая и выглядящая по-иному, чем привычные мощные блондинки, имеющая в запасе необычные приемы обольщения и не выдающая воз пошлых глупостей. И плевать на последствия. Если он разворошит улей, заставит всплыть на поверхность древнюю вражду, то так тому и быть.

Не то чтобы он не понимал доводы и контрдоводы, бесконечно приводимые лордами: как повлияет его выбор на дальнейшее развитие страны, как преимущество здесь повлечет за собой неудачу там, как невеста с Западных островов приведет в ярость ярла Несса или как женитьба на дочери Несса предопределист враждебное отношение Эрола и его сообщников. Как жена с юга обернет против него вековых сторонников и подготовит почву для восстания в стране и, возможно, для какой-нибудь тайной махинации со стороны Империи — просто ему глубоко наплевать на все это. Жизнь при северном дворе такая скучная. Он переспал со всеми красивыми женщинами и даже с парой дурнушек, дрался на дуэлях и начинал кровавые междоусобицы, опустошавшие казну, чтобы примирить кланы. И единственное, что на данный момент представляло для короля интерес, это шанс пробиться на Дальний Запад, чего ему не позволят сделать лорды, пока он не обеспечит им наследника и не обезопасит проклятое королевство от междоусобной войны.

Итак, жена, любая жена — вот чем следовало заняться в первую очередь. Может быть, он все равно возьмет Лебедь Йетры, если она только не похожа на моржа под своими тряпками...

Роза Эльды лежала на скамейке в фургончике продавца карт рядом с растянувшейся черной кошкой и темной зеленой шалью, небрежно накинутой на мокрое место, куда она вылила бОльшую часть снотворного, данного ей Виралаем перед уходом.

Когда женщина проводила рукой по шелковистой шерсти кошки, та довольно урчала. Роза Эльды заметила, что, когда Виралая не было поблизости, кошка расслаблялась, чувствовала себя увереннее. Сейчас животное лежало на спине, ниточка слюны свесилась из рта, словно паутинка, и все четыре лапы дрожали от прикосновения женской руки. Может быть, гадала Роза, замечая зажмуренные глаза кошки, она производит тот же эффект на зверей, что и на мужчин? Неужели животное тоже попало к ней в плен?

Рука прекратила гладить шерстку, как только это соображение пришло ей на ум. Женщина не знала, как относиться к такой мысли. Иногда очень неприятно видеть, как мужчины застывают в немом изумлении при виде нее, как их зрачки вспыхивают от желания, как нечто начинает шевелиться у них в штанах, и знать, что они реагируют только лишь на ее ауру, внешность, а не на личность.

А кто она на самом деле?

Прекрасные брови Розы Эльды сошлись на переносице. Ее воспоминания ведь такие нечеткие... Она иногда думала, что Мастер специально спровоцировал потерю памяти своими зельями и чарами, чтобы не дать ей сбежать, чтобы ее не мучила печаль утраты или желание вернуться на родину, где бы она ни находилась.

Роза Эльды размышляла об этом, не складывая слова в предложения — еще один пробел в образовании, полученном в Святилище, где единственным ее учителем был Рахе. Только сейчас она начала приобретать хоть какие-то знания в языках Эльды. Виралай из сил

выбивался, пытаясь обучить ее.

Но все равно она чувствовала огромную пропасть между словами и их значением в мире мужчин, который она совершенно не понимала. Роза Эльды знала только желание. Мастер обращал особое внимание именно на этот аспект жизни.

Виралай, вернувшись к каравану несколькими минутами позже, застал Розу Эльды более живой и настороженной, чем ожидал после того, как дал ей особенно большую дозу снотворного перед уходом.

Ученику чародея не хотелось, чтобы случилось что-нибудь неприятное до момента заключения сделки с могущественным южным лордом. Он устал от путешествий на вонючем йеке в разбитом фургончике со скрипящими колесами, потрескавшимися стенками и сломанной осью, державшейся только на заклинании, которое ему удалось кое-как вытянуть из кошки, хотя пальцы потом две недели болели от укусов и царапин. Виралаю пришлось найти дочь старой продавщицы зелий, чтобы избавиться от яда, однако эпизод имел свое приятное продолжение...

Он толкнул ногой прогнившее дерево двери. Она скорее всего не продержится до окончания обратного перехода через горы Скарна. Перспектива поехать на юг с лордом Ишианом будоражила воображение. Он вспоминал старинные книги из библиотеки Мастера с ярко раскрашенными картинками и изящными набросками. Виралай видел манящий замок, дворец из теплых золотых камней на крутых холмах Истрии с тонким запахом лимонных деревьев и оливы — дворец с шелковыми занавесями, мягкими подушками и закутанными с головы до ног служанками.

Когда ученик чародея впервые натолкнулся на те главы в книгах Мастера, где повествовалось о том, как закрывают от посторонних глаз истрийцы своих женщин, то посчитал прочитанное чепухой. Будь у него дворец, полный женщин, он бы заставил их бегать нагими. Теперь, став рабом Розы Эльды, Виралай лучше понимал, что заставило истрийцев попытаться ограничить власть и силу этих существ.

Он вздохнул.

— Что такое, радость моя? — певуче спросила Роза Эльды странно ровным голосом.

Кошка зло взглянула на Виралая и села. Он заметил, что животное прижимается к женщине так, будто считает ее своей собственностью.

— Я думал о роскоши, которая ждет нас в богатых южных землях, — произнес Виралай, улыбаясь. — Когда ты станешь хозяйкой дворца, а я придворным магом.

Впрочем, он знал, что это не единственная причина, а она останется хозяйкой только на определенное время, необходимое для осуществления плана. Будет странно вернуться на родину, может быть, даже увидеть народ с холмов, который оставил его — невезучего альбиноса — в пещере над своим поселением на три холодные ночи в надежде на то, что он испустит дух. Наверное, ему следовало благодарить Мастера за спасение, но очень трудно испытывать признательность после более тридцати лет мучений.

Роза Эльды оглядела его без выражения, хотя Виралай мог поклясться, что цвет ее глаз слегка изменился.

Женщина встала, спустила ноги с дивана, столкнув кошку. С протестующим мяуканьем та спрыгнула на пол, пронеслась мимо Виралая и оказалась на лестнице, где принялась яростно умываться, будто именно этого и добивалась с самого начала.

Обернувшись назад, Виралай обнаружил гладкую белую плоть тела там, где вроде случайно разошлась рубашка Розы Эльды.

— Почему ты хочешь отдать меня южному лорду? — спросила она, не меняя интонации.

Виралай уставился на ее ноги так, что, казалось, кожа начала морщиться от его взгляда.

— У меня свои причины.

Эту фразу он перенял у Рахе. Мастер использовал ее, когда не желал отвечать, а такое случалось постоянно. Виралай прошагал мимо женщины к аптечке с лекарствами, стоявшей

на верхней полке фургончика, и отыскал шкатулку с порошком брома. Вернувшись за водой, чтобы смешать лекарство, обнаружил, что Роза Эльды широко раздвинула ноги, выставив на обозрение свои гениталии.

Действительно, Роза Мира. Женщина подняла бровь при виде его сведенного болью лица. Наклонилась вперед, и шелк рубашки соскользнул с плеча. Виралай кусал губу, пока боль не загнала безнадежное желание глубоко внутрь.

— Прикройся, — грубо бросил он, кидая ей шаль. — Я знаю твои игры.

В ответ Роза Эльды встала и начала поднимать рубашку, открывая ступни и голени, пристально глядя на ученика мага. Когда материя поднялась над бедрами и лобком, он не смог отвести взгляда, Виралай потерял разум. Там у нее не было волос, только белая, как молоко, плоть, с розовой от прилива крови вертикальной линией, слегка разведенной, будто она тоже сгорала от желания...

Несмотря на то что какая-то часть разума монотонно напоминала ему о неизбежном провале, другая, животная часть, могла только сорвать с себя одежды. К тому времени как ее рубашка достигла груди, Виралай уже стоял нагой от ступней до пояса, выставив на ее милосердное обозрение свой вялый член, такой же незаинтересованный, как если бы перед ним стояла молочная корова или летняя луна.

Роза Эльды наклонилась поцеловать Виралая, раздвинув его губы своими: он видел, как она также поступала с южным лордом. В ученике мага вспыхнул огонь от одного ее прикосновения. Неудивительно, думал Виралай в ее объятиях, что южане молятся женщине, заставляющей пылать от страсти.

Может быть, на этот раз, отчаянно подумал он, все будет по-другому, может, произойдет чудо и его бледный член внезапно взойдет вверх, продолжит свой путь, как верхушка пробивающегося папоротника, и он наконец проникнет в сердце ее тайны и узнает ее сущность...

Но в то же время Виралай прекрасно понимал, что никакое чудо не случится, и сердце его разрывалось на части.

Они лежали рядом, и он находил некоторое утешение в прикосновениях ее прохладных пальцев к своей пылающей коже.

Через некоторое время женщина спросила:

— Ты возьмешь меня на Собрание сегодня вечером?

Виралай в ужасе вскочил. Должно быть, снотворное прекратило свое действие. Он с подозрением уставился на нее, но зрачки женщины оставались такими же широкими и черными, как всегда, а лицо — спокойным и безмятежным.

— Почему ты спрашиваешь? Ты ведь прекрасно знаешь, что этого не произойдет!

Руки ее не уставали ритмично ласкать Виралая, и вскоре он снова улегся рядом с ней, загипнотизированный, как ранее кошка. Несколько минут Роза Эльды не произносила ни слова, потом передвинулась так, что ее лицо нависло над его. Ободок зрачка полыхнул зеленым, на черном фоне зажглись золотые звезды.

Виралай смотрел, как они пляшут и льются, словно солнечный свет на поверхности воды, и сам не знал, сколько времени прошло и сколько еще пройдет...

А когда он очнулся, многими часами позже, в фургончике царила темнота. Роза Эльды исчезла.

Глава 12 СОБЛАЗНЫ

Саро знал о плетке, прежде чем мужчина подумал об ударе, потому что, когда наездник коснулся его плеча, «увидел» его жестокие намерения, будто их разыграли перед его глазами. И Ночной Предвестник, животное с развитой интуицией, тоже знал. Они вдвоем резко ушли в сторону, оставив преследователя Саро отчаянно размахивать руками в попытке окончательно не потерять равновесие.

Хлыст появился в разреженном воздухе, завершая первоначальный замах, и ударил по лошади самого преследователя так резко, что пегий жеребец дико заржал и сбросил наездника на землю. Другие скакуны промчались мимо них, подняв целый ураган пыли. Ночной Предвестник, весь дрожащий от избытка адреналина и ярости, кинулся за ними, прижав уши к голове и вытянув вперед шею. Саро оставалось только цепляться изо всех сил за заплетенную гриву жеребца, пока Ночной Предвестник прорывался сквозь толпу лошадей сразу за лидирующей группой: кровь и пот исполосовали его бело-красными линиями.

Огромный эйранец с длинной гривой светлых волос и развевающейся позади бородой, мчащийся на чудовищном сером звере, оспаривал лидерство истрийца на впечатляющем черном коне и пустынного на одной из знаменитых золотых лошадей с южных равнин. Южане, по-видимому, заключили своего рода договор, потому что оба пытались вывести из строя эйранца, зажимая между своими конями, пытаясь запутать ноги его скакуна плащом.

Эйранец зарычал и поднял руку, чтобы отомстить, а мужчина на золотом коне схватился за поводья. В этот момент Ночной Предвестник выпрыгнул в образовавшийся между ними промежуток. Эйранца озадачила неизвестно откуда появившаяся незнакомая лошадь и еще один наездник. Потом он опустил вниз кулак, как кувалдой ударив прямо в бок Саро, и следующим ощущением юноши стала непереносимая боль под ребрами, визг лошади, которой, Саро знал, мог быть только Ночной Предвестник, свист ветра и, наконец, неизбежное соприкосновение с пепельной землей.

Вокруг стучали копыта. Инстинктивно Саро свернулся в тугой комок и подождал, пока наездники минуют его. Сердце билось так же сильно, как копыта лошадей, пока он пытался определить, насколько серьезны ранения. Похоже, сломано ребро... боль в правом колене от скользящего удара копытом, боль в бедре и руке от падения.

Через некоторое время послышались восторженные вопли: чествовали победителя. Хуже всего Саро приходилось из-за того, что все его планы пошли прахом... а ведь еще предстоит столкнуться с яростью брата.

Он сел. Каждая косточка, каждый мускул отозвались стоном. На дальнем конце поля вышагивала темная лошадь, украшенная венком из цветов. Однако ее хозяина нигде не было видно. Саро встал и прикрыл глаза от сияющего солнца. Лошадь танцевала по кругу от перевозбуждения, протестуяски вскидывала голову, не желая даваться в руки служителям. Жеребец с белой звездой на лбу.

Саро нахмурился. Неужели кто-то в суматохе умудрился вскочить на спину Ночному Предвестнику и привести его к победе? Невероятно. Может быть, это вовсе и не его лошадь?

Он побежал, хромая, вперед, и с каждым шагом жеребец вырисовывался все четче и четче: тонконогий, с длинной изогнутой шеей, рана на левом плече едва видна из-под венка победителя.

Теперь, с некоторым опозданием, Саро вспомнил рассказы дяди о предыдущих скачках на Большой Ярмарке. Юноша старался не вспоминать их из-за мрачных подробностей — разорванная плоть, сломанные ноги, кони, настолько изуродованные, что их приходилось приканчивать из жалости. Ведь именно лошадь имела значение в скачках, а не наездник: ты управляешь зверем, чтобы удержать его в гонке, оградить от чужих плеток, — но если жеребец вырывается вперед без человека на спине, он считается даже более достойным победителем. Такую победу ценят больше всего, потому что требуется сильная духом и агрессивная лошадь, чтобы прийти первой без понуканий наездника.

Саро улыбнулся. Он поднырнул под веревки загона и секундой позже уже получал тяжелый мешок с кантаром и поздравления.

Все происходило будто во сне. Состояние Саро действительно напоминало дрему, когда он пробивался сквозь толпу, а люди хлопали его по плечу, хватали за руки, выкрикивали слова восхищения. Юноша словно шел по нескончаемому темному туннелю, и тысячи дверей открывались попеременно, являя проблески чьего-то существования — иногда четкие картинки, а часто хаотичные, смешивающиеся в конце концов в водоворот красок, мелькающих лиц, противоречивых чувств...

Боль в том месте, куда угодил кулак эйранца, начала утихать. Значит, ребро все-таки не сломано, заключил Саро. Добравшись до семейной палатки Винго, привязав Ночного Предвестника и дав денег на корм мальчишке-рабу, юноша почувствовал себя совершенно разбитым: все тело от головы до пяток ныло неприятной болью.

Дома никого не оказалось. Саро взвесил в руке мешок с деньгами. Пять тысяч кантари, огромная сумма. Вместе с двумя тысячами, выигранными Танто за второе место, и деньгами, которые соберут дядя и отец, как раз хватит, чтобы купить Танто невесту, замок и союз с лордом Тайхо Ишианом. А Саро наконец получит в полное распоряжение семейный дом и обратит на себя внимание отца...

Юноша положил кошель на стол и сел по-турецки на шелковые подушки на полу. Несомненно, Танто с отцом сейчас в приподнятом настроении бродят в поисках новых украшений к своим и без того попугайским костюмам, в которых они пойдут на Собрание. Саро знал, что они видели, как он победил, потому что заметил их в толпе, когда вел своего жеребца к победе, хотя дядя Фабел так и не появился.

Он задвинул невольно подсмотренную картину из сознания дяди в самые глубокие, темные уголки разума на время скачек, но теперь она выпрыгнула обратно на свет — яркие краски, отчетливость, каждый оттенок запаха, каждый стон настолько реален, будто он сам принимал участие в кошмарном акте кровосмешения, а не брат его отца.

«Мама, — думал Саро с тупой болью. — Как ты могла?!» Ее никто не принуждал, он прекрасно знал это, и не только по желанию в ее глазах.

Невозможно понять, когда все произошло, был ли это единичный случай или долгая связь. Оглядываясь назад, юноша попытался вспомнить, когда видел их вдвоем на людях, был ли хоть какой-то намек на их падение в том, как мать смотрела на Фабела или как он тянулся к ней, когда никто не смотрел в их сторону, но так и не смог найти ничего, порочащего их. Может быть, он допустил ужасную ошибку, поверив, что мать способна на прелюбодеяние? Даже простой флирт с другим мужчиной — преступление, карающееся сожжением на костре, так неужели мать, такая тихая, уважаемая женщина, могла бы подобным образом подвергнуть свою жизнь риску?

Но Саро знал, что видение пришло к нему против воли, совершенно независимо от его собственных мыслей. Нечто вроде истинного зрения, магии, позволяющей заглядывать в человеческие сердца. И если кто-то узнает о его даре, он неминуемо угодит в очистительный огонь Богини.

Ясно, что он совершенно не знал своей матери, а просто составил ее образ из добропорядочности и спокойствия, кротости и податливости: всех качеств, которые так ценят истрийцы в женщинах... Ценят или навязывают?

На мгновение Саро почувствовал отвращение к самому себе за непроходимую тупость, так же как и за преступление матери. Но это мгновение быстро прошло, а за ним пришли гнев и осознание предательства... и понимание того, что знание теперь выкидывало его из круга семьи, свидетелем чьей скрытой драмы он стал. Открытие Саро отделило его от них навсегда. Кто он теперь, если не сын своего отца? Винго, наверное, но Винго, запятнанный грехом и обманом.

Что-то мучило Саро. А был ли он на самом деле сыном своего отца? Или появился на свет как результат прелюбодеяния, которое наблюдал? Какая-то часть разума юноши уже производила лихорадочные подсчеты: это явно произошло двадцать один год назад, когда отца призвали на войну и он оставил поместье на попечение брата. Когда мог представиться лучший случай? Саро родился, когда отец участвовал в кампании, защищая северные порты от эйранцев, и не видел своего младшего сына еще полтора года после его появления на свет.

По мнению Саро, именно по этой причине отец любил его меньше, чем Танто. Теперь с ужасной неизбежностью все стало на свои места, как в детской головоломке. Юноша понял с определенностью, превратившей его сердце в холодный камень, что все правда. Фабел Винго — его истинный отец. Более того, Фавио Винго все прекрасно знает и предпочитает сваливать вину за произошедшее на Саро, вместо того чтобы винить возлюбленного брата и

потерять жену в очистительном огне... Это полностью объясняет горечь отца, думал Саро, но все равно трудно простить ему его несправедливую холодность.

«Отверженный, — снова подумал он. — Я стал отщепенцем в собственной семье, да и был им, пожалуй, все двадцать лет. Несчастный кукушонок в чужом гнезде...»

Саро подобрал мешок с деньгами и высыпал монеты на стол. Потом посчитал, разделив их на две кучки: одна для Танта, как он и обещал, вторая — для Гайи, такой же отверженной, как и он сам.

Танто придется наскрести где-нибудь недостающую сумму для приданого или, может быть, просить снисхождения у лорда Тайхо. Ему бы никогда не удалось заставить Саро исполнить данное обещание, но по крайней мере извинение на словах уже служило небольшим утешением.

Саро засунул монеты, предназначенные для кочевников, обратно в мешок, встал, принес пергамент, перо и чернильницу. Он оставил записку дня брата вместе со второй кучкой кантари. Потом юноша закутался в плащ, надежно привязал мешочек к поясу и покинул палатку. Будь что будет.

Глашатаи уже объявляли вечерние моления Милосердной Фалле, день угасал, а он все шагал через территорию истрийцев на запад, к кочевникам.

Там Саро обнаружил гораздо меньше лавочек, чем было раньше. Большинство фургончиков выглядели собранными, как будто люди паковали вещишки и собирались уезжать. Юноша прошел мимо нескольких припозднившихся посетителей и торговцев и очутился на открытом месте. Перед ним, там, откуда таинственно исчезли три или четыре повозки, остались темные пятна на обычно загаженной птичьим пометом земле. Странно, думал Саро, ведь Ярмарка не закроется еще дня два-три. Но, наверное, их ждали где-то еще, или же они хотели получить фору по сравнению с остальными караванщиками.

Юноше теперь пришло в голову, что, возможно, Гайя вместе с бабушкой исчезли с одним из фургончиков. А даже если они и остались, Саро понятия не имел, где находится их повозка.

Юноша все еще пытался решить внезапно возникшую проблему, осматривая близлежащие лавочки, когда на него налетел мальчишка.

— *На-гаи!* — воскликнул парень.

От удара он буквально сел на землю, потеряв голову, врезавшуюся в мешок с деньгами на бедре Саро. Потом посмотрел на юношу с выражением полного смущения на лице, и единственное, что исходило от него и что почувствовал молодой истриец, было неподдельное изумление по поводу того, что у человека могут быть такие твердые кости. Потом выражение лица мальчика сменилось на восторг, и он выкрикнул:

— *Йееш-тан-ла*, Гайя!

Саро повернулся и обнаружил сзади девочку, пытавшуюся удержать двух огромных деревянных кукол, чьи конечности постоянно путались с ее собственными.

— *Тан-ла*, Фало, — мягко сказала она, глядя мимо Саро.

Мальчик подпрыгнул, явно несколько не потревоженный падением, и продолжил свой путь.

Саро испытал облегчение. Улыбнулся Гайе:

— Я нашел тебя. Как удивительно!

Но Гайя ответила на взгляд без улыбки.

— Я искал тебя, — добавил он несколько смущенно.

— Ну. Ты нашел меня. Что тебе нужно?

Она уже не походила на того жизнерадостного ребенка, недавно восхищавшего его, подумал Саро. Гайя выглядела так, будто не ела и не спала с самой смерти дедушки. Поразмыслив, юноша решил, что, возможно, так оно и было. Он жаждал отдать ей деньги, увидеть радость и благодарность за подарок на ее лице, рассчитывал посидеть с ней немного и поговорить о значении цветов камня настроения — особенно о том, что означает тот странный оттенок зеленого, увиденный прошлым вечером.

Но теперь между ними встала смерть ее бабушки, сделав осуществление его мечты невозможным. Теперь она Потерянная, одна из презираемых, игнорируемых людей на Эльде. А он — сын истрийского вельможи (какого именно, как теперь ясно понял Саро, уже не имело ни малейшего значения). Они — два противоположных мира, и даже деньги ничего тут не изменят, хотя и помогут выжить ее семье.

Юноша потянул за веревки, которыми привязал кошелек к поясу.

— Мне очень жаль... — начал он, но Гайя яростно воскликнула:

— Жаль?! Твой народ не знает такого слова! Империя выжгла себе дорогу через каждый кусочек здешней земли и там, в южных горах. Она сожгла мою мать за магию и убила отца, когда он попытался спасти ее. А теперь забрала в придачу моего старого бабушку, который никому не сделал плохого! Она так жадна до нашей крови. Империя не успокоится, пока не погубит нас всех...

Саро неловко молчал. Все, что она сказала, кажется, не имело отношения к событиям, которые развернулись на его глазах — драка, погоня, споткнувшийся человек и безотчетный удар Танто, — и все же в словах девочки содержалась неоспоримая правда. Его народ надменен и безжалостен, он навязывает свою волю остальным. Они заставляют других принять свои законы и свою религию, отнимают свободу, отдают иноземцев Богине по малейшему поводу.

Саро опустил голову.

— Вот, — с трудом проговорил он.

Протянул девочке кошелек и, когда она не сделала попытки принять подарок, бросил его к ее ногам.

— Они никогда не возместят того, что совершил мой брат, и никогда не вернут тебе бабушку. Но это все, что я мог сделать. Мне жаль...

Он проглотил последнее слово. Слезы начали завлакивать глаза. Саро яростно стряхнул их рукой, но они продолжали литься.

Кочевница с нескрываемым любопытством разглядывала истрийца. Она никогда прежде не видела, чтобы взрослый мужчина плакал, кроме как от радости — при рождении ребенка или впервые увидев океан, — но южанина поглотило явно не это чувство.

Гайя смотрела, как он отворачивается в смущении и уходит прочь. Отойдя шагов на тридцать, Саро обернулся, и она, засунув непослушных кукол под мышку, подняла кошелек, потому что не хотела видеть его таким несчастным и только подобным образом могла поднять его настроение хоть ненадолго.

В палатке клана Камнепада Катла Арансон тайно собирала самые нужные вещи.

Под нежелательно броскую красную накидку она уже надела мягкие желтые штаны из свиной кожи и приталенную рубаху из белого хлопка. Сейчас девушка уже чувствовала себя как кусок тушеного мяса.

Обувь представляла определенную проблему. Катла точно знала, что отец не похвалит ее за видавшие виды старые кожаные ботинки, надетые на Собрание. Если даже она будет ходить более аккуратно, чем обычно, и не станет танцевать, все равно не удастся скрыть их под юбкой.

В конце концов Катла остановилась на паре тапочек из шкуры бизона, достаточно удобных для бега, с завязками на лодыжке. Она уговорит Эрно взять ботинки вместе с вещами, которые уже упаковала, и сложить их в лодке. Девушка завернула короткий меч и кинжал в шаль. Потом добавила туда камень, кусок твердого сыра, маленький кусок хлеба, фляжку вина, украденную из запасов Тора. Катла предпочла бы воду, но отец с Халли сидели на бочках с водой снаружи палатки, следили, чтобы она не сбежала.

Как Халли мог оставить все свои надежды по прихоти отца, Катла не понимала до сих пор. Она почти так же сильно злилась на его бесхребетность, как и на предательство Арана Арансона.

Девушка закончила завязывать узел и кинула его на середину кровати, потом набросала

сверху ворох одежды в качестве маскировки.

Красную накидку, свадебный подарок Финна Ларсона, принес отец, делавший покупки вместе с будущим зятем. Красный цвет — чтобы оттенить ее волосы, смеялся Фент, пока не увидел напряженное лицо сестры.

Катла не хотела надевать накидку. Это казалось ей признанием поражения, но она в конце концов смиренно приняла дар, думая убедить отца в том, что дочь повинуется ему и не собирается расстраивать его планы.

Как заметил Аран, милая вещица была вышита самой рукодельницей матери короля. Накидка была оторочена серебристыми кружевами, а жесткий лиф так сжимал груди, одновременно выталкивая их вверх, что даже у Катлы появилось подобие бюста. С надетой под низ одеждой девушка еле могла вздохнуть: пришлось незаметно разрезать верх рубашки ножом.

С обрезанными волосами, выкрашенными в отвратительный облезлый черный цвет, в ярком платке Эрно она совсем не походила на дорогую игрушку, виснувшую на руке богатого мужчины, мрачно подумала Катла. Так ему и надо. Счастливому супругу не удастся долго демонстрировать ее всем желающим.

— Катла!

Голос Йенны, дрожащий от возбуждения.

О боги, только ее и не хватало!

— Катла, ты готова?

Голова Йенны появилась в дверном проеме.

На девушке было ярко-зеленое платье с таким низким вырезом, что Катла почти видела соски, выглядывавшие из-под серебряных кружев. Как Йенна умудрилась заставить грудь стоять так высоко, она не представляла. Ну и видочек будет у них двоих: Глад и Мор во плоти.

Она рассмеялась.

— О, Катла, я так рада, что тебе весело!

Йенна поспешила войти в палатку, ее широкое круглое лицо светилось от счастья. Волосы девушка убрала под вышивной шарфик, завязанный наподобие тюрбана. Может, зелье старой кочевницы возымело обратный эффект?

— А с чего бы мне печалиться? — Катла повернулась к подруге с нехарактерно благостным выражением лица. — Мой отец продал меня твоему отцу, и я теперь превращусь в злобную мачеху. Что может быть лучше?

Что-то в голосе Катлы заставило Йенну напрячься, но, так как она никак не могла потратить хотя бы минутку на кого-то, кроме себя, девушка тут же принялась весело щебетать.

— Что ты об этом думаешь? — Она самозабвенно закружилась по палатке, и Катле пришлось спасать свечки, чтобы подруга ненароком не устроила пожар. — Правда, шикарно?

Она сцепила ладони под грудью, так что та угрожающе подпрыгнула вверх.

— Неужели это не привлечет внимание короля Врана?

— Если нет, он явно слеп, как муха...

— О, Катла. Я знаю, он выберет меня! Я чувствую это вот здесь. — Она похлопала по своему тщательно прилаженному лифу. — Все говорят, что король поступит правильно, выбрав меня, а не ненадежных южан или предателя Эрола Вардсона. Ему еще нравятся женщины с пышными формами, как я слышала. Один-ноль не в пользу Лебеде Йетры.

«Два-ноль не в пользу несчастной женщины, если она слишком близко подойдет к тебе во время танцев», — мрачно подумала Катла, но вслух, конечно, вежливо удивилась: — О?

— Да, она, говорят, тонка, будто спица, и точно так же привлекательна!

Катла видела всего лишь двух загадочных южных женщин на Ярмарке. Они поспешно шли между палатками, сопровождаемые целым выводком одинаково одетых крошечных девочек-рабынь. Истрийки выглядели так удивительно, так неестественно, что просто

заворожили Катлу. Если бы она одевалась в подобные одежды, то с легкостью спрятала бы под ними и тунику, и ботики, и все остальное. И, наверное, лодку в придачу.

— Мы предлагаем пять тысяч кантари.

— Каждому?

— За всю работу.

Мэм стояла руки в боки, ноги ее будто приросли к земле. Никакой вылощенный, надушенный имперский лорд не заставит ее опустить глаза.

— За моих бойцов двадцать пять тысяч кантари.

Пять — уже приличная сумма, если не сказать по-королевски щедрая, злорадно думала она. Человек рассмеялся.

Он был слишком высок для истрийца, с крючковатым носом и редющими волосами. Кожа как отполированный каштан, на правом плече — значок истрийского Высшего Совета. За его спиной топтались четверо других лордов, явно смущавшихся в присутствии иноземной женщины с выцветшими на солнце волосами, заплетенными в косички, с ракушками, перьями и нитями, в видавших виды доспехах и с оружием.

В их поведении проскальзывали таинственность и коварство. Раскрывать планы перед чужестранцами в любом случае рискованно, но ввязывать в дело женщину, да еще такую — это отдавало самым настоящим святотатством и даже преступлением. Однако лорд продолжал торговаться:

— Шесть.

— Двадцать, или мы уходим.

— Восемь, или я прикажу бросить вас в тюрьму.

— Пятнадцать, или я зарублю тебя на месте.

Мэм подарила ему злобную улыбку, открыв осколки выбитых зубов.

Улыбка на его лице застыла. Истриец положил руки ладонями вниз на разделявший их стол, наклонился вперед.

— Ты не успеешь даже вытащить меч из ножен.

— Думаешь? Я согласна поставить на кон все свое имущество. Грохну тебя, и твоих приятелей заодно.

Один из лордов выступил вперед с мрачным видом. Он схватил предводителя за плечо.

— Эта женщина — варварка, — объявил он, не обращая внимания на Мэм. — Ты с ума сошел, если доверяешь ей наши планы.

— Успокойся, лорд Варикс. У нее превосходные рекомендации.

Еще один лорд вышел вперед и зашептал что-то на ухо лорду Вариксу.

Мэм ухмыльнулась.

— Он имеет в виду, что это мы ответственны за поджог замка герцога Гиля. — Мэм заговорщически наклонилась вперед. — Там никто не выжил. Мы постарались.

Варикс слегка побледнел, но первый лорд не сдвинулся с места.

— Вспомните — именно потому, что этими наемниками руководит женщина-варварка, они нам и понадобились. Какой эйранец заподозрит женщину, желающую предстать перед королем?

— Но уж точно ты имеешь в виду не её? — Лорд Варикс высокомерно окинул Мэм взглядом.

Заскорузлые руки, мускулистые колени, голени, жилистые, как корни деревьев, грубая кожа и сломанный нос.

— Ну, мы ее приоденем и остальных тоже...

— Если мы придем к согласию насчет платы, одевайте меня, как захотите, — нетерпеливо перебила Мэм на беглом, хотя и кошмарно исковерканном истрийском.

Она ухмыльнулась при их очевидном смятении. Истрийцы лихорадочно пытались припомнить, что успели наговорить в спешке.

— Хотя я не уверена, что Кноббер станет милой женщиной даже в самых лучших

кружевах.

Предводитель лордов подарил ей тонкую улыбку.

— Посмотрим. Десять тысяч, это наше последнее слово.

— Четырнадцать.

Лорд закусил губу.

— Двенадцать.

— Дай мне тринадцать, и мы пожмем друг другу руки.

— Двенадцать, и будь проклята. Я не прикоснусь к тебе.

— Шесть вперед.

Он прожег ее взглядом.

Мэм подмигнула. Потом откашлялась, разжала кулак, обильно плюнула на ладонь и схватила лорда за руку. Он попытался вырваться, но женщина оказалась сильнее, намного сильнее. Выражение его лица стоило видеть.

— Идет.

Мэм отпустила лорда. Тот стал распрямлять изломанные пальцы, глядя на ладонь с отвращением. Потом махнул мальчишке-рабу:

— Вытри!

Раб куда-то исчез, но почти тут же вернулся с сухой тряпкой, которой принялся стирать слюну. Воспоминание о том, как до него дотронулось подобное существо, надолго останется с лордом, если не навсегда. Мэм это точно знала.

— Идет. Только запомни: если что-то пойдет не так и он умрет, вам достанутся только шесть тысяч.

Мэм скривилась. Потом усмехнулась:

— Ладно, шесть тысяч тоже на дороге не валяются. Еще за шесть мои мальчишки завернут его в шелк и доставят вам с поклоном.

Вот идиот, думала Мэм. Неужели они в таком положении, что готовы так переплачивать? Она просто проверяла его: они бы взяли и восемь, почитая это за счастье, просто чтобы развлечься.

— Фиолетовый тебе очень идет, Танто. Честное слово, ты выглядишь, как юный Алесто.

Танто нахмурился и кинул рубашку обратно на прилавок бесформенной кучей, так что хозяин лавочки тут же зацокал языком и начал суетиться. Даже несмотря на систематические пропуски занятий, юноша прекрасно помнил из летописей, что Алесто был любовником Фаллы, единственным смертным, выбранным ею более за красоту, нежели за ум. Отец, вероятно, забыл, что Алесто ожидал печальный, нелепый конец...

— Нам пора обратно, отец, — нетерпеливо сказал Танто.

Весь последний час его мучила мысль о Саро и призовых деньгах.

— Ах да, надо еще подготовиться к вечеру. И поздравить нашего Саро с выигрышем...

Зря они пропустили скачки почти полностью, размышлял Фавио. Ему казалось настолько нереальным, что Саро сможет преуспеть хоть в чем-нибудь, что он позволил себе отвлечься на экзотических танцовщиц, которые так привлекали Танто. В результате они прибыли только для того, чтобы увидеть, как Ночной Предвестник пересекает финишную черту.

— Это было чудесное зрелище, вне всяких сомнений. Я всегда говорил, что в мальчишке что-то есть. — Фавио знал, что это неправда, но сейчас чувствовал необъяснимое великодушие по отношению к сыну. — К тому же и нам повезло, как никогда, хотя думаю, лорду Кантары мы не станем рассказывать всей истории. Мы же не хотим, чтобы он решил, что ошибся с выбором зятя, правда, Танто?

Но старший сын витал где-то в облаках. Мысли Танто опять вернулись к мушке на лице Селен Ишиан — полумесяц и эти губы...

— Когда мы справим свадьбу, отец? — внезапно спросил он.

Фавио Винго улыбнулся. Он вспомнил, как хотел взять в жены Илустрию.

Ах, Илустрия...

Память услужливо подкинула картину далекого прошлого. Винго поспешно откинул подобные мысли.

— Ну, мой мальчик. Здесь надо подумать, это уж точно. Придется позаботиться о благородных гостях, о свите, подходящей дате, благоприятных знамениях, нужных жертвоприношениях и тому подобном. Кажется, у нас не получится собрать всех до самого Урожая.

— До Урожая?! — почти взвыл Танто.

Какой ужас! Он собирался переспать с женщиной сегодня же вечером, самое позднее — завтра. До Урожая еще целых четыре луны, и, хотя его не слишком прельщала перспектива стать центром внимания на бесконечных церемониях, желание узнать, действительно ли Селен Ишиан предоставляет специфические сексуальные услуги, на которые намекала мушка, было сильнее.

Фавио, забавляясь, наблюдал за смятением сына, потом сжалился над ним.

— Но, конечно, это просто церемония во славу Богини. Нет нужды так долго ждать, чтобы познать свою невесту. Мы сегодня же ночью найдем священника, чтобы скрепить союз, если отец ее не воспротивится. И скоро вы будете блудить, как пара горных кошек! Благословение Богини для девушки — вступать в брак с чревом, полным семени ее мужа.

Танто почувствовал, как в чреслах запылал огонь. Он еще сможет быть с нею вечером! Даже несмотря на сотни проституток, через которых он прошел, никогда Танто не ждал совокупления с таким нетерпением, потому что раньше оно было безликим, небрежным. Теперь все произойдет по-другому. Это перерастет в обладание. Он уже чувствовал себя великим человеком.

Они оставили позади лавки и направились обратно на территорию истрийцев. Как только показались первые палатки, послышались крики глашатаев, объявлявших вечернюю молитву. Печальный вой поднялся в сумерках. Фавио, будучи набожным человеком, тотчас упал на колени и принялся молиться.

Танто закатил глаза. Еще одна задержка! И все-таки он последовал примеру отца с достаточно послушным видом и так торопливо проговорил положенные молитвы, что закончил на добрых полминуты раньше Фавио.

Как только отец произнес «навечно в пламени», Танто вскочил, схватил его за локти и поставил на ноги.

— Теперь пойдем. Уже вечер, а я не хочу, чтобы ты простудился на ветру, — объявил он с фальшивой заботой.

В палатке Винго ярко горел огонь на жертвенных блюдах. Запах благовоний чувствовался за двадцать шагов.

— Выкидывают тонны травы на ветер, — сердито пробормотал Фавио. — А она мне недешево обходится!

Первый раз в жизни Танто услышал, как отец жалуется на дороговизну чего бы то ни было. Явно отзыв долгов прогрыз значительную дыру в семейном бюджете.

Только теперь ему пришло в голову, как важна, наверное, его женитьба для отца, что он стольким жертвует ради нее. Танто улыбнулся. Результат стоит жертв, он точно знает. Объединение поместий даст большое преимущество в борьбе за власть между провинциями. А они с Селен станут основателями династии, память о которой будет храниться веками...

Внутри палатки на столе сверкала кучка серебра, отблески свечи мерцали на монетах. Рядом лежала записка, написанная корявым почерком Саро. Танто оценил ситуацию с первого взгляда. Горка монет явно не соответствовала всей сумме выигрыша Саро.

Фавио взял записку.

Дорогой Танто, здесь половина обещанных денег. Насколько я знаю, ты ценишь честь выше, чем серебро, поэтому я взялся выполнить твои обязательства относительно второй половины выигрыша. Увидимся на Собрании.

С наилучшими пожеланиями,
твой брат Саро Винго.

Фавио уставился на побледневшего Танто:

— Что он имел в виду?

Танто вырвал записку из безвольных рук отца и пробежал ее глазами, будто за три прошедшие секунды слова могли поменять значение.

— Я пропал.

Он тяжело сел на подушки и закрыл лицо руками. Записка полетела на пол.

Пораженный Фавио сел рядом с ним:

— Пропал? Нет, парень, это я пропал. Что еще за «обязательства»? И почему он не идет на Собрание с нами, а пишет, что встретит нас там?

Танто вскочил на ноги:

— Я найду маленького ублюдка и выжму из него проклятые деньги, клянусь!

С этими словами он выбежал из гостиной в боковую комнату, где спал Саро, так сильно хлопнув дверью, что та сорвалась с петель.

Отец смотрел ему вслед с болью в глазах, потом достал записку и перечитал ее.

Саро в комнате не оказалось, не было и его плаща. Танто яростно огляделся, гадая, где брат мог спрятать деньги. Вначале он распахнул сундук, в котором Саро хранил личные вещи, но нашел только аккуратно сложенное нижнее белье, пару штанов, простые тапочки из свиной кожи и свечки с кремнем. Около сундука на тростниковом половике — чернильница и перо, явно оставленные в спешке. Капля чернил пролилась на половик и растеклась, как червоточина на ровной зеленой поверхности.

Танто злобно лягнул сундук, и тот перевернулся, увлекая за собой чернильницу. Разлившиеся чернила заляпали белье. Истриец с мрачным видом осмотрел разгром, потом занялся кроватью Саро.

Танто снял покрывало и кинул его на пол. Пошарил под матрасом — безрезультатно. Он уже поднимался, когда заметил блеск серебра. Однако, отбросив подушку, Танто нашел не монеты, как предположил на какое-то сумасшедшее мгновение, а кинжал.

Он взял его и взвесил в руке. Кинжал лег в ладонь с удивительной легкостью. Что-то связано с этим клинком...

Танто ведь искал подобный кинжал, когда обнаружил дефекты в старом. Проклятый Саро! Если бы у Танто оказался этот кинжал, он бы не проиграл пустынноку — и теперь был бы богаче на две тысячи, а голова не болела бы о приданом...

Юноша потер виски. С чего его мирному сопляку-брату иметь такое превосходное оружие? Почему у него вообще оказалось какое бы то ни было оружие, да еще под подушкой? Неужели он так боится его?

Мысль почти заставила Танто улыбнуться. Ему и правда следовало бояться. Как только удастся поймать негодяя, братец пожалеет, что вообще купил кинжал, что лезвие такое острое. Он совершенно точно представлял, какую рану мог нанести с помощью такого клинка — рану, которая оставит после себя шрам, в не очень заметном месте: на ягодице или подошве ноги. А если Саро отдал деньги кочевнице, она вскоре присоединится к своему деду.

Танто вонзил нож в подушку и наискосок распорол ее. В воздухе повисло облако белого гусяного пуха. Он лениво парил, потом опускался на пол и превращался в снежную поземку.

Тут вошел Фавио. Он огляделся в изумлении.

— О Фалла! Ну и беспорядок! Никогда не видел такого отвратительного зрелища. Мальчишке, наверное, вскружила голову победа. Я всегда говорил, что он слаб духом, но такое! Позор. Только подушка стоила мне целого кантари, а это что? — Он наклонился и поднял белую рубашку, теперь безобразно запятнанную чернилами. — Богиня покарает неряху. Саро должно быть стыдно за такое обращение со своими вещами, он пожалеет о

своим поведением, как только я его увижу!

— О чем пожалеет, брат?

За плечом Фавио появился Фабел. Он оглядел комнату и коротко присвистнул.

— О боже. Немного грязновато. И все же он не такой уж и плохой парень, наш Саро. Какие скачки! Замечательные, я бы сказал. У меня уже есть два соблазнительных предложения по поводу коня. Завтра получим за него хорошие деньги. — Он постучал по плечу Танто листом пергамента. — Я так понял, он собирается встретиться с нами на Собрании со второй половиной денег. Хороший мальчик, правда? Спасает тебя от самого себя. — Тут Фабел подмигнул. — А то ты бы, наверное, спустил все на женщин и вино, а, Танто?

Танто вымученно улыбнулся:

— И правда, дядя.

У Фавио будто гора с плеч свалилась.

— Конечно, конечно. Он встретит нас там с деньгами. Какой хороший парень! Пошли, Танто, поторопимся. Тебе надо принарядиться, чтобы лорд Тайхо с гордостью отдал тебе свою дочь.

— Фабел, подарки северному королю...

Уходя, Танто ясно расслышал слова:

— Проданы, брат, и за меньшие деньги, чем мы за них отдали.

Отец грязно выругался.

Глава 13 СОБРАНИЕ

Даже занятую собственными планами побега Катлу поразила толпа людей на Собрании. Да не только их число, хотя в огромном павильоне, под высокой крышей, среди поддерживающих палатку высоких столпов собралось больше народа, чем она когда-либо видела, а карнавал красок, каскад великолепных драгоценностей. Кажется, все, пользуясь случаем, выставили на показ лучшие облачения. Или, скорее, поправила Катла сама себя, все эйранцы, потому что в то время как истрийцы шествовали в дорогих одеждах с беспечностью, говорящей о безразличии к событию, северяне нацепили на себя все драгоценности и украшения, какие смогли найти, будто показывая старому врагу, что они не такие уж и варвары.

Обычной для севера ткани придавали различные оттенки с помощью натуральных красок, использовавшихся на островах. Мхи и трава давали нежный зеленый, желтый и розовый. А летние ягоды — лиловый и красный, который потом превращался в мрачный коричневый. Но совершенно ясно, что сегодня эйранские платья уступили одеждам ярких, кричащих цветов. Для большинства Ярмарка явно прошла успешно, потому что такой материал стоит недорого.

Она видела Фалко и Горди Ливсон в алой и желтой туниках, а рядом стояли Эдель Оллсон и Хопли Гарсон в камзолах ядовитого зеленого и оранжевого цветов. Эдель Оллсон надел шляпу, отделанную совершенно нелепыми перьями — длинными, зелеными, с огромными голубыми глазками на концах. Наверняка ненастоящие, решила Катла. Ни одна птица не выжила бы с таким ярким оперением.

Глаза Йенны сияли — как, впрочем, и щеки, и нос. Подруга опрокидывала уже третий кубок с южным вином, как заметила Катла, в то время как она сама все еще смаковала первый. Придется оставить его, если она хочет трезво мыслить, но Йенне такие самоограничения не нужны. Теперь она показывала на противоположную сторону помещения и говорила дрожащим от возбуждения голосом:

— Видишь того мужчину? Он, наверное, ужасно богат!

Катла посмотрела в указанном направлении и обнаружила истрийского вельможу среднего роста, с темно-коричневой кожей. Черные волосы удерживал сзади простой

серебряный обруч, так что явно не драгоценности привлекли внимание Йенны.

— Эта пурпурная ткань кошмарно дорогая. Говорят, ее красят морскими моллюсками!

Катла воззрилась на нее в изумлении:

— Моллюсками? Не верю. Мы с бабушкой Рольфсен экспериментировали с моллюсками. Краска получилась жуткого блеклого коричневого оттенка.

Йенна нетерпеливо скрипнула зубами.

— Не обычными моллюсками, дурочка, а морскими моллюсками. Их находят на самых отдаленных участках суши у Восточного океана, и каждого надо раздавить руками.

Катла скривилась:

— Какая жуть. Неужели одежда потом не воняет?

Йенна рассмеялась:

— А ты думаешь, знатный мужчина надел бы ее, если бы воняла? В любом случае не понимаю, чего ты нос воротишь, раз уж надела подобное платье!

Катла покраснела:

— Ты же знаешь, я не сама его выбирала. Это подарок твоего отца.

Йенна, казалось, восприняла ее новое положение как должное, подумала Катла. Или скорее всего она настолько поглощена предстоящей встречей с королем Враном, что не в состоянии думать о чем-то еще.

Катла знала, что чувствует подруга. Она сама еле заставила себя поддерживать разговор. Эрно все не показывался, и девушка начинала всерьез беспокоиться.

— Ты знаешь, как они получают такой яркий алый цвет?

Катла взяла краешек платья и стала его внимательно рассматривать, будто надеясь получить ответ свыше.

— Я бы сказала, из чего-то кошмарного.

Йенна прыснула. От вина ее зубы и десны сменили естественный цвет на серовато-розовый, как заметила Катла. С такой улыбкой она выглядела как живой труп, один из восставших из мертвых с северных островов, который, если его не похоронить под камнями у крыльца дома, бродит по земле после заката, поддерживая подобие жизни и питаясь кровью животных.

— Из вшей, — весело сказала Йенна.

Катла поморщилась:

— Нужно передавить более тысячи вшей, чтобы получить кружку краски.

— О нет!

— Да.

Если Йенна планировала вызвать у Катлы отвращение, она не приняла во внимание крепкие нервы подруги.

— Наверное, это достаточно хлопотно, — задумчиво проговорила Катла. — Тогда за платье должны дать неплохую цену.

Йенна странно посмотрела на нее, но тут Катла вскрикнула:

— О, посмотри!

В дверном проеме появилась группа истриек, окруженных немалой толпой мужчин. Примерно полдюжины женщин, и все с головы до ног закутаны в просторные сабатки. Катла следила за их бледными руками, порхавшими, как бабочки, когда они говорили, и яркими на фоне сабатов губами.

Мужчины окружили дам плотным кольцом, будто их подопечные, как и Катла, собирались ускользнуть. Послышался взрыв звенящего смеха, одна из женщин замахала руками на компаньонку, как будто в восторге от ее слов. Катла видела, как задвигались губы высокой истрийки: последовал еще один взрыв веселья.

— Какая из них Лебедь Йетры, как ты думаешь? — воинственно спросила Йенна. Казалось, хорошее настроение женщин только раздражало ее. — Говорят, она высокая и тонкая, но для меня они все на одно лицо.

— Не знаю.

Вообще-то Катлу это совершенно не волновало. Но вот где Эрно? Теперь девушке пришло в голову, что она не видела его со вчерашнего дня. Неужели он способен так легко предать любимую? А может, ему действительно нравится Марин Эдельсен?

Подобная мысль заставила ее похолодеть. Катла никогда не думала, что станет делать, оставшись без помощи. Управлять плотом одной будет очень трудно, они ведь очень широкие и необходимо наличие не менее двух гребцов с обеих сторон...

Катла быстро подавила панику. Если придется, она сумеет найти лодку поменьше. Девушка сжала кулаки. Будь все проклято, она уплывет!

Она оглядела толпу. Где-то рядом жужжал голос Йенны. Без передышки, как назойливая муха, девушка рассказывала о подъезжающих людях: Китта Соронсен и Фара Гарсен, большая Берта Врансен, ярл Несса и его дочь, ярл Стен и его дочь Элла, Рагна Фаллсен — по слухам, любовница короля, — величественная женщина с потрясающим водопадом смоляных волос и раскосыми глазами. Ярлы Штормового Пути и Южного Глаза, Яйцо Форстсон, ярл Шепси с Филией Янсен, своей внучатой племянницей, под руку...

Катла смотрела, как гости вливаются в уже заполненное помещение, берут вино и пирожные с длинных столов, собираются маленькими группками поболтать о том о сем. Девушка заметила странную женщину в обширном зеленом платье, за ней топал какой-то коротышка, который явно неуютно себя чувствовал в тесном камзоле и штанах. За необычной парочкой выскочили еще три истрийки и тотчас остановились, явно привыкая к тусклому свету свечей, едва проникавшему через плотную материю вуалей.

И тут Катла затаила дыхание, потому что появился тот самый сын вельможи, что приходил к ней в лавку. Девушка забыла его имя, если вообще когда-то знала. Юношу сопровождали двое пожилых истрийцев, оба шикарно одетые: один, на голову ниже другого, носил шелковый тюрбан.

Вошедшие оглядели толпу. Высокий мужчина внезапно сузил глаза и показал пальцем куда-то. Остальные посмотрели в том же направлении.

Катла машинально повернулась и оказалась прямо перед Саро Винго. По ее спине побежали мурашки, грудь и живот смутил неожиданный прилив жара. Она почувствовала, что краснеет, и быстро опустила голову, надеясь, что юноша ничего не заметил. Во всем виновато вино, со стыдом решила девушка. Но, повернувшись обратно секундой позже, она поняла, что его глаза неотрывно смотрят на нее, будто околдовывая.

Он южанин, повторяла Катла про себя. Враг. Что скажет отец, если увидит, как она вспыхивает при одном взгляде на истрийца? Что скажет Фент? Брат ненавидел народ Империи с отчаянной, беспричинной яростью и даже, наверное, проткнул бы несчастного Саро за единственный взгляд в ее сторону.

Трое мужчин подошли ближе. Молодой гневно обратился к Саро, угрожающе размахивая руками. Однако, кажется, прошла целая вечность, прежде чем Саро смог оторвать взгляд от девушки, и, когда он с явной неохотой отвернулся, будто холодная тень упала на Катлу.

— Где мои деньги, Саро? — спросил Танто. Лицо его было мрачнее тучи.

Фавио и Фабел наступали ему на пятки.

— Да, парень, выкладывай, — поддакнул Фавио. — Нам не терпится покончить с этим делом.

Саро оглядел всех их по очереди, потом остановился на старшем брате.

— Ты знаешь, где деньги, Танто, — тихо проговорил он. — Я думал, ты будешь только благодарен за то, что я не выставил твою тайну на всеобщее обозрение.

— Ты, маленький мошенник! — прошипел Танто так, что никто, кроме них двоих, ничего не разобрал. — Ты же знаешь, мне нужна каждая монетка! Как ты мог предпочесть бесполезную шлюху благополучию своей семьи?

Время остановилось. Саро чувствовал, как кровь бьется в ушах. Сердце стучало, пульс упрямо убыстрялся. Плечи расправились, будто в ожидании удара. Он знал, что все

закончится этим: отрицанием своих обещаний и яростным спором. Может быть, он даже хотел такого противостояния. Тот жестокий удар, который юноша с таким удовлетворением нанес брату вчера, каким-то образом освободил Саро, сделал сильнее.

На подбородке Танто растекался кровавый синяк, но брат явно не понял, что к чему. Саро все еще не проронил ни слова.

— Деньги, — произнес Фавио, стоя за спиной своего старшего сына. В его лице читались боль и напряженное ожидание. — Нам все еще не хватает значительной суммы на приданое, сынок. Честь нашей семьи зависит от выполнения условий этого соглашения.

Саро молча стоял перед ними. Потом подарил родственникам широкую медленную улыбку. Взгляд задержался на мгновение на «дяде» Фабеле, нашел в его глазах неожиданную настороженность, быстрые пронизательные расчеты.

— Мне жаль, брат, папа, дядя. У меня уже нет денег. Танто знает почему. Если вы расспросите его с пристрастием, то он расскажет вам какую-нибудь сказку. Поверите вы или нет, не мое дело. Мне все равно. Кажется, чтобы спасти так называемую честь семьи, надо обманывать и красть, а это мне не по душе. — Он пожал плечами. — Я принял решение, хотя оно вам может и не понравиться. До свидания.

Он поспешно поклонился, встряхнул плащ, висевший на руке, и натянул его, как вторую кожу. Потом повернулся на каблуках и растворился в толпе.

Фавио и Танто пораженно переглянулись. Фабел посмотрел вслед Саро, его глаза сияли от непонятных чувств. Наконец он обратился к брату:

— Фавио, боюсь, лорд Тайхо направляется прямо к нам. Надеюсь, ты приготовил извинения.

Он тут же улизнул, оставив Фавио и Танто разбираться с лордом Кантары.

— Здравствуй, мой господин. — Фавио попытался скрыть панику под величавым поклоном.

— Господин Танто.

Глаза лорда Тайхо неестественно блестели. Лицо его горело, румянец проступал даже сквозь темно-коричневый цвет, кожи. Может быть, подумал Фавио, отчаянно хватаясь за соломинку, он ударился в запой, может, они еще смогут понизить цену или отсрочить выплату надень?

Но лорд Кантары не собирался терять времени даром.

— Приданое у вас с собой?

Танто окинул взглядом толпу истриек у помоста для музыкантов. Одна из них точно Селен Ишиан. Танто почувствовал, как напрягается при одной мысли о ней.

— Господин... — начал Танто, но лорд Тайхо не спускал глаз с его отца.

— Двадцать тысяч кантари сегодняшним вечером. По-моему, так мы договаривались, лорд Фавио?

— Действительно, мой господин. Однако...

— Они нужны мне прямо сейчас.

Тайхо сузил глаза, буравя Фавио взглядом.

Винго нервно рассмеялся:

— В данный момент у нас нет всей суммы, мой лорд, но мы соберем ее к завтрашнему утру.

Темная рука сгребла его за воротник, почти лишив возможности дышать.

— Сейчас или никогда!

Фавио попытался заговорить, но не смог выдать ни одного слова. Глаза его начали вылезать из орбит.

— Господин, умоляю вас. — Танто опустил ладонь на плечо Тайхо. По лицу юноши струйками стекал пот, он выглядел почти таким же решительным, как и сам лорд Кантары. — Отпустите отца. Я клянусь, мы найдем вам деньги сей же час.

Тайхо со злостью отбросил руку юноши, однако отпустил рубашку Фавио.

Лицо Фавио Винго приобрело оттенок задницы мандрила. Он встряхнулся, откашлялся,

привел в порядок одежду и обруч, соскользнувший на глаза, потом поспешно отступил назад, подальше от сумасшедшего. На них стали обращать внимание. Люди показывали на истрийцев пальцами и возбужденно перешептывались.

Фавио взглянул на сына. Танто стоял бледный, напуганный до смерти. Хотя было непонятно — оттого ли, что у него на глазах чуть не придушили отца, или от мысли о потере невесты.

— Один час, — предупредил лорд Кантары. — Минутой позже я продам ее первому же прохожему, который щедро заплатит.

Он сквозь зубы что-то скомандовал своему рабу и направился в сторону помоста. Люди расступались перед ним, как морские волны.

Фавио провел рукой по лицу.

— Он не в себе, — объявил он довольно громко. Украдкой бросил взгляд на окружающих, но никто не смел поднять глаз. — Нам следует отозвать соглашение. Оскорбление, только что нанесенное мне лордом Кантары, отменяет всякие обязательства с нашей стороны. Я еще в состоянии позаботиться о судьбе своего сына.

— Нет, отец, — выдохнул Танто. — Мы не можем так поступить. Она мне нужна. Я отдал ей свое сердце.

Но Фавио был непоколебим.

— Я не собираюсь принимать в семью такого человека. Он явно слетел с катушек, а сумасшествие, говорят, передается по наследству. Ты и глазом не моргнешь, как окажешься с ненормальной женой и помешанными детьми на руках. Я и так подозревал нечто подобное — из-за мушки, которую нацепила его дочь, когда отец представлял ее нам. Ни одна здравомыслящая благородная девица не станет так порочить себя, и ни один здравомыслящий отец не позволит дочери обращаться с ее будущей семьей в такой неуважительной манере. Я не потерплю этого союза, и точка. Иди за ним, Танто, и скажи, что семья Винго отказывается от брака.

— Я... я не могу... — начал было Танто, но отец уже отвернулся и зашагал в противоположном направлении.

Эрно еле тащился за Араном Арансоном и сыновьями. Ноги его упорно не желали идти вперед.

В принципе он вообще не собирался посещать Собрание. Зачем появляться на этом торжестве? Только чтобы увидеть, как любимую женщину отдают другому мужчине?

Амулет из волос, болтавшийся на нитке под рубашкой, царапал кожу, будто напоминая о тщетности надежд. Он никогда не верил в магию, и вот получил исчерпывающее тому подтверждение. Катла явно даже не вспоминала о нем — вон она, рядом с Йенной Ларсен, смеется и пьет вино, будто ей на все на свете наплевать. Платок на голове Катлы, который он купил ей, тоже не служил большим утешением.

Эрно скользнул взглядом по алому платью, широким юбкам и модным свободным рукавам, остановился на загорелой плоти, выпиравшей из тесного лифа. Прекрасная женщина, несмотря на худобу и озорные глаза, внезапно подумал он. Теперь ее красота станет такой же очевидной для всех мужчин, какой всегда была для него. Осознание пришло с шокирующей ясностью. Красота Катлы открывалась ему в неприметных деталях: в серебряной напряженности взгляда, когда она смотрела на линию прибоя, в том, как смягчались ее черты под солнечными лучами, а потерянные теперь рыжие волосы, переплетенные с сосновыми иголками, топорщились, когда она бегала. Красота проявлялась и в том, как Катла кусала губы, рассматривая сварные швы, или когда пот расчерчивал ее плечи огненными полосками в кузнице. Ему нравилось, что она могла сделать меч, выковать его не хуже любого мужчины. Он любил ее за непредсказуемость, острый язычок и брутальные радости: в общем, за то, чем она отличалась от всех других женщин. Но эта ее старомодная элегантность не оставила ни тени сомнений: дни ребячливой проказливости прошли, а Катла пошла дорогой любой юной женщины; семья отдавала ее, упакованную в

подарочную обертку, другому мужчине в обмен на то, чего Эрно никогда не сможет предложить: деньги, престиж, полезное родство. Видеть любимую такой без слез он не мог — еле сдерживался, чтобы не метнуться к девушке сквозь толпу с оголенным кинжалом и не предать ее забвению.

Вот Катла заметила их. Эрно увидел, как увяла ее улыбка, а губы мрачно собрались в прямую линию. Приблизившись, он также отметил, что костяшки девичьих пальцев побелели на кубке с вином.

— Дочь.

— Отец.

— Финн немного задержится. У него появились неотложные дела.

Неужели Эрно не ошибся, и в ее глазах действительно мелькнуло облегчение? Когда Аран отвернулся сказать что-то Фенту, настойчивый, решительный взгляд Катлы обратился на Эрно. Он ответил на него твердо, но все равно почувствовал, как вспыхивает кожа на шее. Чего она хочет от него теперь, когда уже слишком поздно что-то менять?

Эрно попытался собраться с мыслями. Ее огромные глаза, зрачки, такие темные, почти сливающиеся с радужной оболочкой... Серебристо-серые озера.

— Я голодна, — ровным голосом объявила Катла.

— О, и я тоже, — подхватила Йенна, беря подругу под руку.

Катла освободилась из ее захвата:

— Останься здесь, Йенна, я принесу тебе что-нибудь. Эрно, проводи меня к столу.

Йенна уставилась на них, не в силах вымолвить ни слова. Потом отвернулась, чтобы ответить на комплимент Арана по поводу ее платья.

Эрно молча предложил Катле руку, почувствовав ее пальцы. Девушка ногтями впиалась ему в кожу, как сова в кролика. Катла вся дрожала, сквозь подушечки пальцев чувствовался пульс — быстрый и настойчивый. Эрно удалось каким-то образом заставить себя идти вперед, прочь от семьи, к столикам с едой. Катла словно плыла рядом, шурша своим красным платьем по полу. Весь ее вес сконцентрировался в электрическом соприкосновении их рук.

За десяток шагов до стола она убрала руку и повернулась к юноше лицом:

— Эрно, мне нужна твоя помощь.

— Только скажи! Все, что угодно!

— Я хочу убраться отсюда. Сегодня. Сейчас. Прежде, чем меня сосватают.

Эрно быстро огляделся, но Йенна и Арансоны были заняты разговором. Никто вроде бы не замечал, как внезапно его сердце наполнилось надеждой, как запылало все тело.

Он поймал Катлу за локоть и быстро потащил сквозь толпу к выходу. Молодые люди задержались, уступая дорогу высокой женщине, настолько плотно закутанной в длинное платье и шелковую шаль, что они только мельком разглядели бледное лицо и блеск зеленых глаз, когда она прошмыгнула мимо.

Наконец молодые люди выбрались из огромного павильона на темнеющую улицу.

— Сюда.

Теперь уже Катла потащила его вперед, аккуратно огибая веревки, поддерживающие павильон, по направлению к эйранской территории.

Несколько минут девушка и Эрно шли тихо, не касаясь друг друга, пока гул голосов не затих вдаль. Над головой плыла луна. Ее серебряный светлился налицо Катлы.

— Я все упаковала, — выдохнула она. Девушка знала, что просит слишком многого, и единственное, что пришло ей в голову, — обрушить на него все новости разом. — Эрно, ты поможешь мне сбежать? Я собиралась взять одну из лодок, но одна не смогу с ней справиться. Ты поедешь со мной, пренебрегая решением моей семьи?

— Да.

Эрно ничего не добавил, от него требовалось только одно слово.

— Может начаться кровная вражда, ты знаешь.

— Да.

— Мы никогда не вернемся.

— Да. Куда мы поедем?

Катла опустила голову.

— Об этом я еще как-то не думала, — призналась она. — Я только планировала плыть вдоль побережья.

Эрно молча кивнул. Двое беглецов, спасающихся от эйранского правосудия: отец юноши наверняка объявит его изгоем, а личные вещи, если таковые найдутся, отберут. Как, впрочем, и жизнь.

Эрно рассмеялся.

Катла уставилась на него. Как он может смеяться? Эрно выглядел наполовину сумасшедшим, но это его и красило: кожа, такая темная, и волосы, такие светлые, почти белые в свете луны, острые зубы сверкают, как волчьи клыки...

И тогда девушка тоже засмеялась. Нелепая ситуация: она в платье красного от раздавленных вшей цвета, ее волосы острижены и вымазаны в черное, жизнь в опасности, и теперь она вот-вот поцелует человека, которого знала всю жизнь и никогда не замечала — мужчину, который желает рискнуть собственной жизнью ради нее... Вот-вот поцелует...

Первым сдвинулся с места Эрно. Он обнял Катлу за плечи, наклонил ее голову назад и прижался губами ко рту. В первое мгновение девушка чувствовала только пульсацию крови, отдалась ей, как будто в этой ночи не существовало больше ничего, кроме их губ, и весь мир летел вдоль извивающейся нити, вниз и вниз...

И вдруг она ощутила тошноту. В воздухе чувствовался неприятный сладковатый запах.

Что-то горело. Что-то жгло ее, обжигало обнаженную кожу над низким вырезом платья.

— Нет!

Она оттолкнула Эрно. Кусок его рубахи как раз посередине груди дымился, превращая бледный цвет полотна в грязно-оранжевый. Струйки дыма вырывались из-за ворота — вначале тонкие, затем все более густые. Изумленный Эрно посмотрел вниз, расстегнул ворот и заглянул туда.

Обнаружив, что именно горит, он быстро шагнул прочь от Катлы, отворачиваясь, будто закрываясь от нее. Амулет, который ему подарила кочевница, сиял темным пурпуром, будто собирался внезапно вспыхнуть и спалить их обоих дотла. Магия!

Проклятие, вот почему она поцеловала его...

Эрно схватил нитку и вытащил амулет. Как только прервался его контакт с кожей рядом с сердцем, неестественный огонь угас. Большая часть волос сгорела, от неловкого движения остальные рассыпались и полетели на землю.

Катла опустила глаза. Потом нагнулась и подобрала остатки волос. Они потемнели от огня, но не стали неузнаваемыми. Понимание, почему Эрно носил прядь ее волос под рубашкой, почему та вдруг вспыхнула, жгло ее как огнем, заставляя мысли путаться.

— Магия, — прошептала она.

Амулет. Любовный амулет?

Обман...

Даже размышляя об этом, она чувствовала пустоту внутри, все эмоции куда-то улетели. Будто кожу туго натянули на ребра, как шкуру на барабан. Когда через несколько секунд Катла снова посмотрела на Эрно, ничто уже не взволновало ее в юноше, осталось только жуткое разочарование.

Эрно прятал глаза. Он уставился в землю, будто нашел там нечто поразительное. Косички с памятьными тряпицами и ракушками свесились, скрыв мрачное лицо.

Катла выбросила остатки магического очарования из головы, заставила себя думать ясно. Это ничего не меняет, решила девушка. Будет ли Эрно помогать ей, не надеясь на взаимность без амулета, — его дело.

Она грустно улыбнулась:

— Если ты идешь, нам лучше поторопиться, пока меня не хватились.

Он замешкался, будто пытаюсь придумать, что сказать, чтобы исправить ситуацию. Потом просто кивнул и направился к палатке клана Камнепада.

— Две тысячи кантари, Фортран. Большого я не прошу.

Фортран Дистра с любопытством воззрился на приятеля:

— С чего это тебе понадобились две тысячи кантари посреди ночи?

Потом его осенило. Он ухмыльнулся и ущипнул Танто за руку:

— Женщина, не правда ли?

Танто напряженно улыбнулся:

— Можно и так сказать.

Однако Фортран покачал головой.

— Потерял все на скачках, — дружелюбно поделился он. — Совершенно не ожидал, что выиграет твой брат-дохляк. Поставил все на Сыновний Долг.

Танто опустил голову.

— Не обращай внимания, — подбодрил Фортран. — Завтра ты поймешь, что я сэкономил тебе целое состояние. Ни одна женщина не стоит двух тысяч за одну ночь. — Он рассмеялся. — Выпей вина и не морочь себе голову.

Фортран был последней надеждой для Танто. Ни один из его так называемых друзей не мог — или не хотел! — одолжить ему денег.

Он проглотил одним махом теплое йетранское вино из кубка, предложенного Фортраном. Потом спросил:

— Ты видел лорда Тайхо Ишиана?

Фортран поднял бровь.

— Я бы не стал с ним сейчас связываться, — ответил он. — Недавно пролетел мимо меня черный как туча.

— Его дочь была с ним?

— Селен? А в чем все-таки дело, Танто?

— Была или нет, я спрашиваю?

— Нет. Кажется, ее вообще нет здесь. Что ты...

Но Танто уже отвернулся и пробивал себе путь сквозь толпу.

С Бете было совершенно невозможно справиться. Виралаю удалось запереть кошку в фургончике, где после нескольких панических рывков вправо-влево она шмыгнула под скамейку. Ученик мага и сейчас видел ее там. Зеленые глаза зло сверкали в полутьме.

Виралай задумчиво слизнул кровавые потеки с руки. Кровь оказалась острой и соленой на вкус: разорванная когтями кожа царапнула по языку. Вот и все успокаивающее действие заклинания, которое он применил к твари.

Первая мысль после пробуждения — бежать за Розой Эльды — в действительности довела его до самой границы территории кочевников, прежде чем ученик мага осознал бесполезность затеи. В вечерних сумерках сновали толпы людей: они закрывали лавки, выносили товары, вели под уздцы лошадей. Виралай забрался на крышу какого-то павильона и искал серебряный блеск ее волос среди сотен голов минут десять, пока не вспомнил, что темная зеленая шаль исчезла, а его взгляд уже, наверное, тысячу раз скользил по замаскированной Розе Эльды, не признавая ее. Проклятие. Придется использовать кошку, чтобы заманить женщину обратно.

Именно поэтому теперь он совершенно недостойно стоял на четвереньках, выставив вверх задницу, засунув голову под скамейку, пытаюсь вытащить гнусную зверюгу наружу исполосованными в лохмотья руками. Лакомые кусочки пищи и лесть не помогли. Оставалась только грубая сила.

Виралай лег на живот и начал заползать под лавку. Кошка, однако, намеревалась сохранить безопасную дистанцию, и потому забилась в самый дальний угол. В темноте жемчужно блеснули клыки, животное зашипело. В последний раз, когда такое случилось,

кошка атаковала — и не из естественной дикости или от страха, но с тщательным расчетом на максимальное повреждение цели. Его неприкрытое лицо показалось вдруг чрезвычайно уязвимым.

Медленно Виралай отполз назад. На двери висел старый плащ. Он снял его, обернул руки и снова занялся кошкой. Плащ был из плотной дерюги, но когда ему удалось схватить животное, ее клыки — или когти — впились, как горячие иглы, в нежную кожу между большим и указательным пальцами левой руки. Ученик мага взвыл от боли и гнева. Его правая рука непроизвольно поднялась, нашла голову кошки и сомкнулась (ага, значит, все-таки когти) на шее. Сквозь ткань плаща он взял тварь за шкирку.

Кошка разжала лапы, не сумев преодолеть инстинкт, пришедший из детства, хотя разумная ее часть понимала, что крепко держащее ее за шкирку существо вовсе не мать. Если та вообще когда-нибудь существовала.

Виралай отпрянул назад, встал на колени, держа Бете в вытянутой руке. Она висела без сопротивления, готовая к новой атаке, как только человек ослабит захват.

Наконец получив возможность сконцентрировать на животном свое умение без помех, он уставился прямо ей в глаза и пробормотал заклинание. Против воли кошка расслабилась. Виралай сел на краешек кровати, сильно нажал на ее челюсти с обеих сторон и заставил открыть рот. На зубах он увидел кровь. Его кровь.

Внезапное чувство ударило ему в голову. Странное чувство, похожее на гнев. Странное и непривычное: он никогда не испытывал ничего подобного в своей жизни. Даже когда он давал отраву Мастеру, Виралай не ощущал ненависти, только холодную решимость, открывавшую путь к свободе — с Розой Эльды и остатками магии в придачу. Горячий гнев угасал.

— Ну, Бете, дай-ка мне заклинание для возвращения потерянного, и я тебя выпущу. Слышишь?

В ответ глаза кошки полыхнули ненавистью. Может быть, тело ей и не подчинялось, но она все еще знала своего врага. Виралай прижался ртом к ее шелковистой морде, почувствовал теплый воздух от ее дыхания на своих губах.

Послышался приглушенный свистящий звук, потом он увидел (нет — скорее ощутил) яркий свет в голове. Огни колыхались и распадались, потом собрались вместе.

Ученик мага увидел, как Роза Эльды входит в огромный павильон с тысячами свечей и огромным количеством людей.

Собрание...

Виралай смотрел, как она, почитая себя в безопасности под темной шалью, крутит головой по сторонам. Зеленые глаза разглядывали каждого из присутствовавших, взгляд женщины скользил по бархату и шелку, безделушкам и драгоценностям. Все пили вино и оживленно болтали. Внезапно Роза Эльды повернулась, и зрачки ее расширились. Потом женщина увернулась от пристального взгляда ученика мага и исчезла в толпе.

— Что, во имя огня, ты делаешь с животным?

Виралай вскинул голову. Кошка, почувствовав ослабление удерживающего заклинания, извернулась и вырвалась из рук продавца карт, брызнула вверх по стене фургончика, как кукла, подвешенная на веревке. Потом юркнула в пространство между керамической плитой и сундуком с вещами и спрыгнула на землю.

Лорд Ишиан загородил своей персоной дверной проем. Виралай медленно поднялся, вытирая ладони о штаны. Мелкие клочки черной шерсти полетели на пол. Лорд, заметил он, подозрительно размахивал руками, будто отгоняя неприятный запах. Заклинание оставило после себя легчайший аромат серы. Впрочем, может статься, кто-то просто испортил воздух.

— А-а, — протянул Виралай, пытаясь казаться невозмутимым. — Вы пришли за Розой Эльды, я полагаю?

— Где она?

— Она ожидает нас на Собрании, мой лорд.

Он увидел, как взгляд Тайхо Ишиана скользнул по царапинам на его бледных руках:

истриец явно гадая, оставила их кошка или женщина.

— У вас с собой деньги? — спросил Виралай, чтобы отвлечь южанина.

— Нет. Еще нет. Но будут. Скоро.

— Тогда давайте ненадолго отложим наш обмен и осуществим его на Собрании.

Он пропустил лорда Ишиана вперед и последовал сразу за ним, резко задвинув засов, чтобы попридержать кошку. Пусть лорд утащит Розу Эльды. По его блеску глаз и цвету лица можно было предположить, что он не допустит вмешательства в свои планы на всю предстоящую ночь.

Со своей удобной позиции на возвышении король Вран Ашарсон наблюдал за суетящимися внизу людьми.

Он накачался по случаю таким количеством южного вина, до какого только смог дотянуться, но даже опьянение не притупило нервозность.

Король наблюдал за тем, как писец отчаянно пытается зафиксировать в книге гору подарков, собравшуюся у его ног. Цирцезианские ковры — в количестве, достаточном для всей огромной залы в Халбо и даже для того, чтобы выложить трехмильную дорогу к морю. Урны, вазы, кувшины, которые, очень даже возможно, разобьются при первом же шторме по пути домой. Горшки с приправами и мешочки с сухими травами с южных равнин и восточных холмов, означавшие, что этой зимой пища будет пахнуть чем-то иным, кроме соли и дыма. Рулоны шелка — стало быть, королева-мать получит множество нарядов, если только он сумеет убедить ее надеть что-нибудь, кроме мрачных серых одежд, которые она не снимает с самой смерти короля.

Чистый аквамарин будет ей к лицу, думал Вран: появятся голубые огоньки во все еще черных волосах. Ее уверенность может поколебать только цвет самого Сура — солнце на божественном море. Он подойдет и Рагне Фаллсен тоже, внезапно подумал король, поймав взгляд женщины с другого конца зала, где она танцевала со старшим сыном Эрола Вардсона, Свином. Свин по имени и по натуре, розовый и пухлый, как настоящий поросенок, мальчишка. Лорд знал, чего добивалась Рагна, поощряя ухаживания увальня. Едва ли в любовнике, разрываемом сомнениями, вспыхнет хоть минутная ревность при виде ее в объятиях нелепого толстяка. По правде сказать, король уже начал уставать от Рагны, несмотря на всю ее красоту и сообразительность. Она, как Вран недавно обнаружил, была чрезвычайно щепетильна и в последнее время постоянно жаловалась, когда он залезал в постель не помывшись или под хмельком. Невыносимое качество, потому что и одно, и другое случалось довольно часто...

Король перевел взгляд на группу южанок, мирно сидевших в противоположном конце павильона у помоста для музыкантов, там, где они провели весь вечер со слугами у ног и мужчинами за спинами. Он наблюдал, как грациозно женщины брали печенье и потягивали вино: белые руки и темные губы, больше ничего не видно. Вран возбудился в первый раз за день. Тихие, полные достоинства здесь, и настоящие фурии в спальне, как он слышал.

Ашарсон вспомнил рассказ одного из своих гребцов (услышанный тем, в свою очередь, от друга его друга, капитана-наемника, защищавшего от морских пиратов истринский берег) о том, как одна имперская шлюха обслужила всю команду большого корабля — полных тридцать человек, и среди них ни одного салаги, — не более чем за час и все же сумела доставить каждому такое острое удовольствие своими прохладными пальцами и горячим ртом, что, когда настала его очередь, навигатор визжал от восторга, а потом потерял сознание на целых три дня.

Вран слышал похожие истории о Потерянных женщинах. На самом деле он даже собирался навестить их под видом Феникса после боя на мечях. Если бы не проклятая рана от расколовшегося истрийского кинжала... Как не стыдно, попенял король сам себе, наполняя кубок вином. Кочевники слыли творческими натурами с богатым воображением, даже если вспомнить о том, как несколько лет назад южане объявили, что сожгли последних магов. Секс с колдуньей! Вот это действительно здорово.

Однако все они во имя Богини теперь превратились в пепел и обгорелые кости — целые племена, целые караваны погребены пол солеными курганами, а их головы склевали стервятники дальнего юга...

Неудивительно, что кочевники уступили земли в пустыне лорду Кантары, думал Вран, вспоминая скучный курс истории Империи, который ему преподали Штормовой Путь и Южный Глаз перед этой Ярмаркой. Там, должно быть, полно душ умерших, всяких призраков и живых трупов. Любой эйранец знал, что, если отсоединить голову от тела, дух никогда не обретет покоя. И сжигание тоже не лучший способ, надо спрятать тело поглубже, в землю или море...

Он содрогнулся, несмотря на близость рассвета, тысячу горящих свечей и огромное количество народа. Мысли за последние полчаса метались как ошалелые. Это было непохоже на него — размышлять о таких вещах. Подобное заставляло короля чувствовать себя неуютно.

Рука Врана на мгновение коснулась цепочки на шее — амулета, удобно устроившегося на его волосатой груди. Якорь Сура из серебра, дающий спасительную гавань для душ, плывущих по океану жизни.

— Вы неважно выглядите, господин. Вам что-нибудь принести? Может, бокал вина?

Южный Глаз появился у королевского локтя, его старое уродливое лицо выражало искреннее беспокойство. Вран рассмеялся:

— Я и так уже выпил достаточно, чтобы потопить целый корабль. Приведи-ка девчонок, Южный Глаз. Может статься, они развеселят меня.

— Ах... нуда, да, господин. Девчонки! В них все дело. Запомните, о чем мы говорили.

— Давай, давай, веди...

Девиц было всего десять, как уже знал Ашарсон: само по себе знаменательное число, точно команда корабля самого Сура, состоявшая из избранных, доставлявших души умерших во имя морского бога к Берегу Мира. Десятеро для бога, так их называли. Десятеро для короля — тоже звучит неплохо. Наверное, ему следует взять всех сразу. Ведь существовал же в их истории старый король Черный, у которого было целых пятнадцать жен. Десять даже посромнее будет.

Южный Глаз отошел посоветоваться с Яйцом Форстсоном, который только молча кивнул, потом запетлял между кучками народа в поисках ярла Штормового Пути. Тот, как оказалось, развлекал страшными сказками или еще какими-то историями кучку эйранских девушек в шикарных нарядах и странных головных уборах.

Вран заметил, как дочь Брана, Брета, покраснела и спрятала лицо в ладонях. Глупая женщина. Неужели она не догадывалась, что предложение ее в качестве невесты всего лишь формальность? Яйцо прошептал что-то на ухо племяннице и передал ее руку Брете. Обе девушки потрясенно переглянулись, потом принялись хихикать.

Ярл Шепси теперь уже пробирался к группе высоких мужчин, болтавших с девушкой в серебряном тюрбане и зеленом платье с низким вырезом. Когда Яйцо добрался до них и что-то сказал, все повернулись и посмотрели на короля. Вран сузил глаза, когда понял, что один из высоких мужчин — Аран Арансон, напыщенный медведь, нагрубивший ему давеча. Он с удовольствием заметил, как старик отвернулся, вроде бы слегка смущенный, и начал вглядываться в толпу, будто потерял кого-то. Расплывшегося мужчину с бородой рядом с ним Вран опознал как королевского корабеля, Финна Ларсона. Значит, толстушка в зеленом, должно быть, его дочь, о которой ему говорили.

Король вздохнул и отвернулся.

В дальнем углу помещения закутанные до глаз женщины начали подниматься со скамеек, слуги засуетились перед ними. Король наблюдал, как они буквально плывут по направлению к нему, совершенно не как обычные люди. Он внезапно припомнил старинную присказку по поводу лебедей: на поверхности видна только их грация, а под водой в это время происходит настоящая работа. Наверное, то же самое относится и к Лебеде Йетры. Может быть, ему удастся узнать это позже...

Первой, однако, представили дочь лорда Прионана. Вран пропустил мимо ушей дежурную лесть и похвалы по адресу перезревшей девицы, потому что лорд уже пытался купить его расположение этим вечером при помощи группы закованных мальчишек-рабов, настолько нарядно одетых, что Ашарсон посчитал их за труппу акробатов, пока южанин не прояснил ситуацию. Король не смог скрыть своего отвращения. На северных островах не существует рабства, объяснил он лорду. Эйранцы давно поняли, что люди работают гораздо продуктивнее, если к ним по-человечески относиться и платить за труд, а не принуждать к выполнению непонятных им задач под страхом смерти. В ответ лорд Прионан скрипнул зубами, покачал пальцем перед носом Врана и сказал нечто неразборчивое на своем певучем языке. Теперь Вран нетерпеливо отмахнулся от него. Пусть он и предлагает прекрасно расположенные и защищенные прибрежные земли, но породниться с таким человеком...

Следом появился ярл Несса со своей дочерью Лиан в кильватере. Ярл, высокий, худой как палка человек лет пятидесяти, передал свою фигуру дочке по наследству. Ни капли мяса на костях, раздраженно подумал Вран. Он представил, как ее бедра будут скрипеть под ним, и мысленно отказался от форта у Акульего пролива. Крепость могла бы стать стратегически важным объектом, но Вран знал из своих источников, что сейчас она лежит в руинах, а в Акульем проливе хозяйничают пираты и всяческие изгои.

Король улыбнулся:

— Благодарю тебя за достойное предложение, лорд Несс. Я обдумаю его позже. — Он посмотрел на Лиан, которая достаточно низко присела в реверансе, чтобы открыть полное отсутствие округлостей тела его тренированному глазу.

Вран вздохнул.

Дочь ярла Стена, Элла, напротив, обладала недюжинными прелестями, хотя и оказалась настоящей дурнушкой: лицо было так густо усыпано веснушками, что показалось, будто девушка вымазалась в грязи. И все же она по крайней мере выглядела полной желанием. Придворные красавицы очень часто принимали знаки внимания как нечто само собой разумеющееся, а дурнушки больше стараются доставить удовольствие.

— У тебя милая девочка, Стен, — проговорил Вран так весело, как только смог.

Ярл, один из самых близких друзей его отца, ветеран, участвовавший в сотне кровавых схваток, улыбнулся в ответ беззубым ртом. После сильного удара по голове, решил Вран, навряд ли у него осталось хоть сколько-нибудь мозгов.

Прибытие герцога Церы произвело некоторое замешательство. Вран наблюдал, как толпа в страхе расступалась перед ним, пока не стала понятна причина суматохи. Два зверя с огромными лапами, заканчивающимися длинными, как кинжалы, когтями, и шерстью мягкого верескового оттенка, который уступал место глубокому цвету штормового моря там, где играли мощные мускулы. Пурпурные пятна выделялись по всему телу животных. Огромные золотые глаза напоминали о снежных совах, которые водятся на крайнем севере. На шеях зверей поблескивали ошейники из чистого серебра с необычными голубыми камнями.

— Горные леопарды, господин, — гордо объявил герцог. — Из самих Золотых гор. Это единственная пара, выжившая в неволе на всей Эльде. Я поймал их котятами и сам вырастил. Они будут есть из ваших рук и бегать за добычей быстрее, чем любая гончая. Представьте себе охоту с ними в северных лесах! Ничто не устоит перед их изящной стремительностью и мощными челюстями.

Вран уже четко видел перед собой нарисованную лордом картину, слышал звук охотничьего рога, дробь лошадиных копыт, приглушенную снегом. Он узрел себя, скачущего впереди всех с этими славными зверями на длинных поводках, преследующего оленя, которого они упустили прошлой зимой. Соблазнительное зрелище, однако король все же понял, что не обладает достаточным количеством тщеславия, чтобы две дикие кошки смогли поколебать уже принятое решение. К тому же их транспортировка на Эйру на корабле наверняка будет стоить жизни всем членам команды, если не самим кошкам.

Ашарсон рассыпался перед герцогом в благодарностях, потом изящно отклонил

предложение. Дворец в Халбо — не место для таких диких животных, объявил он: это все равно что запереть орла в клетку. Герцог Церы пожал плечами. На самом деле в его коллекции было несколько орлов, поэтому он совершенно не понял, что имел в виду король варваров.

Втайне, однако, южанин обрадовался, что сделка не состоялась. Именно Совет заставил его предложить дорогую Карамон варвару, не принимая во внимание заявления о святотатстве. По крайней мере, рассуждал он, если северянин примет ее, девушку защитят лучшие экземпляры священных животных Богини, которые он только сможет найти.

Лорд Сестран предложил драгоценности и кувшины с вином, а также долю в прибыльной торговле специями, но его дочь стояла рядом — почти в половину ниже Врана, и с талией, по размеру приближающейся к ее росту. Даже сабатка не могла скрыть ее фигуру.

Затем вперед выступили два пожилых лорда Империи в темно-красных плащах, с одинаковыми скошенными подбородками, косматыми седыми бровями и цепочками тонкой работы: лорды Дистра, главы истрийского Совета. За ними стояла изящная женщина в темно-синем шелковом платье.

— Лорд Эйры, — начал один.

— Мы приветствуем тебя, — продолжил другой.

— Наши условия — сама щедрость.

Первый лорд вытащил свиток, который оба и продолжили читать по очереди настолько одинаковыми голосами, что, закрыв Вран глаза, он бы принял их за одного человека. Король слушал вполуха: он уже знал, что эти люди предлагали именно то, в чем нуждался Север, — проход через Цирцеанский пролив по Золотой реке, проход для барж с зерном и железом и деревом, с тем, чего стало не хватать на островах. Но вот они подошли к самой интересной части.

— Мы имеем честь представить... — объявил первый.

— ...прославленную красавицу Империи, — продолжил второй.

— Лебедь Йетры!

Вран подался вперед, поставил локти на колени и оперся подбородком о ладони, уставившись на укутанную в синее фигуру, которую старики вывели вперед. Проклятые мешковатые одежды, думал король. Вот единственная девушка, которую стоит пристально разглядеть, а он не может увидеть ничего, кроме скромного маленького ротика и милых ручек.

Как, во имя Эльды, они могли назвать ее прославленной красавицей, когда никто не удостоивался чести оценить ее прелести, Вран отказывался понимать. Но губы были изящной формы и без тех четких обращенных вниз линий, которые, по его мнению, означали дурной характер и озлобленность. У Рагны Фаллсен они все больше проявлялись с каждым днем.

— Уважаемые господа! Это замечательное предложение, и я, с вашего позволения, обдумаю его.

Пожилые южане кивнули, улыбнулись и поклонились. Потом кивнули, улыбнулись, поклонились еще раз и исчезли в толпе со своей бесценной собственностью, прославленной Лебедью.

И вот он уже должен вежливо обнимать изменника-кузена, Эрола Вардсона. Последний избегал королевского взгляда, однако девушка совершенно бестрепетно пронзала глазами Врана — темно-фиолетовыми, между прочим, глазами, обрамленными длинными светлыми ресницами. Необычное сочетание на бледном красивом лице. Девушка с некоторым вызовом вздернула подбородок, когда король оглядел ее.

Штучка с характером, подумал Вран. Девушка зла на своего опекуна за то, что он выставляет ее на всеобщее обозрение, и не боится выразить свои чувства.

Эрол хорошо играл свою роль, заметил Ашарсон, пригнав девушку на Собрание и представляя ее таким образом. Но все равно, дело слишком рискованное, несмотря на унаследованную Эролом власть и влияние. Как только девчонка родит мальчика, они найдут

способ избавиться от Ашарсона и посадят на трон младенца — с Эролом, его опекуном, в качестве реального короля. Штормовой Путь особенно настаивал на необходимости избегать подобного исхода всеми силами.

Брета Брансен знала заранее, что Вран не собирается жениться на ней. Она любила его лет с семи — даже после того, как он спихнул ее в лошадиное дерьмо, чтобы посмотреть, утонет девочка или нет. «Твоя мать была колдуньей», — жестоко дразнил ее будущий король. «Если бы моя мать действительно обладала магическими силами, — думала она тогда, — то обязательно родила бы меня подобной себе: бледной, темноволосой и гибкой, да и, наверное, подальше отсюда». И теперь, когда Вран улыбнулся ей и сделал комплимент по поводу платья, Брета криво усмехнулась, тут же уступив место своей более красивой кузине.

— Господин, имею честь представить вам мою внучатую племянницу, Филию Янсен, семнадцатилетнюю красавицу, искусную рукодельницу. Она вышила ковер для вашей королевской залы в качестве признания в бесконечном уважении к вашему величеству.

Форстсон подтолкнул девушку вперед. Застенчиво, постоянно косясь на короля бледно-зелеными глазами цвета крыжовника, девушка развернула ковер.

На любой вкус это была отличная вышивка. Филия явно потратила на работу немало времени: хитросплетение фигур и искусно подобранная расцветка. Однако изображенная сцена была из тех, которые Вран всегда ненавидел. — Черные горы.

Трагическая сказка о королеве Фире и ее возлюбленном короле Фенте, взятом в плен троллями. Каждый год они требовали выкуп — пшеница и ячмень, коровы и овцы, киты и лосось, — и каждый год не сдерживали обещание освободить короля, пока пятнадцать лет спустя королевство не посетил голод и выкупа не собрали. И королева сама пошла к Черным горам вымаливать жизнь короля. Тролли вышли к ней навстречу — высокие, как корабельные мачты, толстые, как паруса, каждый зуб с пирамиду, — и рассмеялись женщине в лицо. «Мы съели короля пятнадцать лет назад. Поджарили его с медом и теперь играем в шашки его костями. Так что, если выкупа больше нет, придется придумать что-нибудь еще».

А потом они поджарили и съели несчастную королеву Фиру. Мораль этой сказки, как радостно объяснял сидевшему на коленях юному Врану ярл Шепси, заключалась в том, что лучше быть прагматиком и действовать по обстоятельствам, а не ждать выполнения пустых обещаний. Вран всегда считал историю глупой. Если бы тролли забрали его отца, он бы привел к горам вооруженную армию и срыл их до основания.

Король устало махнул Яйцу с его внучатой племянницей, отпуская обоих. Теперь ему стало скучно. Горные леопарды отвлекли его на мгновение, но вот уже на выбор остались только имперская Лебедь и дочка корабеля.

Ашарсон кивнул Финну Ларсону. И тотчас Йенне показалось, что она непременно упадет в обморок.

— Господин. — Финн отвесил настолько низкий поклон, насколько позволял необъятный живот. — Я отдаю вам единственную дочь, Йенну, чьи прелести — все, что мы можем предложить вам. — И громоздкий коротышка имел наглость подмигнуть своему королю.

Вран, испытывая смесь раздражения с удовольствием, посмотрел на последнюю девушку. Он знал преимущества данного союза — бесценный новый флот, с которым можно покорить Воронов Путь в любой шторм, известные политические выгоды, — но девушка весьма его удивила. Крупная, но хорошо сложенная, как один из кораблей ее отца, лицо сияет от жары и вина (по крайней мере она не отказывает себе в выпивке).

Йенна выступила вперед. Она репетировала этот момент несколько месяцев — как присядет в реверансе, низко, чтобы предоставить королю возможность оценить ее грудь, потом взглянет на него из-под ресниц, одновременно соблазнительно распутает тюрбан и выпустит на свободу волну волос — изюминку своей внешности, которая обязательно завоюет его сердце...

Теперь темные глаза короля смотрели прямо на Йенну (о, эти тяжелые, чувственные веки!), превращая ее в слабую дурочку, так что даже распутывание простого узла, который

она завязала на счастье, стало проблематичным. Однако девушка все же справилась, и материя соскользнула с головы.

Толпа ахнула.

Волна за волной блестящие волосы излились из-под складок шелка, на глазах видоизменяясь под действием зелья кочевницы. «Если ты действительно хочешь, чтобы он тебя заметил, — говорила Фезак Певчая Звезда, — то подожди, пока он взглянет на тебя, и тогда завладеешь его вниманием полностью».

«Я хочу, чтобы они выглядели, как поле пшеницы», — ответила Йенна, представляя каскад золотого, переливающегося, рассыпчатого водопада.

Теперь пожелание сбылось — но в совершенно кошмарном смысле.

Если бы Йенна упомянула о созревшей пшенице, то хотя бы цвет улучшился, но девушка не продавала особого значения словесному определению своего желания. Ее волосы стали зелеными, как любой недозревший злак. Однако и это было еще не самым страшным.

На пол дождем посыпались полевые мыши, пчелы, земляные черви и жирная земля. Стоявшие поблизости люди стали белеть, зажимать руками рты, падать в обморок. Из спутанных волос вырвался жаворонок и с паническим свистом заметался среди столбов-мачт.

Король было засмеялся, но потом, глядя, как девушка визжит в истерике и колотит кулаками себя по голове, понял, что это не шутка, придуманная для его удовольствия.

И тогда из толпы выступила высокая женщина. Она носила длинную светлую рубашку, ее голову покрывала темно-зеленая шаль. Кожа, открывшаяся, когда незнакомка протянула руки к девушке, оказалась молочно-белой, пальцы — длинными и изящными, а ногти — розово-перламутровыми.

Женщина дотронулась до головы дочери корабела, и иллюзия — если то была иллюзия — тотчас рассеялась. Йенна упала на руки отца, длинные волосы, снова превратившись в золотые, скрыли ее позор. От всякой дряни, покрывавшей голову несчастной, не осталось и следа.

Значит, все-таки шутка.

Король откинулся на скамейку, раздраженный обманом, показной истеричностью представления. Практичный человек, вроде Финна Ларсона, мог бы додуматься и до чего-нибудь получше.

Ашарсон взмахом руки отпустил высокую женщину, но та не ушла. Вместо этого она шагнула к королю. Рука незнакомки дотронулась до его раны на лице.

— Вы ранены, — расслышал он.

Голос женщины доносился как будто издалека.

Темная шаль упала с ее головы. Вран впился взглядом в лицо женщины. Безупречный овал и пара зеленых глаз цвета моря.

Прохладные пальцы коснулись его кожи.

Вран почувствовал, как остановилось сердце.

Где-то высоко под крышей павильона запел жаворонок.

Глава 14 БЕЗУМИЕ

Танто взял новый кубок с подноса у проходящего мимо слуги.

Он заметил, что хорошей выпивки уже почти не осталось. Настроение юноши оставалось таким же кислым, как и вино. И все равно Танто осушил кубок, потянувшись за новым. Голова начала виснуть под знакомым печальным углом, предвещавшим нестерпимую боль завтрашним утром, но сейчас его будущее не волновало.

Будь проклят благонравный маленький братишка! Будь проклят идиот-отец, да и дядя Фабел тоже... А что до лорда Тайхо Ишиана... Танто искренне надеялся, что негодяя поглотит жаркое пламя Богини. Но не раньше, чем он признает Танто своим зятем, во что бы

то ему ни обошлось.

Юноша осушил кубок единым махом, едва почувствовав, как пряная жидкость огненной лавой потекла в горло.

Танто уже собирался найти слугу, чтобы заново наполнить кубок, когда увидел лорда Кантары, пробиравшегося к выходу из павильона. Рядом с ним шел высокий, худой мужчина, какой-то весь бесцветный.

Танто против воли задержал на нем взгляд. Волосы, светлые почти до белизны, черты бледного лица практически неразличимы. Незнакомец выглядел как минога — болезненный скользкий червь, а не человек. Они быстро продвигались вперед сквозь толпу, склонив друг к другу головы, будто занятые важным разговором.

Я продам ее первому же встречному, который щедро заплатит...

Лорд Тайхо Ишиан сдержал слово, нашел нового покупателя. В Танто начала подниматься волна ярости. Итак, он собирается отдать свою дочь этому... этому слизняку, да?

Юноша отшвырнул пустой кубок и направился вслед за ними, расталкивая людей, однако потом передумал. Что он сделает? Встанет против лорда Кантары, прибьет слизняка, позволит всем на свете узнать, что у его семьи не хватило денег на приданое? Нет. Танто задумался, одурманенный мозг корчился в муке. Нет, точно нет.

Он улыбнулся. В голову пришла гораздо лучшая идея.

Снаружи звезды горели ярко, а луну укрыло медленно плывущее облако. Холодный воздух протрезвил Танто, но вместо того чтобы пересмотреть свой план, он только утвердился в решении. Глянул на раскинувшийся перед ним город на голой черной равнине и двинулся к истрийскому кварталу, миновав огромную палатку лорда Прионана, намеренно приближенную к большому павильону, будто так обитатели получают большее уважение и почет. Разноцветное фамильное знамя вяло обвисло на древке.

Танто прошел мимо павильонов Карана из Талсии, мимо палаток герцога Церы. Когда юноша поспешно двинулся дальше, из темноты впереди выкатился глухой, низкий рык.

Танто никогда не слышал ничего подобного. На мгновение он остановился, испугавшись, что Богиня увидела его помыслы и послала своих кошек расправиться с ним, но потом вспомнил двух горных леопардов, подаренных герцогом Церы королю варваров. Очевидно, сделка провалилась, и кошек отослали обратно. Какое дело Богине до его плана?

Танто рассмеялся и двинулся дальше. Вскоре он очутился в тени за великой Скалой, возвышающейся в ночи наподобие замка — впрочем, именно так ее и называют северяне, — и там, на склоне, располагалась палатка его семьи. Жертвенники не горели. Должно быть, рабы истощили весь запас трав или просто развлекались где-то в отсутствие хозяев. Однако туда Танто и не собирался. Он тихо проскользнул мимо.

За Скалой Фаллы равнина превратилась в крутой склон. Танто прибавил шагу, чтобы не увязать в сухом вулканическом пепле. Вверх на холм, мимо палаток Сестрана и Леоника Бекрана.

Перед Танто открылась панорама из огромного количества павильонов. Без малейших угрызений совести юноша направился напрямик и вскоре оказался в каком-то тихом уголке. Его устроили наподобие йетранского сада: красивые камни и терракота, горшки с водой и ароматными порошками, гирлянды растений, а возле маленькой часовенки — жаровни со все еще тлеющими углями. Кто-то принес жертву Богине всего несколько часов назад.

Сладкий, тошнотворный запах сгоревшего мяса и волос ударил в нос Танто, когда он проходил мимо. Столько усилий, и все для одной дурацкой Ярмарки. Тащить горшочки и камни с самих йетранских равнин! Они сделали это для Лебеди, решил юноша. Чтобы она в последний раз насладилась любимым югом, прежде чем отправиться к проклятому северному королю на эйранские острова.

Эта мысль еще больше разъярила Танто. Благородную женщину жадная семейка интриганов продает варвару вместо того, чтобы сохранить для достойного истрийского

мужа. Такого, как он. Оскорбление и для него, и для любого здорового южанина.

Юноша злобно пнул один из терракотовых горшочков и посмотрел, как он с приятным звоном разбился. Осколки обожженной глины разлетелись по садику. Потом Танто перевернул заодно и алтарь. Гирлянды цветов рассыпались, обдав его ливнем из хрупких лепестков и охряной пылью.

Алесто, подумал Танто. Алесто! Любовник богини Фаллы прибыл к ней в таком же облаке: хрупкость небес, освящающая соединение смертного и божества...

Больше ему ничего не понадобилось. Танто, исполненный решимости, преодолел последнюю сотню ярдов бегом, и аромат цветов преследовал его повсюду.

Павильон лорда Кантары стоял погруженный во тьму, как и ожидал Танто. Но палатка поменьше, прилегавшая к нему, изнутри горела слабым розовым светом. Со своего места Танто мог разглядеть два силуэта внутри: сидящая женщина и кто-то очень маленький. Одна из них точно Селен. Вторая, наверное, девочка-рабыня. Сердце Танто часто забилося от сладостного предвкушения.

У входа в палатку он остановился. Изнутри доносился приглушенный гул голосов — нет, это был один голос... Танто два раза глубоко вздохнул, успокаиваясь. Провел ладонью по всклоченным волосам, пригладил роскошную тунику, подтянул смятые штаны и поправил белье. Что сказать Селен, Танто пока не знал, но то, что он собирался сделать, казалось таким естественным, таким правильным — и слова тоже обязательно найдутся, как только понадобятся. Истриец задержался у дверного проема и заглянул внутрь.

Селен Ишиан сидела на низкой кушетке. Закутанная в мешковатую робу девчонка-рабыня устроилась у ее ног. Селен склонила голову над пачкой пергаментных листов, связанных лентой. Она читала девочке вслух. Судя по наклоненной голове, рабыня с чрезвычайным вниманием слушала Селен — наверное, это была какая-нибудь старинная сказка о богах и чудовищах, прекрасных дамах и бесстрашных принцах, готовых прорубиться к своим возлюбленным сквозь толпы вражеских полчищ и спасти всех от верной смерти.

Танто поймал себя на том, что улыбается. Какая мирная картина. Он мог бы представить Селен, сидящую вот так же — через несколько лет, уже с их собственным ребенком у ног, а Танто — на стуле у жаровни, с кувшином араки рядом. Юноша увидел это так ясно, что, ступив в палатку с улицы, почувствовал себя так, будто заходил в собственный дом.

Шум его шагов заглушался шорохом пергамента, но рабыня все равно тут же вскинула голову. Эти девчонки с холмов, весело подумал Танто, чуткие, как кошки.

Девочка быстро сказала нечто неразборчивое для уха Танто, и Селен оторвалась от чтения. Она не надела традиционную сабатку, с внезапной дрожью осознал Танто, только тонкую шелковую сорочку и шаль на плечи и голову.

Он пожирал глазами ее лицо. Его жена! Это его жена. А он просто счастливчик, потому что она была прекрасна, как он и думал. Бледно-оливковая кожа и испуганные черные глаза — большие и темные, как у оленя, которого Танто подстрелил из своего лучшего лука около семейного дома в прошлом году. Рот — о, этот рот, который тысячу раз являлся ему в сводящих с ума видениях, хотя и без краски на этот раз, однако не менее соблазнительный...

Селен неловко встала, замешкавшись из-за прильнувшей к ногам рабыни.

— Вон отсюда, — выговорила девушка низким от гнева голосом, но Танто с торящими глазами уже достаточно приблизился к ней.

...И Алесто ступил на мраморный пол летнего дворца, и позвал свою возлюбленную, и попросил ее принять образ смертной, чтобы они смогли разделить желание.

— Селен, любовь моя. Пришло время разделить наше желание...

С криком ужаса девушка вскинула руки, пытаясь остановить его, но все, что увидел Танто, — это белоснежная плоть, высвободившаяся из-под золотой шали, совершенство руки, предсказывающее прелестную гибкость тела...

...Из столбов пламени явилась она со своей кошкой, Бэстой, но вскоре отпустила

спутницу, сказав, что не нуждается более в защите, коль пришел ее возлюбленный. И потом взяла его за руку...

Танто шагнул вперед:

— Отошли девчонку, Селен. Теперь, когда я здесь, тебе больше никто не понадобится.

Он протянул руку и сорвал с девушки шаль, которая сползла вниз шелковой волной и упала бесформенной кучей на пол среди подушек.

Рабыня посмотрела на шаль, потом на оголившиеся плечи своей хозяйки и открыла в ужасе рот. Для мужчины увидеть женщину такой — означает совершить святотатство, страшный грех в глазах Богини, и ее, Белину, точно накажут за недосмотр. И это будет явно не божество. Нет, она гораздо больше боялась отца госпожи, его склонности использовать плетку при любом удобном случае. Она должна закричать, позвать на помощь Шаро или Валера из соседней комнаты или сбегать за Тэмом...

Девочка уже хотела было позвать на помощь, но издала только короткий вздох. Чужой мужчина оторвался от созерцания обнаженных рук хозяйки и взглянул на Белину. Она почувствовала тяжесть его взгляда, даже через вуаль. Он такой красивый, подумала рабыня бессвязно — мысли путались в ее голове. Незнакомец улыбнулся ей, и девочка ответила ему тем же. Как такой милый человек может причинить вред...

Танто с удивлением уставился на нож в своей руке. Отличный эйранский клинок... серебро, запятнанное кровью. Он не собирался закалывать девчонку, но та вдруг свалилась на яркие подушки, кровь потекла на золотую шаль широким темным потоком.

Селен Ишиан задрожала. Она уставилась на тело своей личной служанки, словно не веря в реальность происходящего. Потом повернулась лицом к Танто Винго.

— Нет, — почти неслышно проговорила она, и снова: — Нет!

Отрезав себе последний путь к отступлению, Танто отшвырнул тело девочки с дороги. Потом уронил нож и грубо толкнул Селен на кушетку, разрывая на ней рубашку. Послышался треск, ткань поддалась у ворота и порвалась по шву до самой талии. Танто уставился на грудь девушки. Соски — темные и круглые — ответили на его взгляд осуждающе.

Внезапно Танто понял, что две руки — это слишком мало. Вначале ему захотелось накрыть обе груди ладонями, но ведь нужно еще одновременно зажимать Селен рот и освобождаться от одежды. Животный инстинкт взял верх. Он упал на девушку, прижался к ее рту губами, но жадный язык встретил частокол из сжатых зубов. Одной рукой Танто задрал остатки одежды Селен, а второй стянул штаны и белье. Пара слепых, отчаянных толчков, и он оказался внутри нее, хрюкая, как свинья.

Вихрь боли, гнева, ярости, ужаса закружил Селен Ишиан. Она в отвращении отвернула лицо.

— Богиня, помоги мне! — закричала несчастная жертва.

Девушка принялась колотить насильника по спине, но Танто, с обезумевшими глазами, продолжал двигаться, не замечая ее кулаков, чувствуя приближение оргазма.

Селен удалось освободить одну руку. Девушка в отчаянии заскребла по полу. Нечто прохладное коснулось теплой кожи. Пальцы сомкнулись на рукояти.

Кинжал лег в ладонь, как ответ на молитву.

Эрно настоял — с каким-то странным неуместным упрямством, как отметила Катла, — на том, что потащит узел, который она приготовила до начала Собранин, вместе со своим собственным мешком.

— У меня не слишком много своих вещей, — сказал он с сокрушенной улыбкой, когда Катла скептически взглянула на наполовину пустой кожаный мешок, который он вытащил из будки.

При этих словах девушка заметила, что его взгляд нечаянно скользнул по ее красивому головному платку. Потом Эрно отвел глаза. Она покраснела. Большая часть сбережений юноши ушла на то, что сейчас укрывало ее наполовину покрашенные волосы от толпы.

— Вот, — сказала Катла быстро, распутывая волосы.

— Нет, — удержал ее Эрно. — Я купил платок только для тебя. Некому будет отдать его, а мне самому он вряд ли подойдет.

Девушка оставила платок на месте, хотя тот и странно смотрелся вместе с выдавшей виды кожаной безрукавкой, которую Катла выудила из палатки и натянула поверх туники. Красное, отделанное кружевами платье они завернули так плотно, как сумели, и положили в мешок Эрно.

— Мы можем продать его на побережье, — сказала Катла упрямо, когда Эрно предложил оставить платок Финну Ларсону в качестве извинений и одновременно отказа на его предложение.

— К тому же если они найдут мое платье, то точно поймут, куда я сбежала — а куда может направиться добрый эйранец, как не в море? А так, по крайней мере, станут искать девушку в красном платье, совсем необязательно беглянку. Это задержит их на время, достаточное, чтобы мы успели добраться до ближайшей земли.

Сейчас они бежали быстро и тихо через эйранский квартал, направляясь на восток от истрийских палаток, к берегу, где стояли лодки.

Казалось, кроме них на улице не было никого, будто все живые души укрылись в огромном павильоне. Даже на обычно оживленной территории южан они не встретили ни единого человека.

Молодые люди миновали несколько палаток, сгрудившихся у подножия Замка Сура, и здесь Катла остановилась. Откинула голову, заглядевшись на гигантскую темную гору, чернеющую на фоне звездного неба. Облизнула губы.

— Было бы время, я бы снова залезла на эту Скалу, прямо сейчас, — усмехнулась она.

Эрно странно посмотрел на нее:

— Значит, там видели тебя?

Катла рассмеялась:

— Конечно!

— Когда отец обрезал тебе волосы, я считал его жестоким и несправедливым...

Катла пожала плечами:

— Когда он забрал деньги Халли и Фента, а потом отдал их Финну Ларсону, я тоже так думала. Потерять мечту, как мои братья, очевидно, больнее, чем волосы.

— Но он продал тебя этому корабелу!

— Ах да. Но ведь ненадолго, правда? — с ликованием в голосе ответила Катла.

Она огляделась вокруг, снова посмотрела на скалу. Глаза девушки блестели в свете луны. На мгновение она выглядела такой шальной, будто ее подменили. Потом, прежде чем Эрно успел что-либо сказать, Катла развязала пояс с мечом, кинула его на землю, нашла трещину, по которой забиралась на Замок раньше, и двинулась вверх.

От скалы исходила энергия, и она явно была более сильной, чем раньше. Наверное, во всем виновата напряженность ситуации. Эрно в раздражении кинул на землю мешки.

— Что, во имя неба, ты делаешь? С ума сошла?! Только что тебя заботило, как выиграть лишнюю минуту для побега, а теперь ты лезешь на гору, которая и принесла тебе все неприятности!

Юноша помедлил, будто ожидая ответа. Ничего не дождавшись, он крикнул так громко, как только осмелился:

— Если тебя за это не убьют истрийцы, придется мне придушить тебя собственными руками!

Сверху послышался приглушенный смех, за которым последовало:

— Это такая милая трещина, Эрно. Как могу я устоять?

Ему оставалось только ждать, сжав руки в кулаки, постоянно озираясь на тихую ярмарочную площадь и снова возвращаясь к одинокой фигуре, взбирающейся по скале.

Эрно смотрел, как Катла двигается со спокойной напряженностью, каждый раз ставя ногу с расчетливой точностью, прежде чем перенести на нее вес, как проверяет камень над

головой руками, прежде чем подтянуться вверх.

Он увидел с замиранием сердца, как у вершины, там, где скала выдавалась вперед, пару секунд Катла качалась, потеряв опору под ногами, потом сделала усилие и преодолела препятствие. Короткое мгновение растянулось на несколько часов. Эрно услышал вой собаки — жуткий звук задрожал в воздухе. Где-то заржала лошадь, потом все снова стихло. Люди не появлялись. Единственная чайка, не желающая подчиняться законам природы, повелевавшей спать ночью, носилась над головой как привидение, потом закружила над скалой, увидела там Катлу и резко повернула назад.

Наконец девушка достигла вершины. Эрно увидел, как она помчалась по площадке, размахивая руками в каком-то первобытном выражении победы, и его сердце заполнилось извращенной гордостью. Дикая часть Катлы вернулась с лихвой, подумал он, и понял, что за это любит ее только больше.

Внезапно девушка опустила руки, побежала к западному краю скалы и исчезла из виду.

В следующее мгновение она снова появилась, яростно размахивая руками. У Эрно упало сердце. Ее увидели? Неужели их уже нагнали преследователи? Он проклял потерянные на восхождение минуты, эту глупость чистейшей воды. Вот она, Катла, носится по Замку Сура, как пойманная за хвост кошка, ей негде спрятаться, некуда скрыться...

Катла, в свою очередь, выглядела вовсе не испуганной, а скорее возбужденной. Эрно увидел, как она принялась спускаться, шаг за шагом, по какому-то веревочному приспособлению, установленному для менее проворных на дальнем конце скалы, и через удивительно короткое время спокойно прыгнула на землю и побежала к юноше.

— Эрно, Эрно, быстро!

Она нагнулась, подхватила пояс с мечом, мешки и побежала вверх по холму к западной стороне Замка.

Ему ничего не оставалось, как последовать за ней, хотя они и направлялись в противоположную от пристани и дороги к свободе сторону. Даже с мешками наперевес, вверх по склону, увязая в пепле, она бежала быстрее, чем он. Эрно опустил голову, отдуваясь, поэтому не заметил того, что высмотрела Катла со скалы, пока они не прибыли на место.

Катла кинулась на колени рядом с обнаженным человеком, покрытым кровью. Кинжал в руках, длинные локоны черных волос рассыпались по узким плечам, но они мало закрывают выступающую грудь...

Женщина!

— С тобой все в порядке? — спросила ее на эйранском Катла.

Не получив никакого ответа, кроме изумленно нахмурившихся бровей, она повторила вопрос на Древнем языке.

Женщина медленно кивнула. Ручейки слез оставили бледные полосы на залитом кровью лице. Всхлипывая, она без особого успеха попыталась прикрыться руками.

Катла обернулась к Эрно:

— Перестань на нее пялиться и дай мне платье!

Когда юноша замешкался, не совсем уразумев, что она имела в виду, Катла вырвала у него мешок и вытянула оттуда кружевную рубашку. Осторожно взяла кинжал из руки незнакомки и отбросила его в сторону. Потом вытерла кровь с ее лица и рук рукавом платья.

— Я знала, что оно пригодится, — улыбнулась она женщине. — Красное на красном — никто ничего и не заметит.

Она просунула руку под локоть молодой женщины и помогла ей подняться. На ногах и внизу живота незнакомки обнаружились разводы крови. Эрно отвернулся, действительно смущенный, но Катла тотчас дернула его за руку:

— Ради Сура, Эрно, помоги мне! И не говори, что ты никогда прежде не видел голую женщину!

Она угадала, однако он не собирался просвещать ее на этот счет. Ругая себя за то, что увидел в несчастной прежде всего женщину, а не нуждающегося в помощи человека, Эрно

взял у Катлы платье, скатал его до лифа и натянул на женщину через голову. Вместе они затянули корсет и поправили ворот.

Незнакомка не походила на Катлу фигурой, что не мог не заметить Эрно. Это был совершенно другой тип женщины. На ней не было ни грамма мускулов, несмотря на гладкую кожу и стройные ноги, она отличалась узкими талией и плечами, широкими бедрами. Лиф платья просто висел, несмотря на туго затянутый корсет.

— Спасибо, — наконец произнесла молодая женщина на Древнем языке. — Именем Фаллы благодарю вас...

Катла и Эрно переглянулись. Истрийка, значит, как, впрочем, можно было с самого начала догадаться по цвету кожи. Но кто же видел хоть одну южанку, бегающую всю в крови и в голом виде по Лунной равнине?

— Что с тобой случилось? — медленно спросил Эрно.

Кажется, незнакомку вопрос расстроил. Она начала плакать.

Эрно почувствовал себя таким беспомощным, каким не был ни разу в жизни. Он протянул ей руку, но девушка отшатнулась. Пытаясь скрыть смущение, Эрно нагнулся и поднял кинжал. Хотя кровь покрыла его почти полностью, Эрно клинок показался знакомым.

— Это не один из твоих? — спросил он Катлу на эйранском.

Та уставилась на него, потом на кинжал. Через секунду Катла уже держала клинок в руках, взвешивала его в ладони, потом, не заботясь о приличиях, вытерла лезвие о штаны. Посмотрела повнимательнее и ахнула. Действительно, кинжал ее. И не просто ее, а тот самый, что она подарила молодому истрийцу два дня назад у своей лавочки.

Катла снова взглянула на женщину, соображая. Неужели мягкий, вежливый Саро имел к этому какое-то отношение? Ее пробрал озноб.

— Кто ты? — настоятельно потребовала девушка снова на Древнем языке. — Расскажи, как ты сюда попала?

Незнакомка резким движением стерла слезы с лица, откинула назад волосы. Вздернула подбородок. Ей тяжело говорить, поняла Катла.

Она сунула нож за пояс и ободряюще взяла женщину за руку.

— Меня зовут Селен Ишиан, — проговорила незнакомка. — Мужчина убил мою рабыню и силой взял меня. Я думаю... — она подавила зарождающийся всхлип, взяла себя в руки, — я думаю, что убила его.

Подгоняемая необъяснимым ужасом, Катла сжала руку сильнее:

— Скажи, кто это был...

Селен Ишиан нахмурилась.

— Сын Винго, — ответила она. — Нас собирались обвенчать вечером, хотя я и не хотела этого брака. Он не стал ждать.

У Катлы закружилась голова. Саро Винго — насильник? И труп...

Девушку затошнило, потом ее захватила волна непонятной жалости — то ли к молодой женщине, которую, как и Катлу, собирались выдать замуж этим вечером за нелюбимого человека, то ли к самой себе.

— Мне надо бежать, — продолжала Селен Ишиан. — Мой отец... — Она обратила к Катле огромные черные глаза. — Помоги мне. Если меня найдут, обязательно сожгут за убийство.

Еще одна женщина, бегущая от костра и собственной семьи. Очень странно.

Катла глубоко вздохнула. Посмотрела на Эрно. Он только кивнул. Как они могли бросить ее?

— По счастью, мы тоже покидаем это место. Можешь бежать с нами.

Селен Ишиан вымученно улыбнулась:

— Я могу отблагодарить вас только на словах.

— Но даже на это нам не хватит времени, — усмехнулась Катла. — Пошли.

Они уже приближались к западной стороне Замка Сура и почти начали спускаться вниз по холму к сверкающему морю, когда до них донесся крик. Катла обернулась. Позади в

темноте истринского квартала танцевали факелы. Крики стали громче.

— Бегите! — скомандовал Эрно.

Он схватил Селен Ишиан за руку и потащил за собой. Катла забросила мешок на спину и последовала за ними, поворачивая на каждом третьем шагу, чтобы запутать преследователей.

Они запетляли между палатками, пролетели через непонятный уголок с запахом цветов смерти. Еще палатки, небольшая группа пьяных людей, пробирающихся домой из квартала кочевников, которые восприняли беглецов как мимолетное развлечение, — и вот они уже на берегу.

Здесь бежать стало сложнее. Острые камешки изрезали голые ноги Селен Ишиан, и вскоре на бледной коже выступила свежая кровь. Женщина сдерживала крики боли, но не смогла угнаться за длинноногим северянином. Вскоре она наступила на подол своего платья и повалилась на землю головой вниз. Эрно вернулся к ней, увидел израненные ноги и стал столбом.

Катла повернулась и искала глазами преследователей. Линия горящих факелов выдавала их местонахождение. Они выбрали более длинный путь мимо истрийских павильонов, но теперь быстро приближались к беглецам.

Катла повернулась спиной к Эрно и быстро прикинула шансы.

— Возьми ее на руки и беги под прикрытием берега, — сказала она. — К плотам. Я собою их со следа.

— С чего им гнаться за тобой? Если они ищут Селен, то никогда не погонятся за девушкой в эйранской одежде...

Катла потеряла терпение:

— Слушай, просто бери ее и беги! Это единственная возможность. Я не смогу бежать с такой ношей быстрее тебя, а если мы разделимся, то по крайней мере хотя бы запутаем их. Я встречу вас у лодок. Просто возьмите одну и уберите. Я всегда смогу поплыть за вами.

Эрно уставился на Катлу, однако времени на споры не оставалось. Первые факельщики выскочили из-за палаток.

Эрно схватил Катлу за подбородок и единственный раз поцеловал ее, поневоле грубо, прямо в губы. Потом взвалил Селен Ишиан на плечо, спрыгнул под берег и исчез из виду.

Катла подождала, пока преследователи разглядели ее, потом кинулась вверх по склону, прочь от моря.

Она слышала позади крики, пронзительные и азартные, как у охотников, зашедших дичь, и поняла, что ее уловка удалась. Девушка опять побежала между истрийских палаток по собственным следам. Узел вскоре начал напоминать о себе, хотя она бежала уже по ровной поверхности. Катла быстро подумала, потом положила его у приметного павильона с большим количеством знамен, чтобы потом легко отыскать, и побежала дальше. Крики настолько приблизились, что она могла уже различать отдельные голоса, но не слова. Через мгновение девушка поняла почему: они кричали на истрийском. Катла усмехнулась. Отлично. Даже если они нагонят ее, им придется отпустить добычу...

Через несколько минут ей удалось вновь сбить с толку преследователей среди палаток и павильонов, и вскоре девушка снова очутилась в цветочном закутке. Здесь она остановилась, воздух с хрипом проникал в легкие.

«Не такая уж я и выносливая, оказывается, — попеняла она себе сокрушенно. — И все же дала Эрно достаточно времени, чтобы добраться до лодок...»

Катла сложила пополам, чувствуя, как кровь приливает к замотанной голове, и попыталась успокоить дыхание. Сильный запах благовоний ударил в нос. Он поднимался от гирлянды оранжевых поломанных цветов, лежавших у ее ног на земле. Любопытно, что даже в подобной критической ситуации Катла подняла один, чтобы рассмотреть поближе.

Частички темной пыли осели на пальцах. Цветок не походил ни на один из тех, что девушка видела раньше: какой-нибудь экзотический южный вид, которому никогда не выжить на северных ветрах.

Катла отбросила его с отвращением, вытирая руки об одежду. Потом посмотрела на возвышавшийся перед ней Замок Сура. Если она обежит скалу кругом и спустится к морю с другой стороны, то обязательно собьет погоню со следа.

Тут Катла вспомнила о мешке. Проклятие. Она быстро мысленно перебрала ее содержимое и поняла с отчаянием, что не может себе позволить просто так оставить узел.

Выскользнув из сада, эйранка затаилась между палатками и огляделась. Непроглядная тьма. Никаких признаков погони... и приметных знамен, впрочем, тоже не видно. Катла снова побежала вниз по склону, петляя между палатками.

Добравшись до последнего павильона, она остановилась и начала вглядываться в сторону моря. Ничего, кроме вулканической породы и залитого луной моря, накатывающегося на берег волна за волной...

Дыхание девушки наконец восстановилось. Оглянувшись назад, на запад, Катла увидела высокий флашток, отмеченный ею ранее. Он находился в каких-то тридцати шагах от нее, слева, чуть дальше по склону.

Замечательно. Катла выскользнула на открытое место между двумя палатками, ни на секунду не задумавшись.

Голос, кошмарно близко, крикнул за ее спиной на Древнем языке:

— Стой!

Второй предупредил:

— Двинешься с места, и мы убьем тебя на месте, эйранская шлюха!

В мгновение ока Катла осознала значение последней фразы. Девушка повернулась кругом. Там стояли три стража Ярмарки, двое уже направили в ее сторону арбалеты. Она узнала одного из них.

Сердце застучало очень быстро. Катла мысленно собралась. Если она нырнет и откатится, потом побежит обратно к палаткам, то они могут опять потерять ее... Только бы добраться до скалы, тогда ей удастся взобраться по трещине прежде, чем ее нагонят. Там преследователи станут смотреть в последнюю очередь, это уж точно, девушка прекрасно представляла план действий. Она пролезет там даже с завязанными глазами...

Катла бросилась на землю и услышала, как первый арбалетный болт просвистел у спины. Она перекатилась, вскочила и побежала.

Пригнув голову, девушка бросилась, петляя, к западным палаткам, и тут же обо что-то ударилась, да так сильно, что упала без сознания.

Потом Катла взглянула вверх и обнаружила еще одного стражника. Он держал острие меча у ее горла.

— Ты видишь ее?

Виралай, который был на голову выше любого из присутствовавших, вглядывался в толпу. На этот раз он знал, что искать: проклятую зеленую шаль. Всплески зелени постоянно отвлекали его взгляд — головной убор там, туника здесь, рубашка цвета летнего леса... толстая женщина в изумрудном платье, грязноватый плащ мужчины, бледная молодая женщина в салатowo-золотой накидке.

Ученик мага перевел взгляд на темного человека, сидящего на постаменте, окруженном огромным количеством цветных ковров, тканей, безделушек и кувшинов. Рядом сидел писарь, его перо застыло над пергаментом, а сам он смотрел вперед так, будто собственные глаза больше не принадлежали ему.

Виралай очень хорошо знал, что означает подобный взгляд, и давно приучился прятать Розу Эльды от прохожих. Он отступил в сторону и обошел группу мужчин, загораживавших ему вид... вот она! Похоже, занята серьезным разговором с темноволосым человеком.

— Интересно, что же ты затеваешь? — прошептал Виралай, с любопытством следя за Розой Эльды.

— Что? Что ты сказал? — Лорд Тайхо Ишиан схватил ученика мага за плечо железными пальцами. — Ты ведь что-то сказал?

Виралай повернул голову. Он посмотрел на руку на своем плече, потом обратил взгляд своих бледных немигающих глаз на отчаянное лицо лорда. Глаза Тайхо сузились, предвещая взрыв ярости. Виралай немедленно обернулся обратно к Розе Эльды и начал прокладывать к ней дорогу сквозь толпу.

Рядом с возвышением народу стало еще больше. Чисто выбритые темнокожие мужчины в богатых одеждах собрались по одну сторону от человека на помосте, бородатые и женщины — по другую. Виралай с любопытством разглядывал собравшихся. Все они трещали, как сороки, хотя ни один не мог оторвать глаз от разворачивавшейся перед ними сцены.

Позади Виралай послышался вздох. Губы его искривились в улыбке. И так, южный лорд все-таки увидел ее. Это может оказаться забавным...

Лорд Тайхо Ишиан с проклятиями оттолкнул ученика мага и тут же врезался в группу эйранцев, которые, повернувшись, встретили его с открытой враждебностью. Один, молодой и рыжеволосый, крикнул что-то и попытался встать у лорда на пути, но теперь Ишиана уже ничто не могло остановить.

Он грубо отбросил в сторону лорда Прионана, не вспомнив о деликатных политических маневрах, которые предпринимал в отношении этого человека последние два года, потом распахнул плечами Гревинга и Гесто Дистра с той же бесцеремонностью. На Лебедь Йетры — по слухам, самую красивую женщину, какую когда-либо создавала Фалла, — Тайхо не обратил ни малейшего внимания и только почувствовал минутное раздражение, когда обнаружил ее ногу под своей.

Без единого извинения южанин двинулся дальше, пока между ним и целью не осталось никого.

В этот момент темноволосый человек встал, взял руки Розы Эльды в свои ладони, легко поднял ее и поставил на помост рядом с собой. Его взгляд оставался прикованным к лицу женщины.

По телу Тайхо разлились волны пламени, словно потоки лавы. Огонь заполнил члены, грудь, лицо, чресла... Вот она, его награда, всего в трех шагах — Роза Мира, смысл его жизни, женщина, на которой он женится этой же ночью...

Внезапно вокруг стало абсолютно тихо. И вдруг, словно громом:

— Женитесь на ней? Мой господин, вы не можете!

Голос звенел гневом, срывался на визг от негодования. Тайхо развернулся, чтобы ответить нахалу кулаком, но внезапно с леденящим ужасом осознал, что обращаются вовсе не к нему.

Сначала его охватило смущение, потом страх, что он пропустил нечто важное из разговора Розы Эльды с человеком на помосте.

Высокий бородатый вельможа заставил толпу расступиться, пробираясь к помосту.

— Мой господин, я повторяю, вы не можете взять ее в жены.

За ним последовал второй северянин, страшный, как старый медведь, чья борода напоминала седой куст.

— Вран, о чем ты только думаешь? Это безумие.

Вран! Король Вран Ашарсон! Предводитель северян... Языческий хозяин эйранских островов выбирает себе жену. В Тайхо забурило безумие.

Тут Роза Эльды скинула шаль, предоставив миру любоваться серебристыми светлыми волосами, превосходной белой кожей и зелеными глазами цвета моря. В помещении раздался дружный вздох, который прошел по толпе, будто круги, расходящиеся на воде от брошенного камня или по вине жестокого тайфуна.

В тишине, предвещавшей бурю, Роза Эльды взяла северного короля за руку. Развела его пальцы, взяла правый указательный в розовый рот, потом вытащила обратно и легонько подула. Наклонилась к Врану.

— Скажи снова, — приказала она низким, ровным голосом. — Для них.

Вран Ашарсон встал. Прорычал что-то на отвратительном языке Эйры. Потом добавил

на Древнем языке:

— Я выбрал свою королеву!

Роза Эльды улыбнулась.

Виралай смотрел на них. Ученик мага никогда не видел раньше, чтобы Роза Эльды меняла выражение лица. Он, собственно, думал, что она и не знает, как это делается.

Аран Арансон наблюдал за событиями в некотором недоумении, однако его разум не был полностью поглощен причудливостью королевского выбора.

Куда-то подевалась его дочь. И какое-то время назад Аран обнаружил, что и Эрно Хамсона нигде не видно. Все вместе давало повод для серьезных размышлений.

Аран знал, что юный Эрно давно потерял голову от Катлы, как сказала бы бабушка Рольфсен, но не обращал на это внимания, потому что его Катла никогда не выбрала бы себе в мужья такого воспитанного тихого человека, как бедняга Эрно. Он слишком хорошо знал свою шумную, своевольную дочку. Или думал, что знал. Скорее всего Эрно просто играл роль компаньона... точнее, компаньонки, успокаивающей буйную натуру Катлы.

Аран пытался нацепить маску вежливости, хоть внутри весь изнервничался после того, как заметил отсутствие дочери. Однако он решил не показывать Финну Ларсону, как расстроен. Со своей стороны, корабел собирался проследить за тем, чтобы Аран присутствовал при триумфе Йенны, и крепко держал приятеля за руку, не позволяя ему тихо ускользнуть.

— Посмотришь, в какую хорошую семью отдаешь дочь, — повторял Финн. — С королевской, знаешь ли, кровью.

Он подмигнул:

— Кого еще выберет Вран, как не мою прекрасную девочку? Истрийцы могут соблазнять его чем угодно, чтобы хоть как-то приукрасить своих невест, но Вран настоящий мужчина. Он выберет горячую северянку. Я бесконечно благодарен тебе, Аран, друг мой, зато, что ты приструнил своего сына и сделал возможным этот брак.

И вот сейчас они стояли рядом с оплакивающей свой позор Йенной и не сомневались, что король поступил, как последний дурак, выбрав в жены бродяжку. А Катла — по поводу которой Аран договорился с Финном и, соответственно, от которой зависели все его мечты и планы, — исчезла вместе с Эрно Хамсоном.

Аран Арансон, по природе вовсе не впечатлительный человек, теперь весь покрылся мурашками. Что-то здесь не так, совсем не так... Его суеверная мать, которая утверждала, что умеет видеть будущее и всех раздражавшая своими предсказаниями, наверное, сказала бы, что он чувствовал на коже лапки пауков, плетущих паутину его жизни.

Эйранец нащупал кусок золота в кошельке и погладил его. Странное ощущение, передававшееся через слиток, пронизало ладонь, прошло выше по руке и достигло груди, где обосновалось в теплом уюте. Камень стал его талисманом, все будет хорошо.

Расслабившись и выкинув из головы все тревоги, Аран осмотрелся вокруг. Его взгляд остановился на высоком мужчине, который возвышался над толпой, как белая лилия, справа от него.

С некоторым удивлением Аран узнал продавца карт, человека, который доверил ему тайну и подарил золотой слиток. Будто почуяв своего бывшего хозяина, кусок металла задрожал в руке Арансона. Это было так неожиданно, что северянин резко отдернул руку, будто обжегшись. И через секунду его осенило.

В первый раз он сосредоточился на женщине, выбранной королем. Что-то такое в ней... что-то магнетическое...

Аран посмотрел, как ее бледная ладонь ритмично поглаживала руку короля, и вспомнил ту же ладонь, и тот же жест, и черную кошку на ступенях фургончика в квартале Потерянных.

Теперь уже в некотором недоумении он заскользил взглядом от одного к другому. Это что, шутка? Неуместное в данном случае актерство?

Аран еще раз огляделся. Увидел женщину в жутком зеленом платье, которая продвигалась к помосту широкими шагами, пиная подол платья впереди себя так, как никогда не стала бы делать дама, привыкшая к модной одежде. Заметил он и странного коротышку, подпрыгивающего на ее пути. С еще большим изумлением Аран приметил группу задрапированных в широкие сабатки истрийских матрон, отделившихся от соплеменниц с помоста с музыкантами и проталкивающих теперь сквозь толпу в совершенно неженской манере.

По коже побежали мурашки.

Аран все еще не сводил глаз со всех этих людей, от которых исходила практически осязаемая угроза, когда у входа в павильон поднялся невообразимый шум, и несколько мужчин в форме стражников ворвались внутрь с криками об убийстве и преступлении.

Они волокли его дочь, Катлу, связанную и покрытую кровью.

Глава 15 ПЛЕННИЦА

— Катла!

Аран услышал свой собственный крик, похожий на вой замученного насмерть человека, который никак не могло издать его горло.

Он начал проталкиваться вперед, к дочери, не обращая внимания на людей, попадавших на пути. Позади Фент рычал и осыпал проклятиями истрийских стражников, Халли более низким голосом — как всегда, достаточно сдержанно, — мрачно извинялся перед теми, кого Арансоны затоптали на своем пути.

Среди эйранцев, стоявших достаточно близко, чтобы видеть стражу и захваченного преступника между ними, поднялся шум.

— Кто это, ты сказал?

— Катла Арансон.

— Прелестная дочь Арана Арансона? Брось — это явно парень!

— Тогда, может, Фент Арансон?

— Нет, дурень! Смотри, вон он, рядом с отцом, напуган до смерти...

Смех.

— Это точно юный Фент: он всегда был маленьким мошенником.

— Катла Арансон это, говорю тебе: я слышал, как отец выкрикивал ее имя.

— Но я видел ее чуть раньше. В красном платье — и великолепном платье...

— Но это она, Катла Арансен, клянусь.

— О Сур, и правда! Но почему?

— Они взяли одну из наших девушек!

— А ну, прочь от нее руки, истрийская собака!

Слова вспыхивали, как лесной пожар. Все принялись проталкиваться вперед — туда, где находились стражники со своей добычей.

Стражники достаточно надменно поглядывали по сторонам, держа напоказ обнаженные мечи, явно готовясь пустить их в ход.

Вран, привлеченный неуместным шумом, оторвался от своей невесты. Избавившись от пронзительного зеленого взгляда, король тотчас почувствовал, как проясняется голова, будто он только что вынырнул после долгого пребывания под водой.

У помоста поднялась невообразимая суета. Стражники тащили пленницу вперед, за ними толпу разбрасывали разъяренные эйранцы, которые потрясали кулаками и выкрикивали угрозы. Совершенно неожиданно общий настрой присутствующих стал крайне опасным, а Вран Ашарсон даже и не заметил перемены.

По его спине пробежали мурашки. Он — король, а это — его Собрание, люди же являются его подданными, и все же он каким-то образом пропустил завязку драмы...

Вран почувствовал стыд, непонятное смущение и совершенно незнакомую доселе

слабость. Он, конечно, выпил много вина, но это чувство отрешенности не походило на знакомый теплый туман в голове от обильных возлияний. Скорее нечто вроде сна... и при этом не совсем его собственного сна.

Вран Ашарсон помотал головой, потом свирепо уставился на толпу. Серебро мечей стражников блестело в неверном мерцании свечей.

Мечи!

А уже вот это он понимал прекрасно.

— А ну, всем стоять! — взревел Вран. — Оружие в ножны! Это Собрание, и я не потерплю здесь оружия!

Капитан стражи посмотрел на него в замешательстве.

Вран ответил яростным взглядом, совершенно выйдя из себя от его непослушания, но потом понял, что выкрикнул приказ на эйранском. Он повторил то же самое на Древнем языке.

Капитан стражи выпрямился, имея вид чрезвычайно оскорбленный. Он не отдал приказа своим людям убрать мечи и, вместо того чтобы доложиться Врану Ашарсону, проигнорировал короля северян, повернувшись к кучке истрийской знати. Ведь именно они, как сообразил капитан, платили ему ежегодное жалованье — теперь, когда Руи Финко, лорд Форента, возглавлял совет Большой Ярмарки, который занимался подобными вопросами.

— Благословение Фаллы уважаемым господам этим вечером, — официально поздоровался он на истрийском. — Я привел к вам пленника, которого мы захватили силой, когда он пытался сбежать с места преступления.

Лорд Форента, приятный, жилистый мужчина в темно-синем камзоле, с простым серебряным обручем в выгоревших волосах и с носом хищника, вначале, казалось, пребывал в замешательстве, взволнованный подобным поворотом событий, однако быстро вышел из затруднительного положения.

Подняв изящную бровь, он оглядел капитана стражников с интересом. Повернулся к лорду Прионану, стоявшему рядом.

— Театральное представление для оживления вечера, мой господин? — вежливо поинтересовался он.

Прионан пожал плечами:

— Если так, то я ничего об этом не знаю.

Руи Финко обратился к капитану на истрийском.

— Боюсь, мы не репетировали свой выход, — улыбнулся он. — Но продолжайте, я уверен, что мы справимся с импровизацией.

Стражник неуверенно посмотрел на него.

— Это не игра, лорд, — сказал он. — Все очень серьезно, произошло убийство...

Ахнули все, кто мог понять избыточные гласными слова языка южан.

— Серьезно? Убийство! Замечательно придумано! Bravo! — захлопал в ладоши Гесто Дистра.

Ему было почти семьдесят лет, и старик уже далеко не так хорошо соображал, как раньше.

— Это не игра! — рявкнул капитан. Эмоции взяли верх над манерами.

Руи Финко, лорд Форента, отвернулся от стражников и посмотрел на пленника за их спинами, худощавого паренька с недобрыми черными глазами, в грязной, покрытой кровью тунике и шикарном тюбране. Будто почувствовав его взгляд, узник вскинул голову и принялся кричать ему что-то на гортанном северном наречии.

Лорд Форента посмотрел на него с интересом. Он обладал обрывочными, однако вполне достаточными познаниями в эйранском языке.

— Отлично! — провозгласил он на истрийском. — Мы все-таки получим свою долю развлечения, потому что пленник объявляет себя невиновным по всем статьям!

Он обвел взглядом приутихшую толпу, потом перешел на Древний язык.

— Суд! — крикнул он. — Нам придется помолчать, чтобы расслышать обвинение и

ответ преступника.

В этот момент через толпу прорвались трое эйранцев со смертью в глазах.

— Что, именем Сура, здесь творится?! — взревел Аран Арансон.

Истрийский лорд настороженно взглянул на него.

— Задержали человека по подозрению в совершении преступления, — ответил он на правильном эйранском, хотя и немного медленно.

— Какого преступления? — потребовал Фент из-за плеча отца.

Руи Финко перебросился парой слов с капитаном стражи.

— Арестованный подозревается в похищении, святотатстве и... — он помедлил, ожидая реакции со стороны пленника, — убийстве...

— Убийстве?! — вскрикнул Аран в совершенном изумлении.

— Катла? — Халли выглядел пораженным до глубины души.

— Мужчина?! — диковато рассмеялась Катла.

На правильном Древнем языке она сказала:

— Думаю, вы ошиблись!

С изяществом, хотя и слегка скованно из-за веревок на руках, она стянула шелковый платок, укрывавший волосы. Или то, что от них осталось. Проклятие, о такой мелкой детали она как раз и забыла...

Те, кто стоял поближе, погрузились в озадаченное молчание, пытаясь понять странный жест пленника, остальные продолжали наблюдать за происходящим.

Пожилые братья Дистра наклонились друг к другу и принялись быстро переговариваться. Один из солдат склонил набок голову и задумчиво рассматривал Катлу.

Капитан стражников оглядел пленника, будто замечая что-то для себя на будущее.

Здоровенный, похожий на медведя эйранец снова начал кричать. Что-то такое о своей дочери...

Руи Финко нетерпеливо перебил его:

— Говори помедленнее, северянин. Я не понимаю твою трескотню.

Глаза Арана Арансона недобро сверкнули.

— Я говорю, что это моя дочь, дочь Эйры, и поэтому ее должно судить по эйранским законам, которые требуют, чтобы дело выслушал самый высокопоставленный лорд с Эйры. Я прошу внимания короля Врана Ашарсона, поскольку знаю, что Катла никогда бы не совершила убийства! Кроме того, я не могу доверять ее жизнь врагам моего народа!

Лорд Руи Финко несколько секунд выдерживал взгляд Арана, потом отвернулся к лордам Прионану и Дистра. Он повторил им просьбу северянина.

Гесто Дистра пожал плечами:

— Это его право.

Лорд Прионан согласился:

— Большая Ярмарка проводится на нейтральной территории.

Лорд Форента кивнул:

— Как скажете.

Он отвернулся от лордов и взглянул на помост, обнаружив, что король Вран Ашарсон вновь попал под влияние колдовских чар белокожей кочевницы.

Руи уставился на короля с его «невестой». Мысли понеслись вскачь. Все пошло не по плану...

Окинув взглядом Собрание, лорд отметил позиции наемников, устроившихся в разных углах огромного павильона в своих странных костюмах. Лорд поймал взгляд могучей женщины в нелепом зеленом платье, незаметно кивнул ей и проследил, как она исчезла в толпе.

Запрыгнув на помост, словно кошка, Руи Финко двинулся к королю северян, который стоял совершенно неподвижно, явно зачарованный, с бледной рукой морского создания в своей ладони. Как странно, подумал лорд, что все случилось именно сегодняшней ночью...

При приближении Финко Вран Ашарсон вскинул голову. Его глаза были пустыми, как

у лунатика. Наверное, возможность представится позже, когда новое дело как-нибудь уладят. Женщина тоже может быть полезна, принимая во внимание видный невооруженным глазом эффект, который она производила на короля.

— Мой господин, — спокойно сказал Финко на Древнем языке. — У нас сложилась ситуация, требующая вашего немедленного вмешательства.

Он взял Врана за руку и потянул с помоста к группе стражников. Ашарсон совершенно безропотно дал себя увести. Внезапно Финко ощутил холодное прикосновение к своей щеке.

Он повернулся. Загадочная женщина неотрывно смотрела на него, ее глаза были зеленее и тверже малахита.

— Не беспокойтесь, госпожа, — услышал он собственный голос. — Я вскоре верну его вам.

— Вернете, — мягко сказала Роза Эльды. — Обязательно вернете.

Катлу бесцеремонно бросили на помост. Она беспомощно озиралась, чувствуя на себе взгляды сотен глаз. Вот тебе и скрылась незаметно, горько подумала девушка. Если она отсюда выберется, придется проплыть несколько миль за Эрно...

Катла увидела, как короля Врана Ашарсона буквально выдирает из рук высокой бледной женщины и ведет к ней истрийский лорд в темно-синем камзоле. Значит, король выбрал не Лебедь Йетры, не к месту подумалось ей. Хотя какое-то утешение для бедняжки Йенны...

Лорд и король неожиданно оказались похожи друг на друга: оба высокие, темноволосые, хорошо сложенные, вот только один носил бороду, а другой был в истинно южной манере чисто выбрит. Мерцающие огоньки свечей отражались на одинаково высоких скулах, в двух парах темных глаз.

Когда они подошли поближе, девушка поняла, что на этом сходство и заканчивалось, потому что истриец оказался старше ее короля, жестче в лице, несмотря на изящный серебряный обруч в волосах.

Через мгновение сердце Катлы забилося чаще, когда она сообразила, что этот лорд, которому остальные кланялись, перед кем расшаркивались и к кому обращались по имени, звучавшему, как нечто вроде *Руефинка*, был тем самым истрийцем, который приходил к ним в лавку в первый день Ярмарки.

«О Сур, — подумала девушка, — он уже запомнил меня как негодяйку...»

Тогда он показался ей опасным фанатиком. Ведь истриец поносил женщину, которую видели на скале, якобы посвященной Фалле, а потом ужасался при одной мысли, что Аран позволил женщине не только коснуться меча, но и выковать его самой.

Капитан стражи грубо поставил её лицом к королю. Кто-то перетащил трон поближе к этой части помоста, где теперь и сидел Вран, глядя по сторонам с отсутствующим видом: корона слегка съехала набок, а глаза ничего не выражали. Катла подумала, что он выглядит как игрушечный король из театрального представления, которым развлекали воинов клана Камнепада прошлой зимой: да, такой же грубый и жадный до выпивки... Ее сердце упало.

В первый раз с того момента, как ее поймали, девушка по-настоящему испугалась.

— Твое имя, пленник, — потребовал капитан стражи.

— Катла Арансон.

Король Вран посмотрел на девушку более осмысленно, явно пытаясь запомнить имя.

— Господин, — важно подсказал стражник.

Катла уставилась на него со странным блеском в глазах.

Нет уж. Она никого не станет величать господином!

Капитан стражи посмотрел на нее. Упрямство он всегда отличал с первого взгляда. Оставили б его с этой девчонкой на пять минут в укромном месте, подумал стражник, живо отучилась бы дерзить.

Капитан выпрямился, глубоко вдохнул и принялся выкрикивать обвинения:

— Катла Арансон, вас задержали по подозрению в совершении убийства...

— А кого убили-то? — поинтересовался кто-то из толпы.

Стражник умолк, раздраженный тем, что его перебили.

— Рабыню, — ответил он, обращаясь к толпе. — Девочку-рабыню жестоко зарезали, а ее хозяйку похитили. А часовня лордов Йетры, устроенная для Лебеди, подверглась поруганию...

«Проклятие, — подумала Катла, разглядывая пятна от пыли на тунике, — я всего лишь подняла парочку цветков. Это вряд ли можно назвать поруганием...»

Несколько истрийцев разом потеряли весь интерес к происходящему: рабыня — ну, это неприятно, конечно, и стоит немало, когда дело доходит до возмещения ущерба, но по крайней мере, хотя бы убили не одного из них. Что до осквернения часовни, так ведь устройство подобного садика посреди Большой Ярмарки само по себе рискованно. Все равно что самому напрашиваться на неприятности. Вот похищение — это да, это немного интригует...

Видя, как Врана Ашарсона уводит по помосту Руи Финко, лорд Тайхо Ишиан ощутил смутную надежду. Казалось, будто Фалла, покровительница всех влюбленных, дает ему шанс забрать свою невесту, спасти ее от осквернения в руках короля варваров...

Попытка пробиться к помосту через толпу зрителей, сосредоточивших внимание на предстоящем судилище, похожих на зевак у медвежьей ямы, напоминала плавание против течения. И все же он видел ее там — бледную и тихую, прекрасную, как ее имя, без единого изъяна... Тайхо знал, что пожертвует всем — репутацией, богатством, дочерью — ради этой женщины. Он жаждал заключить ее в объятия, посвятить ее Богине по всем правилам, отвезти ее домой в Кантару, чтобы спрятать навечно от глаз неверных. Мысль о руках северянина, ласкающих прохладную белую плоть, о губах варвара, исследующих сокровенные места ее тела, была невыносима. Тайхо собирался не просто заключить брачный союз, но выполнить священную миссию по спасению души.

Поэтому, когда капитан стражи громко озвучивал обвинение против пленника, Ишиан вначале не обращал никакого внимания на его слова.

Только когда народ принялся глазеть на него, он прекратил пробиваться сквозь толпу.

— Что? — зло спросил Тайхо какого-то человека, преграждавшего ему путь. — Что такое?

Человек оказался богатым купцом из Гилы. Он знал лорда Тайхо Ишиана по нескольким торговым сделкам: жестокий, очень жестокий и... странный, но все же его звезда восходит довольно быстро.

— Ваша дочь, мой лорд, — неуверенно ответил купец. — Они говорят о вашей дочери...

В ярости Тайхо развернулся. Стоявшие рядом шарахнулись от его взгляда.

— Что с моей дочерью?! — вскричал он.

— Пленника обвиняют в содействии похищению, — громко повторил капитан стражи. — Похищена леди Селен Ишиан, мой господин.

Он склонил голову в сторону Тайхо, чувствуя холод в желудке. Стражник вполне мог вскоре пожалеть, что не пришел быстро и по-тихому к этому лорду с известием о пропаже его дочери.

Сердце Тайхо обратилось в камень.

Селен похитили!

Как так случилось? Его лицо исказилось. Лорд двинулся к помосту, и толпа расступалась на его пути, образуя широкий коридор.

Капитан стражи понизил голос, когда Тайхо оказался достаточно близко.

— Господин, боюсь, что эйранские бандиты жестоко убили вашу маленькую рабыню и украли вашу дочь. Мы поймали одного из преступников, бежавшего с места преступления...

— Зачем...

Голос подвел Тайхо. Он непонимающе уставился на пленника. Без Селен все потеряно:

нет приданого, нет Розы Эльды — и никогда не будет.

— Зачем этому... ничтожеству... понадобилась моя дочь?

Он посмотрел на капитана стражи темными от ярости глазами. Офицер поежился.

Секундой позже лорд Кантары вспрыгнул на помост и помчался к Катле, вытянув руки со скрюченными пальцами. Отбросив кинувшихся к нему со всех сторон стражников, он сумел схватить девушку за горло, не заботясь в отчаянии о нечистом прикосновении.

— Зачем? — взвизгнул он. — Что ты сделала с ней, шлюха?!

Солдаты оттащили Тайхо обратно, свели его с помоста вниз, где из ниоткуда появился высокий бледный мужчина, сочувственно положил руку на плечо лорда и зашептал ему что-то на ухо. Истриец обмяк, будто успокоившись.

— Продолжайте! — крикнул, перекрывая голоса, король Вран.

— Мы обнаружили этого... эту женщину убегающей с места преступления, господин, — объявил капитан. — И если Богиня улыбнется нам, может появиться свидетель совершенного nepотpeбствa. А пока у нас есть только это...

Он продемонстрировал угрожающего вида кинжал, помахав им толпе. Клинок был выполнен в северном стиле — с гравировкой и прекрасным орнаментом. Темно-красное пятно запачкало серебро лезвия, оставив следы и на рукоятке.

Король Вран взял кинжал из рук капитана и вдумчиво рассмотрел его. Прекрасная работа — отличная, изящная и функциональная, как хорошие эйранские корабли.

При виде кинжала лицо Арана Арансона превратилось в камень. Кровь отхлынула под обветренной кожей, оставив пепельно-серую бледность. Он, конечно, узнал клинок. Одно из лучших ее творений...

Остальные эйранцы стали вздыхать и перешептываться. Работу Катлы Арансон узнавали на всех северных островах.

— Я никого не убила, не ранила, не похитила, — раздельно проговорила Катла. — Клянусь именем Сура!

— А кинжал?

Голос Руи Финко прозвучал ровно и отстраненно. Он взял оружие у короля северян и повертел его в руках, тщательно избегая касаться все еще липкой крови, потом передал клинок обратно капитану и вытер ладони о камзол.

— Необычная работа, — покачал он головой.

И подумал об оружии, которое послал купить наемников. Это было гораздо разумнее, чем выбирать его самому, как он собирался первоначально.

— Моя.

Катла дерзко вскинула подбородок. Ей приносило особенное удовольствие смотреть прямо в глаза южанину-фанатику.

— Я сама сделала его. Ковка отличного оружия — вот мое призвание.

Кто-то крикнул в толпе:

— Да, точно. Она — кузнец лучшей пробы, это правда!

— Лучшие клинки на Эйре, — хрипло добавил еще один голос.

Катла сузила глаза. Последнее замечание, кажется, исходило от укутанной в сабатку южанки, что представлялось странным, если не сказать больше.

— Однако, — продолжила она, — этот клинок — один из тех, которые я... продала за время настоящей Ярмарки. — Почти правда, решила она: это был обмен, плата за спасительный удар Саро. — Кто-то бросил его рядом с палатками, а я подняла...

— Отличная сказка, — усмехнулся лорд Прионан. — Подобное представляется мне слишком странным совпадением. — Он сверкнул улыбкой в сторону толпы, будто открыв в себе великую способность логически мыслить.

— А почему ты убегала с места преступления? — спросил король Вран.

Катла почувствовала взгляд отца. Ничего не поделаешь.

— Я действительно убегала в тот момент, когда нашла кинжал, и посчитала, что не годится ему просто так валяться на земле. Но убегала я не с места преступления, а от

предстоящего замужества, — объявила девушка, повысив голос. — Поэтому я так и одета. — Она указала на испачканную тунику и старую безрукавку. — Я не хотела становиться женой человека, которого выбрал мой отец, и собиралась избежать подобной судьбы.

Она нашла глазами озабоченное лицо отца и выдержала его взгляд.

В его же глазах не было ничего, кроме муки, — ни гнева, ни обвинений. Катла улыбнулась. Ее голос смягчился, упал до едва различимого шепота:

— Но я все равно не выйду за Финна Ларсона, отец...

— Финн Ларсон? — эхом отозвался король.

Он представил себе корабеля: человек-гора, давно отпраздновавший пятидесятилетие, — совсем не пара для этой пламенной девочки. Приодетая, с отросшими волосами, она вполне подошла бы на роль любовницы, подумал он, но резкий голос Арана Арансона прервал приятные мечты.

— Катла, я не думал, что ты воспримешь это так, что убежишь отсюда, покинешь и клан, и меня, — твердо сказал Аран. — Я отменю брачный договор, клянусь.

Люди начали переговариваться громче, но в их голосах почти не слышалось возмущения.

— За кого она выходит? — крикнул кто-то из задних рядов.

— За Финна Ларсона, — ответила жилистая эйранская матрона.

— Да этот Финн Ларсон — просто старый козел! — выкрикнул кто-то.

Послышался смех.

— Отпустите девчонку, — громко произнесли на эйранском.

Толпа подхватила требование.

Вран Ашарсон жестом призвал всех к тишине.

— На тебе кровь, — указал он на Катлу.

— Я вытерла нож о тунику, — ответила Катла, — только для того, чтобы получше его рассмотреть.

— Ты лжешь! — послышался обвиняющий, хотя и слабый голос.

Все как один повернули головы. Из дальнего угла огромного павильона через толпу несли носилки. На них лежал Танто Винго, завернутая в плащ одного из стражников, голова молодого человека едва выглядывала наружу, теряясь в складках материи. Он напоминал восставшего из мертвых.

— Ты и твои эйранские дружки убили рабыню и забрали дочь лорда Кантары! — выплюнул он. — Ты напал на меня, когда я загородил собой леди Селен от твоего убийственного кинжала!

Лицо Танто побелело от потери крови. Кто-то перевязал его, но кровь, темная, как вино, уже начинала просачиваться сквозь плотную материю.

Он указал трясущимся пальцем на связанную фигуру на помосте.

— Этот человек — тот самый, что ранил меня!

Танто оглядел лица собравшихся, увидел жадные до чужого горя глаза.

Катла уставилась на Танто с недоверием. Просто сцена из кошмара, бред... Мир обрел новые, нереальные очертания, непредсказуемую систему правил.

— Я не делала ничего подобного. Это просто безумие какое-то! — воскликнула она.

— Действительно, безумие. Красть женщин, да еще благородных истрик. — Танто опирался на локоть, его глаза блестели.

Какая редкостная удача, подумал он, когда стражники, тащившие его, рассказали новости. Поймали рыжеволосого чужестранца с кинжалом, а еще один мужчина убежал с женщиной, которая была подозрительно похожа на Селен Ишиан. Богиня явно улыбалась Танто. Он знал, что его воссоединение с Селен получило благословение. Даже рана теперь не казалась такой уж тяжелой, хотя в районе позвоночника начал появляться озноб...

Только когда его поднесли ближе к помосту, Танто хорошенько рассмотрел мужчину, который взойдет на костер вместо него. Естественно, это был варвар, в кошмарной одежде, грязной и изорванной. Да ещё искромсанные волосы. Но что-то было в нем... что-то

особенное в глазах, прямом носе, насмешливом выражении лица...

Его взгляд заметался между Руи Финко и королем северян, потом остановился на кинжале в руках стражника. Это его клинок — или по крайней мере тот, что он нашел под подушкой у Саро...

В глубине мозга Танто зазвенел настойчивый звоночек, как жужжание насекомого.

— Можно мне посмотреть на кинжал? — попросил он стражника.

Толпа безмолвно расступилась, уступая дорогу носилкам, и капитан стражи аккуратно вложил клинок в протянутую ладонь Танто.

Кинжал как будто пытался заговорить с ним. Было нечто особенное в том, как он лежал в его ладони, как голова дракона на рукоятке холодила пальцы — ощущение подтолкнуло память, вывело на поверхность воспоминание...

Танто снова посмотрел на пленника, отметил узкие кости, пухлые губы, узкую талию... И тут он все вспомнил — лавку с оружием, варварку, показывавшую кинжалы — этот клинок тоже, — потом брата, который без причины ударил Танто...

Нет, не без причины, нет... Что же там сказал Саро?

Я видел тебя на Скале...

И он вспомнил о награде.

Святотатство!

Слово змеей проскользнуло в разум Танто.

Он засмеялся:

— Любезные господа, думаю, вы должны мне тысячу благодарностей и две тысячи кантари в придачу. Человек, которого вы арестовали, — женщина!

Танто ждал удивленных вздохов, но их не последовало. Он огляделся, потом потряс головой, будто проясняя мысли, и продолжил:

— Я говорю — та самая женщина, которую искали на протяжении всей Ярмарки. Она залезла на нашу священную Скалу!

Истрийцы в толпе ахнули.

Руи Финко нахмурился. Забыв в горячке, что суд передали в руки короля северян, он прямо обратился к арестованной:

— Так это ты зале зла на Скалу Фаллы?

— Она, она!

Гревинг Дистра чуть из камзола не вывалился от переполнявших его эмоций. Он дергал брата за рукав:

— Мы видели ее, не правда ли, брат?

Гесто близоруко всмотрелся в пленницу.

— Мы видели женщину с длинными рыжими волосами, — с сомнением напомнил он.

Один из группы стражников выступил вперед.

— Можно, я скажу, господин? — спросил он Руи Финко.

Лорд Форента кивнул.

— Когда я делал обход с Нуно Гостином, — он показал на другого стражника, — мы заходили в палатку клана Камнепада, чтобы произвести обычный опрос. Они с подозрительной поспешностью старались поскорее отделаться от нас, и я заметил, что у дочери главы семьи совершенно по-варварски обрезаны волосы. Она сказала, что так они ходят жарким летом на Эйре, — он покраснел, — но потом меня заверили, что на северных островах очень редко случается теплая погода. Я подумал, господин, что она просто посмеялась надо мной, но теперь вижу свою ошибку.

— Однако волосы не рыжие, — настаивал Гесто Дистра. — Может, у меня не самое лучшее зрение, но цвета различать я пока не научился.

Не обращая внимания на протестующий жест короля Врана, Руи Финко ступил на помост.

— Нагни голову, — грубо приказал он Катле.

В ответ девушка только сверкнула глазами. Она никогда не подчинится ему!

Катла вскинула подбородок и воинственно оглядела толпу.

— Я залезла на Скалу, — объявила девушка. Потом обратилась к братьям Дистра: — Вы видели там меня, — добавила она почти добродушным голосом, — я имею в виду — в первый раз.

— В первый раз? — Руи Финко уставился на нее в недоумении.

— Ну да, — отозвалась Катла. — Я залезла на нее еще — только что.

Шум начался с перешептывания, потом перерос в напряженные обсуждения. Люди говорили друг с другом громко, стараясь перекрыть остальных. Кто-то принялся орать. Посреди всеобщей суматохи прорезался голос какого-то эйранца:

— Это не святотатство, это Скала Сура!

И тут же истриец завизжал:

— Она опорочила имя нашей Богини! Сжечь ее!

Последний выкрик прозвучал рядом с Танто. Голос показался ему знакомым. Он повернулся и обнаружил в двух шагах от себя лорда Тайхо Ишиана.

Глаза южанина от ярости вылезли из орбит, руки сжались в кулаки. Рядом стоял высокий бледнолицый человек, которого Танто видел раньше. В отличие от лорда Кантары его лицо не выражало никаких эмоций.

Руи Финко повернулся к Врану Ашарсону.

— Кажется, король, мой господин, — ровным голосом произнес он, — дело уже выходит за пределы вашей компетенции. Когда вопрос касался преступления на нейтральной территории Большой Ярмарки, мы еще могли подчиниться эйранским законам, но, боюсь, осквернение Скалы Фаллы — это совсем другое...

— Но это наша Скала, — возразил король Вран, — а девчонка всего лишь залезла на нее.

— Это Замок Сура, — подтвердил ярл Южного Глаза снизу, — и всегда так было.

Лорд Форента рассмеялся. Он повернулся, чтобы посмотреть на эйранского лорда.

— Старик, — проговорил он, и глаза его походили на камень, — времена меняются. Лунную равнину мы делим с вами поровну, но Скалу Фаллы нам пожаловал ваш старый король — Ашар Стенсон, Ночной Волк, Повелитель Тьмы, отец короля Врана, — в обмен на... как бы это точнее выразиться... на услугу. Или, может, на молчание по определенному неприятному делу.

Финко посмотрел Врану прямо в глаза. Тот выдержал взгляд, не моргнув.

— Говорят, дело касалось истинности кровного родства, мой господин, — добавил южанин так тихо, что его слышали только король и Катла.

Вран сузил глаза. Потом упрямо вскинул подбородок.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — прошипел он, — но мне совершенно не нравится ваш тон.

Руи Финко пожал плечами:

— Как пожелаете. Возможно, мы обговорим это позже... наедине. — И он добавил громче: — А пока, думаю, вам придется отдать девушку истрийскому суду. Она призналась в совершении святотатства, и все видели рану, которую она нанесла этому смелому молодому человеку. Неужели недостаточно? Мы не хотим большего проявления насилия сегодняшним вечером.

В его голосе прозвучала шелковая угроза.

Вран Ашарсон отвлекся. Он повернулся в ту сторону, где замерла, как статуя, Роза Эльды. Их глаза встретились, и вновь король испытал неопишемую волну горячего, переполняющего потрясения — жар и что-то еще...

Он с трудом отвел глаза и посмотрел на Финко.

— Я все еще не уверен в степени ее вины, — медленно проговорил Вран, — и поэтому настаиваю на равных правах истрийского и эйранского законов.

Руи Финко склонил голову, потом повернулся к толпе:

— Что скажете, лорды Совета? Позволите ли вы судить эту женщину и по эйранским, и

по истрийским законам?

— Не возражаю, — объявил Прионан.

Братья Дистра коротко посоветовались.

— Будучи в добром настроении по случаю Собрания, мы согласны с лордом Прионаном.

— Нет!

Все обернулись на возмущенный крик. Тайхо Ишиан, лорд Кантары, прорывался к помосту.

— Вы не можете этого сделать! — взвыл он.

Тайхо вспрыгнул на помост и обратился к собрату-истрийцу:

— Мой лорд, Руи! Украли мою дочь, моего будущего зятя жестоко ранили, когда он пытался защитить несчастную, мою рабыню убили. Неужели ты откажешь мне в праве высказаться?!

Руи Финко кивнул:

— Говори, Тайхо, потом мы вынесем свое решение.

Тайхо повернулся к толпе, тяжело дыша, и почувствовал, как замедлилось время...

Вот его шанс, за него надо хвататься руками и ногами. «О Фалла Милосердная, — безмолвно молился он, — Фалла, Повелительница Пламени, умоляю тебя помочь моему ревностному почитателю! Помоги мне достичь цели, и я принесу тебе тысячу жертв. Только позволь мне получить звезду моего сердца, любовь моей жизни, Розу Эльды, и еще до конца дня ты сполна насладишься кровью».

Единственный шанс увести Розу Эльды у короля варваров представится только посреди всеобщей суматохи. Насилия и суматохи. Он должен сыграть свою роль с величайшей осторожностью, искусно использовать ситуацию, дарованную свыше. Что с того, что его дочь пропала? Если удастся довести истрийцев до нужной степени праведного гнева, беспокоиться о выкупе за женщину не понадобится, потому что неизвестно, кого они выберут своей жертвой...

Взгляд Тайхо тут же обратился от короля Врана Ашарсона, бесполезного тупого идиота, восседавшего на троне, к высокому бледному хозяину Розы Эльды, потом Ишиан повернул лицо к толпе, как цветок к солнцу.

Тайхо не ощущал ничего, кроме презрения ко всем окружающим. «Вначале дави на сочувствие, — нашептывал ему внутренний голос. — Перетащи толпу на свою сторону, а дальше гни свою линию...»

Сорвавшимся, будто от глубины постигшего его потрясения, голосом Тайхо Ишиан начал:

— Моя дочь, — глухо произнес он по-истрийски, — моя дорогая Селен... Более красивую, любящую, набожную девушку вам не найти. Она приехала вместе со мной на Большую Ярмарку, на это удивительное действо, с полным надежд сердцем. Она надеялась выйти замуж, друзья мои, она хотела посвятить себя Фалле в служении мужу. Как любая невинная девушка, она мечтала о такой судьбе. Ей предстояло выйти замуж завтра — за человека, которого я выбрал для нее, за молодого человека из известной семьи, отличающейся своей праведностью. Я никогда не видел свою дочь такой счастливой, как тогда, когда она открыла сверток, что я принес, и обнаружила там свадебное платье...

В толпе послышались всхлипы.

Тайхо промокнул сухие глаза. Окинул взглядом собравшихся людей.

— Этот день должен был стать самым счастливым днем моей жизни, и жизни Селен тоже... Я мог стоять завтра рядом с ней в часовне и соединять ее судьбу с судьбой юного Танто Винго, но это счастье у меня коварно украло это... ничтожество. — Он указал на Катлу, которая уставилась на Тайхо прищуренными глазами, ничего не понимая из его иноземной болтовни. — Да, мою дочь украли! Для того, чтобы испоганить ее невинное тело, изнасиловать прислужницу Богини! И заодно убили девочку, дорожке которой для моей дочери не было никого, рабыню, которую она вырастила сама, спасла из пораженной чумой

деревни, — это была откровенная ложь, но толпу затрясло от гнева при его словах, — и тяжело ранили славного, храброго молодого человека... Мужчину из благородной истрийской семьи, человека, который не пожалел собственной жизни, пытаюсь противостоять их варварству!

Танто скромно помахал рукой толпе, признавая свой недюжинный героизм.

— Мне это ничего не стоило, господин, — сумел выговорить он с вымученной улыбкой. Танто почти терял сознание. — Ради сохранения невинности леди Селен я согласен снова встать на пути убийц. — С этими словами Танто спустил ноги с носилок и осторожно встал на пол.

Сейчас он подойдет к лорду Кантары, возьмет его за руку, попросит руки его дочери. Когда вернется его невеста, как Тайхо сумеет отказать ему — с приданым или без оногo?

Тело не слушалось Танто. Казалось, ноги весили по тонне — холодные и бесчувственные. Упершись руками в носилки, он все-таки встал. Однако тут же, словно марионетка, у которой перерезали ниточки, Танто обрушился на пол, неловко подвернув под себя странным образом конечности.

— Герой! — закричал какой-то человек в роскошном черном костюме. — Настоящий истрийский герой!

— Герой?

Это слово на южном диалекте Катла знала. Но она знала и человека, которого этим словом определили...

Сын Винго, сказала истрийка. Но это не Саро Винго! В панике и ярости девушка совсем забыла о его отвратительном брате.

Катла повысила голос, перекрикивая толпу, и обратилась к людям на Древнем языке.

— Послушайте, что я расскажу вам! — закричала девушка, используя осененную временем ритуальную фразу сказителей. — Этот мужчина не герой, он насильник и убийца! Я нашла женщину, о которой вы говорите, то есть Селен Ишиан, нагой, истекающей кровью, когда убегала с Собрания навстречу свободе... Селен сказала, что заколола человека после того, как он убил ее рабыню и напал на нее. Этим человеком был Танто Винго! Из последних сил Селен искала, кто придет ей на помощь, и мы с моим другом помогли ей. Сейчас она уже далеко отсюда, далеко от того мужчины, который изнасиловал ее, далеко от отца, пытавшегося выдать ее замуж против воли...

— Молчать! — проревел Тайхо Ишиан. — Тебе мало того, что ты натворила, так теперь возводишь хулу на тех, кто любил ее больше всего? Есть ли предел твоей злобе? Как ты можешь?!

Он чувствовал, как за его спиной растет напряжение в толпе — эйранцы явно были на стороне пленницы, истрийцы — против.

Тайхо холодно взглянул на Катлу. Она ответила на взгляд и похолодела до мозга костей. Будто целиком окунулась в глаза гадюки, вдруг подумалось ей. Несмотря на все вопли разбитого сердца и показательные страдания Тайхо, она не заметила в его глазах ничего, кроме расчета и смертельно опасной воли.

Тайхо повернулся.

— Неужели вы не видите?! — громко произнес он по-истрийски. — Лорды Совета, леди Империи, цветы южных земель, безмерная ценность священной страны Фаллы, неужели вы не замечаете, что мы окружены одной ненавистью?

Тайхо обвел взглядом притихший зал.

— Эти северяне — варвары, которые отрицают даже самые явные свои преступления, лгут перед лицом самой Богини! У них нет чести. Нет веры. Единственное их желание — стереть нас с лица Эльды любыми способами!

Словно ветерок прошел по толпе.

— Преступление этой женщины и ее банды может показаться вам личным злодеянием против меня. Действительно, я потерял многое... Дочь, которую я любил всей душой, пропала, — он загибал пальцы на поднятой руке, — моя милая служанка, все равно что

вторая дочь, убита. Мой друг, — он указал на Танто Винго, — тяжело ранен при попытке защитить их.

Тайхо повысил голос:

— Все это глубоко уязвляет мое сердце, но и вас не должно оставлять равнодушными, ибо напали не только на меня — поруганию подверглась вся Истрия!

Он бросал слова в тишину, как камни в колодец, и наблюдал, как в толпе начинают расходиться круги.

— Люди севера — мужчины и женщины со скверными манерами и жестокими обычаями. Все они убийцы, похитители, осквернители. Они ненавидят Истрию вот уже полтысячелетия. Они всегда нас ненавидели и завидовали нам! Сколько войн мы вели за это время с одним и тем же врагом? Двенадцать или даже больше. И каждый раз Богиня улыбалась нам, позволяя откинуть их все дальше от плодородных берегов Истрии, дальше от сердца пламени и чистоты, дальше в северные моря и горные пустоши, которым они принадлежат и где они обитают — со своей варварской религией, проходимцем богом, пожиранием китов и лошадей и подобными отвратительными обычаями. Всего два года назад Скалу посвятили Богине. Омытая кровью, очищенная огнем, она принадлежит только Фалле Милосердной, спасительнице душ. Но что вы все видели на этой Большой Ярмарке, кроме неуважения и попытки осквернения? Эта преступница — с небрежностью, которую следовало ожидать от человека ее низкого происхождения, — осквернила священную Скалу дважды! Вот с каким презрением она относится, как и любой эйранец, к нашей вере... Не удовлетворившись, эта дрянь разрушает священное место — часовню, созданную любящими руками в честь храброй, высокопоставленной женщины...

Тайхо поклонился Лебеде Йетры и ее седовласым дедушкам.

— Осквернение мужчин и женщин Империи, насилие над самой Богиней. Наконец, святотатство — самый тяжкий из грехов!

— Святотатство... — забормотали истрийцы в толпе. — Осквернение...

Лицо лорда Кантары потемнело, словно штормовое море. Он ходил взад-вперед по помосту, все смотрели только на него.

Тайхо взглянул вниз, туда, где стояли герцог Церы и лорды Сестрана.

— Свидетелями чего мы стали сегодня вечером? — Он оглядел толпу, будто ожидая ответа. Люди ловили каждое слово лорда, жадные до следующего обвинения. — Мы не только обнаружили неуважение к нашей вере, но и насмешку над великодушием и жертвенностью самых благородных наших семей!

Тайхо повернулся к королю Врану Ашарсону:

— Многие из нас считают слишком большой жертвой отдавать нашу бесценную жемчужину варвару, и мы можем радоваться, что она оказалась ненужной — из-за безумного и оскорбительного выбора этого человека!

Последовали выкрики: «Позор!», «Истина Фаллы!» и «Варвары!».

Тайхо взял паузу, подождав, пока бормотание достигнет апогея и утихнет.

— Этот варвар выбрал другую женщину, презрев протянутую руку мира, предложения о разделении прибылей, брачный контракт с цветком наших земель: предложения, сделанные великими лордами, людьми, которые предпочли увидеть, как их дочерей увозят в чужие земли и обрекают на мученическое существование, а не оставить святыне дары Фаллы в нашей сокровищнице... Более того, эта женщина, которую он оценил выше лучшей из истрийек, — просто вещь, которую можно продать и купить, беспринципное существо, явившееся без приглашения из фургонов Потерянных!

Толпа истрийцев взревела, и никто не додумался спросить, откуда у лорда Кантары появилась подобная информация. Эйранцы тем временем, не имея возможности понять шипение разъяренного южанина, становились все беспокойнее.

Руи Финко нахмурился. Он не был уверен, что дела обстояли именно так, как описывал Тайхо Ишиан, но все равно сложившаяся ситуация сможет послужить и его целям.

Он взмахнул рукой, призывая собравшихся к тишине.

— Спасибо, лорд Кантары, за страстную речь. — Финко повернулся к королю Врану. — Тайхо Ишиан высказался, и его аргументы показались мне очень... убедительными. Совет Истрии считает, что, если эта женщина не понесет заслуженного наказания, ситуация может развиваться непредсказуемо. Что вы скажете?

Вран выглядел раздраженным.

— Я понял только одно слово из пяти, что кричал этот южанин, но мне показалось, что он разжигал вражду в толпе. Однако если вы отдадите девушку под мою ответственность, обещаю, что она получит соответствующее наказание — по крайней мере за нападение на молодого человека, так как в ее вине в остальных преступлениях я все еще не уверен.

— И какую форму примет ее наказание по эйранским законам?

— Ее семья выплатит кровную семье раненого молодого человека.

Руи Финко насмешливо улыбнулся:

— Боюсь, этого совершенно недостаточно, мой господин.

— Чего еще вы хотите?

— Разрешите мне посоветоваться с лордами...

Финко перекинулся парой фраз с Прионаном и Дистра, потом повернулся к толпе. На Древнем языке он объявил:

— Нет сомнений в том, что сегодня вечером произошло преступление. Однако не подлежит сомнению и то, что эта женщина призналась в восхождении на священную для Империи землю, которая отошла Югу по условиям мирного договора последней войны. И сделала она это не один раз по незнанию, а дважды, вполне осознавая значение своего поступка. И за данное преступление, король Вран, я прошу вашего соизволения на сожжение виновной.

Ашарсон остолбенело уставился на лорда.

— Сожжение? На Эйре так не поступают...

Дорд Руи Финко повернул к нему совершенно спокойное лицо.

— Ее преступление направлено против священных устоев Истрии, а не Эйры. Мы хотим, чтобы вспыхнуло очищающее пламя, которое выжжет память об этой ужасной ночи. Думаю, что если вы обратитесь к правилам Большой Ярмарки, то обнаружите, что наше решение не противоречит закону.

Аран Арансон схватил ярла Шепси за руку:

— Яйцо, объясни мне, что происходит? Они говорят, что собираются сжечь мою дочь?!

— Они могут собраться сделать что угодно, — проворчал Яйцо, — но дело до костра не дойдет.

Лицо Южного Глаза налилось кровью. Он громко выкрикнул на эйранском:

— Имперские лорды говорят, что сожгут ее!

Вызывающий рев поднялся со стороны эйранцев. Истрийцы принялись сбиваться в небольшие группы.

— Истрийские ублюдки! — выкрикнул кто-то.

— Кровожадные варвары! — немедленно отозвался голос истрийца.

По всему Собранию полетели взаимные оскорбления.

Вран оглядел разъяренную толпу.

Красные от вина лица. Кинжалы, сверкающие в мерцании свечей. Озлобленная орда, готовая разделить на две половины и разорвать друг друга на части... Неужели именно так начнется его правление на первой Большой Ярмарке, на Собрании?

Внезапно желание того, чтобы все закончилось побыстрее и он смог уединиться в своем павильоне с невестой, поглотило короля. В конце концов, они хотят только одну девушку, а это лучше, чем война.

— Стоять, эйранцы! — гаркнул Вран Ашарсон.

Его подданные успокоились, но истрийцы — нет.

— Сожги ее! — орали они.

Аран Арансон взлетел на помост. Не заботясь о правилах этикета, он схватил короля за

руки:

— Господин, это безумие! Они говорят, что сожгут мою дочь за то, что она взошла на Скалу...

Король Вран Ашарсон уставился на человека, упавшего перед ним на колени. В глазах мужчины стояли слезы. Король почувствовал отвращение. Ни один нормальный эйранец ни за что не пустил бы слезу.

Внезапно Вран узнал этого человека, и к отвращению прибавилась неприязнь.

— Прочь руки!

— Спаси мою дочь, господин, умоляю тебя...

— Аран Арансон, глава клана Камнепада, однажды ты пришел ко мне с просьбой, — надменно произнес Вран.

— Да, господин.

— Я спрашивал у тебя совета, если не ошибаюсь.

Аран нахмурился:

— Я... я не припоминаю, господин.

Вран Ашарсон повернулся к истрийским лордам.

— Берите девчонку и сжигайте ее, — резко бросил он на Древнем языке.

На эйранском же тихо добавил:

— А я вернусь к своей жене-колдунье...

Глава 16 СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ

Драка вспыхнула моментально, и с такой силой, будто все только и дожидались удобного случая, скрывая жажду убийства под прозрачной маской вежливости.

Вначале в толпе появились отдельные очаги, где удары наносили кулаками и ногами, но вскоре несколько истрийцев принялись крушить столы, в дело пошли палки и дубины. За ними последовали ножи и топоры. Человек с застрявшим в глазу ножом, спотыкаясь, проковылял мимо группы истриек, те завизжали и кинулись к выходу.

Внезапно вся толпа с отчаянными воплями устремилась туда же. Женщины путались в объемных сабатках, падали на пол и тут же попадали под ноги напиранию сзади. Парусина стен павильона надулась и стала лопаться, веревки не выдержали натяжения материи и порвались. Мачты-столбы качались, угрожая обрушиться.

Через мгновение ткань шатра-павильона вспыхнула, подожженная упавшим подсвечником, и удушливый черный дым принялся прорываться наружу. Люди кашляли и задыхались, вслепую пробиваясь к выходу. Счастливицы сумели вырваться навстречу ночному воздуху, нырнув в дыру разорвавшейся парусины.

Группа эйранцев во главе с Халли Арансоном пробивалась туда, где все еще стояла на подмостках Катла, окруженная стражниками Большой Ярмарки с мечами наголо.

Заметив прорывающихся к ним эйранцев, капитан поставил четырех стражников сдерживать атаки, а сам мечом из отличной форентской стали прорубил в полотне шатра новый выход и быстро вывел свой маленький отряд вместе с пленницей наружу.

Завывая, словно демон, Тор Лесон запрыгнул на помост, раскидал в разные стороны напуганных истрийских лордов и вылетел наружу сквозь дыру, проделанную стражниками, бросившись в погоню. Жутким по силе ударом он уложил крайнего солдата. Тот упал, завывая, но звук тут же прервался с глухим всхлипом, и Тор снова появился в павильоне, размахивая истрийским мечом и бешено блестя глазами.

— За мной, ребята! — крикнул он.

Эйранцы грянули боевой клич.

Аран схватил Халли за руку.

— Я побежал за оружием! — прорычал он, стараясь перекрыть шум. — Оставайся с Тором и не спускай глаз с Фента.

Младшего сына Арана нигде не было видно с того самого момента, как началась драка, Фент канул в самой ее гуще, будто дворняжка, ввязавшаяся в схватку матерых псов.

Халли поднял кулак в знак согласия и исчез в дыре вслед за кузеном.

Обоих поглотила ночь.

Находившийся в эпицентре всеобщей свалки Фент Арансон отвернулся от человека, которого только что отправил в бессознательное состояние ножкой от стола, и увидел трех истриек в черных сабатках, которые поспешно скидывали с себя тесные одежды.

Через секунду дородные матроны превратились в крепких мужчин в полном боевом облачении. Заинтригованный действиями неизвестных, Фент пригнул голову и протолкался сквозь дерущуюся толпу поближе к ним.

Еще издалека он понял, что одним из переодетых бравых молодцов был Джоз Медвежья Рука, наемник, который давным-давно продавал свои услуги любому, кто мог прилично заплатить. Говорили, что еще во время последней войны он ощутил вкус к таким действиям, которые никак не сочетаются с тяжелой работой на северных островах, и с тех пор ушел в наемники...

Но с чего бы группе профессиональных солдат наряжаться женщинами и появляться на Собрании? Фент не мог этого понять, однако не стал задумываться над такими мелочами: наемники были эйранцами по рождению и имели при себе мечи — только это и имело значение в данный момент.

Странно, мельком подумал Фент, щурясь от дыма, меч Джоза выглядел на удивление знакомым... Юноша подбежал ближе, пока не рассмотрел клинок. Колеблущееся пламя свечей заиграло на Снежном Волке, пойманном в кольца Дракона Вена... один из мечей Катлы, причем один из лучших.

— Джоз! — закричал он. — Джоз Медвежья Рука!

Звероподобный мужчина повернулся и оглядел толпу, но всеобщий хаос не позволял ему разглядеть кричавшего.

Подгоняя своих приятелей, наемник кинулся к помосту. Секундой позже, перепрыгивая через тела раненых и убитых, Фент последовал за ними.

Сидя на крыше хлева, Саро Винго смотрел на густые черные клубы дыма, поднимавшиеся на другом конце Ярмарки.

В течение последнего часа он бесцельно бродил по округе — вначале в ярости, потом в смятении и сомнениях. Будет сложно вернуться назад после того, что он сделал и сказал. Под влиянием момента — в ненависти к брату за все, в ненависти к дяде за увиденный образ матери, в ненависти к отцу за непонятное благоволение к Танто — он действительно собирался уйти из семьи, подальше от их жадности и беспринципности, раз и навсегда. Но теперь Саро одолели сомнения.

Во-первых, куда он, собственно, пойдет? Юноша подумал о Катле Арансон: это лицо, сильные руки, прикосновение ее пальцев, заставившее его кожу покрыться мурашками. Но Эйра слишком чужда ему. Саро не говорил ни на одном из грубых северных языков, не владел никакими навыками, которые позволили бы ему выжить среди этих суровых и воинственных людей. Уехать с Потерянными, наблюдать за миром из окна фургона, покорять горные цепи и широкие реки, любоваться сосновыми лесами и горными плато? Да, это по-настоящему увлекательно. Но какой кочевник согласится приютить его? Сын истрийского вельможи, представитель народа, преследовавшего Бродяг веками, брат человека, хладнокровно прирезавшего дедушку Гайи... И ему разрешить присоединиться к каравану? Даже Гайя не хотела говорить с ним.

Саро все еще разрывался между различными вариантами выбора, когда увидел дым в восточной части Ярмарки.

Юноша пошел на дым вначале из любопытства, потом с легким налетом странного возбуждения. Решив, что быстрее доберется туда по берегу, чем петляя между палатками,

Саро побежал прямо вниз по холму, затем свернул к истрийскому кварталу и вышел к огромному павильону.

Освещенная лунным светом длинная северная лодка рассекала волны в тридцати ярдах от берега. Высокий мужчина работал веслом, неяркие блики превращали его волосы и бороду в чистое серебро. На носу лодки сидела женщина в темно-красном платье. Саро со страшным подозрением пристально уставился на них.

Катла Арансон носила именно такое платье, когда он видел ее в последний раз. А мужчина — тот самый, что приходил к ней в лавку, которому она так тепло улыбалась...

Саро почувствовал, как его сердце пропустило очередной удар, будто он только что чуть не свалился в глубокую бездонную яму. Мгновение, когда он увидел Катлу в первый раз на Скале в бледном утреннем свете, прочно связалось с этим мгновением прощания и потери, не оставляя надежд и сомнений.

Она уехала с тем самым высоким северянином, которого он встретил в ее лавке. «Даже тогда, — с горечью подумал Саро, — даже тогда я знал».

Позабыв о дыме, он повернулся, не желая видеть то, что причинило ему такую острую и неожиданную боль. Спотыкаясь и увязая в черном пепле, он потащился в истрийский квартал, готовясь встретить гнев своей семьи.

Мэм извлекла нож из складок широкого зеленого платья, разрежала накидку от воротника до талии и вышла из него, как богомол из скорлупы.

Под платьем оказалась ее более привычная одежда из кожи и нашитых стальных пластин, любимый меч, пристегнутый к левому бедру, и пара метательных ножей, притороченных к правому. Наемница улыбнулась. Хороший пожар всегда добавляет очаровательной неразберихи.

Мэм попыталась запалить огонь так, чтобы создать максимум дыма и минимум вреда, однако парусина после долгих часов на палящем солнце высохла как пергамент и занялась гораздо охотнее, чем можно было ожидать.

Однако на такие мелочи Мэм обычно не обращала внимания. Значительная часть народа пришла на Собрание в поисках собственной выгоды: толстые торговцы, заключающие грандиозные сделки, жирные вельможи, пытающиеся подороже сбыть с рук пухлых дочерей, — все стремились урвать кусочек общего пирога. Наемнице не нравились подобные люди. С одиннадцати лет она жила собственными мозгами, оставшись сиротой в результате войн и набегов. Ее дядя Грастан одно время привечал Мэм у себя в доме, но вскоре девушка поняла причину его гостеприимства, и не потребовалось особых усилий, чтобы решить, что жизнь без еды и тепла в сточной канаве или помойной яме лучше, чем под крышей сластолюбивого старого борова.

Словно волшебные змеи, Джоз, Кноббер и Док сбросили истринскую кожу, сосредоточив внимание на своей предводительнице. Мэм тотчас подала Дого сигнал. Наемник помчался вперед и взобрался на помост. Штормовой Путь и Южный Глаз были заняты спасением короля, они пытались протолкнуть Врана и его бледнокожую невесту в дыру, проделанную капитаном стражников. Яйцо Форстсон руководил спасением другой группы эйранцев и эйранок, включая заплывшего жиром корабеля и его светловолосую дочь.

Когда остальные наемники пробились к предводительнице, Мэм стала отдавать им короткие приказания на языке жестов, который они специально придумали для использования в сражении. Кноббер тут же скользнул влево и присоединился к Дого, который уже весело выпрыгивал на улицу в дыру, словно цирковой терьер в обруч.

Мэм невольно улыбнулась. Ее войско — лучшее, как верно подметил ублюдок-истриец. Она подождала, пока Джоз и Док догонят ее, потом вспрыгнула на помост и последовала вслед за королем Враном в темноту. Впереди хорошо просматривалось светлое пятно рубашки кочевницы — словно маяк в тумане. Очень кстати, подумала Мэм.

Через мгновение наемники настигли беглецов.

— Позвольте помочь вам, господин, — крикнула Мэм.

Король медленно повернулся:

— Кто здесь?

— Мы уведем вас и вашу женщину отсюда, — сказала Мэм, игнорируя вопрос.

Южный Глаз втиснулся между Мэм и королем.

— Наемники, господин, — ответил он. — Вы с леди идите дальше, а Бран и я проследим...

В неверном лунном свете Вран Ашарсон увидел, как его доверенный старый советник повалился на колени, а его глаза вылезли из орбит. Кровь начала толчками выплескиваться изо рта. Потом старик упал на землю.

Скрипнув сталью о кость, Мэм вытащила меч из ребер Южного Глаза. Учтиво поклонилась королю:

— Позвольте, господин...

Перешагнув через тело советника, она подошла к Врану справа и взяла его под руку. Док вытер меч о ногу.

— Прекрасная ночь, не правда ли, господин?

Джоз сгреб Розу Эльды и взвалил ее на плечо, как мешок с зерном.

— Теперь мы проводим вас в безопасное место, господин.

Мэм улыбнулась с открытой свирепостью. Двенадцать лет назад ей понадобилось несколько недель, чтобы передвинуть зубы на надлежащее место, но она никогда не жалела о своем решении. Внешность прелестного ребенка принесла ей только несчастья, а вот волчий оскал, наоборот, спас из нескольких неприятных ситуаций. Она часто подумывала о том, чтобы навестить дядю Грастана, но одно знание, что она может сделать это в любую минуту, поддерживало ее в добром расположении духа.

В полном замешательстве, все еще ничего не соображая после воздействия чар Розы Эльды, король Вран Ашарсон, Северный Жеребец, последовал за наемницей, будто ягненок.

Руи Финко удивленно поднял голову, когда в его палатку ввалилась Мэм, толкая перед собой северного короля.

Лорд вскочил с кушетки так быстро, что раб, снимавший с него обувь, покатился под ноги Мэм.

— Вон отсюда! — прошипел Финко, обращаясь к мальчишке. — И приведи лорда Варикса.

Мэм заметила со злорадством, что одежда утонченного вельможи пребывает в плачевном состоянии. Рукав дорогого галианского кружева порван и запятнан, черные полосы разукрасили бледно-голубую тунику.

— Ваш заказ прибыл, — ухмыльнулась она.

— Вам не следовало доставлять его сюда!

— Как еще мы могли получить оставшуюся часть денег в таком хаосе?

Король Вран Ашарсон огляделся, как внезапно проснувшийся лунатик.

— Зачем вы привели меня сюда? — потребовал он. — Где Южный Глаз?

— Боюсь, у лорда появились неотложные дела в другом месте, — весело отозвалась Мэм. — Так что мы привели вас вот к этому джентльмену.

Лорд Форента жестом предложил королю северян садиться. Как только Джоз появился в дверном проеме с Розой Эльды на плече, Руи Финко резко произнес:

— Оставайтесь снаружи с этой шлюхой. Мне нужно, чтобы король нормально соображал.

Мэм кивнула.

Джоз подмигнул:

— Она редкая штучка, Вран. Так что я тебя не виню.

И его семифутовая туша исчезла из павильона.

Только убедившись, что внимание короля безраздельно принадлежит ему, лорд Руи Финко дотянулся до небольшого ящичка в столе, вытащил оттуда что-то и положил

маленькую изящную шкатулку на стол между собой и Враном Ашарсоном.

— Откройте, — приказал он.

Нахмурившись, Вран взял шкатулку. Некоторое время он изучал ее, пока не нашел скрытый механизм.

Крышка немедленно открылась, и король уставился внутрь. Лорд Форента подтолкнул к нему свечу.

— Если вам не видно без света, — пояснил он услужливо.

Вран закрыл шкатулку. Лицо его побелело.

— Где вы это взяли?

Руи Финко улыбнулся:

— Скажем так — досталось по наследству.

Он твердо выдержал взгляд Врана.

С другого конца павильона Мэм наблюдала за беседой вельмож с возрастающим интересом.

В первый раз она заметила, что в профиль мужчины очень похожи, хотя лорд Форента и превосходил северного короля годами. К тому же одинаковые репутации. Руи Финко не женат, но говорят, наделал около сотни детей, так что в скором времени вскормит собственную армию. Наемница сузила глаза и увидела, что Вран Ашарсон, нахмурился брови, что-то прикидывает. Тревога явственно собиралась над ним, как грозовая туча.

— Кто еще знает?

Лорд Форента понизил голос.

— Как я рад, что мне не придется рассказывать вам всю эту печальную историю, — доверительным тоном сообщил он. — Тяжелое было время... Итак, кто же знает? Давайте посмотрим: ваш отец, естественно, да благословит Фалла его душу, потом мой отец. Хотя, будучи гордым человеком, он унес тайну с собой в могилу. Не раньше, однако, чем поджарил пару сотен кочевников-колдунов...

— Кто-нибудь еще?

— Небольшой и доверенный круг моих лордов.

— Ублюдок!

Руи Финко засмеялся:

— Крайне интересно слышать от вас такое!

Он помолчал, поулыбался, потом заговорил снова:

— Ну и, конечно, ваша мать. Уверен, если вы спросите ее об этом по возвращении, она обрадуется возможности излить душу. Такое бремя нести — сколько там получается? — двадцать три года? Тяжело, наверное, — бесплодная, как пустыня, и вынуждена принять чужого ребенка как своего собственного. Благоразумие — замечательная черта в женщинах, — добавил он, повысив голос и обращаясь к наемнице, — и за ваше я вскорости заплачу, мадам. Но вначале королю Врану надо подписать один документ.

Финко развернул пергамент, пристально просмотрел его и снова понизил голос.

— Думаю, контроль над вашим флотом и право на половину добычи, которую вы привезете из-за Воронова Пути, — честная плата за мое продолжительное молчание. Как вы считаете, господин король? Хотя мне очень хотелось бы увидеть, что началось бы на Эйре, если бы раскрылось ваше подлинное происхождение. — Он задумчиво почесал подбородок. — Я слышал, кровное родство высоко ценится в северном королевстве, и кровавые войны начинались из-за легчайших намеков на незаконное рождение короля. Как занимательно было бы понаблюдать за волнениями и кровопролитием, которые обязательно последовали бы, прозная благородные вельможи, что высокочтимая королева Ауда на самом деле вовсе не ваша мать!

Вран явственно побледнел. Потом кровь бросилась ему в лицо, собравшись в два нездоровых пятна на щеках.

— Отец рассказал мне все перед смертью, но кто еще вам поверит? — Он отбросил пергамент. — Вы же знаете, что я не подпишу.

В глазах короля снова появился блеск.

Улыбка лорда Форента стала только шире.

— Бели не подпишете, я просто попрошу эту прекрасную леди сейчас же проткнуть вас и выкинуть ваше тело в каком-нибудь компрометирующем месте...

Снаружи послышался шум, за ним последовал гневный женский вскрик. Через секунду в дверь ввалилась женщина с длинными спутанными волосами, да так быстро, что было понятно — кто-то придал ей дополнительное ускорение.

Пламя осветило круглое пухлое лицо и золотые волосы с легким оттенком зелени.

— А! Милая леди Йенна, — беспечно сказал Руи Финко, встал и поклонился. — Добро пожаловать, дорогая.

Лорд весело оглядел смущенного Врана.

— Йенна собирается предпринять продолжительное путешествие в Форент в качестве моей особенной гостии, — с улыбкой объявил он. — Я хочу быть уверенным в искренности намерений ее отца, хотя Фалла знает, он уже получил от меня более чем достаточно.

— Нет! — яростно вскрикнула Йенна.

— Заткни ее, — приказал Руи Финко Мэм.

Мэм усмехнулась, открыв страшноватые зубы:

— Выбирай, дорогуша: либо закроешь пасть сама, либо я заставлю тебя заткнуться.

Йенна икнула.

— Хорошая девочка, — одобрила Мэм.

Лорд Форента снова повернулся к Врану:

— А теперь, господин мой, документ.

Он взял со стола чернильницу и перо.

— А если нам не удастся покорить Дальний Запад?

Руи Финко пожал плечами:

— Придется нам договориться как-то иначе.

В шатре появился раб.

— Лорд Варикс, господин, — объявил он, и в палатку шагнул высокий, тонкий истриец.

Вошедший обвел глазами присутствующих и рассмеялся.

— Замечательно, Руи. Мы будем богаты, как Рахе! — Он слегка поклонился Ашарсону. — Король Вран, ваша честь... Рад видеть, что вы благоразумно согласились на наше предложение. Мне следует засвидетельствовать договор? — Он облокотился на стол, чтобы взглянуть на пергамент.

Вран Ашарсон с каменным лицом оглядел южного лорда сверху донизу. Потом улыбнулся. Кивнул лорду Вариксу. И оттолкнул документ.

Варикс нахмурился, потом растерянно посмотрел на Финко. И тут началось.

Стол будто бы сам по себе перевернулся, чернильница взлетела в воздух, а секундой позже к шее Руи Финко прижалось сверкающее острие меча. На рукоятке — рука Врана.

Лорд Варикс уставился на свои пустые ножны, как ненормальный.

— О Фалла! — воскликнул он.

Не сводя глаз с лорда Форента, Вран забрал шкатулку и опустил ее в складки своей туники.

— Сделай же что-нибудь, женщина! — завизжал Руи Финко наемнице, теряя весь свой лоск и пафос. — Я заплачу сверху!

Вран зубасто улыбнулся Мэм.

— Я дам вдвое больше того, что он предлагал, — интимно сообщил он.

Наемница засмеялась.

— Втрое! — выкрикнула она.

Глаза Врана заблестели.

— Один из лучших кораблей Финна Ларсона, — предложил он. — И деньги, чтобы нанять команду. Слово короля.

Мэм ухмыльнулась:

— Идет!

— Когда мы здесь закончим, отведи девочку к отцу, — приказал Вран. А Йенне ласково сказал: — Скажи старику, что я знаю о его предательском соглашении с врагами, но теперь мы заключим новое...

Йенна, взволнованная и буквально онемевшая в присутствии своего идола, только кивнула и вспыхнула.

Вран склонил голову к истрийским вельможам.

— Ну, джентльмены, — проговорил он, немного сильнее прижимая меч к горлу Руи Финко. Тонкая красная струйка потекла вдоль острия. — Отличная форентская сталь, — задумчиво произнес король. — Такой конец был бы нелепым. Но нет, меня не назовут братоубийцей...

Вран убрал клинок, легко перекинул его предводительнице наемников, потом перепрыгнул через перевернутый стол и направился к выходу, по пути удовлетворенно заметив, что пролившиеся чернила совершенно испортили богатый шелковый плащ лорда Варикса.

— Последи за ними минут десять, — сказал он Мэм, — пока я не доставлю свою невесту на корабль.

Мэм перебросила форентский меч в левую руку, а в правую взяла свой собственный, потом хищно оглядела истрийских вельмож.

— Хорошо, — сказала она. — Кто первый?

Оказавшись снаружи горящего павильона, Фент Арансон быстро и тихо бежал между палатками.

Последовав за наемниками к палатке южного лорда, он подслушал разговор, не предназначавшейся для ушей эйранца. Его разум корчился в муках.

Финн Ларсон — предатель! Он не только продавал свои лучшие корабли истрийской Империи, он торговал единственным преимуществом, которым располагал Север перед старым врагом, — владычеством над океанами и средствами для их исследования. Воронов Путь, яростно думал Фент, вот их цель! Жадные ублюдки!

Воронов Путь, этот восхитительный, тайный пролив в океане, дорога к мифическому Дальнему Западу. Воронов Путь, который волновал воображение любого настоящего эйранца, истинного моряка. Как мог Финн Ларсон так предать всех?

В руке Фента блеснул лучший клинок Катлы. До этого он использовал только рукоятку, но теперь собирался применить лезвие.

К тому времени как Вран покинул павильон лорда Форента, Док уже раскачивался, будто в полусне, сидя на земле и сжав руками голову. Джоз Медвежья Рука лежал ничком, из раны на виске сочилась кровь.

Роза Эльды исчезла.

Пламя быстро распространялось, угрожая поглотить все на своем пути.

— Надо убираться! — выдохнул бледнолицый мужчина.

Он настойчиво дергал лорда Тайхо за рукав.

Собрание превратилось из празднования в хаос, и каким образом это произошло, Ви랄ай не понимал. Неожиданная жестокость, неспровоцированное насилие... Голова его шла кругом. Ученик мага вспомнил взрыв эмоций, не оставивший следа от фургончика кочевника, вылившийся в смерть старого Хирона, но то была буря в стакане воды по сравнению с сегодняшним тайфуном. И этот дым!

Глаза Виралая слезились так сильно, что он едва видел выражение лица истрийского лорда, когда ждал ответа на свою мольбу.

— Если мы уйдем отсюда, — отчаянно воззвал он, — я смогу вернуть ее вам!

Услышав это, Тайхо Ишиан схватил ученика мага за руку и потащил сквозь толпу.

— Сможешь, — угрюмо бормотал он. — Видит Богиня, сможешь, или я собственноручно заколю тебя...

На помосте перед ними происходило слишком много всего. Таща за собой Виралаю, Тайхо направился к другому выходу:

— Сюда!

Он оглянулся, чтобы убедиться, что бледнокожий его расслышал, и увидел, как огонь охватил центральную мачту-столб и затанцевал по канатам, держащим всю конструкцию.

— Быстрее!

Тайхо оттолкнул залитую слезами девушку, зовущую отца, твердо стал на мужчину, упавшего под ноги и скрученного жестоким кашлем, и направился вперед.

Виралай остановился, дождался, пока упавший поднимется на ноги, потом против воли кинулся вперед, увлекаемый настойчивой рукой Тайхо. Спотыкаясь о безжизненные тела, открыв рот в беззвучном крике, он понял, что у него не осталось иного выбора, как следовать за южанином.

По мере того как они приближались к выходу, куча тел и те люди, кто пытался пробиться наружу, создавали все большее препятствие. Жестокий до мозга костей, лорд Кантары вытащил церемониальный нож из-за пояса и вонзил его в почки женщины впереди, безуспешно пытавшейся выкарабкаться наружу.

— Пошла... прочь... с... моего... пути!

Каждая пауза заполнялась ударом ножа. Хотя он явно служил только для украшения, лезвие маленькое и далеко не такое острое, как бритва, в руках отчаявшегося Тайхо Ишиана превратилось в страшное боевое оружие. Женщина без единого стога сползла под ноги. Какой-то мужчина, пытавшийся протестовать, получил ножом в горло.

Горячая струя крови ударила Виралаю в лицо. Он попытался закричать, но легкие настолько заполнились дымом, что ничего не вышло.

— Лезь, ублюдок! — визжал ему в ухо обезумевший Тайхо. — Поднимайся сюда!

Он наступил на мертвую женщину, схватил Виралаю за руку, потом подставил под него плечо и почти выкинул ученика мага наверх.

Виралай обнаружил, что летит — сначала вверх, потом, уже быстрее, вниз. Прохладный ветер коснулся кожи, за ним последовал тяжелый удар по спине, и внезапно он оказался снаружи, на ночном воздухе.

Звуки и запахи ужасного места, где он только что был, казалось, принадлежали иному миру. Осознав, что все еще жив и почти не пострадал, Виралай открыл глаза и посмотрел вверх, на далекие звезды, мерцающие над миром. Голоса, до безумия громкие, внезапно утихли, будто изгнанные замедлившимся сердцебиением.

Ученик мага какое-то время лежал, открывая и закрывая рот, словно пойманная рыба, потом в ребрах внезапно появилась боль.

— Поднимайся, ублюдок!

Тайхо отвел назад ногу, и Виралай смотрел, как она приближается к нему в замедленном темпе, не понимая причины ее появления, пока эта нога снова не ударила его. Тут он вскрикнул и вскочил.

К тому времени как альбинос поднялся, Тайхо Ишиан уже размахивал перед его носом маленьким ножиком. На острие сверкала кровь.

— Я спас тебе жизнь, ты, подонок несчастный, и даже не знаю зачем! Я помню, как ты пытался надуть меня, заставляя купить то, что явно не в твоих силах продать. Да я и сейчас еще не уверен в твоей способности вернуть женщину обратно!

Лорд шагнул к Виралаю, нож кровожадно подрагивал в его руках.

— Господин...

Теперь Виралай ощутил настоящий страх. Он начал жалеть, что вообще покинул Святилище. Как бы плох ни был Мастер, он никогда не обращался с ним так жестоко.

Виралай попытался привести мысли в порядок.

— Я владею магией! — напомнил он своему мучителю. — Я учился у великого мага, который посвятил меня во многие таинства!

Честно говоря, тут он сильно преувеличил, но пока у него есть кошка, это была почти что правда.

— Я могу найти Розу Эльды и вернуть ее обратно с помощью своих заклинаний!

Тайхо усмехнулся:

— Как ты только что сделал?

— Господин, все произошло так быстро, было столько шума, что я не мог сконцентрироваться. Просто доставьте меня обратно в фургончик, туда, где тихо...

— А как же моя дочь?

Виралай нахмурился. Дочь? Какое ему дело до чьей-то дочери?

— Ты можешь вернуть ее?

Ее забрали другие, как сквозь туман вспомнил Виралай.

— Я... я могу попробовать, мой лорд.

— Если ты вернешь мне их обеих, господин маг, — проговорил истриец с ожесточенным сарказмом, — тогда я сохраню тебе жизнь.

Виралай задохнулся. Попытался сконцентрироваться на проблеме. Котел, чистая вода... он сможет по крайней мере узнать местонахождение девчонки. Что до Розы Эльды...

— Вы должны позволить мне взять... некоторые вещи из фургончика, — сказал он. — Тогда я сделаю все, что смогу.

Вооруженные группы прочесывали Ярмарку, как стаи охотничьих собак. Тайхо Ишиан и Виралай миновали место, где несколько эйранцев яростно дрались с какими-то юнцами из истрийцев. В темноте сложно было определить, кто выигрывает.

Еще дальше на территории северян царил сплошной хаос. Всюду бегали и кричали люди. Везде дым и пламя...

— Ее здесь нет, — крикнул кто-то по-истрийски.

— И тут тоже, — пришел ответ. — Поджигай те, которые проверил!

Высокий парень в оранжевом вынырнул из-за угла с факелом в руке, вскоре к нему присоединился второй. Тайхо показалось, что он узнал их. Потом какие-то эйранки выбежали с охалкой кухонной утвари. Одна из женщин, орудуя железным половником, как палицей, ударила истрийца в челюсть; другая принялась крутить над головой огромной ложкой. Первый из поджигателей упал с раскроенной головой, другой выкинул факел и пустился наутек.

Виралай и Тайхо отпрыгнули в сторону, потому что мимо пронеслись несколько обезумевших лошадей. Оставив позади эйранскую территорию, лорд и ученик мага вступили в квартал кочевников. Здесь было по крайней мере и тише, и темнее.

Виралай огляделся. Более половины фургончиков исчезло, и в отдалении он еще мог разглядеть хвост вереницы телег и животных, змеившейся по направлению к горам Скарна. На земле остались забытые в спешке вещи: разбитые горшки, ткань, затоптанная копытами йеки... Декорации из балаганчика, где давали кукольное представление, в том числе раскрашенная доска, изображающая знаменитые Золотые горы, валялись разбитые рядом с перевернутой лавкой.

Виралай поглядел на декорации, склонив голову набок, и легкая улыбка коснулась его губ.

— Не задерживайся, дурак, — прорычал Тайхо, подталкивая ученика мага в спину.

Фургончик, который Виралай последние месяцы разделял с Розой Эльды и питомицей Мастера, стоял в одиночестве, тогда как раньше еле умещался между своими собратьями. Принадлежащие ему йеки тоже исчезли. Что-то тихо умерло внутри. Не то чтобы он составил уже план бегства от свирепого лорда, но без животных даже возможность побега стала невероятной.

Хорошо хоть никто не тронул фургончик — дверь была закрыта на ключ.

— Я попрошу вас остаться здесь, господин, — сказал Виралай, обращаясь к Тайхо. — Я пока уложу необходимые вещи.

Лорд Кантары нетерпеливо кивнул. Виралай проскользнул внутрь, быстро закрыв за собой дверь. Там было темно, и он почувствовал взгляд кошки за несколько секунд до того, как увидел ее. Движение на лавке выдало местонахождение животного. Ученик мага увидел, как дрожит кошка, потом заметил смутный зеленый свет ее глаз.

— Ну, Бете, — мягко проговорил он, с уже поднимающимся отчаянием, — милая Бете, иди к Виралаю, он не причинит тебе вреда...

Альбинос поднял веленевый короб, который соорудил для животного несколько месяцев назад, когда они только достигли земли, и осторожно поставил его на лавку. Потом открыл короб.

— Бете, моя маленькая голубка, моя радость, сладкая моя...

Кошка замурлыкала, и Виралай с удивлением понял, что говорил голосом Мастера.

Бете встала, потянула сначала задние лапы, потом передние, затем, со свойственной всем кошкам жеманностью, прогулялась до короба и уселась внутри. Взглянула выжидающе на Виралая и принялась умывать мордочку.

Ученик мага уставился на нее, будто не веря в собственное счастье, потом вспомнил, зачем он тут, быстро подскочил к коробу и закрыл его. Обошел фургончик, затем собрал самые необходимые вещи — растения, включая бром, хотя и не был уверен, что когда-либо еще увидит Розу Эльды, несколько заклинаний, спасенных им от Мастера, острый нож, который, как ему казалось, обязательно понадобится. Золото и навигационные карты Виралай проигнорировал как бесполезный мусор. Прихватил свой котел и одежду. Помедлил.

На спинке единственного в фургончике стула висел кусок шелка. Виралай провел им по лицу, закрыв глаза, и глубоко вдохнул. Он чувствовал ее запах. Он чувствовал ее запах!

В дверь поскреблись.

— Давай скорее, гнусный ублюдок...

С коробом с кошкой внутри в одной руке и узлом с вещами в другой, Виралай протиснулся через узкую дверь и появился в ночи.

— Господин, — объявил он Тайхо с вернувшейся уверенностью в себе. — Я готов.

Еле передвигая ноги, Саро взобрался вверх по склону к Скале и уже собирался повернуть на запад к резиденции Винго, когда боковым зрением уловил нечто, быстро двигавшееся вдоль берега.

Он повернулся и посмотрел в сторону павильона Собрания. Прочь от дыма и пламени, наверняка вспыхнувшего из-за вышедшего из-под контроля фейерверка, двигалось темное многоногое существо. Саро слышал крики — но злобные или радостные, на таком расстоянии разобрать не мог.

Юноша наблюдал, как темное пятно быстро продвигалось на восток, пока не смог выделить из массы отдельных людей группу великанов, окружавших маленькую фигурку: за ними следовал огромный хвост из обычных смертных.

Саро прищурился. Когда процессия приблизилась, великаны превратились в стражников Большой Ярмарки в странных шлемах, а между ними оказался тонкий темноволосый парень, связанный веревками.

Саро отвернулся. Судя по всему, на Собрании вино лилось рекой, и кто-то после обильных возлияний потерял над собой контроль. Жаль, не Танто, ожесточенно подумал он, и продолжил восхождение на холм.

В палатке семьи Винго, к его удивлению, горели все огни, кругом бегали рабы, будто в панике.

Саро выпрямил спину, сжал зубы и вошел в палатку.

Внутри на напольных подушках сидел дядя Фабел, спрятав лицо в ладонях. Потом он поднял голову, и лицо его прояснилось.

— Саро... слава небесам...

— Вот уж не думал, что меня примут с распростертыми объятиями, — начал Саро, но дядя вскочил и кинулся в соседнюю комнату.

— Фавио! Фавио... Саро вернулся — живой и здоровый!

Последовал короткий обмен фразами, и Фавио Винго буквально выскочил в главную комнату. Лицо сморщенное, глаза усталые.

Он быстро пересек комнату и заключил младшего сына в объятия. На щеках Фавио блестел и мокрые дорожки. Саро в тревоге оттолкнул его.

— Да что случилось?

— Твой брат... — Фавио едва мог говорить, настолько его переполняли эмоции. — Кажется, он умирает...

— Умирает?! Танто? — в изумлении переспросил Саро.

В последний раз, когда он видел брата, единственно возможной смертью была его собственная.

— Умирает — от чего?

Но теперь отец уже всхлипывал в открытую.

Секундой позже какой-то толстый человек в темно-красной одежде, нервно потирая руки, вышел из боковой комнаты, откуда только что появился отец.

— Я сделал все возможное, господин. Кровь почти остановилась, и... э... рана залечена, на некоторое время. Если он проснется, придется вам его перевязать, если после прижигания корка не удержит кровь. Но боюсь, даже если ваш сын выживет, он никогда не будет иметь детей...

Плечи Фавио опустились. Саро непонимающе уставился на лекаря. Не будет иметь детей? Прижигание? Нет, это, наверное, просто чужой безумный кошмар.

Фабел тем временем проводил толстяка к выходу, втиснув в его руку мешочек с серебром.

— Я обязательно вернусь утром, — радостно объявил лекарь, прижимая мешочек к груди. — Столько работы из-за этой суматохи... Да благослови вас Богиня.

С этими словами он ушел, своей поспешностью делая очевидным желание поскорее убраться из палатки, пока пациенту не стало совсем плохо.

— Что случилось? — снова спросил Саро.

— Мой храбрый мальчик, — начал Фавио, — мой храбрый, храбрый мальчик...

— Кажется, на Селен Ишиан напала банда эйранских насильников, — быстро сказал Фавио. — Танто услышал шум и поспешил предотвратить злодеяние. К тому времени они уже убили ее рабыню и напали на саму госпожу. Танто отбивался от них, как мог, но получил ужасное ранение. — Он понизил голос. — Ее сорочку нашли разорванной надвое, а леди Ишиан исчезла.

Что-то в этом рассказе резало слух, но Саро никак не мог понять, что заставляло его оставаться спокойным в таких ужасных обстоятельствах.

— Их поймали, в смысле, бандитов? — спросил он.

— Ах, — сказал Фабел, — поймали только девчонку, которая была с ними.

— Девчонку?

Мысль о банде насильников, сопровождаемой женщиной, только обострила беспокойство Саро.

— Оборванную девку с северных островов. Она еще и на Скалу залезла, шлюха этакая.

Сердце Саро превратилось в лед.

— И она все еще у них? — спросил он, думая о женщине в лодке.

— Ее собираются сжечь прямо сейчас, — с гримасой отвращения произнес Фабел. — Я так думаю, надо показаться там — Винго все-таки, сам понимаешь. Но я терпеть не могу подобных зрелищ. Сжечь человека! Скверный способ казни — не важно, в пламени Фаллы сожгут ее или в простом костре...

Тогда Саро вспомнил похожую на пугало фигуру между стражниками. Они тащили

Катлу Арансон, понял он. А женщина в лодке? Нет, на размышления времени не остается.

С мрачным выражением лица Саро прошел в свою комнату и вернулся через минуту уже с мечом в руке. Потом, не сказав ни слова изумленному дяде и всхлипывающему отцу, юноша выскочил за дверь и побежал так, будто чувствовал смрадное дыхание огромной кошки Фаллы на своем затылке.

— Мама, мама!

Алисия Небесный Жаворонок стучала в дверь фургончика старой продавщицы зелий. К ее испугу, ответа не последовало.

— Мама, надо уходить прямо сейчас, пока до нас не докатились беспорядки. Надо торопиться!

Тишина.

Алисия прильнула к щели у дверных петель и с облегчением увидела неясный свет внутри фургончика.

— Мама! — крикнула она. — Я знаю, что ты дома!

Секундой позже дверь чуть-чуть отворилась, и луна осветила темные глаза. Потом когтистая рука схватила Алисию за шиворот и затащила внутрь.

Дверь с грохотом закрылась.

— Ш-ш, — предупредила Фезак Певчая Звезда, прижимая палец к губам дочери. — Ты нарушишь работу кристалла.

В полумраке фургончика огромный камень сверкал и искрился. Алисия никогда не видела, чтобы он блестел, разве только при непосредственном контакте с человеческой рукой, но сейчас никто не касался его.

— Магия вернулась, — прошептала старая женщина, обнимая сама себя за плечи, будто пытаясь сохранить этот чудесный секрет. — Она действительно, действительно вернулась...

— Мама, когда мы смотрели вчера в кристалл, то видели только смерть и ненависть, и всепожирающее пламя...

— Что-то изменилось. Сама картина меняется!

— Дай посмотреть.

Алисия уселась на пол и с глубоким вздохом положила руки на камень.

Ключья разноцветных огоньков забегали по ее лицу, разлились по фургончику, выхватывая из темноты то полированное железное зеркало, то голубой кувшин, висящие связки перьев и ракушек, набор маленьких горшочков...

Длинные тени танцевали на полу, забирались на залатанную робу женщины, на блестящую голую макушку, кольца и тюрбан. Внутри кристалла носились крошечные фигурки, размахивая факелами и мечами, открыв рты в безмолвных криках. Драки продолжались между палатками: эйранцы против истрийцев, истрийцы против эйранцев, двое на двое, трое на трое и так далее — везде, где позволяло свободное пространство. Алисия увидела светловолосого мужчину, сражающегося с парой стражников в синих плащах, чернобородого человека за его плечом, размахивающего маленьким, но опасным на вид топором.

Потом девушка заметила худенького мальчишку в запачканной кожаной тунике, привязанного к наспех сооруженному столбу. Истрийские рабы бегали туда-сюда с охапками хвороста. Дальше по берегу несколько человек рубили лодку северян. Другая лодка уже лежала разбитая, ее ребра, белые в свете луны, были похожи на скелет диковинного морского существа. Алисия увидела молодого темноволосого мужчину, который с отчаянием в глазах бежал что есть силы, размахивая мечом, в гущу драки, и другого, держащегося поодаль от всех, который вглядывался в толпу, в горящие палатки, будто искал что-то.

Потом перед девушкой мелькала лишь темнота, в самых разнообразных мрачных проявлениях, но вскоре она нашла Виралая, рядом с которым находился человек с жестоким взглядом и покрытым кровью ножом в руке.

Виралай вглядывался в котел с чистой водой, который крепко держал одной рукой, а во второй извивалась пойманная за горло черная кошка.

Алисия уставилась на эту картину в полном изумлении. Подобная магия была запрещена столетиями, но вот он, Виралай, мужчина, с которым она возлежала всего несколько часов назад, который нежно обнимал ее и доводил до оргазма пальцами, ни разу не пожаловавшись на отсутствие собственного удовлетворения, творит древнюю, отринутую ныне волшеббу...

Их глаза встретились.

Охнув, Алисия убрала руки с кристалла. Видение тотчас померкло.

— Видела? — спросила Фезак. — Видела то, что изменило картину?

Алисия покачала головой, выбрасывая из головы все лишнее. Через мгновение она собралась с мыслями и ответила матери:

— Я видела то же, что и вчера, — ни больше ни меньше.

Старуха гневно скрипнула зубами.

— Я выучила тебя не так хорошо, как предполагала, — посетовала она, отталкивая дочь в сторону. — Давай покажу...

Она присела и обхватила камень. Те же сцены насилия и жестокости проступили в гранях кристалла, потом, казалось, только усилием воли Фезак нашла то, что искала.

— Вот! — прошипела она. — Смотри сюда!

Алисия подалась вперед и положила ладони поверх рук матери.

В центре картинки происходило что-то странное. Девушка прищурилась, качнула головой, полагая, что ее просто подводит зрение. Но нет: что-то двигалось сквозь толпу, что-то без формы и без ауры... нечто не отбрасывающее тени. Однако люди убирались с дороги, будто инстинктивно. Кристалл отображал движение в виде танцующих частичек энергии, колеблющихся волн света, которые разбивались в мелкие искры.

— Что это, мама? — спросила она в ужасе.

— Я не знаю, — медленно проговорила старуха. — Но если оно может укрыться от ока кристалла, значит, обладает большей силой, чем позволено простому смертному.

— Ай!

Продавец карт отшатнулся от котла, как будто тот его укусил, и кошка жалобно мяукнула, когда рука на ее шее сжалась еще крепче.

— Что? — потребовал Тайхо Ишиан. — Что ты увидел?!

Виралай потер глаза. Они были красные и слезились.

— Ваша дочь жива, она в лодке, с северянином...

Тайхо выругался.

— А Роза Эльды?

Виралай наклонил голову:

— Мне показалось, что я увидел ее — в толпе возле костра, но я... я не уверен.

Как Виралай мог рассказать этому убийце, что там, где он почувствовал ее, она оттолкнула его, закуталась в туман и намеренно исчезла для посторонних глаз? Что, снова начав поиски, он встретил глаза другой, тоже ищущей?

Тайхо дернул ученика мага за шиворот. Котел опрокинулся на кошку, та взвыла, попыталась вырваться из рук Виралая, но тот быстро засунул ее обратно в коробку. Придя в ярость от такого недостойного обращения, Бете зашипела и выпустила острые, как бритва, когти, полоснув его прямо по костяшкам пальцев.

— О! — взвыл Виралай. — Кошка!

— Фалла заberi, проклятую бестию, — рявкнул Тайхо. — Отведи меня к Розе Эльды!

У палатки Финна Ларсона Фент нашел двух наемников, которые сидели с обнаженными мечами на коленях — огромный малый с пухлым лицом и коротышка, круглый, как яблоко.

Наемники выглядели усталыми. Только завидев эйранца, они вскочили на ноги,

проявив большую живость.

— Корабел внутри? — осторожно спросил Фент. По коже поползли мурашки. Два наемника переглянулись.

— Кто спрашивает?

— Скажите ему, что здесь Фент Арансон, брат его будущей невесты.

Коротышка фыркнул и махнул рукой. Гигант толкнул его в спину.

— Не надо, Дого. Следи за своим языком.

Секундой позже появился Финн Ларсон. Под его глазами лежали круги, он выглядел как человек, полностью потерявший контроль над ситуацией.

Увидев Фента, Ларсон улыбнулся с облегчением:

— Что, драка уже закончилась, парень?

— Нет, — произнес Фент сквозь стиснутые зубы.

Вид улыбающегося предателя стал последней каплей.

— Как ты мог сделать это? — выкрикнул юноша.

В его глазах показались слезы. Он яростно смахнул их.

Финн явно встревожился.

— Что именно сделать, парень? Твой отец предложил мне ее честно и законно...

— Ты знаешь, о чем я! Как ты мог дать истрийцам ключ к Воронову Пути?!

Внезапная паника заволокла глаза корабела.

— Не дал, я... — пролепетал он.

— Нет, — согласился Фент, и глаза его стали ледяными. — Ты продал его.

Финн Ларсон изумленно раскрыл рот, когда Дракон Вена сверкнул серебряной молнией. Фент вытащил меч из тела Ларсона и отскочил назад, готовый отражать атаки наемников. Корабел уставился на свое распоротое брюхо.

— Кажется, последние несколько лет я слишком много ел... — пораженно проговорил Финн.

Потом колени у него подломились, и Ларсон повалился на землю лицом вниз.

— Мэм это не понравится, а, Кноббер? — сказал коротышка, переворачивая тело. — Она говорила, что надо следить за его безопасностью.

— А я что, не следил?

Послышался вой, мимо Фента пролетела какая-то женщина и бросилась на колени перед трупом.

— Отец! — голосила Йенна Ларсен.

Фент начал чувствовать себя неудобно, и не только из-за упиравшегося в почки меча. Он выпустил Дракона Вена, и тот упал на землю.

Давление прекратилось. Женщина, которая высвобождалась из зеленого платья на Собрании, заглянула ему в лицо.

— Зачем, будь ты проклят, было убивать его?

— Он предал Эйру, — сурово произнес Фент.

Мэм закатила глаза.

— О, эти мальчишки, — с досадой сказала она. — Теперь ты лишил короля лучшего корабеля, а меня — корабля.

Что-то здесь было не так: Фент не мог сообразить, на чьей стороне эти люди.

— Но он делал корабли для Истрии... — начал юноша.

— Мы все продаем свои услуги за цену, которая нас устраивает — или за деньги, или за какие-то нелепые понятия о преданности королю или стране. — Мэм вздохнула. — Что касается меня, я предпочитаю деньги, а этот корабль принес бы мне их столько, сколько тебе и не снилось.

— Мой отец отдал Финну Ларсону все деньги, что у нас были, — сказал Фент. — Но если вы сможете мне спасти сестру от костра, можете забрать их себе.

Мэм рассмеялась:

— Раз старик все равно мертв, можно взяться и за это.

Джоз Медвежья Рука, с шишкой величиной с гусиное яйцо на виске, появился за спиной предводительницы. Он отметил, что на земле у ног парня валяется Дракон Вена, наклонился, подобрал его, взвесил в руке.

— Жалко было бы терять такой клинок, — задумчиво проговорил он. — Отличная работа.

Наемник вложил меч в пустые ножны и поднял глаза:

— Нехорошо, если девочку сожгут, Мэм. Очень нехорошо, и к тому же беспричинно.

— Сентиментальный старый дурак. — Мэм дотянулась и потрепала его за ухо. Потом положила руку на плечо Йенне. — Принеси сундук своего отца и отдай его Дого. Дого, позаботься, чтобы она с деньгами без приключений добралась до лодки, ладно?

Коротышка подмигнул рыдающей Йенне:

— Ладно, босс.

— Отдай парню свой меч.

— Но...

— Отдай ему свой меч. Я знаю, что лучше всего в ближнем бою ты орудуешь этим своим маленьким ножичком.

Дого неохотно выронил клинок в руки Фента. Фент вопросительно взглянул на предводительницу наемников, но она только ответила ему таким же взглядом.

— Ты этим вечером довольно причинил мне неприятностей, — сказала она. — Смотри, больше не путайся у меня под ногами. Теперь пошли освобождать твою сестру.

Катла брела, спотыкаясь, в окружении стражников.

Она и не подозревала, как трудно идти со связанными руками, когда тебя к тому же постоянно толкают в спину копьём. Ни один из стражников с ней не разговаривал. Теперь они вернулись к родному истрийскому языку.

В какой-то момент Катла поймала себя на том, что вспоминает слова отца, произнесенные после посещения их палатки двумя стражниками.

Как странно, что в этом году стража Большой Ярмарки состояла полностью из истрийцев... Девушка обнаружила, что после официального объявления о ее казни через сожжение мысли начали разбредаться в разные стороны. Неужели так происходит со всеми людьми, кому грозит неминуемая гибель? Может, так проявляется высшая степень паники, забивающая голову всякой чушью до тех пор, пока смерть не утаскивает человека к себе? Кстати говоря, она никогда серьезно не размышляла о собственной кончине. Катла чудом избегала смерти несколько раз, взбираясь на утесы близ Камнепада: одно название должно было навести на мысль об опасности, если бы она только задумалась над этим.

Однажды опора, в которую девушка вцепилась, без предупреждения осыпалась комками земли и щебня, пролетев в волоске от ее уха, в кровь расцарапав лоб. Тогда она уже не могла думать ни о чем более, как держаться изо всей силы второй рукой, прижимаясь к трещине, пока ноги болтались в сотне футов над морем и острыми рифами. С огромным трудом девушка сумела вскарабкаться на вершину, как напуганный заяц. Все ее мысли утонули в белой вспышке адреналина...

Или вот ещё был случай. Катла с Халли рыбачили во время шторма в миле или даже дальше от берега, когда лодка внезапно перевернулась, и они моментально оказались в ледяной воде. Катла вспомнила сомкнувшиеся над головой серые волны, горящее ощущение соли в горле, носу, глазах... им тогда здорово повезло, что неподалеку оказались старый Фости Козлиная Борода с сыном.

Старый Фости...

Глаза Катлы снова заволкло туманом. Если бы она не настояла, чтобы отец взял ее на Большую Ярмарку, отдал ей место на «Птичьем Даре», она бы не оказалась сейчас в такой беде. Только собственная тупость привела Катлу на костер. И кажется, теперь уже ничего нельзя поделать...

Впереди, не очень далеко, девушка разглядела каких-то людей, копошащихся возле

темного сооружения — бесформенной массы с чем-то вроде мачты.

Катла удивленно разглядывала мачту несколько секунд: в голове ее вертелись одни корабли. Но ведь таких крошечных кораблей просто не существует. Потом она внезапно поняла, что это такое: костер, на котором ее должны сжечь...

Мачта оказалась столбом, воткнутым в землю, а бесформенная масса — кучей дров, сваленных у его основания. Сердце девушки похолодело.

Катла слышала жуткие рассказы о южных обычаях — как истрийцы посылали на костер тысячи Потерянных. Обвинив в колдовстве и ереси, людей сжигали живыми, чтобы души вознеслись прямо к Богине... Но никогда девушка не ожидала увидеть подобную жестокость, не говоря уже о том, чтобы стать ее жертвой...

— Катла!

Знакомый голос прервал невеселые мысли. Она обернулась. Замыкающий стражник в их группе явно столкнулся с определенными проблемами.

— Не останавливаться, заключенный! — грубо закричал человек позади девушки, ощутимо пихая ее в спину.

«Будь ты проклят», — подумала Катла. Она сделала вид, что повиновалась, потом внезапно метнулась в сторону, толкая одного из стражников, охранявших ее справа, на его приятеля.

Оба стражника споткнулись: один подвернул ногу и с бранью повалился на землю. Тут Катла увидела знакомую белобрысую голову.

Меч поймал лунный свет и исчез из виду, кто-то охнул. Потом Тор Лесон появился на вершине дюны. Кровь покрывала его одежду, капала с рук, забрызгала волосы и бороду, но он ухмылялся.

Второй стражник осторожно направился к Тору, но он громко рассмеялся и, поднырнув под форентский клинок, жестко рубанул снизу вверх своим широким мечом. Мощный удар снял половину головы стражника, кровь хлынула фонтаном.

— Тор!

Воин из клана Камнепада подарил ей одну из своих самых свирепых ухмылок, потом отпрыгнул назад, чтобы встретить следующего врага. Стражник проревел нечто неразборчивое на истрийском.

— Твою мать, наверное, имел какой-то козел! — вежливо улыбаясь, сообщил Тор на Древнем языке.

Стражник нахмурился, пытаясь понять слова, потом его лицо потемнело от гнева, и он бросился на могучего северянина. Тор небрежно отбил направленный на него меч и атаковал сам, вычертив в воздухе свистящую смертоносную дугу.

Раздалось противное чавканье, и нога стражника отвалилась у колена. Противник северянина взглянул вниз, сдвинул брови и рухнул на землю.

— Хороший меч, Катла! — гаркнул Тор. — Я же говорил, что он с легкостью оттяпает ногу!

Девушка встретила с ним глазами всего на мгновение, достаточно для того, чтобы увидеть нечто большее, чем только жажда крови и упоение битвой, прежде чем стражники поставили ее на ноги и другие истрийцы заняли место раненых.

Трое окружили Тора, потом рядом с ним появился Халли, блестя зубами посреди густой черной бороды. Он вращал топором над головой.

Катла узнала топор — его привезли сюда, чтобы рубить дрова но, судя по виду, и ему досталось достаточно крови этой ночью. Эйранцы обменялись чем-то похожим на шутку, потому что Катла видела, как рот Халли открылся вроде бы в приступе смеха. Потом она поняла свою ошибку. Тор внезапно подался вперед, изо рта у него хлынула кровь, а из груди высунулся кончик истрийского копья, проткнувшего эйранца насквозь.

Катла увидела, как какая-то женщина в доспехах прикончила копейщика, а огромный наемник кинулся к ее брату, но, как она ни вырывалась из рук стражников, пытаясь разглядеть Халли, те так подгоняли девушку, что теперь она почти бежала, и потому ей не

удалось больше ничего рассмотреть.

Вот тогда Катла узнала, что такое истинное отчаяние.

Саро Винго подоспел к месту казни в тот момент, когда капитан стражников крепко привязывал Катлу Арансон к столбу.

В конце концов, смутно подумал юноша, они хотя бы позволили ей не снимать с головы разноцветную шаль и сохранить хоть какое-то достоинство, но это казалось скорее не жестом сострадания, а насмешкой, так как истриец затягивал узлы с садистским торжеством.

Катла с ненавистью смотрела на него, но не кричала. Сердце Саро стучало так, что было готово взорваться. Он обвел глазами сцену. У возвышения, на котором находился костер, продолжалась нешуточная битва — за исключением небольшого спокойного места на востоке, где мерцал бледный серебряный свет.

Саро уставился на свет, и, как только сделал это, камень в мешочке, висящем на шее, начал биться в его грудь, как второе сердце.

Юноша в удивлении коснулся его рукой и, отвлекшись от всего шума и ужаса, почувствовал биение камня под своими пальцами.

Когда же он вытащил камень из мешочка, тот оказался огненно-красным, а в самой сердцевине чистое золото подмигивало ему, как крошечный маяк. Саро сомкнул пальцы на камне настроения и изумился: тот светился так сильно, что сквозь плоть были видны кости его кисти.

Энергия камня просочилась в руку, наполнила грудь, голову, юноше показалось, что даже из глаз полился свет, но когда Саро двинулся вперед, никто не обратил на него внимания. Ни на секунду не выпуская из виду Катлу, он двинулся к светящемуся месту и с удивлением разглядел там высокую, бледную женщину, стоящую посреди поля боя. Сражение шло полным ходом, хотя вокруг нее постоянно сохранялось нетронутое пространство в три фута в диаметре.

Взгляд женщины был прикован вовсе не к девушке, привязанной к столбу, а к факелу, которым теперь капитан стражников поджигал хворост. Красноватое пламя разгорелось и ярко запылало.

Саро увидел, как расширились глаза Катлы Арансон, потом девушка крепко зажмурилась. С мечом в одной руке и камнем настроения в другой Саро твердо двинулся к костру. Истриец, которого он не узнал, бросился к нему, преследуемый чернобородым северянином с небольшим топориком.

Отчаянный ужас внезапно овладел юношей, когда он почувствовал, что против воли собирается последовать за истрийцем. Но через секунду все прошло, и Саро оказался в спокойном сиянии рядом с бледной женщиной. Когда она повернулась к юноше лицом, он решил, что сердце его сейчас остановится. Что-то в этих зеленых глазах зачаровало его, потом протянулось сквозь всю сущность юноши, как пылающая нить.

Женщина улыбнулась. Саро обнаружил, что сделал шаг навстречу ей. Как только он придвинулся на достаточное расстояние, женщина схватила его за левую руку. Тотчас камень настроения наполнился таким жаром, что обжег ладонь Саро, юноша вскрикнул, но она только сжала его руку крепче.

Энергия, которую до этого он чувствовал в камне, теперь увеличилась в тысячу раз. Прожигая себе дорогу вверх по его руке, она полилась по артериям, словно визжащая орда, скатывающаяся с гор, чтобы встретить врага на равнине, наполнила мускулы, пока каждый из них не расплавился в агонии, проникла в каждую кость, но женщина все еще не отпускала его. В разуме взорвались образы: женщины, чья кожа лопалась и сползала, мужчины, уставившиеся на свои почерневшие, обуглившиеся кости, мертвые головы и жуткие скелеты танцевали перед его глазами...

И наконец женщина выпустила руку Саро.

Как марионетка, юноша прошел мимо странной бледной незнакомки прямо в пламя. Человек в синем плаще и высоком рогатом шлеме закричал на него, но Саро просто поднял

левую руку и коснулся камнем настроения лба капитана стражников. Тотчас глаза человека стали на мгновение серебряно-белыми, а затем потемнели до глубокой черноты, и он замертво упал под ноги Саро.

Эйранец и южанин, занятые сражением, преградили юноше путь. Один из них коснулся левой руки Саро, и секундой позже оба бойца безжизненно свалились на землю.

Саро непонимающе уставился на них. Сунув камень настроения обратно в тунику, он переступил через неподвижные тела, будто во сне, не спуская глаз с Катлы.

Огонь уже поднялся до уровня головы девушки и трещал так сильно, что заглушал звуки битвы. Сквозь густой дым Саро увидел, как руки Катлы, заведенные за спину, корчились в конвульсиях, как ее кожаные штаны дымятся и лопаются от жара, а мыски ботинок занимаются огнем.

— Катла Арансон! — закричал он, и ее глаза вновь распахнулись, их туманно-серый цвет сменился на пурпурный в отсветах пламени.

Увидев Саро, приближающегося к ней с мечом наголо, девушка уставилась на него будто с недоверием. Смертельное разочарование охватило ее, когда Катла поняла, что, несмотря на явную симпатию, существовавшую между ними, он все-таки оставался истрийцем и ее врагом до мозга костей.

— Ну, давай! — зарычала она, голос охрип и дрогнул. — Проткни меня на месте, привязанную, как жертвенное животное. Убей меня во имя своей Богини! По крайней мере это будет быстрее, чем сгореть в огне!

Саро вспрыгнул на костер, горящее дерево разлетелось из-под его ног, полетело прямо в сражающихся. Задыхаясь от дыма, юноша едва различал, где веревки, а где плоть, но времени почти не оставалось.

Задержав дыхание, Саро махнул мечом, разрезав веревки и чудом не задев кожи Катлы.

Удерживая девушку за руку, чтобы не дать ей свалиться, он нагнулся и разорвал прогоревшие веревки на бедрах и лодыжках. Потом Саро отпрянул назад, не зная, что делать дальше.

Лишившись поддержки, Катла запнулась и упала лицом в огонь. Шаль взлетела вверх, как огромная бабочка.

Стоя по другую сторону костра, Аран Арансон видел, как истриец бросился в огонь, подняв меч, словно какой-то ангел мщения, и каждый фибр эйранской души требовал, чтобы в руках у него оказался арбалет. Мальчишка собирался зарубить его дочь на глазах отца, а он ничего не мог поделать. Слова бились в голове Арана, как пойманные птицы. «Искра надежды может превратиться в маяк, — сказала бы бабушка Рольфсен, — никогда не верь в смерть».

— Никогда! — взвыл Аран Арансон.

Не заботясь, кого достанет его меч на пути к дочери, он перепрыгнул через кучу тел. Увидел, как Катла упала, и заметил ее местоположение по яркой вспышке разноцветной шали. Гневно рыча, Аран прыгнул в костер, не замечая того, что его волосы вспыхнули, точно факел.

Отбросив меч, Аран схватил Катлу за одежду и с силой, удвоенной отчаянием, вскинул девушку на плечо. Шелк парил вокруг них, укрывая, как скорлупа птенца. Он рванул ткань и отбросил ее. Повернувшись, Аран обнаружил на своем пути Саро Винго.

— Прочь с дороги, истрийский ублюдок! — прохрипел он, чувствуя невыносимое жжение в горле. — Если я хоть раз еще увижу тебя, вырву легкие через спину и отправлю к вашей сучке-богине на кровавых крыльях!

Потом Аран спрыгнул вниз и побежал со всей возможной быстротой в сторону берега. Позади него кто-то кричал и размахивал руками. Человек, оказавшийся рядом, уронил меч и уставился на них.

Аран повернулся. Костер превратился в настоящий пожар, каждый язык пламени отдавал золотом, дым стал колдовским, зеленым... Однако почти тут же пламя, только что

поднимавшееся в рост человека, стало уменьшаться прямо на глазах. Когда дым рассеялся, люди словно оцепенели. Оружие попадало на землю. Враги отступили друг от друга. Теперь все смотрели только на костер. Истрийцы нервно творили знамения, чтобы защититься от черной магии, а эйранцы пока только хмурились.

Среди мерцающих угольков стояла женщина в светлых одеждах, ее серебряные волосы отсвечивали зеленым и золотым от догорающего пламени.

— Вон она, Роза Эльды! — произнес лорд Тайхо Ишиан почти истерически и ткнул пальцем в сторону догорающего костра. — Слава Богине, она не пострадала!

На самом деле он имел в виду, что король северян не успел скрыться с женщиной, чего лорд крайне боялся, и ее все еще можно забрать себе.

— Давай же! Твори свою магию, быстрее!

Виралай нагнулся к ящику с кошкой.

— Ну, Бете, — лстиво проворковал он. — Ты же помнишь Притягивающее Заклинание, ведь правда?

Кошка оглядела его злыми зелеными глазами. Потом принялась выть.

— Поразительно, — выдохнула Фезак Певчая Звезда.

На ее лице лежали отблески от светящегося кристалла.

Алисия нахмурилась.

— Это явно какая-то магия, — проговорила Фезак. — Но какая именно, я не знаю...

Они вновь склонились над камнем.

— Где девушка? — тихо спросила Алисия. — Я не вижу ее.

— Отец спас ее, — ответила Фезак. Она повернула кристалл так, чтобы Алисии было лучше видно. — Смотри. Он несет ее к морю...

Вглядевшись, Алисия увидела небольшую группу эйранцев, сгрудившихся у лодки. Огромный мужчина, чьи волосы были сожжены почти напрочь, положил свою дочь на чистую землю, зачерпнул морской воды и плеснул ей в лицо. Девушка не шевельнулась. Он поманил стройного рыжеволосого парня, и вдвоем они подняли ее на покачивающуюся лодку.

— Почему они не заметили, как девушка сбежала? — спросила Алисия озадаченно, указывая на стражников у костра. — Как же можно не увидеть, что пленницу унесли с проклятого места?

Две кочевницы наблюдали за тем, как какой-то человек разбросал прогоревшие поленья и вытащил кусок незапятнанной материи. Он показал его толпе и что-то прокричал. Тотчас они увидели искаженные яростью и страхом лица, рты открылись, как пещеры, в которых гуляет ночной ветер.

— Они думают, что это колдовство, — сказала Фезак. — Фокусы с полотном и светом. Дураки.

— Они не правы?

Фезак убрала руки с кристалла и без улыбки посмотрела на дочь.

— О нет, — ответила она. — Это нечто гораздо более серьезное. Можно даже сказать — чудо. Хотя не для нас и нам подобных... и вообще, все это не очень хорошо. Мы должны немедленно уезжать. Разыщи Фало. Быстрее, Алисия. От быстроты действий зависят наши жизни.

— Колдовство! — испустил кто-то дикий крик, который тут же подхватили все остальные.

Человек на пепелище, выкатив безумные глаза, размахивал шалью.

— Она улетела, я видел! Она использовала это, как крылья, пока нуждалась в них!

— Колдовство!

— Она не взбиралась на Скалу Фаллы, а взлетела на нее, будто стервятник!

— Эйранская ведьма!
— Их мужчины крадут и оскверняют наших женщин...
— Они плюют на нашу Богиню...
— Святотатство, ересь и колдовство — вот девиз северян!
— Неужели мы потерпим такое оскорбление?!
— Война!
— Война!!

— Наконец-то я нашел тебя, любовь моя. Я обошел всю Ярмарку и все-таки нашел!
Вран Ашарсон заключил Розу Эльды в объятия, она повернулась к нему с улыбкой, которая заставила королевское сердце сладко замереть.

— Нам надо уходить, — сказала женщина. — Он пытается притянуть меня к себе. Я чувствую нити древних слов...

Вран нахмурился.

— Скорее, прежде, чем они сотворят Обязательство.

С этими словами Роза Эльды взяла его за руку и потащила в сторону моря.

— Здесь затевается нечто серьезное, — с трудом проговорил король, чувствуя, как теряет остатки воли. — Уже всю говорят о войне... я прикажу людям отвести тебя в безопасное место, но сам я должен остаться здесь...

Роза Мира прижала прохладный палец к его губам, и кровь так сильно ударила Врану в голову, что он закачался на месте.

— Забери меня на свой корабль, — прошептала она. — Положи меня в свою постель...

Она повела безвольного короля вдоль по берегу.

Позади них, словно громовые раскаты, воздух сотрясали призывы к войне.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 17 СЕВЕР И ЮГ

Маленькая лодка беспокойно качалась на волнах темного моря, примерно в трехстах ярдах от берега, далеко к востоку от Ярмарки. Она пряталась под кормой одного из кораблей северян-варваров — с носом, вырезанным в виде головы медведя, беззвучно ревущего во тьме ночи.

Селен, ежась на ветру, со страхом глядела на эту голову. В течение последних нескольких часов девушка настолько отдалилась от привычной жизни, что уже просто не понимала, кто она такая.

Она убила человека, лишилась надежд на благополучное будущее и теперь, одетая только в богатое, сшитое для эйранки платье, оставлявшее лицо и верхнюю часть груди открытой, одна во всем мире — за исключением мужчины, чьего имени она даже не знает, мужчины, который не говорит на ее языке и не произнес ни слова с того самого момента, как они покинули берег...

Он сидел напротив, огромный и спокойный, как скала. Лунный свет отражался в глазах этого мужчины, когда он смотрел сквозь Селен, вглядываясь в полосу воды между ними и Лунной равниной. Он оставил весла и сидел без движения вот уже добрый час, не мигая, как сова, отслеживающая добычу, но ничто не нарушало масляную черноту моря — ни морская птица, чайка, ни остриженная голова варварки, которую они оставили на берегу.

Селен поежилась. Дрожащими руками обернула подол платья вокруг ног, но материя была явно не предназначена для холодных полуночных прогулок на море. Девушка дрожала, не переставая, с того времени, как они уехали с Ярмарки, даже когда ей было тепло от бега по дюнам, поэтому она знала, что не только холод стал причиной постоянных конвульсий,

сотрясавших ее тело. Северянин же продолжал всматриваться вдаль и если и заметил ее неудобства, то не подал виду.

Луна выглянула из-за темного облака. Когда свет упал на его лицо, превратил волосы и бороду в серебряные водопады, а лицо — в платиновую маску, Селен подумала, что никогда не видела мужчину в таком отчаянии. Через мгновение стало снова темно, и девушка услышала, как он застонал, будто от боли.

— Она не придет, — сказал варвар.

Он произнес это так ровно, что она поняла — фраза лишена эмоций не только из-за его плохого знания Древнего языка. Северянин просто потерял надежду.

Селен открыла было рот, чтобы сказать что-нибудь ободряющее, но холод охватил и начал трясти ее тело так мощно, будто на девушку напали во второй раз. Дрожь все не прекращалась.

— О, — выдохнула она. — Мне так холодно...

— Сур, я и не подумал!

Лодка зашаталась, когда Эрно вскочил на ноги, и внезапно Селен почувствовала его запах, острый, соленый, кошмарно мужской; потом она ощутила, как руки варвара стали грубо тереть ее спину. Секундой позже все резко прекратилось.

— Леди, извините... — пробормотал варвар и в ужасе остановился.

Истрийка от его прикосновения стала твердой, как дерево. Эрно почти слышал, как заскрежетали ее зубы.

В панике Селен даже не заметила, как он отшатнулся, запах и жар его тела стали слабее, а лодка снова закачалась.

Здесь, в море, на холодном ветру, продувающем до костей, сидя с голыми и окровавленными ногами на скамейке эйранской лодки, где-то в глубинах разума Селен мысленно вернулась в тепло своей палатки и снова очутилась под жуткой тяжестью мужчины, который напал на нее...

Ей хотелось визжать от ужаса. В том, другом мире Танто заглушал ее крики, зажимая рукой рот, и декламировал, нелепо и жутко, «Ложе Алесто» Калента, подкрепляя каждое слово толчком — в месте, которое она даже не решилась бы назвать вслух... В реальном же, настоящем мире кто-то совал ей в окоченевшие руки ласковую материю и говорил мягким голосом, каким обычно успокаивают испуганных лошадей.

Селен моргнула, очнувшись. На ее коленях лежал плащ из грубой шерсти. Скрученный и даже при тусклом свете явно выпачканный плащ был, однако, таким мягким, будто его сделали из бесценного паскина.

Подняв голову, Селен наткнулась на взгляд северянина. Лунный свет очерчивал угловатое лицо Эрно. На нем явственно проступало выражение озабоченности, но глаза были слишком пронизывающими, чтобы дарить успокоение.

Девушка благодарно стиснула в руках плащ, радуясь, что можно отвлечься от мыслей практическими действиями, укутала плечи и сунула ладони под мышки. Несколько минут истрийка сидела так, пока дрожь не спала настолько, что она смогла говорить.

— Ты прав, — внезапно проговорила Селен, вспомнив последнюю фразу начинавшегося разговора. — Она не придет.

Эрно склонил голову, признавая поражение и смиряясь.

— Я знаю, — с трудом проговорил он. — Я знаю.

Селен смотрела, как он угрюмо вытащил весла, вставил их обратно в уключины с преувеличенной осторожностью, будто стараясь выиграть как можно больше времени. Потом, последний раз оглянувшись на Лунную равнину, принялся грести прочь от укрывавших их кораблей в открытое море.

Долгое время не было слышно ничего, кроме ударов весел о воду, плеска волн и ритмичного дыхания Эрно. Селен закрыла глаза. Сон, подумала она. Да, сон пойдет ей на пользу...

Она перестала обращать внимание на посторонние звуки и позволила себе уплыть от

самой себя — вперед, в ночь...

Возможно, виной тому стало тяжелое дыхание гребущего мужчины, или соленый запах океана, или раскачивание лодки, но, кажется, всего через несколько минут после того, как Селен провалилась в сон, паника поднялась в ней. Образ насильника снова атаковал девушку.

Селен широко распахнула глаза и уставилась в море, но чужое, искаженное похотью лицо появилось на черных волнах, а отблески лунного света на гребнях воссоздали всплеск крови, пролившейся по белому телу бедной девочки-рабыни...

Ужасное преступление повторялось снова и снова, и каждый раз жуткая картина дополнялась новыми яркими деталями. Цепкие пальцы, выпученные глаза, ощущение рукоятки кинжала в ее руке...

Селен заново увидела, как она сомкнула на рукояти пальцы и переместила в ладони так, как обычно держат расческу или ложку. Вот его тело отвердело, а рот безвольно открылся, когда кинжал вошел в тело в первый раз. Его кровь на ее руках... Потрясение от ощущения горячей жидкости на коже.

Легкость, с которой лезвие вспарывало плоть, ужаснула ее настолько, что разум просто отключился, оставив девушку во власти такого сильного отвращения, что Селен могла только вновь и вновь погружать в него кинжал, пока насильник не свалился с нее.

«Нет! — яростно подумала она. — Я не буду думать об этом, иначе просто сойду с ума».

Девушка постаралась снова погрузить разум во тьму, но мысли только поменяли направление и безжалостно полетели по другой траектории.

Что, во имя Эльды, теперь будет с ней? Одно только изнасилование превращало ее в бесполезное существо. Потеряв девственность, которую мог выгодно продать ее отец, Селен лишилась места в истрийском обществе, надежды на достойное замужество, детей, всего...

Ее могли бы взять Сестры, если бы Селен верила во всемогущую власть Богини, но, как неверующая и убийца до мозга костей, она теряла и такую возможность. Если сейчас ее поймут, то моментально сожгут, не допытываясь, кто преступник, а кто жертва. Для женщины убить мужчину — тяжкий грех, беспощадно караемый истрийским законом. Ей не дадут пощады. С этого момента она изгой, без имени, без семьи.

Истрийка вглядывалась в океан через плечо Эрно. Единственное, что она видела, — бесформенную массу темной воды, соединяющуюся в каком-то недоступном для глаза месте с таким же темным бесформенным небом.

«Это мое будущее, — подумала Селен с внезапным страхом. — Мое будущее бесприсветно и ужасно, как сама ночь...»

Когда лодка завернула за первый мыс к востоку от Лунной равнины, Эрно прекратил грести и стал смотреть, как факелы и мерцающие огни Большой Ярмарки превращаются в светящиеся точки, а затем скрываются за высокими утесами, на которых гнездились морские птицы, белые в лунном сиянии.

Где-то там осталась Катла, которая пытается запутать преследователя или отговориться от обвинений... Или, подумал Эрно, отговориться от немилого брака, который устроил ее отец.

Что он натворил, зачем оставил ее одну? Наверное, сошел с ума или соображал медленнее, чем обычно. Если он когда-нибудь увидит ее снова, Катла уже будет замужем за толстым корабелом, потерянная для него навеки. Эрно проклял себя за тупость, за то, что молчал тогда, когда нужно было кричать во весь голос. Если только бы у него не оказалось амулета, если бы он не надел его и не поцеловал ее...

Память о том поцелуе — коротком и безнадежном — вернулась к Эрно в тысячный раз: удивительно жаркие губы, открывшиеся навстречу легкому давлению его языка... Потом юноша отбросил воспоминание, затолкал в самые глубины души, прежде чем боль заполнила его целиком.

Эрно удобнее перехватил весла и снова начал грести.

Он греб несколько часов в полной темноте. В какой-то момент Селен провалилась в забытие, которое, к счастью, не прерывалось сновидениями.

Девушка проснулась от ощущения тепла на лице и, когда открыла глаза, увидела ободок солнца, поднимающегося из-за горизонта.

Лучи света, протянувшиеся по морю и коснувшиеся щек, разбудили Селен. Прямо впереди, слишком близко, на носу лодки, расположился человек. Его фигура была очерчена странным светом утра, на фоне огненного блеска волос его лицо казалось не более чем тенью.

В испуге Селен отшатнулась назад.

— Карон! — выкрикнула она и закрыла лицо руками.

Ослепляющий ужас сковал ее. Селен не знала, что делать, куда бежать, и дико озиралась по сторонам. Это Карон пришел за ней, потому что она умирала. Или уже умерла, и теперь Богиня возьмет ее сердце и взвесит вместе с угольком...

Человек наклонился вперед и превратился в могучего варвара, который спас ее на Лунной равнине. В первый раз Селен видела северянина при свете дня и поэтому не могла удержаться от пристального взгляда.

Он оказался обладателем поразительной, как потрясенно подумала девушка, просто поразительной внешности: волосы и борода, светлые до серебристости, заплетенные в варварском стиле, с осколками костей и ракушек, кусочками полинявшей ткани. Черты лица жесткие, словно вырезанные из дерева, и глаза...

— Прошу прощения, моя госпожа?

Селен пришла в себя и вздохнула. Внезапно она поняла, что на ней нет привычной вуали.

Вспыхнув, девушка опустила глаза под пристальным взглядом Эрно и стала смотреть на странные узелки в бороде варвара. Потом, совершенно неожиданно, натянула плащ на голову и закрыла лицо так, что были видны только ее глаза.

Необходимость выставить эту самую интимную часть тела на обозрение заставляла Селен чувствовать себя болезненно уязвимой, но так ей показалось все-таки лучше, чем вовсе ничего не видеть сквозь плотную материю наедине с северянином.

— Мне приснился страшный сон, — солгала она, потому что не представляла, как объяснит свое состояние чужеземцу. — Я не сразу сообразила, где нахожусь.

Эрно улыбнулся. Еще одна неожиданность, потому что улыбка совершенно изменила его лицо, которое в темноте казалось суровым и непреклонным, похожим на угрюмую маску. Сейчас в голубых глазах варвара появился теплый свет и расслабились напряженные мышцы челюстей.

Эрно следил за тем, как Селен рассматривает его, и чувствовал странное отсутствие смущения. Маленькая истрийка была совершенно другой, нежели женщины с северных островов, которые заставляли его нервничать своими дерзкими, насмешливыми замечаниями.

Увидев, насколько напугана девушка была при пробуждении, Эрно ощутил непреодолимое желание успокоить Селен и завоевать ее доверие.

— Ты назвала меня «Карон», — мягко сказал он. — У меня хороший слух... Не тот ли это лодочник, который перевозит неправедные души через огненную реку к Фалле на суд?

Селен уставилась на него в изумлении.

Эрно кивнул сам себе и продолжал:

— Знаешь, мы, северяне, не такие уж и варвары. У нас есть свои пергаменты. А некоторые даже и читать умеют. Я сам просмотрел всю «Песнь Пламени», переведенную на Древний язык, и даже частично «Наставления к праведной жизни» в оригинале. Не скажу, что понял все, но некоторые стихи мне очень понравились.

Он сделал паузу.

— «И Карон опустил ее тело в черную лодку, и под черным парусом, расправившимся,

как вороново крыло, поплыл бесшумно к черному дыму, исходившему из королевства Пламени». Вряд ли, правда, я смогу воспроизвести это на вашем языке — слишком много странных звуков для бедного эйранца.

— Мне казалось, что вы, северяне, смеетесь над подобными фантазиями, — удивилась Селен.

— Ты думала, мы можем только сражаться, плавать по морям и насиловать пленниц? Ну, мне не хотелось бы тебя разочаровывать...

Глаза Селен расширились и, к ее ужасу, наполнились слезами.

— Прости, — быстро проговорил Эрно в ярости на самого себя. — Клянусь воронами Сура, ты права, — добавил он горько. — Я гожусь только на то, чтобы орудовать мечом и веслами, и мне бы следовало оставить красивые речи другим. Сур знает, мне они еще не приносили блага.

Истрийка вытерла краешком плаща глаза, потом быстро заморгала.

— Пожалуйста, больше ни слова, — попросила она и увидела, как осунулось его лицо, приобретя каменное выражение.

Повисла напряженная тишина, в которую упал страдающий крик чайки — откуда-то издалека, наверное, с берега.

Селен повернулась посмотреть, как птица скользит вдоль зеленого прибоя, поднимается высоко в горы, которые вздымаются у острых утесов и омываемых морем плато...

Обернувшись назад, девушка увидела зазубренные вершины гор Скарна, их снежные шапки сверкали золотом в свете нового дня.

Три часа спустя они обошли мыс и очутились в заливе, где мириады лодок жались к берегу, а множество домов взбирались по поросшему лесами холму.

Каменная крепость с высокой сторожевой башней венчала один из холмов. Крошечный городок выглядел маленьким и таким спокойным, будто ответ на молитву. Селен облизнула пересохшие губы и почувствовала урчание в пустом желудке. Любопытно, что тело напоминает о своих мелких, но настойчивых потребностях даже в такие трагические моменты. Плащ заставил голову ныть от жары.

Варвар отложил весла, прикрыл покрасневшие глаза от солнца и молча уставился на прибрежный город.

Через некоторое время Эрно опустил руку.

— Извини, что нарушаю обет молчания, — неохотно проговорил он, — но, может быть, ты знаешь, где мы находимся?

Селен с недоверием поглядела на него.

— Откуда? — пожала она плечами. — Лунная равнина — единственное место, которое я посетила за всю свою жизнь. Я приехала из Кантары.

Как будто это что-то объясняло.

— Мне казалось, ты должна знать карту собственной страны, — настаивал Эрно.

— Географии в Истрии женщин не учат, — ядовито сказала Селен, чувствуя, как возвращается часть ее, прежней.

Солнце щедро изливало на девушку свои лучи, и плащ стал обузой. Секундой позже Селен приняла важное решение.

«Если я изгой для своего народа, — подумала она, — то отброшу старые обычаи и повернусь лицом к миру».

С глубоким вздохом девушка сняла плащ с головы и сложила его на коленях, заметив с легким удовлетворением выражение удивления на лице северянина, проявившееся при ее жесте.

— Считают, что от изучения географии нет никакой пользы для тех, кто не волен путешествовать дальше, чем в сад при доме, кроме единственного раза, необходимого, чтобы выйти замуж. При такой жизни представляешь, какие соблазны может вызвать один взгляд

на карту? Мы сможем понять, что мир гораздо больше, чем предполагается, и почувствуем себя даже более обделенными, чем раньше. Можем очароваться экзотическими названиями и ощутить зов дальних стран. Можем решиться поступить вопреки воле отца, который знает гораздо лучше нас самих, как нам следует жить. Можем даже убежать к морю...

Эрно заметил блеск в глазах Селен, отметил ее язвительный тон и удивился, что после всего, что пережила эта тихая, темная южанка, она смогла напомнить ему Катлу в одном из ее самых противоречивых настроений.

Он кивнул, не зная толком, что ответить. Сам Эрно видел дюжину карт Истрии и теперь жалел, что не уделил им должного внимания. Однако, решил он, какая разница, как называется город? Это чужой порт — такой же чужой, как и все остальные теперь.

Эйранец погрузил весла в воду, с еще большим рвением направляя лодку мимо залива.

— Что ты делаешь? — спросила Селен с тревогой в голосе.

Эрно серьезно посмотрел на нее:

— Ну а как ты думаешь?

— Ты только что проплыл мимо города.

— Точно.

— Но нам нужны еда, вода и отдых...

— Можешь отдохнуть, если хочешь, — коротко ответил Эрно.

Она повернулась и посмотрела на качающийся позади город.

— Я не понимаю. Почему бы нам не остановиться там? Ты знаешь, что это за город?

— В любом случае это истрийский порт, а я — эйранский моряк наедине с украденной знатной истрийкой, которая одета в платье чужого ей народа... более того, я с женщиной, на лице которой запеклась кровь, а руки все в синяках.

Селен вскинула руки к лицу:

— Кровь?

Танто или ее собственная? Мысль о крови мальчишки Винго на ее лице была невыносимой.

Конвульсивно дернувшись, Селен свесилась за борт и уставилась в темную зеленую воду, но волны бились о борт слишком сильно, чтобы она могла увидеть свое отражение. Девушка зачерпнула воды рукой и принялась тереть лицо, невольно охнув от холода, потом насухо вытерлась кончиком красного платья.

— Все? — спросила она, поворачивая лицо к Эрно, так же настойчиво, как испорченный ребенок у матери.

Кожа, освеженная холодной водой, блестела жизненной силой, а глаза оказались темными и влажными, как у морского котика. На мгновение Эрно увидел перед собой прекрасную, нетронутую заботами девочку, какой она, должно быть, и была — еще день назад...

Потом Селен как будто вновь ушла в себя под его пристальный взгляд. Вернулась напряженная настороженность вместе с темными кругами под глазами и морщинками, спускавшимися вниз от уголков рта.

Эрно почувствовал себя так, словно ему удалось увидеть больше позволенного. Внезапно он ощутил неловкость.

— Да, все, — тихо подтвердил эйранец и отвернулся, занявшись веслами.

Эрно чувствовал взгляд девушки, пока греб, но довольно долго истрийка ничего не говорила, и он почти забыл о ней, потерялся в движении волн и весел, весел и волн...

Наконец ровная береговая линия стала перемежаться маленькими заливами и бухточками, где какие-то деревья росли прямо из воды.

Рифы не позволяли высадиться на берегах первых двух заливов, однако третий, похоже, годился для захода в него и высадки. Поворачивая лодку одним веслом, Эрно направился к земле.

Он подгреб к галечному пляжу, обрамленному березовыми рощицами. Весла заскребли по песку, и Эрно спрыгнул за борт. Он подтащил лодку к берегу, поставил истрийку на

землю и привязал утлый челн к какой-то коряге.

Селен, спотыкаясь, побрела от него вверх по берегу. Ноги ее подгибались и вообще отказывались повиноваться. Слегка покачиваясь на больно впивающейся в подошвы гальке, девушка огляделась.

Позади, словно сквозь дымку, смутно доносился голос варвара, но демоны кровавых воспоминаний уже звали ее... она отмахнулась от них всех, вместе взятых, и сосредоточилась на исследовании берега. Березы, папоротники, ежевика. Руки *Танто*, его губы... Каменные выступы, проглядывающие сквозь листья, темные тени. *Кровь*... С обеих сторон от Селен бледная галька тянулась к утесам в одном конце пляжа и к низкому мысу — с другого. *Лезвие натывается на кость, пройдя сквозь мускулы*... У линии прилива сплавной лес, ошметки черных жестких водорослей, мертвая рыба, жужжащие насекомые. Сердце девушки упало. Здесь негде укрыться, нет вообще никаких признаков человеческого присутствия, а солнце уже начало свое медленное падение на запад. О чем думал этот северянин?

Селен повернулась, только чтобы обнаружить, что его и след простыл. Девушка закружилась на месте, чувствуя, как в груди снова поднимается волна страха, но эйранца нигде не было видно — ни на пляже, ни в море, ни, насколько она могла рассмотреть, среди деревьев. Лодка лежала, завалившись на бок, там, где варвар ее привязал; вода блестела на гальке. Его узел тоже исчез. Селен открыла рот, чтобы позвать северянина, но тут вспомнила, что так и не спросила его имени.

Селен прошла какое-то расстояние до первых деревьев в поисках варвара, но она никогда не выходила за пределы своего уютного садика и даже там гуляла только в компании со служанками.

Здесь росли шипы на ежевике, которые жадно впивались в широкое красное платье, и лежали кольца плюща, угрожавшие схватить неосторожную ногу. И тишина, заставлявшая кожу на плечах и вдоль позвоночника покрыться мурашками...

Чуть дальше впереди тишина нарушалась шорохами в траве, которые явно производил какой-то зверь, что совершенно лишило девушку желания продолжать исследования, и она поспешно ретировалась обратно на пляж, закуталась в шерстяной плащ и стала ждать возвращения своего варвара. «Если он не придет, я наверняка умру от голода или холода, — угрюмо думала Селен. — И тогда он избавится от ненужной обузы. Может, так будет лучше для нас обоих, потому что Фалла знает, что теперь станет со мной...»

Через несколько минут холод от пляжных камней принялся медленно просачиваться сквозь материю.

Прошло несколько часов, и на землю уже опустилась тьма, прежде чем вернулся северянин.

Селен услышала скрип шагов по гальке позади себя и поднялась на ноги.

— Куда ты ходил? — закричала она в гневе, порожденном страхом. — Ты оставил меня, не сказав ни единого слова! Я уже думала, что ты пошел искать лучшей доли и оставил меня на милость судьбы...

Эрно кинул узел на землю. Тот брякнулся с грохотом и звоном, будто под тканью скрывалось множество всяких явно металлических вещей.

— Хотел бы я, чтобы все было именно так!

Его голос звучал угрюмо, обычная вежливость исчезла без следа.

Потрясенная этими словами, Селен умолкла.

Помолчав, Эрно заговорил:

— Кроме того, я совершенно ясно сказал тебе, что ухожу на разведку. И еще сказал, что, когда вода вытечет из лодки, тебе будет теплее и удобнее в ней ждать моего возвращения.

Теперь Селен вспомнила смутный шелест его слов и то, как она не обратила на них внимания. Она почувствовала, что краснеет — отчасти от смущения, которое не так уж часто

ее посещало, отчасти от гнева.

— Как ты мог подумать, что я останусь еще хоть секунду в этой отвратительной старой посудине! — раскричалась девушка. — Наверное, лучше мне было остаться на Ярмарке и доверить судьбу цивилизованным людям, чем страдать из-за недосмотра варвара!

Последовала минута молчания, и все это время она чувствовала взгляд варвара на своем лице. Потом северянин неприятно засмеялся.

— Цивилизованные люди! Если я не ошибаюсь, то, когда мы с Катлой нашли тебя, ты очень боялась, что твои так называемые цивилизованные люди сожгут тебя на костре.

— За что? — немного растерялась Селен.

— Как за что? За совершенное тобою преступление.

— Преступление? — взвизгнула она от негодования.

— Ты ведь убила человека, насколько я помню.

Ужас содеянного вновь вернулся к девушке, и она набросилась на Эрно:

— Он был свиньей, уродом! Он убил мою рабыню. Он... он напал на меня. Я защищалась!

— Я тебе верю, — напряженно сказал Эрно, — а вот другие, в большей степени варвары, нежели я, могут и усомниться.

Он отступил и примялся развязывать узел, валявшийся на земле.

— Как ты смеешь так обращаться со мной?! — Селен сама подливала масла в огонь своего гнева, обращенного на северянина, зная, что поступает несправедливо, но не имея сил остановиться. — Я леди Селен Ишиан, единственная дочь лорда Кантары!

Эрно глубоко вздохнул. Что-то в нем изменилось, загрубело за последние несколько часов, что-то такое, что заставило челюсти сжаться, а разум — вспыхнуть гневом.

— Вчера, Селен Ишиан, ты, может статься, и была дочерью знатного истрийского дома с рабами для забавы и деньгами, которые можно промотать, но сегодня ты одинокий изгой, не защищенный законом или поддержкой семьи. Я не вижу, чем мы отличаемся сейчас — разве только тем, что мне принадлежит одежда, одетая на мне.

Селен бросилась на него. Кулаки, маленькие и острые, забарабанили по его груди, рукам, шее. Один из ударов угодил в подбородок, так что челюсти варвара щелкнули, и он прикусил язык.

Эрно отступил, ошарашенный такой злостью и тем, что именно он явился ее причиной. Девушка продолжала кидаться на него, визжа на языке южан, который звучал совершенно немелодично в данных обстоятельствах, но Эрно разобрал только одно слово «хама», то есть «мужчина», повторяющееся снова и снова.

Селен оцарапала ему шею и укусила за руку, потом попыталась лягнуть между ног, но Эрно успел отскочить назад. Счастье еще, подумал эйранец, что на этот раз у нее нет ножа.

В конце концов он сумел схватить ее одной рукой за оба запястья и второй прижал девушку к своей груди так, чтобы она не смогла больше причинить ему вреда. Они стояли так, прижатые друг к другу, несколько минут, пока Эрно не почувствовал, как ее гнев начал угасать. Однако он не спешил отпускать Селен, думая при этом, что никогда не держал женщину в объятиях так долго — никого, кроме матери, когда та умирала, а она была тонкой и хрупкой, как маленькая иссохшая птичка, совершенно не такая, как эта буйная истрийка.

А потом Эрно вспомнил Катлу, как она поцеловала его, как ее руки ухватились за его плечи, как Катла наклонила лицо, чтобы не столкнуться носами, как он удивлялся, откуда она знает, что делать, чтобы воспламенить его желание. И затем Эрно вспомнил запах от вспыхнувшего амулета — кислая, удушливая вонь горящих волос — и внезапно оттолкнул Селен.

Юноша сделал это с несколько большей силой, чем предполагал, потому что она тяжело упала на землю, но от отчаяния Эрно даже не заметил этого. Он побежал по гальке к воде, чувствуя жжение в глазах и белое пламя в голове, и его шумно стошнило прямо в прибой, снова, и снова, и снова, пока не осталось ничего в желудке.

Придя в себя после падения, Селен лежала и слушала жуткие звуки, которые издавал

эйранец. Она испытывала настоящий ужас. Вдруг он съел что-нибудь ядовитое в то время, когда отсутствовал? Что, если он умрет? Тогда она останется тут одна, без пищи и крова, и не единой души вокруг, и не у кого попросить помощи... Сможет ли она в одиночку догрести на деревянной лодке до какого-нибудь маленького прибрежного городка, где не слышали о лорде Кантары и его пропавшей дочери? Навряд ли.

Натужные звуки превратились в нечто иное, осознала Селен, пока она предавалась эгоистичным рассуждениям. Девушка нахмурилась. Неужели северянин умирал? Вроде бы нет... Похоже, стало слишком тихо, ничего не было слышно, кроме легких вздохов, которые вполне могла производить набегающая на берег волна.

Селен задержала дыхание и прислушалась.

Эйранец всхлипывал!

Селен никогда раньше не слышала, чтобы мужчина плакал, и это заставило ее испугаться еще больше. Она села, галька покатила и зашуршала под ней, эйранец тут же смолк. Уставившись в темноту, девушка увидела черный силуэт на фоне моря. Потом фигура выпрямилась во весь рост и двинулась вдоль по пляжу прочь от нее. Селен скорее услышала, нежели увидела, как варвар покинул пляж, услышала, как галька уступила месту песку под его ногами, потом зашуршала трава.

Несколько минут девушка сидела неподвижно, обхватив колени руками, прислушиваясь к едва различимым шорохам, доносившимся из леса, боясь пошевелиться, словно это могло заставить северянина покинуть ее навсегда. И кто его осудит, если он действительно уйдет, подумала она, внезапно устыдившись своего взрыва.

Потом Селен снова услышала его шаги. Раздался негромкий звук, который Селен не смогла распознать, потом в ночи затеплился огонек, и она вдруг увидела эйранца, согнувшегося над небольшой кучкой хвороста, обложенной камнями. Варвар усердно раздувал огонь, пока маленький язычок пламени не поднялся достаточно высоко.

— Вот, — коротко сказал северянин и кинул что-то к ногам Селен.

Нечто упало на гальку с легким стуком. Озадаченная девушка нагнулась вперед, дотянулась до подношения и тут же отдернула руку с резким вскриком.

— Мертвое животное! — взвизгнула истрийка в ужасе. — Зачем ты мне притащил труп?!

— Тебе надо поесть.

Она уставилась на темную тушку на земле. Маленькая и пушистая. Селен осторожно толкнула ее ногой, и она свалилась набок. Свет костра открыл белое брюшко и длинные уши. Кролик. Живот его был весь в крови — там, где вырезали внутренности. Подобное зрелище заставило девушку завизжать, но она быстро умолкла. В горле застрял комок.

— Как я могу есть *это*? — с отвращением спросила она.

— Освежуй и поджарь на огне, — угрюмо ответил Эрно и отвернулся.

— Никогда!

— Тогда ешь сырым, прямо с шерстью, мне на... наплевать.

Селен нахмурилась. В какой-то момент она даже подумала, что снова расплачется. Потом, решив восстановить контроль над ситуацией, схватила животное и поднесла его к свету.

— Дай мне нож, — зло сказала она.

Эрно настороженно посмотрел на девушку, потом кинул ей свой поясной нож.

— Вставь лезвие между кожей и мясом, — посоветовал он более спокойным тоном, — потом сними шкурку. Это не так уж трудно.

Он наблюдал некоторое время, как южанка неуклюже ковыряется в крошечной тушке, потом отошел в темноту.

Слезы от жалости к себе жгли глаза Селен, но она яростно смахивала их. Будь он проклят и обречен на вечное горение в пламени Богини, думала девушка. Она поджарит и съест всю тушку, если он не вернется — целиком, вместе с шерстью.

Некоторое время спустя истрийка сумела соскрести большую часть шкурки, хотя

прикосновение к скользкой, холодной плоти заставило ее снова почувствовать комок в горле, и хорошенько поджарила мясо. Откуда-то появился аппетит. Когда северянин не пришел оттуда, куда подевался, девушка поддалась голоду и одним махом проглотила большую часть жаркого, только под конец вспомнив, что вообще-то следовало бы и спасителю хоть что-нибудь оставить.

Селен сидела и ждала Эрно, с холодеющими остатками трапезы в руках, ждала, пока огонь не потух, а луна оказалась в зените. Наконец северянин вернулся, молча уселся напротив девушки и принялся глазеть на угасающие угли.

Варвар оставался в этом положении несколько минут, молчаливый и неподвижный, пока наконец не достал из узла кусочек разноцветной материи. Он принялся вязать ее в сложные узлы, читая нараспев на гортанном эйранском языке. В один узел северянин вплеп перо — блестящее, черное. Во второй — ракушку с отверстием посередине. Потом порылся в одежде и достал маленький кожаный мешочек. Оттуда Эрно извлек локон золотых волос, слегка опаленных с одного конца, и вплеп их в последний, третий, узел.

Варвар начал было декламировать новый стих над этим последним, самым диковинным сплетением, но мгновение спустя его голос дрогнул и сошел на нет. Мерцание углей отражалось в глазах северянина, когда он вертел в руках свое странное творение. Селен до боли захотелось спросить, что это и зачем он это сделал, но она не находила слов.

Эрно, однако, почувствовал на себе ее взгляд.

— Я сожалею о том, что сказал тебе раньше, — произнес он будто нехотя, — или, скорее, о том, как сказал...

Селен чувствовала, что варвар просто пытается избавиться от ее взгляда, но игнорировать приглашение к разговору, которое он сделал таким образом, она тоже не могла.

— Почему ты не поел со мной? — спросила она, но эйранец только пожал плечами в ответ. — Как тебя зовут, северянин?

С этим, как оказалось, справиться было легче.

— Эрно Хамсон, из клана Камнепада, ведущего свой род от людей Запада, с островов Эйры.

— Тогда, Эрно Хамсон, это мне следует извиниться, — мягко проговорила девушка. — Ты спас меня, рискуя жизнью, от гнева собственного отца и семьи, мужчину которой я убила. Я не думала, что среди людей, называемых нашими врагами, можно встретить благородство. Кажется, мне предстоит многому научиться...

Она смолкла, пытаясь как можно точнее сформулировать свою мысль.

— Первое, что я узнала — враги не всегда такие, какими кажутся, как, впрочем, и друзья. И что Богине можно доверять меньше, чем высокому, спокойному эйранцу с разбитым сердцем.

Эрно так стремительно вскинул голову, будто она снова кинулась на него.

— Откуда ты знаешь? — требовательно спросил он. — Ты что, всевидящая, способная проникнуть в сердца людей и узнать их сокровенные мысли и чувства?

— Я видела, как ты целовал ее на пляже...

Северянин провел рукой по лицу.

— И как ты ждал ее, все ждал и ждал, пока не понял, что она не вернется. И тогда в твоих глазах угас свет.

— Было темно.

Она печально улыбнулась:

— Тогда стало еще темнее...

Повисла неловкая тишина. Наконец любопытство взяло над Селен верх.

— И то, последнее, что ты вплеп в узелок... это ведь ее локон, правда? Я заметила цвет — там, где краска не взялась, и почувствовала в этом нечто важное. Скажи, ты маг? Ты хочешь притянуть ее обратно амулетом?

Пальцы Эрно конвульсивно сжали плетенку, сделанную для Катлы. Селен увидела, как

побелели костяшки его пальцев.

— Оставив тебя, я пошел по холмам в город, мимо которого мы проплыли. Оказалось, что новости путешествуют очень быстро. Уже прибыли стражники с Ярмарки, они искали банду мародерствующих эйранцев и украденную ими истринскую леди. И еще они сказали, что Катла Арансон — они совершенно точно запомнили имя, мертва. Она попалась, когда пыталась увести от нас стражников. У Катлы оказался кинжал, который ты выбросила. Никто не поверил ее рассказу. Человек, которого ты убила, восстал из мертвых и обвинил во всем ее. Потом они сожгли ее — эти твои цивилизованные граждане. Поджарили, как мясо. Жгли до тех пор, пока не осталось ничего, кроме чудесной шали, обладающей магическими свойствами. Шали, которая, по их словам, слишком дорога и слишком хороша для дочери варвара. Стражники сказали, что Катла украла ее у тебя во время нападения.

Голубые глаза Эрно стали чернее угля. Селен опустила голову и, увидев остатки кролика в своих руках, с содроганием отбросила поджаренное мясо и кости, которые теперь лежали между нею и северянином как обвинение.

— Я купил ей эту шаль, — просто сказал Эрно. — И теперь она мертва, а мы с тобой живы и здоровы. Мы — убийцы, ты и я. Я убил женщину, которую любил больше жизни, а ты, думая, что убила одного, на самом деле убила совсем другую...

Голос подвел варвара. Эрно вскочил на ноги, повертел в руках плетенку, приласкал пальцами локон ярких волос, потом кинул все на угли и пошел вверх по пляжу.

Глава 18 КОРОЛЕВА СЕВЕРНЫХ ОСТРОВОВ

Вран Ашарсон, король Севера, зажег свечу и взглянул на спящую женщину, которую выбрал себе в жены.

По правде говоря, их союз еще не был закреплен ритуалами, предписанными законом — отъезд с Большой Ярмарки проходил в такой спешке, что для формальностей не хватило времени, — но они уже сложили вместе мясо и соль (для земли и моря) и переспали дюжину или еще больше раз всего за несколько дней в кожаной палатке в качестве преграды для любопытных взоров команды.

Через день, если ветер останется попутным, они увидят неясные очертания утесов Островов Тин, а оттуда уже всего полдня пути до его крепости в Халбо. Потом хранители законов могут сколько угодно заниматься своими скучными и бессмысленными церемониями.

Вран поднес свечу ближе, так, чтобы круг света падал на нежную щеку женщины, длинную, прямую линию носа на фоне подушки, на запутавшиеся во время их постельных упражнений локоны, теперь покрывавшие горло и выглядывающее белое плечо. Она выглядела, как русалка, попавшая в золотую сеть. И вокруг нее царила такая же магическая атмосфера.

Вран обнаружил, что задержал дыхание, чтобы не разбудить Розу Эльды, и улыбнулся — широкой ленивой улыбкой кошки, которую заперли в рыбной лавке.

Он самый счастливый мужчина в мире...

Не устояв перед соблазном, король сдвинул шкуру снежного медведя на длину ладони, чтобы показался сосок ее левой груди, бледный и спокойный, похожий на розовой цветок с западных утесов: Вран вспомнил, как в приступах страсти он вспыхивал глубоким темно-красным цветом. Даже сейчас, уставший и измученный, король почувствовал спазм горячего желания. И тотчас устыдился самого себя, пораженный контрастом между беззащитным спящим существом, более всего похожим на свернувшегося калачиком ребенка, и необузданной соблазнительницей, которая глубокой ночью скакала на нем до изнеможения, со змеящимися волосами и стекающим по животу потом.

Он знал многих женщин, но такой еще не встречал. Эйранки часто были красивы — темные, светлые или отчетливо рыжеволосые с Западных островов... длинноногие и тонкие,

или крепкие и гибкие, как ценные горные пони. Он любил их всех. Ему никогда не приходилось искать сексуального удовольствия: оно каким-то образом всегда само находило дорогу к нему. Королем быть действительно хорошо, но и до коронавания, и даже тогда, когда перспектива передачи ему власти оставалась расплывчатой, самые разные женщины и девушки предлагали ему свои услуги с таким свободным и радостным изяществом, что он не мог поступить с ними невежливо и отправить восвояси неудовлетворенными.

Вран любил женщин, а женщины любили Врана. В свою очередь, в юности он считал их всех восхитительными, неоткрытыми странами, которые следует нанести на карту и исследовать. Все они пахли по-разному, ощущались по-разному, вели себя тоже по-разному. И когда они говорили, поздно ночью или рано утром, в его спальне, растянувшись на медвежьих шкурах, заячьих и лисьих мехах, он слушал их и узнавал больше, чем когда-либо ожидал узнать из женской болтовни. Больше даже, чем из разговоров мужчин, потому что женщины подхватывали крупницы знаний там и здесь, и везде, как маленькие галки, собирающие блестящие вещицы для своего гнезда и потом составляющие их в замысловатые, интригующие фигуры. Они выдумывали истории из совершенно не связанных между собой событий и наблюдений.

Врана удивляло безмерно, что такие истории очень часто оказывались правдивыми, частично или полностью, хотя источники, из которых брали для них материал, никогда даже рядом не стояли. Потерянная пуговица, найденная в необычном месте (мимолетное замечание Янки, купавшей его), лукавые взгляды двух не связанных ничем придворных (замеченные Териндой Рольфсен) и простолюдинка-жена, отосланная по непонятному поручению через дикие равнины, о которой рассказала Кия Фенсен, внезапно дополнились слухом о страстном романе одной из высших дам Совета Эйры и красивым, но бедным королевским управляющим. Тем временем жена этого красавца умерла после падения с пони, пересекая ненадежные Дикие Болота, и, всего несколькими неделями позже, прежде незаметный управляющий возвышается до должности слуги при ярле Йорне. Меньше чем через год, когда докучный муж, ярл Йорн, пропал в море без вести, леди Гарсен и слуга становятся мужем и женой.

От маленькой резной пуговицы из китовой кости до двух смертей: из-за таких деталей Вран научился обращать внимание, когда не был слишком занят, на самые мелкие происшествия. И поэтому король гадал, любуясь Розой Эльды, каким образом кочевница, столько месяцев путешествовавшая по горам, равнинам, южным пустыням, открытая ветрам и солнечным лучам, могла сохранить безупречную белизну кожи. Будто мир не оставил на ней никакого отпечатка или она сама не принадлежала этому миру.

Король не просил ее рассказать о своем прошлом, потому что, по правде говоря, они вообще мало разговаривали. Но пара вопросов, которые Вран все-таки задал своей невесте, когда они лежали вдвоем ночью, под скрип раскачивающегося от ветра паруса, рев океана и приглушенное бормотание ночных дозорных на носу, остались без ответа.

Иногда Роза Эльды смотрела на короля так, будто могла видеть сквозь его тело, сквозь корабль, сквозь темные глубокие воды под ними. Иногда она просто улыбалась и дотрагивалась до лица или руки короля, и тогда все слова, которые он собирался ей сказать, вдруг вылетали из головы, как падает листва с дерева.

Будто почувствовав его взгляд, женщина пошевелилась. Другие женщины, как Вран заметил с годами, просыпались постепенно — протирали глаза, переворачивались, потягивались, зевали. Роза Эльды, напротив, вроде бы спала легко, как кошка, в мгновение ока переходя от дремотной неподвижности к живому бодрствованию.

— Где я?

Она резко села, моргая от света, меха посыпались с нее белым водопадом.

На мгновение король потерял дар речи при виде ее нагого тела, открывшегося во всем своем совершенстве. Потом поставил свечу и стал на колени.

— Там же, где и вчера, и позавчера, любимая. В безопасности на моем корабле ты пересекаешь океан по дороге в мое королевство.

Каждый раз при ее пробуждении казалось, что сон полностью стер память Розы Эльды: каждый раз ее первыми словами были именно эти. Тут же за первым вопросом последовал второй — странный, как всегда:

— Кто я?

В первый раз, когда Роза Эльды произнесла эти слова, король подумал, что она играет с ним, что это всего лишь милая ее сердцу забава, приносящая замысловатые комплименты с его стороны, и потому отвечал и тогда, и в дальнейшем: желание моего сердца, моя жена и моя королева, красивейшая из женщин, совершеннейшее творение... и так далее. Но каждый раз она настаивала, с таинственно поблескивающими в первых лучах рассветного солнца глазами: «Мое имя. Скажи мне мое имя».

И он тихим голосом напевал: «Ты теперь королева Северных островов, леди Эйры». Но она качала головой в расстройстве, пока он не произносил: «Роза Эльды. Ты Роза Эльды, Роза Мира...»

— Я знаю тебя только как Розу Эльды, — в который раз сказал король. — Ты — Роза Мира. Это все, что я знаю о тебе, потому что ты никогда не рассказывала мне больше.

— Роза Эльды. Роза Мира.

Она твердила это снова и снова, как молитву, или словно пытаясь запомнить получше. На пятый день их путешествия она повторила свое имя всего четыре раза. В первый день — более дюжины, так что по крайней мере ситуация хоть в чем-то шла на поправку.

Может быть, именно поездка на странном корабле с людьми, чьего языка она не понимала, заставила ее стать неуверенной в себе и нервной, гадал он. Или, что гораздо труднее принять (особенно после ее бесстрашного и дерзкого поведения ночью), она боялась его? Но теперь королю вспомнился человек из Халбо, один из советников отца, которого нечаянно задела баранья кость, кинутая членом королевской охраны в разгаре шумной пьянки на зимний праздник. То была большая кость, насколько он помнил, бедренная или, может, челюсть, и, попав мужчине прямо по голове, она отправила его в беспамятство. На следующий день советник поднялся, несмотря на шишку с гусиное яйцо на виске, но вот что с ним случилось, он не помнил совершенно, даже имя свое забыл. Стражники восприняли это как забавную игру и сумели убедить советника — мягкого вежливого человека, который и мухи на своем веку не обидел, — что он получил шишку, когда зашел слишком далеко, рассказывая служанке, что хотел бы с нею сделать ближайшей ночью, а та в ответ хорошенько стукнула его по голове черпаком. Советник, в ужасе от собственного поступка, даже пытался разыскать девушку и лично извиниться за свое поведение, что только добавило стражникам веселья. Этот человек со временем восстановил память, однако так и не вспомнил событий злополучной ночи.

Сейчас, подавшись вперед, король положил руки на голову своей жены, чувствуя, как возбуждение бежит по руке и укореняется в теле при одном прикосновении. Вран растопырил пальцы, ощупывая ее череп, но кости казались крепкими и нетронутыми. В следующее мгновение Роза Эльды отдернула голову.

— Что ты делаешь? — спросила она без выражения.

— Ты когда-нибудь ударялась? — негромко спросил он. — Головой?

Последовала пауза, будто она раздумывала над значением вопроса. Потом:

— Нет.

Это прозвучало очень твердо, дальнейшее обсуждение не допускалось. Будто желая подчеркнуть, что разговор окончен, она откатилась от Врана и встала с кровати, так что макушкой уперлась в потолок палатки, а свеча на полу освещала только гладкую кожу ног и безупречный овал коленок. Остальная часть тела Розы Эльды терялась в темноте.

— Я хочу наружу, — заявила она и пошла мимо короля к выходу в первородной наготы.

За последние несколько дней Вран научился в подобных случаях действовать очень быстро. Он добрался до Розы Эльды, прежде чем она выскользнула наружу, и укутал ее в плащ.

— Там холодно, — объяснил он. — Ветер с моря рано утром может быть довольно...

колючим.

Он обнаружил, что не может объяснить ей ненужный интерес команды при виде ее оголенной плоти, и где-то в потаенных уголках разума, не желая сам себе признаваться, он все-таки подозревал, что их внимательные взгляды доставили бы его жене какое-то извращенное удовольствие.

Вместе они очутились на палубе. Король сказал правду: ветер действительно дул, резкий и холодный, пронизывая тело до костей, не обращая внимания на одежду, но Роза Эльды, казалось, вообще не замечала его. Кожа Врана, загорелая и выдубленная от многолетнего воздействия стихий, быстро покрылась мурашками, но голые ступни и икры его жены остались гладкими, как шелк.

На востоке краешек солнца только-только выглянул из-за горизонта, и длинная низкая череда пурпурных облаков оттенилась глубоким золотом: темно-красные линии расчертили небо, как испорченное яйцо.

— Скоро будет шторм, — угрюмо сообщил рулевой, уставившись не на своего короля, а на женщину, стоящую на корме, на ее развевающиеся волосы, на лицо, подставленное колючему ветру.

Вран усмехнулся:

— Быстрые ветра примчат нас прямо домой!

Рулевой рассмеялся, закинув голову назад, показывая желтые зубы, загнутые и острые, как у крысы.

Смех привлек внимание Яйца Форстсона, он пересек палубу и стал рядом с Враном. Его лицо имело едва заметный оттенок зелени. Последние несколько лет желудок Форстсона начал восставать против угнетающих ритмов океана, настоятельно требуя, чтобы его вернули обратно и дали наслаждаться мирной жизнью на прочной земле.

— Вам не следует позволять своей... жене показываться в таком виде, — тихо сказал Форстсон королю, не имея сил принудить себя произнести странное имя, принятое женщиной. — Люди волнуются.

Не в первый раз ярл Шепси делал подобное предупреждение. И действительно, вокруг исчезли все признаки работы, команда впала в любопытствующее молчание. Несколько моряков, игравших в кости на палубе, при последнем броске потеряли интерес к игре и теперь все разом уставились в одном и том же направлении, как будто у них была пара глаз на всех.

Повсюду на «Вороне Сура» люди прекращали точить клинки, готовить кашу, потрошить утренний улов. Двое матросов, крепивших парус, выронили из внезапно вспотевших ладоней канаты, и те, подхваченные ветром, угодили прямо в лицо человеку, который чинил в сторонке свой кожаный мешок. Его гневный вопль разбил чары Розы Эльды и дал Врану шанс добраться до нее, положить руку на плечи, притянуть к себе.

Вначале она сопротивлялась давлению его рук, рванулась от него к морю, потом будто что-то оборвалось внутри женщины, и она расслабилась.

— Что тебя так заворожило, любимая? — прошептал Вран в ее маленькое изящное ухо. — Ты никогда не видела моря до нашего путешествия?

Она, казалось, обдумывала вопрос, будто переводя его с Древнего на какой-то более сложный язык. Наконец ответила:

— Оно пугает меня. Его величие.

Вран кивнул. Он помнил свое первое путешествие, когда радовался возможности взойти на палубу великолепного корабля в присутствии отца. Тогда ему доверили определенные обязанности и обращались, как с любым другим членом команды: наконец-то он стал мужчиной! Когда же они вышли из гавани Халбо, миновали волнистую набережную и защитные молы, поставили парус и направились навстречу диким просторам Северного океана, Вран почувствовал первые порывы морских ветров, сильные и неумолимые, превращающие верхушки волн в злобные белые гребни, заставляющие деревянную основу корабля протестующе скрипеть. Он смотрел, как земля позади превратилась в простую

серую линию. Впереди, насколько хватало взгляда, не было ничего, кроме высоких волн.

И тогда Вран подумал (и с тех пор старался больше никогда не обращаться к тем мыслям), что они все сидят в крошечном корабле, похожем на дубовую чашку, которую несет бушующий поток, а под ними нет ничего, кроме ледяной воды, которая затянет так далеко вниз, пока не достигнет дна океана, где лежат многие предки моряков — точнее, кости утопленников. И нет ничего, кроме хрупкой деревянной скорлупки, которая может треснуть и взорваться по желанию моря так же легко, как грецкий орех.

Так что король притянул женщину к себе и сказал:

— Мы все здесь на милости Сура, это правда. Но у меня крепкий корабль и отличная команда, а до дома всего день пути. Потом мы окажемся в моей столице, и тебя с радостью примут в моей крепости. Моя мать будет заботиться о тебе, ее служанки станут выполнять любое твоё желание, и тебе никогда больше не придется плыть в сердце океана...

На это Роза Эльды только нахмурилась. Крошечная морщинка появилась между тонкими бровями, там, где ее не было доселе.

— Сирио? — переспросила она.

Вран поднял бровь:

— Сирио? Прости меня, любимая, я не понимаю, о чем ты говоришь. Наши языки слишком различны.

— Ах, — вздохнула она. Потом: — Сур, — повторила она и: — Сирио.

— Вы называете нашего бога по-другому? — изумился Вран.

Морщинка между бровями углубилась.

— Бог? — эхом отозвалась она. — Что такое бог?

— Разве ты не знаешь?

В ответ Роза Эльды только покачала головой.

Вран провел рукой по лицу. Если кто-нибудь допросил бы его с пристрастием, он бы признался, что находил подобные разговоры утомительными. Будто объяснять устройство мира ребенку, да еще иноземному. Дети хороши для шумных игр и неожиданных подарков или сладостей, но вынужденное разъяснение им основ религии Врану нравилось меньше всего.

Однако, рассудил король, эта женщина теперь его жена, и она не знает ничего о северных обычаях, а ведь он сам выбрал ее среди остальных. Значит, надо постараться.

Вран прокашлялся.

— Бог — это тот, кому мы возносим молитвы, чтобы получить помощь или благосклонность: попутный ветер во время путешествия, или крестьянин может молиться о хорошей погоде, когда растит урожай...

— Что такое молитва?

Он уставился на нее в недоумении:

— Вы ведь наверняка молитесь своим божествам? У всех есть бог. Даже у проклятых истрийцев есть сучка-богиня, огненный демон, Фалла.

Роза Эльды пожала плечами:

— Моя жизнь была очень... уединенной.

— Яйцо! — Вран подозвал своего советника поближе, чувствуя, что разговор начинает опасно приближаться к области метафизики. — Ты лучше объясняешь подобные вещи, чем я. Уведи ее отсюда и расскажи о Суре, о том, чему и как мы молимся на Севере. Не следует шокировать мою набожную матушку странными измышлениями свежее испеченной невестки... К тому времени как войдем в Халбо, я надеюсь, что моя жена сумеет наизусть прочитать Молитву Моряка. А сейчас я проверю курс вместе с навигатором!

Король хлопнул ярла Шепси по плечу и с усмешкой направился на нос корабля, легко ступая по доскам, минуя тюки с грузом, горшки и вытянутые ноги.

Яйцо долго смотрел Врану в спину с тяжелым сердцем, прежде чем повернуться к бледной женщине.

— Леди, — сказал он, вежливо кланяясь. — Пожалуйста, пойдите со мной, и я

постараюсь ответить на все ваши вопросы.

Когда Роза Эльды улыбнулась и вложила свою руку в его ладонь, ярл почувствовал непривычное тепло внизу живота и минутой позже обнаружил, что бессмысленно ухмыляется в ответ, будто восемнадцатилетний мальчишка.

Он похлопал по ее руке, потом осторожно убрал ее, тотчас ощущая, как напряжение покидает чресла, возвращается ясность мысли.

Ярл теоретически понимал, почему Вран выбрал в жены именно ее — теоретически, умом, но не сердцем.

Королю пристало думать головой, а не тем, чем в данный момент думал Вран, особенно в тот момент, когда надо принимать важное решение. Ведь он выбирает не только женщину, которая согреет постель, но и дальнейшую судьбу королевства. Как в результате его действий в дальнейшем будут поступать ярлы, окружающие трон Врана Ашарсона? Преклонят ли колени, присягнув на верность, или станут за его спиной строить коварные планы? Предпочтя никому не известную кочевницу, Вран сделал наихудший выбор, хотя и легко предсказуемый, судя по его дикому, необузданному нраву, думал Яйцо. Сур знает, они старались — он, и Штормовой Путь, и Южный Глаз...

Ярл тряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения, но знал, что оно вернется снова ночью, как обычно — не важно, в скольких войнах он участвовал, сколько видел смертей: оно вернется... И снова король окажется рядом с разорванными телами, горящей женщиной, и этой странной юной женой, идущей сквозь озверевшую толпу беспрепятственно, будто она и не принадлежала этому миру.

— Тебя били по голове? — внезапно спросила Роза Эльды, охватывая пальцами его череп так же, как чуть ранее делал Вран.

Напуганный интимностью жеста, Яйцо дернулся прочь от ее рук. Он чувствовал смятение, страх, ощутил противоестественное вторжение в свой мозг.

— Много раз, — хрипло произнес он. — И снаружи... и изнутри.

— Изнутри?

Роза Эльды на несколько секунд закрыла глаза, слегка раскачиваясь на пятках. Прирожденная морячка, отстраненно подумал ярл.

Когда она вновь открыла глаза, удивительная зелень ее зрачков кружилась и прояснялась, как будто облака двигались по залитому солнцем небу. Потом Роза Эльды засмеялась.

Форстсон обнаружил, что тоже смеется, чувствуя себя немного увереннее от того, что связь между ними прервалась. Но прервалась ли?

Из ниоткуда появилось видение его собственной жены, именно такой, какой она была, когда он ушел на войну. Прекрасная светловолосая девушка двадцати пяти лет с румяными щеками и счастливыми глазами... Двое их маленьких детей, прячущихся за юбками матери, с испугом смотрят на отца — он в доспехах, с огромным шлемом под мышкой и мечом на спине. А живот Брины уже тогда округлился, она ждала их третьего ребенка — ребенка, которого он так и не увидел...

— Она жива, — сказала кочевница и подарила ярду головокружительную улыбку. — Она старше, чем девушка в твоей голове, но это все же она. Ее волосы теперь красные и короткие.

— Брина жива?!

— Ее зовут Брина? Я никогда раньше не слышала этого имени. Это женщина, правда?

Ее пальцы легко скользнули по лбу ярла. Вначале он увидел только силуэт женщины в истринской сабатке синего, почти черного цвета, а потом будто вуаль исчезла с ее лица.

Он увидел ее, свою давно потерянную жену, украденную захватчиками. Лицо покрыто морщинами, уголки рта обращены вниз — печать многих лет и тяжелого опыта, но глаза такие же ярко-голубые, как и в его памяти — удивительная голубизна барвинка, — а волосы, как и предупреждала женщина, уже не заплетены в длинные золотые косы, а выкрашены в темно-красный цвет и коротко острижены.

— Как... — начал ярл.

Потом отшатнулся от Розы Эльды. Руки инстинктивно сотворили знак Якоря Сура, чтобы прочно прикрепить его к земле перед лицом страшной магии. Рот беззвучно открывался, будто ярл пытался произнести слова, кипевшие внутри, — надувательство, колдовство, наихудшая разновидность магии, украла и так извратила память человека, — но горло не могло выпустить ни единого звука в холодный воздух, откуда его уже не вернешь обратно...

Потом Форстсон развернулся и побежал прочь от Розы Эльды, спотыкаясь обо все препятствия, которые король за несколько минут до этого так непринужденно миновал. Ярл добежал до борта, перегнулся через него, свесился вниз, и его шумно вырвало прямо в набегающие друг на друга волны.

Происшествие вызвало хор издевательского смеха и улюлюканья со стороны команды. Вран, прервав разговор с навигатором, уставился на первого советника с немалым удивлением. Ведь лорд Шепси вот уже пятьдесят лет как плавал по морям и бывал в ситуациях похуже нынешней. Если он не может вынести спокойного моря с едва заметной качкой, что с ним станет при шторме, который предсказывал рулевой? Время старику уходить в отставку на сушу, не в первый раз подумал Вран, прежде чем он станет объектом насмешек или, того хуже, сделает объектом насмешек своего короля.

Тут Ашарсон заметил, что ярл оставил Розу Эльды совсем одну. Женщина стояла у борта, подставив лицо ветру, не хуже самого устрашающего украшения на носу корабля. Слегка расставив ноги и согнув колени, она переносила качку не хуже закаленного моряка — а королевский плащ под порывами ветра открывал белую-белую кожу...

Бросив навигатора, король метнулся к борту, как самец оленя, натываясь на разную корабельную утварь, тела и мачту по пути, пока не добрался до Розы Эльды.

Он набросил на нее теплую шкуру.

— Пошли обратно в нашу спальню, любимая, — сказал король. — А я принесу тебе чашку каши и отличную свежую макрель. Незачем тебе продолжать свой пост.

— Разве ты не хочешь взять меня снова? — спросила она с невинным, как у ребенка, выражением лица, в то время как ее менее целомудренная ладонь легла на королевский член.

Вран поежился:

— Не сейчас, моя госпожа, не сейчас... мне надо заняться делами...

— Тогда позже, мой господин. — Рука по-хозяйски охватила затвердевший член.

Игнорируя поднимающийся восторг тела, Вран со вздохом освободился.

— Да, позже...

Глава 19 КОШМАРЫ

Солнце вставало и заходило, а Танто все не приходил в сознание. Целители приходили и уходили, кусая губы и покачивая головой, похожие на лысых воронов в широких черных одеждах. Мудрые врачи с пронизательными глазами отбывали с набитыми золотом карманами, оставив пациента в том же состоянии, что и раньше, несмотря на все растворы и мази, пропитанные отварами повязки и горячие микстуры. Потом наконец нашелся хирург, и то, что ему пришлось сделать, чтобы спасти больного, было потрясающе жестоко.

Подвергаясь всем этим испытаниям, Танто потел и стонал. Его веки трепетали, и сердце Фавио Винго трепетало в унисон. На третью неделю после того, как хирург отрезал все, что оставалось от мужественности Танто, у последнего начали выпадать волосы на голове, когда отец расчесывал их, потом вылезли волосы с груди и ног, подмышек и паха, пока юноша не стал бледным и безволосым, как девочка — не считая красноты воспаленного места, изуродованного сначала кинжалом, а затем стараниями хирурга.

Моча с гнилостным запахом и другие выделения беспрестанно просачивались сквозь бинты, которые приходилось менять три раза в день. Сумма, в которую обошлись свежие

бинты и лекарства, уже стала астрономической. Пока баржа медленно прокладывала свой путь по Золотой реке, Фавио Винго продал свой лучший плащ, драгоценности и двух прекрасных скакунов, чтобы оплатить лечение Танто. К тому времени как они миновали Талсию с ее величественными каменными зданиями и поднимающимися к немилосердному голубому небу древними колоннами и вошли в торговую гавань Пекс, Фавио обнаружил, что он не только мало чего может теперь продать, но еще и потерял всякую веру в традиционную медицину. В Пексе, речном городке, где по традиции останавливались на отдых путешественники, возвращавшиеся с Большой Ярмарки, из Лунной равнины, в южные провинции, Фавио приказал направить баржу вниз по течению к мосту. Там он сошел на берег.

За час до заката, когда Фабел Винго и члены команды уже начали слегка расхолаживаться, он вернулся, таща за собой визжащую женщину с перьями в волосах. На спине у нее болтались три или четыре длинные косы с ракушками, а по бедру мерно ударял огромный черный мешок.

— Что, именем Фаллы, ты такое делаешь? — потребовал Фабел, уставившись мимо брата на странную кочевницу. — Нельзя ее брать на борт!

Одно дело дивиться на Потерянных издалека, изумляться при виде каравана из вьючных животных, тянущих разноцветные повозки на Ярмарку, покупать безделушки в подарок женщинам, даже в случае острой необходимости молиться вместе с одной из их проворных шлюх — все равно это происходит только во время двухнедельной суматохи Ярмарки. Но всем доподлинно известно, что женщина на корабле приносит несчастье, а уж приволочь Потерянную с ее языческой магией — чистое сумасшествие. Особенно принимая во внимание наказание, определенное Советом носителям магии и тем, кто их привлекает, после событий, которые завершили последнюю Ярмарку.

— Она может спасти его. Я знаю!

Фавио втащил женщину на палубу и подтолкнул вперед, а она только визжала и протестующе свистела.

Внезапно кочевница смолкла, стала столбом и уставилась на Фабела, который преградил ей путь. Потом пальцем с длинным ногтем показала на него, коснулась своего лба и забормотала высоким голосом нечто совершенно неразборчивое для истрийца.

Фабел настаивал на своем, сверкая глазами:

— Ты с ума сошел? Она бродяга, Фавио. Ведьма!

— Вот и пусть применит свою магию на Танто.

— Это ересь, брат!

Фавио вскинул подбородок:

— Мне плевать!

Он принялся подталкивать кочевницу в спину, пока та не наткнулась на Фабела. Тот быстро отступил назад, сотворив охранительный знак пламени Фаллы, чтобы оградиться от нечистого прикосновения.

— Ты собираешься проклясть и его душу, и свою заодно?

— Он не умрет. Я не позволю ему умереть!

Обойдя кочевницу, удивленно озирающуюся вокруг, Фабел предупреждающе положил ладонь на руку брата:

— Фавио, послушай меня. В его состоянии было бы только благословением...

Лицо Фавио потемнело от гнева.

— Танто не один из твоих ценных жеребцов, которому можно перерезать горло, когда он теряет привлекательность для покупателя. — Он с ненавистью глянул на брата. — Если бы там лежал Саро, ты бы никогда не сказал ничего подобного.

В первый раз они так близко подошли к разговору об истинном происхождении Саро. Фабел побледнел. Потом, без единого слова, быстро прошел мимо кочевницы и направился на корму баржи, выпрямив спину. Ноги сами понесли его туда, где под навесом стояли лошади.

Фабел уже преодолел половину пути, когда понял, что предмет последней части их обсуждения тихо стоит там, у ограждения, и смотрит на него пустыми глазами.

Уже слишком поздно поворачивать назад, подумал Фабел. Теперь Фавио решит, что он намеренно выбрал этот путь, будто объединяясь против него с сыном, которого зачал. Но теперь уже ничего не поделаешь.

Он ускорил шаги, чувствуя, как взгляд брата буравит его спину, словно шилом.

— Лошади ведут себя спокойно, парень, — сказал он с натянутой веселостью.

Саро выдавил из себя улыбку.

В этом путешествии он слишком мало спал, а прошедшие несколько недель вообще стали наихудшими в его жизни. Он ухаживал за братом день и ночь, стискивая зубы от вида агонии и той ненависти, которая изливалась, словно магма, из-под поверхности сознания Танта каждый раз, когда он прикасался к брату, чтобы перевернуть его, обмыть, поменять вонючие бинты, накормить, убрать испражнения.

По какой-то причине Фавио решил, что Саро это послужит на пользу.

— По крайней мере, — сказал он, недобро оглядев юношу, которого выдавал всему миру за своего сына, — ты в долгу перед своим братом, потому что именно твоя всепобеждающая гордость и эгоизм стали причиной случившегося.

Саро так и не добился от него объяснения своей вины в том, что Танта ранили. И момент, когда все еще возможно было нормально обсудить, появился и прошел в единственном взгляде, брошенном на него отцом, когда они стояли над кроватью Танта в первую ночь, прежде чем Фавио с полным отвращения вздохом покинул комнату, схватившись руками за голову.

Юноша получил самое ясное представление, какое только мог ожидать, что отец хотел бы, чтобы на месте Танта, гордости и радости семьи Винго, лежал Саро, который терпел поражение во всем том, в чем преуспевал его старший брат. Саро, который был так похож на юного Фабела, напоминал Фавио каждой черточкой своего лица и о неверности жены, и о его собственной слабости, неспособности признать факт измены.

Итак, Саро приходилось выносить презрение отца и жуткое сопереживание, которое связывало его крепче, чем когда бы то ни было, с умирающим братом. Он с каждым днем все сильнее чувствовал, что живет не своей жизнью. А еще сны...

Юноша заставил себя выбросить из головы то, что причиняло больше всего боли.

— Добрый день, дядя Фабел, — сказал Саро. — Лошади просто счастливы, что баржа остановилась. Но вот Ночной Предвестник не притрагивается к корму.

Фабел выглядел встревоженным. Им пришлось покинуть Ярмарку, прежде чем он заключил сделку, о которой говорил, по продаже жеребца. Это была хорошая сделка, и, к счастью, с коневодом из городка, расположенного в сутках пути от Алтеи, так что он еще надеялся заключить ее по приезде. После принесшей одни убытки Ярмарки вероятная продажа Ночного Предвестника являлась единственным светлым пятном в темноте будущего.

Фабел перебрался через заграждение и направился к отдельному стойлу, где был привязан Ночной Предвестник. Конь скосил на него глаз, потом вскинул голову и попятился.

— Ну-ну, парень.

Фабел протянул руку и дотронулся до шеи жеребца. Она была теплой и твердой, ничего необычного.

Фабел скорчил гримасу. У парня слишком бурное воображение. Похоже, с конем все в порядке.

— Наверное, когда проголодается, поест, — бросил он через плечо.

Саро нахмурился.

— Думаю, ему плохо, — настойчиво произнес он. — И одна из кобыл постоянно ржет.

Он показал на симпатичную пегую:

— А она пьет слишком много воды.

Фабел покачал головой:

— Лошади нервничают на барже, ты же знаешь, Саро.

— Я видел, как отец привел целительницу из кочевников, — осторожно начал Саро.

Он обошел сегодня всех животных, дотрагиваясь до них и слушая их сокровенные мысли, хотя это и сильно вредило его душевному спокойствию. Лошади страдали от жары, возможно, еще из-за смены климата, так как они теперь продвигались все дальше на юг Истрии, но юноша, кроме того, уловил определенную степень тревоги — и отдельных лошадей, и всего табуна в целом, которая говорила о болезни и страхе, хотя очевидные симптомы еще и не проявили себя.

Больше всего Саро тревожило, что это может быть проявлением болезни, которая пару лет назад распространилась среди лошадей сразу же после Ярмарки. Тогда она казалась таинственной чумой, посланной самой Богиней, как думал юноша, чувствуя жуткий запах горячей конины, когда их соседу Феро Ласго пришлось перебить весь табун чистокровных жеребцов и сжечь трупы на огромных кострах, дым от которых низко стелился по полям в безветренные душные дни. Насколько помнил Саро, та болезнь начиналась также достаточно безобидно, и симптомы были примерно такими, что он учуял сегодня. Кочевники славились добрым обращением с животными, и если болезнь обнаружить на ранней стадии и попытаться вылечить...

— Я подумал, что, когда она вылечит брата, может быть, привести ее посмотреть лошадей...

Фабел нетерпеливо покачал головой:

— Жизнь твоего брата в руках Фаллы, и не следует злить ее языческой магией. Если Госпожа решит, что мы в нее не верим, она заберет Танто с собой наверняка, но твой отец не хочет ничего слышать. Мы должны остановить его, парень, но он не станет разговаривать со мной. Однако ты попробуй. — Он с надеждой посмотрел на Саро.

Однако юноша покачал головой:

— Меня он тоже не послушает. Но все равно, мне надо поговорить с этой женщиной.

Суеверие не суеверие, но он не станет спокойно смотреть, как лошади умирают, если болезнь можно вылечить.

Фабел выглядел сбитым с толку.

— О, я так не думаю, парень. Кажется, она в состоянии только визжать и свистеть. Сомневаюсь, что эта бродяжка понимает хоть слово по-истрийски. Тебе, может быть, удастся выгнать ее из каюты, прежде чем она сотворит злодеяние над нашим бедным Танто...

Но Саро уже ушел.

В каюте Танто было душно, как в печке, да еще надышали три человека, топтавшиеся в помещении, где едва помещалась одна койка.

Фавио Винго из угла с отчаянием смотрел, как кочевница у кровати накладывает руки на воспаленное тело его сына и медленно качает головой.

— Плохая рана, — заговорила она по-истрийски с жутким акцентом. — Нож, сделавший... шру... халом.

— Говори на истрийском, женщина, или по крайней мере на Древнем языке, ты, невежественная старая карга!

Фавио схватился за голову и принялся мерить каюту шагами.

— Ты! Можешь! Вылечить! Моего сына?! — кричал он, выделяя каждое слово, будто для глухого ребенка. — Можешь! Сделать! Что-нибудь! С его раной?!

— Нет, нет... — Кочевница быстро замотала головой, в испуге замахав руками. — *Халом эалладана ... сильная магия... очень древний. Эалладана халом, райена фестри.*

Фавио нахмурился:

— Я не понимаю.

Саро, под влиянием минутного побуждения, природу которого сам не понял, сделал шаг вперед.

Оказавшись в каюте, не зная, что делать дальше, он сложил руки вместе и вежливо

поклонился целительнице, по обычаю кочевников, как раньше Гайе, но на этот раз без ошибки.

— Райееш, мина конани.

Брови целительницы взлетели вверх, как на крыльях жаворонка. Она радостно улыбнулась и выдала нескончаемый поток бессмыслицы:

— *Фелира инни стримани ээшь аани, истриани мина. Кааи фирана периана тиино, тиино бретриани каланишь исти — сар ан долани фер ана фестри. Райена фестри: ер исти фестриани, сер-ти?*

Саро очумело замахал на нее руками.

— Нет, нет, — быстро проговорил он на Древнем языке, — я не понимаю, что ты...

Но женщина вовсе не собиралась останавливаться.

— *Сер-ти манниани мина? Бретриани тиино ферин фестри мивхти, мортри пурини, эн сианна сар хина фестриана. Райена фестри эн алдри бестин ан плаканеа донани. Конуту-ти кестри йаини ферин саринни?*

Саро положил ладонь на руку целительницы, чтобы прервать поток слов, и тут же его переполнил ужас, испытываемый женщиной при виде раны, которая никогда не залечится, которую просто нельзя залечить... потому что лезвие, которое ее причинило, выплавлено при помощи древней магии — *эалладана халом, райена фестри*, — возвратившейся магии самой земли, злобной для тех, кто творит зло, — и лезвие четко знало: Танто совершил зло, убил невинного, и поэтому рана будет гнить и воспаляться, и никогда не заживет, пока брат не искупит свою вину, и не получит прощение того, кто поразил его.

Коннуту-ти кестри йаини ферин саринни?

Знал ли он нож, которым нанесли рану?

Откуда? Но Саро мучили подозрения: нож, который... она, прекрасная эйранка... дала ему и который исчез в ночь Собрания, чтобы более не появляться. Но юноша помнил, как лезвие дрожало в его ладони, помнил и те магические волны, которые он списывал на счет своих чувств к его создательнице, чем на действительную их природу.

Саро верил теперь в магию, о да, он верил. Не он ли не мог скрыться от нее ни днем, ни ночью?

С расширившимися глазами юноша повернулся к отцу:

— Кажется, она говорит, что рана брата воспалилась, потому что нож посчитал его злодеем...

Это звучало нелепо даже для его собственного уха, а уж Фавио Винго выглядел так, будто сейчас взорвется от подобного предположения. Но Саро продолжал настойчиво:

— Мне кажется, клинок, который нанес рану, был тем самым, что выковала эйранка... — Он не смог заставить себя произнести ее имя. — Она подарила его мне на Ярмарке, когда мы с Танто рассматривали оружие. Должно быть, потом Танто взял его без спросу...

Саро умолк, потому как что-то здесь прозвучало не так: он не подумал о предшествующих событиях.

Фавио просял:

— Я знал! Я так и знал! Она попыталась убить его своим колдовством, эйранская шлюха. Она отравила лезвие! Неудивительно, что ничего не помогает моему мальчику!

В извращенной радости, что обнаружил причину лихорадки Танто, он полоумно улыбался.

— Маленькая эйранская ведьма! Она испортила моего мальчика, а вовсе не дочь лорда Кантары! Я так и знал, и мы правильно сделали, что кинули ее в костер... Она отравила его черной магией и потом еще пыталась отравить своими словами. Проклятие, мальчик мой, — он потряс Танто за плечо, будто пытаясь поделиться с ним своей безумной радостью, — она сгорела на костре, и возблагодарим за это Фаллу! Теперь нам надо только, чтобы Потерянная ведьма дала тебе зелье против эйранского злобного заклятия...

Саро с отчаянием оглянулся на целительницу. Как ему заставить отца понять правду?

Однако теперь кочевница отступала назад с перекошенным от ужаса лицом. На мгновение Саро решил, что дикая радость Фавио от смерти эйранки огорчила ее, но потом с ледяным ужасом осознал, что взгляд женщины остановился на нем: ее глаза раскрылись так широко, что юноша мог увидеть желтую оболочку роговицы вокруг огромных черных зрачков. Именно он, Саро, напугал ее, он, а не отец и не злобный брат. Нет, именно его прикосновение привело ее в такое состояние... Но почему?

— Не бойся! — выкрикнул он. — Пожалуйста, не бойся! Я не причиню тебе вреда!

Кочевнице надо было пройти мимо Саро, чтобы выйти из каюты, и они оба понимали это. Поэтому женщина дико озиралась в поисках другого выхода — так напуганная кошка, столкнувшись с рычащей собакой, отчаянно ищет любой путь, пусть даже сквозь огонь, который позволит ей избежать встречи с извечным врагом.

Саро шагнул к целительнице и в ужасе увидел, как она попятилась назад. Преодолев расстояние между ними в два быстрых шага, юноша схватил женщину за плечи, пытаясь успокоить, но, как только установился физический контакт, его буквально утопило в потоке эмоций.

Никакого утешения: ничего, кроме безумного ужаса в чистом виде. Перед кочевницей, дотрагиваясь до нее, стоял тот, кто носил сказочный смертный камень на шее — бездумно, как серебряную безделушку. И все же стоит ему вытащить камень из кожаного мешочка и взять его в руку, как ее душа вылетит в безбрежные надмирные пространства. Даже простое прикосновение отнимет душу у плоти, как это случилось уже с другими. Женщина чувствовала их смерти на нем... Все трое — мужчины-воины, но кто знает, вдруг он в своем опасном незнании отнимет жизнь и у бедной, беззащитной кочевницы? Он уже отнял три — или четыре? — жизни, даже не поняв, что творит... Трудно сказать точно, потому что их замученные души вспыхивали и извивались в темной ауре, окружавшей его, — ауре, пропахшей дымом и пламенем, горячей одеждой и человеческой кожей... Именем Близнецов, времена костров вернулись, и точно они все страдают...

— Айэээээ!

С визгом кочевница вырвалась из рук Саро. Секунду, пока Саро боролся с наплывом образов из ее разума, женщина воспользовалась его замешательством и проскочила мимо юноши в дверь, стараясь, несмотря на отчаяние, не коснуться даже его одежды.

Звук ее шлепающих босых ног быстро удалялся.

— За ней! — взревел Фавио.

Но тут его идиот-сын упал на пол, схватившись за голову и всхлипывая, как ребенок.

Оставшуюся часть дня и всю ночь и все следующее утро Саро не вставал с кровати, несмотря на угрозы отца и его слегка панические (потому что потерять одного сына из-за ранения, а потом второго из-за безумия было бы слишком для Фавио) уговоры.

Юноша пил вино и воду, которые рабы приносили ему, ел хлеб, пряное мясо и овощи, оставленные у кровати, все время находясь в каком-то заторможенном состоянии. При этом образы, взятые из разума кочевницы, постоянно мелькали у него в голове, подобно сверкающим осколкам разбитого зеркала... отрывочные воспоминания, которым Саро никак не мог придать форму или хотя бы понять их смысл, как бы ни складывал их вместе. Он видел лица троих мужчин, которых не знал: стражник с яростными темными глазами, в высоком рогатом шлеме; светловолосый северянин с косичками в длинной, разделенной на две части бороде, крючковатым, как у птицы носом и холодным огнем в глазах... Истриец с тяжелым подбородком, поднявший меч и открывший рот в яростном выкрике, который внезапно и, по мнению Саро, беспричинно сменился испуганным воем.

Юноша увидел собственную руку, протягивающуюся вперед, касающуюся лба первого из этих людей, увидел, как глаза стражника вспыхивают серебром, которое затем уступает место пустой темноте. Он увидел, как двое других, дерущиеся друг с другом, падают мертвые, без видимой причины, к его собственным ногам...

Саро увидел самого себя, уставившегося на камень в своей ладони. Тот уже

превратился из красного тлеющего уголька в белое пламя, которое высветило кости сквозь плоть, когда он сомкнул на камне пальцы.

Саро безуспешно пытался соединить эти странные образы, но ничто — кроме одной вещи, которая заставляла разум раскалываться на части каждый раз, как только он в мыслях приближался к ней, — не могло связать их в единую осмысленную картину.

И наконец, снова и снова, под разными углами, как будто он находился в тысяче мест одновременно — и слева, и справа, и даже умопомрачительным образом сверху, — он видел эйранку (Катла, Катла, Катла — эхом отдавалось в разбитом сердце), привязанную к столбу.

Саро видел дым от костра, собирающийся в огромное черное облако. Потом юноша опять вернулся в свое тело и с жуткой, непрошенной ясностью увидел, как носки ее ботинок трескаются и лопаются, как веревки врезаются в обнаженную кожу девушки, как ее глаза заполняются ненавистью, когда он подходит к ней сквозь раздражающий легкие дым, как рот открывается и закрывается, извергая поток слов, которые он, к счастью, уже не может слышать...

Потом Саро не видел ничего, и даже теперь, несмотря на прикосновение целительницы, все еще был не в состоянии вспомнить что-либо, помимо этих событий, — до того момента, как он проснулся на следующий после сожжения Катлы, день в собственной постели в палатке семьи Винго с предчувствием жуткого, невыносимого по глобальности и неотвратимости катаклизма.

Когда дядя вошел в его каюту в полдень (Саро точно знал время, потому что слышал голоса священников, возвещавших о начале молитвы, — их выкрики тревожили тяжелый, застоявшийся воздух), чтобы проверить, как он себя чувствует, юноша схватил Фабела за руку и потребовал рассказать, что случилось.

Фабел откинул голову назад и рассмеялся.

— Ты герой, парень! — радостно сообщил он. — Вся Истрия скоро узнает, как ты бесстрашно кинулся в огонь Фаллы, чтобы доброй форентской сталью отправить душу эйранской колдуньи на суд Богини, прежде чем она сумеет спастись с помощью своей магии.

— Я убил ее? — в смятении выдохнул Саро.

Сердце его болезненно забилося о ребра, разум отказался адекватно воспринимать окружающее.

Он никогда бы не поднял оружие на Катлу Арансон, явно произошла какая-то ужасная ошибка... или это только дурная шутка?

— Я зарубил мечом эйранку?

— Мы все видели тебя, парень, — гордо произнес Фабел. — Благородный поступок, вполне достойный героя. О нем уже слагают песни, клянусь, хоть все и было напрасно.

— Что ты имеешь в виду? — Сердце Саро, только что бешено стучавшее, почти остановилось. — Что значит — напрасно?

— Ведьма воспользовалась заклинаниями и сбежала с костра — по крайней мере так говорят.

— Но как?

Фабел пожал плечами:

— Кто их разберет, этих ведьм, Саро? Испарилась, исчезла, оставив только свою диковинную шаль, которую носила на голове.

Шаль.

Где-то в глубине затуманенного мозга юноша помнил шаль, разноцветный кусочек материи, сиявший собственным светом посреди огня.

— И как... как я очутился здесь?

Фабел довольно ухмыльнулся и выпятил грудь колесом. Его прямо-таки распирало от гордости.

— Ну, это я, понимаешь ли, я тебя вытащил, парень. Было похоже, что дым совсем доконал тебя: ты упал прямо на уголья и наверняка сгорел бы, но тут подоспели мы с Гаро Фортраном. Мы кинулись к костру, я вытащил тебя и принес сюда. Ты нашел в себе

удивительную смелость в таких серьезных обстоятельствах, — добавил он напыщенно. — Гаро уже наполовину написал песню в твою честь. Послушай-ка:

В пылу борьбы, посреди огня и крови,
Он вытащил меч в темной ночи,
Чтобы отдать ведьму на милость Фаллы.
Вот деяние истинного рыцаря.

По-моему, очень хорошо. Гаро обрадуется, что ты пошел на поправку, и обязательно прочтет тебе все произведение.

— Но я не рыцарь, — только и смог пробормотать Саро.

Необъяснимо, странно, чрезвычайно неприятно...

Юноша лег лицом в подушку и заплакал, хотя толком и не знал, из-за чего. Фабел, смутившись от такого немужественного поведения, тихо исчез.

Вот и все, что удалось узнать Саро о событиях того дня.

Его посещали кошмары, он постоянно ощущал смутное, тяжелое чувство неудачи. Хуже того, юношу снова и снова буквально преследовали глаза Катлы, та обжигающая ненависть, которую она обрушила на него, когда Саро шел к девушке сквозь пламя.

Однако вопреки всем свидетельствам он не собирался признавать, что хотел убить и Катлу, и тех людей, лица которых показала ему кочевница, потому что убийство противоречило всей его природе.

Но как бы сильно Саро ни убеждал себя в этом, все настойчивее росло подозрение, что, хотя он действительно не хотел никого убивать, каким-то жутким, недоступным пониманию образом ответственность за их смерти все же лежала на нем.

Глава 20 ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Катла не умерла, хотя и выглядела как настоящий труп.

Она лежала все время, пока «Птичий Дар» пробивал дорогу домой, в земли клана Камнепада, сквозь бурлящие волны Северного океана, и не знала о том, что находится в море, если не замечать осевшей на лице соли и сонного ощущения бесконечных взлетов и падений на волнах враждебного моря.

Выплывая из бессознательного состояния, омываемая потоками беспощадной боли, девушка слышала голоса матросов, доносившиеся будто издалека. Впрочем, ей они казались криками стервятников над полем битвы — полем, где Катла оказывалась раз за разом в своих сновидениях: она летела над ним, привязанная к темной лошади, без устали скачущей сквозь ночь...

Ничто, казалось, не могло освободить ее от кошмара. Эйранцы вышли в море в такой спешке, что у Арана не нашлось минутки, чтобы найти целительницу: он справедливо счел, что покинуть смертельно опасные земли Лунной равнины — их первостепенная задача.

Как только зловещие костры исчезли из виду, а истринские судна, посланные в погоню, уже не могли их нагнать, Аран сам обработал ожоги Катлы — промыл их морской водой и осторожно перевязал полосками своей лучшей рубашки, которую разорвал на части трясущимися от ярости руками, проклиная все время собственную слабость. Но вот с ранами, не видными глазу, однако самыми глубокими, он ничего не мог поделать.

Две недели плавания — недели, когда ветер дул ровно и судно шло достаточно ходко, — Катла ворочалась и стонала в беспамятстве, но через несколько дней ее волосы начали заново отрастать, и уже сквозь грубый, грязный черный пробивался огненно-рыжий, какой-то бескомпромиссный цвет, выглядевший неистово на фоне темных ожогов и ран, оставленных огнем.

То, что волосы отрастали — даже там, где до девушки добралось пламя, — будто шаль

Эрно действительно послужила магическим щитом между плотью и разрушительной силой костра, давало небольшую надежду. Каждый день Аран Арансон подходил и дотрагивался до появившегося ежика волос — ощущение его шелковой мягкости под грубыми пальцами словно подавало знак о внутреннем здоровье дочери — и молился (в первый раз в жизни женской богине, Фейе) о чуде.

Чудо произошло за день до их прибытия.

Фент сидел рядом с сестрой и, как обычно в момент отдыха, вязал узелки и сочинял всякие стихи и загадки. Сегодня он создал для Катлы нечто новое:

У меня нет больших комнат,
Но есть ложе.
Я путешествую туда-сюда,
Но никогда не покидаю дома.
Я шепчу и реву,
Но у меня нет рта.
Моя добыча нескончаема,
Так же как мой гнев.
Серебро струится сквозь меня,
И лазурь покоится наверху.
Я позволю тебе отдохнуть на моем теле,
Но внутри меня — смерть.
Кто я?

Закутанная фигура рядом с ним завозилась, и раздался совершенно ясный голос:
— Море.

Удивленный Фент огляделся вокруг. Халли стоял к нему ближе всех членов команды, но он повернулся спиной и разговаривал с Котилом Горсоном, навигатором, а больше никого в пределах слышимости не было.

Нахмурившись, он вернулся к узелкам.

Минутой позже снова раздался тот же голос:

— Ты меня слышал? Я сказала — «море». Легко, слишком легко: морское ложе и приливы, и серебряная рыба, и небо, и так далее. Жалко, что размер и ритм все еще хромают. Коза старой Ма Галласен — и то лучшая поэтесса, чем ты.

В изумлении повернув голову, Фент встретился с глазами сестры — глубокие, цвета индиго, похожие на сам океан, они были широко открыты и лихорадочно блестели, как у бешеной собаки. Тонкий белый ободок сиял вокруг зрачков. Кожа девушки походила на белое полотно. Катла выглядела кошмарно, но по крайней мере пришла наконец в сознание.

Фент невольно улыбнулся до ушей и заорал:

— Па! Па! Она очнулась! Катла очнулась!

Катла поборола тошноту, подкатившую к горлу, и попыталась сесть.

О Сур, какая боль! Капли пота показались на ее лбу. Вся правая часть тела горела, как в огне.

Внезапно испугавшись, Катла попыталась ухватить Фента за рукав, но ее рука оказалась тяжелой и слабой: она не чувствовала пальцев.

— Сколько я спала?

Внезапно совершенно обессилев, Катла свалилась обратно, закрыв глаза, в которых замерцали зеленые круги. Смутные образы недавних событий тут же начали жестоко терзать сознание. Погоня между палатками, по темному, залитому луной берегу в тени огромной скалы, толпа людей, в которой мелькали и исчезали по очереди знакомые лица: Йенна, отец... а вот Финн Ларсон жадно облизывает красные губы. Халли с дубиной над головой, Эрно, которого обнимает какая-то темноволосая женщина. Светлобородый эйранец с

открытым в крике ртом, из груди его высовывается кончик копья. И истриец, направляющийся к ней, подняв меч, и странный серебристый свет ярко горит в его глазах...

Саро Винго. Имя ударило в уши. Саро Винго, прекрасный истрийский юноша. Тот, что спас тебя, а потом пытался убить...

Внезапно дернувшись, Катла подняла правую руку к лицу и уставилась на нее. Какое-то намотанное тряпье: огромный, бесформенный обрубок.

— Что со мной случилось?

Ответ пришел сам собой, быстро и четко. Саро шел к ней, подняв меч: он не сумел убить ее, но все-таки сумел отрубить ей руку, оставив только эту нелепую, забинтованную культю. Катла никогда больше не будет лазить по горам, бить по железу молотом, бороться на состязаниях, даже одеваться и есть будет нелегко... В безысходном отчаянии, не обращая внимания на боль, которую вызывало каждое движение, девушка принялась срывать тряпки зубами.

— Катла!

На секунду отвлекшись, она подняла глаза и обнаружила рядом отца. Первым делом девушка увидела не глаза Арана — блестящие, черные, наполненные непривычными слезами, — а кущую бороду, отсутствие бровей и короткие, обожженные волосы.

— Что с тобой случилось, па? Слишком близко подошел к очагу?

— Можно и так сказать...

Аран Арансон подарил дочери кривую ухмылку. В первый раз, как с некоторым любопытством отметила Катла, она смотрела на его рот. В ее лихорадочном состоянии все казалось неестественно четким — каждая мелочь, каждая незначительная деталь мироустройства. Для мужчины рот отличный, решила она, острые белые зубы, редкие, как у собаки. Губы точно прорисованы и хорошей формы, хотя линия верхней прерывается бледным шрамом, убегающим к носу. Она никогда не замечала его раньше.

Аран понял, что Катла разглядывает его лицо. Невольно поднял руку к шраму, пальцы ощутили непривычную линию сквозь щетину.

— Откуда он у тебя, па?

Его лицо внезапно осунулось, стало торжественным и мрачным.

— Хотелось бы мне сказать, что это знак моей доблести, полученный в войне против Юга, но, боюсь, это произошло давно, мое первое Собрание. Мы с парой приятелей перебрали пива, и я попался на краже нового кувшина. Я споткнулся и упал — и оказался слишком пьян, чтобы спастись от каменистой земли! Раньше стриг бороду так же коротко, как Фент, но после этого случая... — он наклонился вперед и заговорщически подмигнул Катле, — сказал твоей матери, что получил рану на дуэли. — Аран прижал палец к губам. — Только, чур, молчи.

Глаза Катлы наполнились слезами.

— Я потеряла руку, па? Скажи мне быстро...

Аран встал рядом с ней на колени и принялся снимать бинты с осторожностью, странной для такого огромного, могучего мужчины.

По мере того как он разматывал материю, Катла с все большим волнением рассматривала руку. Потом почувствовала пальцы, непослушные и ноющие, но все-таки пальцы. Когда же последняя тряпица упала на палубу, открылось отвратительное зрелище: рука и запястье страшно раздулись, кожа была розовой и блестящей там, где не почернела и не обуглилась. А прежде длинные, тонкие, крепкие пальцы теперь слиплись в одну бесформенную, красную массу обгорелой плоти.

Катла ахнула. Такое явно не могло принадлежать ее телу! Неужели это ее пальцы, или, может быть, зрение сыграло с ней злую шутку? Она моргнула и снова посмотрела, моргнула и посмотрела...

— Что со мной случилось?!

— Тебя пытались сжечь, милая моя. Даже сейчас я не могу сказать точно почему — за то, что залезла на Скалу, или за другую ерунду...

Для Арана окончание Собрания потерялось в смутном тумане, наполненном яростью и болью. Он мог вспомнить только свою дочь, стоящую перед королем, ничем не обоснованное высокомерие истрийцев и их ликование при объявлении о предстоящей страшной казни.

Катла нахмурилась:

— Я помню, как забралась на Скалу...

При одной только мысли об этом ее рука принялась зудеть и вздрагивать. Девушка отогнала смутный образ, решив не раздумывать больше о своем жутком ранении. Она видела и похуже, говорила себе Катла, вспоминая кошмарный несчастный случай с молодым Бородой в кузнице прошлым летом. Его кожа тоже вся слиплась, но потом он поправился. Можно сказать, что поправился...

— Я обрезал твои волосы за это, — напомнил Аран, проводя ладонью по ее макушке.

— Я снова на нее забралась, па, как раз перед тем, как они меня поймали...

Теперь все вернулось к ней, она вспомнила последовательность событий: побег с Собрания после того, как Эрно поцеловал ее. «Нет, — поправила она сама себя строго, — после того как ты сама поцеловала Эрно — амулет там, не амулет, но так оно на самом деле и было». Восхождение на Замок Сура, ощущение мощи скалы, ревущее в жилах. Южанка, шокирующе нагая, неловко бежит между павильонами, и кинжал — ее, Катлы, кинжал, один из лучших в своем роде — отличный рисунок на лезвии, говорящий о своем создателе лучше всякого клейма, — весь в крови...

Катла огляделась вокруг. Увидела Халли и Фента за спиной отца, они облегченно улыбались. За ними Гар и Морт, Котил Горсон, и Хэм, рулевой. Обернувшись к корме, девушка разглядела группу из дюжины гребцов, играющих в кости. И, хотя там виднелось несколько белобрых голов, склонившихся над столом с костями, ни одна не была такой светлой, как у Эрно...

— Где Эрно, па? И девушка?

— Какая еще девушка? — резко спросил Аран.

— Эрно помогал мне сбежать, чтобы сорвать брак с Финном Ларсоном, — просто ответила она и заметила, как помрачнело лицо отца. — Внизу, на берегу, мы обнаружили какую-то истрийку, нуждавшуюся в помощи. Кто-то напал на нее, как она сказала, и ей показалось, что она убила того человека. Я уговорила Эрно спасти ее, увезти на лодке, потому что женщина боялась, что ее сожгут за убийство. — Брови девушки сошлись на переносице, потом она ухмыльнулась — диковато, по-волчьи, на минуту став прежней Катлой. — Но ведь они попытались сжечь меня, так? Я теперь кое-что припоминаю. Меня поймали стражники, на Собрании появился истриец, весь в крови... каков лежец! Потом огонь, и все такое... но что случилось с Эрно и Тором?

— Об Эрно я ничего не знаю. А Тор...

Аран опустил голову. Ему предстояла нелегкая задача — рассказать Элле Стенсен, как ее любимый, хоть и своенравный сынок пострадал за его дочь.

В разговор вмешался Халли. Стиснутые зубы, мрачные глаза... Он стал, по мнению Катлы, лет на десять старше, с тех пор как они оставили дом.

— Тор погиб в бою, пытаюсь спасти тебя от истрийцев.

Полуобраз блондина с наконечником копья, непристойно высунувшимся из груди, на мгновение промелькнул в голове девушки. Катла закрыла глаза.

Тор Лесон погиб, чтобы спасти ее от костра. Такой зверь — кто бы мог подумать? И тотчас она устыдилась своего предвзятого суждения.

«Из зверей получаются неплохие герои, при соответствующих обстоятельствах, — подумала она. — Это была храбрая смерть, и я послужила причиной. Я воздам Суру, как только мы вернемся домой, на земли клана Камнепада, и помолюсь, чтобы душа Тора добралась до Обителя Храбрецов».

Но примут ли того, кто умер на твердой земле, в морском Зале Сура на пиру героев? Или его душа пронесется по каменным венам мира в самое сердце Священной Горы, где бы

она ни была? Сложность подобных вопросов никогда раньше не занимала Катлу: смерть на поле боя никогда еще не затрагивала ее семью. Все знали, что когда умрут, то станут единым целым с землей и морем, глиной, из которой Сур вылепит новое тело. Но вот умерших на поле боя или в море Он оставлял себе, окружая себя морями и солдатами, которые понадобятся в великой битве конца света, когда Сур с дружественными божествами — Снежным Волком и Медведицей — станет бороться с мировыми чудовищами — Драконом Вена, Огненной Кошкой и Змеем.

Раньше все это казалось просто развлекательными историями, приукрашенными различными деталями и приправленными отличными шутками и афоризмами. Сказки для детей, чтобы выучивать их наизусть и выдумывать вариации на данную тему... Песни для путешествующих бардов, чтобы веселить народ на Великом Пире. Теперь Катла осознала, что так создавался скелет жизни и смерти, подобный фижмам, которые женщины использовали, чтобы делать пышными свои юбки, — рамки, которые не дают мирозданию развалиться на части, сползти в хаос разрозненных образов...

— Мне жаль, — мягко проговорила девушка. — Надеюсь, Эрно благополучно скрылся с той несчастной женщиной...

Аран покачал головой.

— Хочется верить, что он взял один из их кораблей, — мрачно сказал он. — Хотя я бы не поручился за жизнь Эрно, если его поймут на украденном корабле с нагой истрийкой.

— О, она была вовсе не нагая! — Несмотря ни на что, Катла расхохоталась. Откинув руку отца, она сжала зубы и приняла сидячее положение, облокотившись на низкий планшир. — Я отдала ей свое свадебное платье.

Фент фыркнул:

— Наверное, ей оно подошло гораздо лучше, чем тебе, сестра-троллиха!

Прежде чем Катла успела подумать, что ей это повредит гораздо больше, чем брату, она выбросила здоровую руку вперед и нанесла Фенту хороший удар по почкам. Ее тут же обдало жаром. Но девушка удовлетворилась видом сложившегося пополам брата, даже если его реакцию вызвало удивление, а не боль.

— О!

— Никогда не зли спящего тролля или только что проснувшегося...

В течение следующих часов Катла целенаправленно исследовала собственные увечья.

Там, где не было шали, обувь хоть как-то защитила ступни и ноги от воздействия огня. Но все равно девушка обнаружила красные, воспаленные пятна ожогов на поверхности своего тела.

Кроме распухшей кисти, правая рука потеряла верхний слой кожи от локтя до плеча, но Катла всегда поправлялась очень быстро, и новая кожа уже начала нарастать. Вся конечность одеревенела и мучительно болела, будто ущерб был гораздо больше, чем казалось на первый взгляд. Даже прикосновение свежих бинтов заставляло девушку вскрикивать — кроме одного места на плече, где кожа на бицепсе сохранилась чистой и нетронутой и не болела даже от легкого удара.

Катла знала это, потому что щипала и била по плечу немилосердно с того самого момента, как обнаружила этот непонятный феномен. Странно, но кожа в этом месте выглядела даже более здоровой и гладкой, чем прежде.

Хоть что-то хорошее, подумала девушка.

«У меня будет грубая и чешуйчатая, как у дракона, кожа по всему телу с этой стороны, кроме мягчайшей, красивейшей во всей Эйре кожи на предплечье».

— Я стану законодательницей новой моды, — объявила она Фенту, когда он заметил необычность. — Прорежу большую дыру во всех рукавах своих туник и буду показывать только эту часть тела. Как истрийки — губы.

— Ну да, точно, — понимающе усмехнулся Фент. — Потрясающе соблазнительно. Видеть только их накрашенные губы. Тор говорил... — Он внезапно запнулся. —

Проклятие...

Катла отвернулась:

— Он просил у отца моей руки, знаешь ли...

— Я тоже там был, — без выражения напомнил ей Фент.

— ...пытаясь спасти меня от Финна Ларсона. — Она помолчала. — Как ты думаешь, отец начнет все заново после того, что произошло?

Фент выглядел озадаченным.

— Что — «все»?

— Ну, брак с Финном...

Какая-то непонятная тень мелькнула по лицу юноши.

— Сомневаюсь, — ответил он.

Фенту явно стало неловко.

Катла, обычно читавшая мысли брата, как свои собственные, нахмурилась.

— Что? Почему? Ты чего-то недоговариваешь. Давай-ка, выкладывай мне все до конца, лисенок.

— Он... Финн Ларсон мертв.

— Мертв?!

Катла лихорадочно соображала. Когда стражники тащили ее на костер, началась невообразимая свалка, пока ее привязывали к столбу и поджигали дрова... У подножия костра сражалось уйма народу, но девушка не припоминала среди воинов тучного корабеля, как ни старалась. Да и вообще она не представляла, чтобы он вдруг кинулся в драку с истрийцами за нее...

— Я убил его.

Катла уставилась на него, потеряв дар речи. Ее брат, ее маленький братишка, как она любила думать о нем, убил человека! И не просто человека — и даже не врага, — а мужчину, с которым собирался обвенчать ее отец, лучшего корабеля на всей Эйре, отца Йенны...

— Но как... почему? Не из-за меня же?

Фент, не сумев сдержаться, издал лающий смешок.

— Знаешь, мир не крутится вокруг тебя одной.

Он рассказал ей и о подслушанном у истрийской палатки разговоре, и о том, как застал огромного наемника врасплох и взял его меч.

— В то время все казалось правильным, — сказал Фент, — взять Дракона Вена... знаешь, ведь ты его сделала, и он казался почти моим... и так хорошо лежал в ладони: почти пел, когда я вонзил его в предателя.

Катла с изумлением заметила безумный голубой свет в глазах брата. Он не сожалеет ни о чем, подумала она. Вовсе нет. Более того, он упивается убийством. На северных островах отнять жизнь у эйранца означало совершить величайшее преступление, которое наказывалось в лучшем случае кровной враждой и изгнанием или жизнью в обмен, если семья убитого требует отмщения. Целые семьи могли кануть в Лету из-за единственного мгновения необдуманной жестокости.

И все же Фент, оказывается, даже не осознавал, что мог навлечь беду на клан Камнепада, не говоря уже о самой серьезности своего поступка — отправления души корабеля Суру. Похоже, он вроде бы даже испытывал извращенную гордость...

В первый раз в жизни Катла осознала, что они отдалились друг от друга, что времена, когда она точно знала его мысли, просто потому что сама думала о том же, прошли навсегда. Это заставило девушку почувствовать себя одинокой — одинокой и настороженной.

— Но мы не воюем с Истрией, — спокойно проговорила она, — и наш король мог даже взять в жены истрийку. Пусть бы Финн продал южанам пару кораблей, что тут такого? Я уверена, он бы обобрал их до нитки...

На щеках Фента появились две темно-красные полосы.

— Ты что, совершенно не помнишь истории отношений наших двух рас? — почти прошипел он, холодно и резко. — Они украли нашу землю и убивали наших людей столетие

за столетием, оттесняя нас на север, пока у эйранцев не осталось только несколько паршивых, никуда не годных кусков скалы посреди грозного океана да умение строить корабли и плавать на них. А теперь грядет новая война. Ты что, просто будешь сидеть сложа руки и ждать, пока они отнимут у нас последнее? Из тебя бы вышла отличная жена для предателя!

С этими словами он вскочил на ноги и одним прыжком пересек корабль, чтобы усесться у румпеля и свирепо подставить лицо ветрам.

Катла наблюдала за ним, пока девушке не стало ясно, что брат не доставит ей удовольствия встретиться с ним взглядом. Потом, обессилив, вновь провалилась в сон.

Ранним утром Катла почувствовала старое знакомое ощущение — ускорившийся ток крови в венах, зуд под кожей.

Земля.

«Я чувствую, как земля зовет меня».

На этот раз ощущение было гораздо сильнее, чем раньше. Девушка почти видела рифы внизу, под килем, когда они плыли по темным, глубоким водам Западного моря — контрапункт к более настойчивой песне островов...

Боль сегодня немного притихла, хотя Катлу все еще тошнило, когда она пыталась подняться, однако это не мешало ей двигаться. С мрачным видом девушка ухватила за планшир и подобрала под себя ноги, черпая силу у пульсирующей энергии скал и рифов. На неверных ногах она направилась к румпелю, где, уставившись на длинную серую линию горизонта, все еще не нарушенную ни единым намеком на Эйру, рядом с отцом стоял Котил Горсон.

С затянутого облаками неба накрапывал дождик. Подходящая погода, подумала Катла, для их не такого уж славного возвращения. В этот момент «Птичий Дар» поймал большую волну — еще один признак близости берега, — и всем троим пришлось схватиться за планшир, чтобы удержать равновесие.

— Ох!

Волна миновала. Убрав руку с планшира, девушка повернулась к Котилу и отцу.

— Вы почувствовали?

Они отсутствующим взглядом оглядели ее.

— Большая волна, — заметил Котил в своей обычной спокойной манере.

— Нет, — быстро сказала Катла. — Не это...

Она остановилась. Потом осторожно положила руку на планшир.

Под ее ладонью дуб корабля пульсировал от энергии. Мощная вибрация говорила о чем-то большем, чем простая реакция на столкновение досок с волной.

— Вот это, — настойчиво проговорила Катла. Потом взяла руку Арана и прижала ее к той же поверхности. — Ты чувствуешь? Оно будто жужжит, будто пульсирует...

Аран странно посмотрел на нее. Его пальцы обхватили деревянную планку, сомкнулись на ней.

— Я чувствую тягу моря, удары волн... — начал он и нахмурился, вспомнив о чем-то. — Катла, тебе ведь не следует пока вставать. Ожоги еще не затянулись. Ты совсем бледная. Иди полежи, пока мы доплывем до берега. Теперь уже недалеко, самое большее — час.

— Я знаю, — отвлеченно подтвердила Катла. — Я чувствую...

Пошатываясь, она повернулась к отцу и Котилу спиной и двинулась обратно, не видя их озадаченных взглядов, не ощущая ничего теперь, кроме дрожи дерева под ногами и ответного зова той земли, где дерево срубили. Зов приносила и передавала серая холодная вода под днищем корабля. Будто, пока она спала, каким-то образом вложили в каждую частичку мира больше жизни, и эта жизнь говорила с ней, Катлой, являя свое существование перед ней, и только передней.

Западные острова появились только во второй половине дня.

Первым стал виден Высокий Муж — похожая на башню скала, чья южная сторона свисала гигантскими ступенями белого от помета гранита, а восточная блистала бриллиантовыми оттенками охры и зелени, где странные мхи северных островов усеивали ее как драгоценности. Прикрыв глаза от солнца, Катла смотрела на него, когда они проплывали мимо, и улыбалась. Высокий Муж, его суровый вид, опасные для кораблей рифы и всевозможные древние ассоциации отмечали вход в воды клана Камнепада. Они почти дома. Когда проплыли под высокую тень, девушка вспомнила, как бабушка Рольфсен рассказывала ей сказку о том, как Высокий Муж появился. Согласно легенде, когда Сур следовал лунной дорогой на север через океан, пытаясь вернуться домой к звездам, морозный гигант встал из моря, с островов (которые бог сделал, кидая камни в холодную воду), и заявил, что Сур пройти дальше не может, потому что «хозяева льда и снега», как гигант назвал себя и своего питомца, не потерпят в своих владениях такое ничтожное существо. Гигант действительно был огромным (а Высокий Муж достигает трехсот футов) и, таким образом, способен превзойти даже бога, не такого уж и маленького самого по себе. Но мозг не всегда развивается в гармонии с телом, поэтому, когда бог вызвал чудовище на состязание, морозный гигант согласился, просто чтобы развлечься.

И они сошлись в поединке, казавшемся вначале неравным, потому что бог находился в совершенно невыгодном положении, он мог дотянуться только до коленей гиганта, причем встав на цыпочки и вытянувшись в струну при этом. Но Сур оказался очень проворным, и перепуганный гигант обнаружил, что невероятный рост мало чем помогает ему. Они кружили друг вокруг друга, откидывая с пути утесы и горные пики, кулаками и локтями проделывая огромные пещеры и дыры там, где наталкивались на недавно появившуюся землю.

Сражение шло то так, то эдак, то один начинал побеждать, то другой, пока наконец морозному гиганту не удалось схватить бога за летящие волосы и силой погрузить его лицом в воду в попытке утопить в прибое. И как раз когда чудовищу казалось, что все закончится в его пользу, бог решил призвать силы, которые до поры до времени держал в резерве. Он мог вызвать бурю и сломить гиганта. Мог пригнать волну, которая бы унесла чудище на другой край мира. Или притянуть молнии, чтобы забили его до смерти. Мог приказать морю подняться и поглотить гиганта целиком, как кит-убийца проглатывает детеныша тюленя. Но больше всего его наполняла силой связь с костями мира, с камнями и металлами, так плотно окутавшими сердце Эльды, с земной магией; именно поэтому молящиеся ему северяне кладут умерших на земле в пещерах, чтобы отправить ближе к богу их души, а утопших оставляют на дне океана. Итак, когда он почувствовал, как последняя частица воздуха покидает легкие, тотчас посоветовался с костями Эльды и дал им знать свою волю. Энергия, протекавшая сквозь каждый камешек, каждую скалу и каждый кусочек металла, излилась на морозного гиганта, превращая его плоть в смесь песка, кристаллов, слюды и шпата. Силы одолели чудовище, наполнили его тело такой агонией, что он выпрямился во весь рост и заревел от боли (и его открытая пасть превратилась в пещеру рядом с вершиной, куда Катла жаждала залезть с того момента, как разведала о ней в первую свою рыболовную экспедицию). Так появился Высокий Муж, башенный гигант из камня. А Сур спокойно поплыл дальше, продолжил свое путешествие на север.

Когда миновали канал между Высоким Мужем и Камнепадом, Катла разглядела дым, поднимающийся от селений вокруг Великого Зала, еще за пять миль оттуда: корабль спокойно покачивался на волнах, влекомый благоприятным ветром, и острый приступ тоски по дому внезапно захватил девушку.

Минутой позже Аран уже шагал по палубе, отдавая приказы чистым, глубоким голосом, присущим человеку счастливому и уверенному в себе, потому что лучше всего Аран разбирался в кораблеводении — плавание по океану с попутным ветром, определение погоды и течений в море, аккуратное маневрирование при входе в порт.

Большой квадратный парус спустили, сняли с мачты и сложили на палубе. Шестеро

матросов управлялись с огромной, толстой мачтой — мудреная задача даже для опытной команды, — укладывая ее на палубу с едва слышным стуком. Катла внимательно за ними следила.

«Однажды, — думала она, — однажды у меня будет собственный корабль, и я поплыву, куда сама захочу».

Мысль пришла из ниоткуда и казалась почти чужой и совершенно невероятной, но где-то в глубине души прочно пустила корни.

Вскоре матросы сели на весла, и через несколько минут корабль — высокий и легкий, свободный от тяжести груза — вошел в спокойный залив Грома Камнепада. Смутная масса серого и зеленого начала раскрываться мириадами деталей островов, которые Катла называла своим домом. К западу, голый на фоне бледно-голубого неба, возвышался утес, который назывался Игла Сура (хотя некоторые говорили, что на самом деле его первоначальное название Член Сура, однако прапраматери решили переименовать его в более приличную Иглу), словно белая башня, увенчанная кружащими чайками и альбатросами.

Внизу, под Иглой, небольшие бухты южного побережья разрезали береговую линию, перед некоторыми виднелись покрытые пеной рифы, другие открывались ветрам и приливам: их бледный песок сверкал, как золотые россыпи, а дальше шли ленты утесника и ежевики. Отсюда утесы круто поднимались к устрашающе нависающим выступам дальнего восточного побережья, к еле видимому Зубу Пса.

Там поставили дозорного, подумала Катла. Он потратил добрый час, чтобы забраться на утес и наблюдать за подходящими кораблями. Ладони девушки принялись гореть и зудеть, будто она уже прикоснулась к грубому граниту, а его острые камешки больно впились в кожу... В клане Камнепада всегда держали дозорного. Аран настоял на этом после возвращения с войны.

Часто Катла вызывалась исполнить обязанности дозорного, потому что радовалась любой возможности залезть на гору: это было не особо трудно, если выбрать южный коридор — там две колонны скал врезались друг в друга, образуя широкий угол, где очень удобно сохранять равновесие. И еще Катла предпочитала этот путь из-за лишней порции возбуждения от открытого моря за спиной и замечательной трехфутовой, залитой солнцем гранитной плиты. Она сидела там летом, болтая ногами над пропастью, завороченная головокружительным спуском, глядя на спины темнокрылых чаек, пролетающих под ней, и на ярко-оранжевые пятна лишайника, цветущего на выступах.

По мере того как корабль продвигался к берегу, Катла все более отчетливо различала крошечную фигурку на Зубе — одного из парней, которого не взяли на Большую Ярмарку. Вигли скорее всего или его кузен — Йарн. Оба ловкие скалолазы.

Сердце девушки учащенно забилося.

«Завтра первым делом с утра заберусь на гору, — пообещала она себе, — прежде чем взойдет солнце, чтобы поймать тени рыб, подходящих к берегу, до того, как выйдут в море лодки».

И внезапно с глухим отчаянием Катла осознала, что последнее что она сделает завтрашним утром, — это залезет на Зуб Пса. И еще много раз случится такое утро...

В глазах у Катлы защипало, а в горле встал комок, будто она проглотила что-то очень горькое.

«Я не стану плакать! — яростно подумала девушка. — Я не позволю, чтобы меня увидели плачущей. Я сама так хотела, я сама виновата и должна переносить все мужественно».

Катла провела изуродованной забинтованной рукой по лицу и яростно подставила глаза ветру, прикрыв веки, чтобы не выпустить на волю слезы.

«Птичий Дар» вошел в залив, и сначала его поглотила холодная тень Зуба Пса, а потом нависающего Гнезда Ворона, пока корабль проплывал под бодрящей занавесью горы.

Наконец бухта у Камнепада открылась, словно объятия, и внезапно моряки увидели пастбища и скалы, загоны и поля, потом амбары и хозяйственные постройки, дерновые крыши домишек, тропинки, ведущие через утесник и папоротники к жилищам, и везде — бегущие люди. Слишком далеко, чтобы узнать каждого в отдельности, и все же можно проследить их путь до порта: все естественные краски островов представлены на обозрение на их одеждах — голубой и вересковый, зеленый и коричневый, охра и грязновато-розовый. Огромная толпа собралась в гавани, построенной дедушкой Арана после основания клана Камнепада более сотни лет назад, и народ все прибывал.

Когда корабли подходили к волнорезам, Катла различила отдельные лица в толпе. На утесе, размахивая руками и крича, стояли дядя Марган и Кар Деревянная Нога, Бран Маттсон и его дочери Ферра и Сана. Феллин Серый Корабль и его жена Отта, Форна Стенсен и Ганнил Ларсон. Овчарка — огромная серая мохнатая зверюга с языком вполтину длиннее головы — бегала нервно вперед-назад перед собравшейся толпой, вертя хвостом так, что тот грозился отвалиться напрочь. Маленькие дети вскарабкались на плечи к взрослым. Для многих из них, думала Катла, это будет первый большой корабль, вернувшийся с Большой Ярмарки. И, спаси Сур, не последний. По правде говоря, разговоры Фента о войне слегка нервировали ее.

У подножия утеса качались на якорях несколько небольших рыболовных суденышек. Большинство все еще находилось в море, выбирая дневную норму улова, а оставшиеся наверняка принадлежали членам команды «Птичьего Дара» или кораблей, следовавших за ним.

На берегу теперь уже были ясно видны лица. Эрлингсоны — всем четверым за пятьдесят, все одинаково одеты, с одинаковыми серо-стальными бородами и широкими носами — стояли несколько поодаль от основной массы народа, где Катла заметила Стейна Гарсона и старого Рольфа Финнсона, Ма Галласен и ее друга Тиана, Фотура Керилсона и старушек из клана Скальных Тюленей. Им, наверное, пришлось подобрать юбки и бежать, как зайцам, чтобы поспеть в первые ряды, подумала Катла, скривив губы от подобного зрелища.

Толстая Брета, Кит Фарсен и Тин Хильди дрались из-за какой-то корзины. Пирожки для парней, несомненно. Это уже стало традицией — попытки заманить возвратившихся моряков в свою постель домашней пищей в надежде на то, что они подарят прелестную шаль или красивую драгоценность. Никто не думал о девушках плохо из-за такого поведения, и пара из них даже вышла замуж за своих моряков, так что все было без обид.

В конце длинного первого ряда Катла различила Эллу Стенсен, мать Тора, встревоженно обыскивающую глазами корабль в надежде увидеть своего вечно попадающего в переделки сына, и сердце девушки упало. Отвернувшись от ее опустошенного лица (Элла потеряла за последний год мужа, брата и второго сына — в море, пьяной драке и после падения с лошади соответственно), Катла заскользила глазами по толпе в поисках своих матери и бабушки, однако безрезультатно.

Внезапно ее охватил ужас. Но что могло случиться с ними здесь, в Камнепадае? Самое худшее, что бывало на островах, — странные, но нечастые выходки природы, как страшные штормы, бушевавшие дюжину лет назад. Они сорвали дерн с крыш домов, свалили ограды и уничтожили плантацию, которую посадил Халли, тогда упрямый тринадцатилетний парень, намеревавшийся вырастить собственные деревья и построить из них корабли. Катла помнила, как он с гордостью привез саженцы с материка и вкопал их с любовной заботой, вопреки всем советам, на холме возле большого дома. Он рассказывал своей семье в деталях, какие корабли построит из дуба, пока бабушка Рольфсен не взяла его за руку и не отвела на аллею, где росли старейшие на островах деревья, сохраненные в честь Фейи. Она показала Халли отметку на одном из лучших экземпляров, которую вырезал их дедушка в день свадьбы. «Это случилось пятьдесят лет назад, — прокаркала она, указывая на рисунок любовного узла в нескольких футах над головой. — Пятьдесят лет, мальчик. И возможно, тебе хватит дерева на весельную лодку. Но придется тебе прожить столько же, сколько

живет Снежный Волк, прежде чем вырастут корабли из твоих саженцев!»

Когда пришел большой ветер и сравнял саженцы с землей, словно траву, Халли плакал, как ребенок, и Катла, которой едва исполнилось семь, думала, что конец света, о котором она слышала в сказках с самого своего рождения, явно наступит с минуты на минуту. Потом, когда шторм прекратился, у мыса Тюленя прибило к берегу пять мужских тел. Никто не опознал их: они были не из здешних мест. Вообще-то, судя по чудаковатой одежде и темной, со странными отметками коже, те люди вообще не принадлежали к народу Эйры. Большинство считало, что это истрийцы с дальнего юга страны, чей корабль, наверное, попал в шторм, а ветер отнес его на север, однако никаких признаков разбившегося судна так и не обнаружили.

На берегу вырыли яму — там, где море вынесло тела чужаков, и отправили их к южной богине Огня вместо того, чтобы отдать обратно морю по северному обычаю. Через неделю две женщины и четверо мужчин, организовавшие погребение, заболели, покрылись сыпью, за которой вскоре последовала жестокая лихорадка и внезапная потеря веса. Трое из шестерых умерли, потом в течение месяца половина клана Камнепада заразились таинственной болезнью, все были в ужасе.

Катла помнила, как бабушка укутывала ее в тряпки, вымоченные в отварах различных растений, но, несмотря на предосторожности, все члены семьи заразились и покрылись красной сыпью с ног до головы. Лихорадка началась у них рано, а вес и вовсе не снижался. Им повезло, другим — нет. Тридцать пять человек — здоровые мужчины, сильные женщины, озорные ребята — умерли в результате вспышки эпидемии. Потом, так же быстро, как началась, чума прошла, оставив слабость и опустошение, но дальнейших смертей не последовало.

«Неужели болезнь пришла снова?» — испугалась Катла. Или какое-то другое несчастье не позволило ее матери и бабушке присоединиться к толпе встречающих? Но пока мысли ее лихорадочно бегали, толпа расступилась, и девушка мельком увидела яркую рыжую шевелюру матери и устрашающую бабушку Рольфсен, распахивающую локтями стоящих на ее пути. Катла вздохнула с огромным облегчением. С шумом и плеском дюжина матросов попрыгали в мелкие воды гавани, ругаясь от холода, и протащили на берег длинные канаты, с помощью которых предстояло вытащить «Птичий Дар» на сушу, где его починят и подготовят для следующего плавания.

У бортов корабля появились лодки, и люди с охотой перелезали на них. Катла посмотрела на свою перевязанную руку, ощутила обожженную кожу, горящую, онемевшую. До лодки добраться будет нелегко, но она не позволит себе вернуться со своей первой Большой Ярмарки бесполезным куском мяса.

Когда к ней приблизились отец и братья, с одинаково озабоченными лицами, она отмахнулась от них, как от надоедливых мух.

— Оставьте меня в покое! Я позабочусь о себе сама.

Привыкший к подобному поведению своенравной дочери Аран зло взглянул на нее и встал на пути, явив собой препятствие не хуже скалы.

— Ради Сура, дитя, ты едва не умерла. Неужели тебе не терпится завершить то, что начали истрийцы?

— Соскучилась по холодным поцелуям Северного моря, сестричка, а? — поддразнил Фент.

Катла напряглась.

— Я не инвалид, — объявила она упрямо.

Рядом появился Халли.

— Могла бы и подождать, — посоветовал он, понизив голос так, чтобы никто больше не услышал его слов. — Скоро корабль подтянут на канатах к берегу, и ты сможешь просто ступить на сушу. Никто не станет думать о тебе плохо.

— Нет!

Катла была непреклонна. Глаза ее опасно засверкали.

Без единого слова, со сверхъестественной скоростью девушка метнулась мимо отца, наклонилась, ухватила за планшир здоровой рукой и перекинула правую ногу через край, невольно морщась от полыхнувшей в позвоночнике боли. До ближайшей лодки оказалось слишком далеко, «Птичий Дар» стоял непривычно высоко, и поэтому девушка просто закусила губу, закрыла глаза и прыгнула вниз.

Даже несмотря на то что выставленные руки смягчили удар, боль была очень сильной. Сквозь приступ уже привычной тошноты она смутно слышала злые голоса отца и братьев над своей головой:

— Бешеная, как раненый медведь!

— Упрямая, как козел в приступе сладострастия!

— Вполне похоже на нашу Катлу: она убьется, только бы завоевать еще очко в пользу своей гордыни...

Маленькая лодочка ненадежно покачивалась, но девушка уже была на борту. Кто-то втащил Катлу в лодку с несколько большей заботой, чем обычно выказывалось партнеру по команде. Потом послышался звук опускаемых в воду весел, и лодчонка пошла к берегу.

Навалился обморок, серый и прочный, облегчение после волн красной агонии.

— С тобой все в порядке? — произнес грубый голос, и Катла очнулась, обнаружив перед собой Котила Горсона.

Его голубые глаза сияли неестественно ярко на фоне паутины темных морщин.

— Выдержу. — Она попыталась улыбнуться в ответ, но получилась только страдальческая гримаса.

Он кивнул:

— Неплохо. Рад, что тебя не сожгли совсем. Это было бы огромной потерей после Тора и Эрно.

Катла закусила губу.

Взгляд ее вернулся к Элле Стенсен, высокой, гибкой женщине, чьи светлые волосы за последний год поблекли до нездорового белого цвета, прореженного желтыми полосами, как грива пони, однажды принадлежавшего Катле.

Она наверняка пришла сюда из далекого Несса, с самого севера острова, надеясь на получение доли денег, которые Тор собирался заработать с продажи сардоникса. Чем дальше на север, тем жизнь становилась труднее: пахотных земель все меньше, рыбная ловля — все опаснее. Теперь Элле, у которой в качестве помощника остался только младший брат Тора, Мэтт, действительно придется нелегко.

«Я сделаю лучший свой меч, как только буду в состоянии, — пообещала себе Катла, — продам его и отдам деньги Элле Стенсен. Они вряд ли заменят ей потерянного сына, но подарок — это все же больше, чем просто слова утешения».

Минутой позже лодка ткнулась в гальку, и несколько добрых рук помогли ей сойти на берег.

Земля под ногами казалась странно неустойчивой, будто на протяжении всего путешествия море оставалось неподвижным, а земля под ним шевелилась и продолжала шевелиться до сих пор.

Катла попыталась раскачиваться в такт движениям, и в лицо ей тут же ударила поднывавшая галька, к огромному удовольствию толпы, которая еще не рассмотрела замотанную руку или другие, менее очевидные раны. Девушка лежала на земле, совершенно ошеломленная, и людские голоса омывали ее, как второе море.

Потом другой ритм принялся пульсировать в ее щеке, коснувшейся прохладной гальки, в бедрах и ребрах, руках и ногах. Нахлынул жар — не пламенный, но теплый, поглощающий поток, — так что ей даже показалось, что она покачивается на горячей воде какого-то ручья. Кровь стучала и пела в голове. Кто-то взял ее за плечи и потянул вверх. Катла подчинилась неохотно, чувствуя все большее головокружение и дезориентацию по мере того, как удалялась от земли.

Очувтившись в вертикальном положении, девушка смутно осознала, что рядом какие-то

люди, они говорят с ней, обнимают ее, потом почувствовала знакомый запах лавандовой воды, которой пользовалась мать. Катла двинулась сквозь толпу, чьи-то руки заботливо поддерживали ее.

Через неопределенный промежуток времени Катла резко пришла в себя и поняла, что стоит перед Великим Залом у селения клана Камнепада. Как она очутилась там, девушка едва помнила. Люди сновали у хозяйственных построек, животные бродили по пастбищам. Трава казалась зеленее, чем когда бы то ни было, небо выглядело наполненным скрытым светом, птицы пели громко и чисто, как обычно в начале весны.

За селением водопад, известный под названием Старушка, срывался с горных выступов и низвергался на землю в нескончаемом потоке белой воды и пены, а дальше поднималась гора, четко видная на фоне бледного неба.

Катла глубоко вдохнула и почувствовала, как тело отвечает на ворвавшийся в легкие поток воздуха. Потом Ферг, их пес, вылетел из-за ворот, лая так, что мертвых из могилы мог поднять, и на полной скорости врезался в нее, взвизгивая от восторга и обожания. Инстинктивно она слегка увернулась от пса, и собака попала прямо по больной руке.

Вскрикнув больше от удивления, чем от боли, Катла отступила и удерживала Ферга здоровой рукой, пока Аран не позвал собаку, и та послушно бросилась к ноге хозяина.

Рука Катлы тупо пульсировала от плеча до кончиков пальцев. Но тошнотворная волна, которая должна была подняться от подобного столкновения, так и не появилась.

Нахмурившись, девушка позволила отвести себя в дом. Внезапно Катла почувствовала стыд — будто она обманщица, и все вокруг совершенно напрасно суетятся.

Глава 21 СЕРЕБРО И КАМЕНЬ

В своем замке в Кантаре, далеко на каменистом юге Истрии, Тайхо Ишиан метал громы и молнии.

Так близко подойти к обладанию Розой Эльды и позволить ей ускользнуть из рук — уже достаточный повод для отчаяния. Но оставить ее в сладострастных объятиях короля варваров — гораздо, гораздо хуже. Ощущение потери грызло Тайхо постоянно — не важно, бодрствующего или спящего, ночь за ночью Роза Эльды посещала его сны... ее зеленые глаза, горячий рот, проворные руки.

Иногда по утрам он ощущал присутствие этой женщины так сильно, что даже чувствовал запах ее духов — легкий аромат трав с едва заметной ноткой мускуса — и поворачивался в постели, чтобы притянуть Розу Эльды к себе, но снова находил только прохладную, гладкую, никем не занятую часть перины.

А вот потеря дочери, Селен, казалась Тайхо совсем небольшим неудобством, кроме тех случаев, когда он вспоминал слова продавца карт (которого теперь недоброжелательно именовал «колдуном»), хотя колдовские способности альбиноса все еще находились под большим вопросом). «В лодке с северянином» при дальнейших расспросах трансформировались в «высокий молодой человек с до того светлой бородой, что она кажется серебряной, с косичками и вплетенными в волосы ракушками».

Именно последняя деталь запечатлелась в памяти Тайхо. Мудреные косички и узелки, которые вязали эйранцы в волосах, в бородах, на веревках и этих жутких нитках, вроде бы заменявших им пергамент и перо, всегда служили неоспоримым подтверждением примитивной и варварской натуры эйранцев для истрийского лорда, если подтверждения вообще требовались, учитывая их еретическое поклонение морскому богу.

Какая судьба ждет Селен в руках врага, более того, врага, который не умеет ни читать, ни писать, зато занимается тем, что вплетает в собственные волосы какой-то мусор?

Тайхо заставлял Виралаю снова и снова пытаться определить местонахождение обеих женщин, хотя и сам считал эти упражнения бесполезными: потому что где еще могут находиться и та и другая, как не на злобном замерзшем севере? Тем не менее лорд

принуждал колдуна заниматься поисками больше для того, чтобы установить свою власть над альбиносом, чем для получения информации.

Кристалл не показывал ничего, кроме смутных изображений облаков и тумана, скал и моря, и постепенно Тайхо начал уставать от самой процедуры, переключив внимание на то, чтобы убедить колдуна найти средство превратить медь и латунь в чистое серебро.

Однако Виралай, постепенно приходя в себя от злобного натиска лорда Кантары, продолжал поиски один в своей комнате. И однажды ночью — возможно, при помощи Бете, против обыкновения свернувшейся у него на коленях, — настойчивость ученика мага была вознаграждена единственным дразнящим видением. На земле, слишком зеленой и заросшей, чтобы принадлежать блеклым северным островам, высокий мужчина с тюрбаном на голове и маленькая темноволосая женщина в красном платье взбирались по крутой тропинке на скалу.

Виралай увидел, как платье зацепилось за кустик ежевики, заставив женщину потратить несколько секунд на то, чтобы освободиться, но мужчина даже не обернулся, не говоря уже о том, чтобы помочь спутнице. Несколькими секундами позже женщина оборвала ткань и, оставив маленькую красную тряпицу болтаться на кусте, побежала за ним, будто в панике.

Виралай видел дочь Тайхо только однажды, в кристалле, посреди хаоса Большой Ярмарки, но ее темные испуганные глаза задели потаенную струну в его душе: он узнает их где угодно.

После некоторого колебания он все же решил оставить этот крошечный кусочек информации при себе. Видение могло, рассуждал ученик мага, оправдывая свое решение, быть и неправдой — и тогда последует только поток брани, да, наверное, и одно из очень болезненных наказаний лорда. А Виралай вовсе не торопился дополнить свой опыт еще одной поркой.

Все, что он вынес, проходя обучение у Мастера, бледнело до степени легкого неудобства в сравнении с нынешним положением, и все чаще Виралай жалел, что отравил старика и оставил его погруженным в сон, который вкупе с голоданием и жаждой мог — как он слишком поздно сообразил — постепенно убить мага, прежде чем кто-либо из путешественников-первопроходцев доберется до острова.

А если Мастер умрет от руки Виралай, хотя и чуть позже, тогда заклятие, про которое маг рассказывал ему с таким угрюмым видом, с такими жуткими подробностями, точно сработает.

Виралай считал свою хитрость с картами и обещанием золота очень удачной уловкой, потому что смерть старика от чужой руки явно ведь никто не отнесет на его счет, но получалось, что он сам вырыл себе яму.

Мысль эта породила панику, и секундой позже ученик мага уже отчаянно прикидывал, как бы улизнуть от Тайхо Ишиана и вернуться в Святилище вовремя, чтобы успеть спасти старика. «Возможно, — подумал он, — если я притворюсь, что все это только ужасный несчастный случай...»

Лошади выздоровели, благодаря заботе Саро и свежему источнику чистой воды, но у Танто не проявлялось никаких заметных признаков улучшения здоровья.

Саро с упавшим сердцем обдумывал перспективу возвращения домой. Винго покинули Пекс утром, когда солнце залило небо зловещим светом, окрасило облака над холмами в темный кроваво-красный цвет. Потом, обогнув первый изгиб реки, стая пестрых птиц расселась на гигантских деревьях, стоявших по берегам, а затем метнулась прямо мимо баржи с оглушающими криками.

Пестрые птицы с потрясающим черно-белым оперением считались в Истрии дурным предзнаменованием. Когда-то, гласила легенда, они были белыми, как голуби, но, когда Богиня определяла их место в устройстве мира, птицы впали в панику, полетели прямо в ее огонь, и пепел сделал их головки и крылья черными, как уголь. Пятна сохранились и у их потомков. Так они стали недобрыми птицами, появляющимися, по старым преданиям, перед

сражениями и рознями, чтобы предвещать злую судьбу и пролитую кровь.

Легенды осуждали их, как стервятников — питались эти птицы мясом мертвецов. Но старая няня Саро, Аннун, женщина из жестокой страны у Фаремских скал, где смерть стала повседневной вещью, а пестрянки исполняли важную функцию уничтожения падали, прежде чем та загниет и испортит перегретый воздух невыносимой вонью, принесла с собой более сложные суеверия. И, считая птиц над головой, Саро не мог не вспомнить считалку, которую она, бывало, декламировала при виде пестрянок:

Одна — печаль,
две — прибыль,
три — благословение,
четыре принесут боль,
пять — меч,
шесть — девушка,
семь — знамение,
восемь — предательство,
девять — поцелуй,
десять — желание,
одиннадцать означает Богиню,
а двенадцать — блаженство.

Знамение, мрачно подумал Саро. И, судя по обстоятельствам, навряд ли доброе. Он еще раз глянул на улетающую стаю, втайне надеясь насчитать шесть, а еще лучше девять птиц, но глаза его не подвели, Саро знал, что не ошибся. Семь было, семь и осталось.

Гористая местность южнее Пекса, со скалистыми перевалами и крутыми, поросшими лесами долинами, уступила постепенно место террасам, на которых росли апельсиновые деревья и виноградники, перемежающиеся высокими тополями и елями, а затем широким полям с пряностями и бальзамином и розовато-лиловым благоухающим плантациям лаванды. Но вместо воодушевления от красоты знакомого ландшафта Саро охватывал холодный ужас, потому что в Алтее его ожидала совершенно иная судьба, отличная от той, что юноша сам себе столько раз представлял.

Отец, кажется, вбил себе в голову, что Саро должен день и ночь ухаживать за Танто. Очень неприятная задача, даже если бы Саро и любил брата — чего совершенно не наблюдалось, — потому что Танто гнил заживо и один только запах, исходящий от него, мог вызвать рвоту. И все время горюющие родственники определенно будут приходить, чтобы посмотреть на инвалида, как только прослышат о происшествии, и, несомненно, про себя станут полагать нелепым, что судьбы братьев сложились именно так, а не наоборот.

Оторвала юношу от невеселых мыслей жуткая вонь. Даже матросы, привыкшие к неудобствам и грязи, занятые перевозкой животных в жуткую истрийскую жару, стали ругаться от отвращения и замахали руками. Некоторые даже повязали на лицо тряпки, которые носили как тюрбаны на голове, чтобы защититься от прямых солнечных лучей.

Глаза Саро заслезились. Запах казался ему страшно знакомым — после всех часов, проведенных в компании Танто. Несомненно, это сладкая кислота гниющей плоти. Несколько минутами позже появился источник воню. На грязном берегу, окруженные роем жужжащих насекомых, лежали дюжина или больше нагих тел, все лицом вниз, как принято с незапамятных времен поступать с теми ничтожными колдунами, для которых пламя Фаллы считалось слишком достойной смертью. Некоторые трупы принадлежали мужчинам, но большинство были женщины и дети, такие крошечные, что им явно исполнилось не больше шести-семи лет.

Саро тут же подумал о Гайе и Фало, и сердце его дрогнуло.

Кочевники. Потерянные.

В их происхождении можно было не сомневаться, потому что ни один истриец не

решился оставить обнаженное тело женщины своего племени на всеобщее обозрение. Оторвавшись от жуткого зрелища, Саро обнаружил, что моряки вокруг осеняют себя знаками Богини, пока баржа медленно проплывает мимо ужасного места, будто несчастные жертвы все еще содержали крупницы магии, за которую их убили. Кто-то бормотал проклятия — нет, заметил Саро с горьким сожалением, проклинали не тех, кто совершил ужасное злодеяние, а самих кочевников. Не прошло незамеченным, что Фавио притащил в Пексе на палубу Потерянную, чтобы излечить своего старшего сына, и команда уже была готова принять эту резню как должное, в качестве успокоения чувства неправильности его решения.

В Истрии не существовало законов, разрешающих убийство кочевников, в большинстве случаев Потерянных предоставляли самим себе. Саро гадал, что же могло вызвать подобные зверства. Всплеск старой неприязни, взрыв бесконтрольной агрессии или просто грабеж? Нигде не было видно каравана с животными и фургонов, обычно сопровождавших кочевников. «Мы все твари, — подумал Саро. — Наше естество изначально жестоко и беспощадно».

Он снова вспомнил о нежеланном проникновении в чужие жизни, которое преследовало его на Ярмарке, вспышки злобы и насилия. Даже его собственная мать...

Теперь, узнав о тайне своего рождения, юноша страшился взглянуть в ее глаза, боясь, что мать почувствует его приобретенное знание. Ее стыд тогда будет невозможно описать словами. Как может он принести ей такую боль?

Далеко на горизонте поднимался Хребет Дракона — острый, как зубья пилы. Саро никогда не заезжал так далеко на юг и теперь гадал, хватило бы ему смелости просто исчезнуть. Может быть, взять Ночного Предвестника и гнать его галопом в мрачную неизвестность? «И что дальше?» — горько размышлял он. На южных просторах истриец хорошо если протянет несколько дней, а потом его либо убьют свирепые племена, облюбовавшие подножия холмов, либо он вовсе потеряется, оставшись без воды, один на один с неприветливой природой, и будет медленно сохнуть от жары и истощения, либо просто свалится в пропасть, совершив бесконечно долгое падение навстречу смерти на неприветливых камнях.

Другие варианты тоже были малоутешительны — потому что, если Саро отправится в путешествие один по цивилизованной части Истрии, у отца найдется достаточно шпионов, чтобы отыскать сына буквально за день и возвратит домой вновь, прежде чем имя Винго свяжут с новыми бесчестьями.

И вот Саро готовится ступить на родную землю. С каждым шагом чувствуя приближение ворот тюрьмы, из которой ему никогда не выбраться.

— Эх! Никто не спутает это с серебром, идиот!

Отпечатки зубов Тайхо ясно виднелись на серой блестящей поверхности монеты, как темно-коричневые отметки — там, где просвечивала медь.

— Неужели нельзя приманить проклятую кошку, или сжать ее покрепче, или еще что-нибудь?

Виралай мрачно уставился на кусок металла. Он работал весь день под гневное мяуканье несчастной Бете, прикованной к столу рядом. Целый день, но, как сказал Тайхо, результат вряд ли обманет даже слепого.

— Я делаю все возможное, мой господин, — устало проговорил ученик мага. — Но признаю, что серебро еще не безупречно.

Виралай начал работать неделю назад, расплавив несколько простых монет и попытавшись применить на них заклинание Трансформации, но результатом всех усилий стал единственный кусок шлака, стоящий даже меньше, чем те монеты в сумме. Это — и порка. Лорду Кантары очень нравились порки. После настойчивых попыток сделать из металла то, чем он не являлся, Виралаю вдруг пришло в голову вместо этого поработать над иллюзиями, что принесло ему самую экстравагантную похвалу Тайхо — пока тот не осознал, что колдун предлагал ему не слиток настоящего серебра и решение всех его насущных

проблем, а дешевый трюк. Через день после жестоких побоев, которые южный лорд не замедлил организовать, Виралай вновь обрел способность говорить и выложил свой план, заслуживший лишь мрачного кивка.

Требования Совета о выплате долга Тайхо становились все настойчивее. Только сегодняшним утром он принимал посланника из Церы, уведомившего, что его друзья лорды в порыве щедрости продлили кредит еще на тридцать дней, но не более того.

Пергамент, врученный посланником (его поведение подсказывало Тайхо, что парень совершил неслыханное, то есть просто развернул и прочел предупреждение), в вежливых выражениях сообщал, что государству срочно требовались деньги, и, если лорд Кантары не сумеет удовлетворить данное требование, у Совета не останется иного выбора, как объявить его ренегатом, конфисковать замок и все имущество в пользу Балто Мирона... этого отъявленного идиота!

Мысль о жирной заднице Балто, опускающейся на изящные дубовые стулья, вырезанные вручную лучшими мастерами в Голубых Лесах, не говоря уже об одной из уродливых рабынь в его собственной постели, приносила Тайхо почти физическую боль. Он тут же принялся составлять план, в результате реализации которого собирался одним махом решить все свои затруднения.

Саро смотрел, как мать стоит на коленях возле кучи мусора, которая была когда-то Танто, и осознал с горьким облегчением, что зря боялся встречи с ней — его будто вовсе не существовало.

Она стояла на коленях, водила пальцами по бледному лицу Танто, по лысой, розовой голове, и ее плечи начали трястись. Наверное, действительно потрясение — видеть своего прекрасного сына таким безобразным. Канули в небытие великолепная шевелюра черных волос, золотистый загар, твердые, плоские щеки, невероятно острая линия подбородка — все сменилось бледной, оплывшей маской. Брови и ресницы Танто выступали резким контрастом с теперь нездоровым цветом лица, но в то время как они остались нетронутыми, ни одна волосинка не прорывалась на коже груди и расслабленных щек. И на этом изменения не заканчивались, мрачно думал Саро, вспоминая ужасающую воспаленную рану, на данный момент скрытую одеялами, однако общая вонь наверняка давала Илустрии представление о состоянии сына, а вонял Танто так, будто гнил изнутри.

Когда наконец Илустрия подняла голову, Саро заметил, что спереди ее сабатка настолько промокла, что он мог видеть блеск ее глаз сквозь плотную материю вуали, хотя мать не издавала за все время ни звука. Может быть, ткань такая тонкая, или слезы матери, потерявшей любимого сына, необычно обильны? Редкостно беспощадная мысль — ему тут же стало стыдно за себя.

Не подумав, Саро сделал три шага вперед и мягко положил руку на ее плечо. На него тут же обрушилось материнское горе. Эмоции были так сильны, что некоторое время юноша даже не помнил, что надо прервать контакт, и волна за волной отчаяния разбивались о берег его сознания.

Когда наконец он отнял руку, комната покачнулась, и колени его подогнулись.

— Саро!

Над ним маячила темная фигура матери, ее рот, покрашенный в цвета Фаллы, красный и золотой, — для вернувшегося домой мужа, не к месту подумал он, или для его брата Фабела?

— Не трогай меня, — резко сказал юноша, когда рука матери дернулась к нему. — Я в порядке, правда.

Он сел прямо.

— Ты выглядишь... ужасно. — Ее голос упал до шепота.

— Это было долгое путешествие, мама. Я очень устал, вот и все.

Саро быстро вскочил на ноги, морщась от боли после падения. Камень настроения, лежавший в безопасности в кожаном мешочке, холодно пульсировал у грудной клетки, и

юноша бессознательно поднял руку, чтобы успокоить его. В это время ядовитый запах наполнил комнату. К такому аромату он уже привык.

— Мне надо снова обмыть его, — мрачно сказал Саро, поворачиваясь к матери. — Может, прикажешь одной из девушек помочь мне?

— Ерунда, — оживленно ответила Илустрия, из ее голоса исчезли все следы слез. — Я ухаживала за ним годами, когда он не мог сам себя обслуживать, и сделаю это снова. Он просто болен. Я сама верну ему здоровье.

Какая уверенность перед лицом беспощадных доказательств обратного, подумал Саро. Как быстро она перешла от истерики к контролируемому спокойствию. Неудивительно, что ей удавалось так хорошо годами скрывать свою неверность.

— Отец сказал, что я должен за ним ухаживать.

— А я говорю, что я со своими женщинами займусь этим, и никто не войдет в его комнату без моего специального позволения.

— Он разозлится.

— Пусть злится: я не собираюсь терять обоих сыновей. Ты выглядишь кошмарно, Саро. Иди отдохни. Я поговорю с отцом.

Итак, Саро очутился в странной ситуации, когда у него оказалось больше времени, чем нужно, потому что Илустрия сдержала слово и навязала на этот раз свою волю Фавио Винго.

Саро слышал голоса родителей, проникающие даже сквозь толстые стены их виллы, доносившиеся из спальни Танто (они положили его в одной из комнат для гостей на первом этаже, где было легче приносить и уносить воду), потом из внешнего коридора и, наконец, от входа на женскую половину. Он изумлялся, как такая сдержанная женщина, как его мать, может превращаться в столь агрессивное существо, когда начинают работать защитные родительские инстинкты.

Потом послышался грохот хлопнувшей тяжелой дубовой двери — такой силы, что затряслись стены, — и наступила тишина. Саро знал, что мать выиграла спор, потому что с тех пор днем он обнаруживал на пути в комнату брата Фину, крепкую женщину, чья мрачноватая угрюмость происходила как от плохого характера, так и из-за потери языка — это сделал жестокий рабовладелец в Гибеоне, на рынке, где Винго и купили ее.

Большую часть первой недели юноша провел в библиотеке, в поисках какой угодно информации о кочевниках. Собрать удалось немного. Оказалось, не только Бродяг так беспощадно посылали в очистительное пламя Фаллы во времена костров. Целые главы из «Истории древнего мира» Ксанона, «Сокровищ знания» Марио Армандо и «Возникновения народов Истрии» Форинга пропали, об их былом наличии в обтянутых кожей томах говорили только промежутки клочки грубо вырванных страниц. Более современные книги — такие, как «Война и Мир: триумфальная победа над варварством» Крузо и «Пути Юга» Давино Рэба, носили дидактический характер.

Общеизвестная «Экономика империи» Леона провозглашала: «Опасность в том, что, хотя внешность Потерянных может привести (в большинстве своем юных и любопытных глупцов) в заблуждение — мол, они „цветастые“ и „экзотичные“, в необычных одеждах, странных татуировках и украшениях, „безвредно причудливые“, с бесконечными амулетами низшего уровня и так называемыми лечебными зельями, — однако на самом деле кочевники представляют серьезную опасность для любого цивилизованного общества. Эти Бродяги не подчиняются никакому определенному своду правил, не вырабатывают систему наказаний для нарушителей (в действительности они даже не признают существования подобной концепции), не молятся никакому божеству, не говоря уже о том, чтобы соблюдать все необходимые ритуалы Фаллы Милосердной. Более того, они не владеют землей, не строят постоянных жилищ и не дают честных супружеских клятв: короче говоря, они бесполезные, не помнящие родства люди, кружащие по миру и ведущие паразитический образ жизни, пожиная плоды тех, кто работает всю свою жизнь, чтобы обеспечить лучшие условия для своих семей и государства в целом. Таким образом, следует отметить, что государства

Истрии теряют и деньги, и религиозный пыл из-за предоставления Потерянным прохода через свою территорию. Чтобы поддержать экономическую и метафизическую чистоту в Империи, следует изгнать кочевников прежде, чем безнравственность и нелепые (часто еретические) соблазны лишат народ Истрии тяжело завоеванной власти и данной Богиней уверенности».

Саро, передернувшись, закрыл том и вернул его на полку. Ничто из всего, что он прочитал до сих пор, не добавило даже крупинки информации к тому, что он сам наблюдал среди кочевников. Большинство так называемых источников мудрости предлагали не более чем своекорыстные и солипсические оправдания дальнейшей имперской экспансии и уничтожения людей, которые не только не могли защитить себя, но и пытались жить так, чтобы сделать конфликты ненужными. Книги не продвинули его к цели, то есть попытке выяснить, откуда происходили Бродяги и где они получили магические знания, которые использовали до сих пор.

Однажды, когда Саро пришел вернуть на место, на полку в кабинете, эпическую поэму Каленто «Осада Сестрии», на глаза ему попался маленький томик, завалившийся за другие книги.

Обтянутая простой кожей книга не имела никакого названия на пыльной обложке. Пожелтевший пергамент и старое написание букв говорили о древности тома, и, открыв книгу — осторожно, потому что кожа оказалась твердой и скрипучей, — Саро сразу же понял, что она предлагает гораздо более интересную информацию, нежели сухие политические выкладки, так часто встречавшиеся ему в последнее время, потому что первое, что он прочел, было следующее: «На больших кораблях приплыл Народ, подгоняемый таинственными ветрами из-за крайнего горизонта Великого Западного океана, и с ними прибыли Трое...»

Трое — кто? Саро поискал ответа на вопрос, но книга его не дала.

Юноша уже собрался читать дальше, когда во внешнем коридоре послышались голоса. Он быстро сунул книгу за пазуху, и к тому времени, как дядя с отцом вошли в кабинет, с подчеркнутым вниманием рассматривал какой-то толстенный том по военной истории.

Фавио направился к Саро с выражением крайнего подозрения на лице. Он буквально выхватил книгу из рук сына, удивленно хмыкнул и повернулся к Фабелу.

— «Во славу оружия» Фортрана Каспо, — недоуменно произнес Фавио.

Фабел поднял бровь, потом усмехнулся Саро:

— Прекрасная книга, и весьма поучительная. Мы еще сделаем из тебя генерала, а, парень?

Последовавшее обсуждение монументального труда, в котором каждый из братьев старался превзойти другого в знании деталей битв трехсотлетней давности, продолжалось добрый час, прежде чем Саро сумел улизнуть под предлогом того, что ему надо гулять с собаками. Даже тогда Фабел попытался навязать ему пухлый том.

— Возьми с собой, парень, — сказал он. — Ничто так не помогает ясно представить себе события, описываемые Каспо, как чтение на свежем воздухе. Он отличный историк, в его работе дана исчерпывающая и живая картина давно минувших дней — будто сам присутствуешь там... Вот, послушай: «Зажатые с обеих сторон могучими армиями Империи, эйранские оборванцы и сами понимали, что их многократно превосходят числом и умением. Пламя Фаллы, низвергшись с иссиня-черного неба, ударило в землю рядом с ними, будто подав правоверным сигнал кинуть северян в объятия Богини. Итак, битва началась. Таро, сын Сестрана Талсийского, сына Гревинга Карана, оседлал землю, как великан, и множество людей он поверг. Цвет Империи присутствовал при сем: Фавио Казан, Виго Бакран и Тайхо Великий, лорд Прионан Старший и Дракон Сепоры. Мечи поднимались и падали, как косы, срезая вражеские головы и члены, пока вытоптанная земля не пропиталась эйранской кровью. Шестьсот варваров приняли смерть в тот день, и только восемьдесят правоверных отправились с Кароном, лодочником, на суд Фаллы...»

— Не думаю, что у меня получится одновременно читать книгу, смотреть за собаками и

заниматься своим арбалетом, — со скрытым отчаянием возразил Саро, и ему позволили уйти.

Вообще-то он не намеревался использовать это оружие с тех пор, как однажды поддался на уговоры дяди съездить на охоту и безотчетно подобрал тельце подстреленного зайца, только чтобы узнать, что тот еще дышит. Ужас и смертельная агония крошечного существа все еще преследовали юношу.

Вместо этого, очутившись на холмах, Саро уселся среди зарослей шалфея и дикой мальвы, где жаворонки кувыркались в темно-синем небе, и принялся за чтение странной книги без названия, подкрепляясь хлебом с сыром, взятыми со стола. Раздраженные неподвижностью Саро, собаки носились меж кустами и известняковыми террасами и пытались соблазнить его на игру, принося палки, камни и даже один раз небольшую коричневую змею с головами на каждом конце извивающегося тела, чудом не пострадавшего в острых собачьих клыках. Змея бесстрастно, осторожно осмотрела юношу четырьмя немигающими, спокойными глазами цвета меди, прежде чем бесшумно ускользнуть в тень.

Саро читал:

«Народ не нуждался в молитвах, жертвоприношениях, богах или богинях, потому что поклонялся самой Эльде и его божество растворялось везде, во всем, что они видели, трогали или слышали, легкость и изящество проскальзывало в каждом деянии их и в каждом жесте...»

О кочевниках ли шла речь в книге? Юноша не был уверен. Конечно, Бродяги не молились ни Фалле, ни северному богу, и они действительно, судя по тому, что он видел — Саро снова вспомнил милое личико Гайи и ее бедного дедушку, — кроткие люди.

Дальше Саро наткнулся на следующий отрывок:

«Когда Троих забрали, Народ рассеялся по миру, чтобы искать их. Некоторые направились в горы и последовали за Драконом, туда, где земля испещрена провалами и пещерами, другие распространились по диким местностям и пустыням, где на солнце сверкают кости умерших, остальные вернулись в море. Но Троих нигде не отыскиали, и Народ впал в отчаяние. Через много, очень много лет Народ потерял веру и способность применять Искусство, его сыны старились и умирали, как остальные люди, — за исключением благословенных, обладающих видящим оком. Вскоре сыны Народа забыли причину своих поисков и принялись бродить по Эльде без цели, встречая непонимание и гонения со стороны чужестранцев».

Ну, эта часть наверняка о кочевниках, но Саро не понял, что подразумевалось под «Искусством». И не у всех ли очи — «видящие»? Юноша начал листать книгу в поисках начала текста, пока не наткнулся на следующее:

«...С собою, придя с Запада, принесли они Искусство, ибо магия земли содержалась в них, в самих костях. Колдовскими способами могли они видеть и извлекать из земли ценные металлы из самых глубин, и, черпая магию по таким каналам, могли они творить разные природные чудеса, превращать металл и камень в редкие, могущественные вещи...»

В голове юноши неожиданно возник образ дикой северянки, триумфально вскинувшей руки на вершине Скалы Фаллы. Солнце изливалось на ее рыжие волосы, будто каждая крупинка магии на Эльде собралась здесь и сияла неотраженным светом. Девушка, подарившая ему кинжал, при создании которого использовала собственную магию, — этот кинжал дрожал и пульсировал в руке, как живой...

Саро обнаружил, что улыбается. Однако набежало облако и закрыло его своей тенью: юноша вспомнил, как они увиделись в последний раз.

Только позже, уже вернув книгу в кабинет, Саро осознал, что ничего из прочитанного никак не может относиться к Катле Арансон, потому что в манускрипте, похоже, говорилось исключительно о Потерянных. А Катла, кто бы ни была она на самом деле, явно не колдунья-кочевница.

Несколькими днями позже через Алтею проходил купеческий караван, и Фавио,

повинуясь внезапному, какому-то неестественному порыву радушия пригласил гостей в дом.

Они тоже присутствовали на Большой Ярмарке и покинули ее также рано, как и Винго, медленно направившись на юг обходными путями, из города в город, распродавая товары, приобретенные на Ярмарке. Кроме серебра, по дороге купцы добыли немало слухов.

— В Форенте и Цере очень много недовольных, — поведал глава каравана, некий Гесто Ардум.

Пухлый пятидесятилетний мужчина любил показать, что много повидал и знает механизмы существования мира. В каждом втором предложении он упоминал известные имена, будто думал, что его слова приобретут больший вес из-за мимолетных знакомств с вельможами и художниками.

Саро почувствовал глубокую неприязнь к Ардуму. В данный момент толстяк цитировал одного из знаменитых мира сего, сопровождая речь взмахами руки, в которой была зажата полуобглоданная куриная нога:

— Мой друг, лорд Палто — тот, что владеет огромным замком на окраине Церы, ну, вы знаете, — говорит, что Руи Финко метал громы и молнии после Ярмарки, что он кипел от ярости и проклинал северян, ставших, по его мнению, слишком уверенными в себе, кричал, что их король — опасный человек и нужно его слегка осадить. И конечно, Дистра не в восторге оттого, что варвар отринул Лебедь, предпочтя шлюху из Потерянных, хотя поэт Фано Сирио, часто проводящий лето при дворе Йетры, по секрету сказал мне, что сама леди рада была не ехать на север, потому что ее до жути напугал варварский вид эйранских мужчин.

— А лорд Кантары только подливает масла в огонь, — добавил один из купцов, желая похвалиться собственной осведомленностью.

Фабел рассмеялся:

— Вот проклятый сумасшедший!

— Проклятый богатый сумасшедший, — поправил Гесто. — За последний месяц мы заключили несколько отличных сделок с лордом Тайхо. Мне бы не хотелось плохо говорить о лорде...

— Это имя не упоминают в моем доме, — предупредил Фавио, поджав губы.

Гесто вскинул ладонь ко рту:

— Мои извинения, господин. Я забыл о неприятной истории, случившейся между вами и лордом Кантары на Ярмарке. Что-то такое по поводу брачного контракта, насколько я знаю?

Фавио зло взглянул на него.

— Не надо слушать бредни глупцов, — коротко бросил он. — Лорд не в своем уме, и откуда вы взяли, что он богат, не знаю. Он настолько отчаянно нуждался в средствах, что пошел на непростительное оскорбление меня и моей семьи.

— С великим уважением, прошу прощения, но я не соглашусь с вами по последнему поводу, потому что лорд Кантары платил за наши товары — превосходные коллекционные йетранские украшения и набор отличных драгоценных камней — слитками чистого серебра. Тайхо Ишиан ни разу не торговался из-за предложенной мной цены — он настоящий вельможа, по-моему, — и в его сундуках хранятся целые горы драгоценного металла. Это я видел собственными глазами.

Фавио нахмурился и замолчал. Потом он сказал:

— Мне казалось, до Кантары вы еще не добрались.

Гесто Ардум засмеялся:

— Ах нет, и мы вряд ли забрались бы так далеко на юг, если бы хозяин замка отсутствовал... Нет, мы с ним встретились в Цере. Там лорд представлял довольно впечатляющее зрелище. Он путешествует со слугой-кочевником — высоким странным бледным мужчиной с черной кошкой на поводке: никогда не видел ничего подобного. Потрясающе.

Кто-то встрял в разговор, сообщив с энтузиазмом:

— Очень набожный человек, лорд Тайхо Ишиан. Набожный, и настоящий патриот к тому же!

— Ага, — хмыкнул другой купец. — Может, кто-то и называет его набожным патриотом. Что до меня, я его считаю ненормальным фанатиком.

Гесто вежливо посмеялся и наклонился к Фавио.

— Линдо взял в жены северянку, представляете? — тихо сказал он с неприятной улыбкой. — Он любит женщин с характером. В любом случае лорд Кантары прибыл ко двору буквально в бешенстве, не скупясь, оплатил свой долг перед Советом и с тех пор брызжет яростью на эйранцев. Он говорит, что мы должны послать корабли на север, чтобы «освободить» их женщин от жестокого гнёта еретической религии и обратить в прислужниц Фаллы.

— Скорее, в прислужниц в наших борделях!

Сидевшие за столом встретили последнюю фразу шумной радостью и насмешливыми аплодисментами.

— И что, кто-нибудь слушает эту чепуху? — поинтересовался Фабел.

— Прошло больше двадцати лет с тех пор, как мы последний раз дрались с эйранцами. Те, кто помнит войну, затаили старые обиды, а молодежь, не познавшая вкуса вражеской крови, предчувствует развлечение, я бы так сказал. Пока что за войну высказывается меньшинство, но к Тайхо Ишиану с каждым днем прислушивается все больше народа.

Фавио мрачно отложил нож. Он едва притронулся к еде в этот вечер, как, впрочем, и в любой другой с той ночи, когда они покинули Ярмарку. Щеки его ввалились, кожа под глазами потемнела, появились новые морщины.

— Мне неприятно соглашаться с выскочкой-лордом, но мой сын умирает от рук эйранских бандитов...

Гесто Ардум переглянулся с другим купцом, высоким, темным человеком с близко посаженными глазами и тонкими губами.

Этот купец, подумал Саро, так и не назвался. Он и сейчас смотрел в сторону, вместо слов налегая на восхитительный рис с шафраном и изысканно зажаренную телятину с абрикосами, местное фирменное блюдо.

— Ну, это, конечно, всего лишь разговоры, — продолжал Гесто. Он заговорщически наклонился вперед. — Война с Севером вылетит нам в копеечку. Лорд Палто говорит, что у нас просто не хватит кораблей, да и опытных моряков, а услуги достаточного количества ренегатов обойдутся слишком дорого, и не только по деньгам...

— Что вы имеете в виду? — Фабел осушил кубок и откинулся на стуле, сложив руки на аккуратном животике в пародии на удовлетворение. — У нас ведь было несколько не самых плохих лет на полях и в копиях? Мы ведь платили достаточно налогов, чтобы наводнить Церу деньгами! Иногда я дивлюсь, куда, черт возьми, это все девается! Потому что назад не возвращается точно. Проклятый мост у Костии уже пять лет как строится!

Гесто оглянулся, обвел глазами комнату в самой мелодраматической манере. Потом еще ближе придвинулся к хозяевам.

— Говорят, — глаза его заблестели, — что из Сокровищницы пропала довольно значительная сумма денег, или лорд-распорядитель ведет неверные расчеты, хотя он, естественно, утверждает, что его вины в пропаже нет и не может быть. Под угрозой строгого наказания лорда-распорядителя заставили предъявить отчетные книги, но он принялся лопотать что-то насчет пожара во дворце герцога Ги́ла, а остальные лорды тотчас бросились успокаивать его. Странно это все, как считает лорд Палто, хотя с чего бы кому бы то ни было поджигать замок старого дурака, мне не понять. Так или иначе, Высшему Совету пришлось отозвать долги по всей стране гораздо раньше оговоренного времени, и это совершенно не порадовало некоторых отмеченных мною людей.

Он печально покачал головой:

— Это серьезно ударило по карману, даже если не обращать внимания на все остальные загадочные происшествия.

— Происшествия? — нахмурился Фавио.

— Одна из барж герцога Галии перевернулась в совершенно спокойную погоду около острова Свины. Только гребцы развили хорошую скорость, как какой-то дьявольский ветер появился, словно из ниоткуда, и опрокинул посудину. Большая неприятность для герцога — он потерял около сотни новых рабов.

— Почему же они не спаслись вплавь? — наивно спросил Саро.

За столом раздался взрыв смеха. Гесто подавился телячьей ногой.

— Поплыли! Ха, ха! Отлично, малыш! — Он закашлялся и похлопал ладонью по крышке стола, разбрызгивая слюну с остатками телятины. — Поплыли!

Саро непонимающе огляделся.

Фабел наклонился к нему и тихо пояснил:

— Они носят на ногах кандалы, Саро, чтобы не сбежали, и, если корабль переворачивается... сам понимаешь.

Юноше тут же представилась кошмарная картина: десятки перепуганных мужчин и женщин пытаются вытащить ноги из железа, пока их поглощают жадные воды Южного океана... а кругом обломки разбитого в щепы корабля, грохочущие волны, глаза несчастных рабов вылезают из орбит, рты разинуты в диком крике, и море уже заполняет любое отверстие, не важно, живое или нет...

К тому времени как Саро избавился от жуткого видения, один из купцов уже вел рассказ о том, как их караван с грузом ковров из Цирцеии был буквально затоптан огромным табуном диких лошадей, мчавших что есть силы со стороны Хребта.

— Лучшие ковры в мире превратились в никому не нужные тряпки! — закончил он с возмущением, но Саро поежился.

Лошади, убегаящие от Хребта? Действительно странно.

— Я слышал, как гигантский змей поднялся из Южных Пустынь и целиком поглотил йеку... — начал кто-то из караванщиков.

— Змей! — рассмеялся другой. — Нелепость какая!

— Я тоже слышал эту историю, — выкрикнул еще один купец. — И еще хуже!

Он тут же поведал необыкновенную историю о том, как орел украл ребенка на Тилсенской равнине и унес его на широких крыльях в таинственные глубины Золотых гор.

— Выхватил прямо из рук несчастной матери! — воскликнул купец. — А крылья у него размером с эту комнату!

— Я не видел гигантских орлов, когда был в горах, но знаю, что от Красного Пика поднимаются облака пара, — тихо прервал тот самый не представившийся темнолицый человек, и за столом тотчас прервались разговоры, все наостригли уши, пытаясь расслышать его слова, даже несмотря на то что гора, извергающая дым, не казалась таким уж чудом по сравнению с гигантскими змеями и прочими монстрами. — Я видел это сам, всего пять дней назад...

Красный Пик находится в глубине Золотых гор. Саро гадал, что этому человеку могло понадобиться в таком отдаленном районе. И кстати, как он смог присоединиться к каравану, который двигался с севера на юг?

— Но Красный Пик потух двести лет назад! — воскликнул Фабел.

«Безымянный» бросил на него ироничный взгляд.

— Может быть — но я чувствовал, как подо мной шевелится земля, и решил не оставаться там, чтобы узнать больше. Гнал лошадь, пока она не сломала ноги, так что пришлось покупать другую клячу у жителей холмов на Фаремских скалах.

Фавио Винго поднял бровь:

— Странно, что они стали торговать с тобой. Тамошние племена не питают к истрийцам горячей симпатии.

Его собеседник снисходительно улыбнулся. Покопался в складках туники и вытащил кошель, высыпав содержимое на стол.

Перед глазами собравшихся заиграл настоящий водопад из ярких камней, свечи

мерцали на грубых гранях кристаллов величиной с глазное яблоко.

Саро передернуло. Камни настроения. Он узнал бы их где угодно.

— Возьми один, — предложил человек Фавио.

Фавио выбрал самый большой осколок, размером примерно с куриное яйцо. Соприкоснувшись с его кожей, камень вспыхнул темно-синим неестественным светом с какими-то еще более темными фиолетовыми прожилками.

Камень в кожаном мешочке, спрятанный на груди Саро под туникой, начал пульсировать, будто войдя в резонанс... или просто так сильно забилося сердце юноши? Фавио выронил камень, будто обжегся.

— Что, во имя пламени Фаллы, это такое?!

Темнолицый рассмеялся и забрал камень. В его ладони тот превратился в оранжевый, сияющий, как уголек.

— Кочевники называют их камнями настроения, — сказал он. — Их гранят, чтобы придать достойный вид, и вставляют в безделушки, которые можно купить своей женщине и угадывать ее настроение. Очень популярно при дворе — как я слышал, оказывает неоценимую помощь при совращении! Но люди с холмов у Фаремских скал называют их «слезами Богини» из-за какой-то сказки о том, как эта Богиня плакала по потерянному брату, или любовнику, или еще что-то в этом роде. Они говорят, что камни являются проводником ее мощи. Тот парень, у которого я купил лошадь, много распространялся на тему их чудесных возможностей и продал мне свою лучшую клячу за пару камешков, так что я не жалею.

— Можно мне?

Фабел протянул руку, и мужчина уронил в нее камень.

Тот тут же потерял яркость, окрасившись мрачным охряным цветом.

Фабел скорчил рожу:

— Не совсем похоже на меня.

Темнолицый рассмеялся:

— Я бы сказал, что у вас в душе присутствует какое-то беспокойство...

Фабел быстро посмотрел на него и кинул камень обратно. В руках темнолицего тот вновь ожил.

Потом, словно почувствовав пристальный взгляд Саро, человек с камнем повернулся к юноше:

— На-ка, возьми, сынок. Посмотрим, какие восхитительные цвета ты сможешь из него выманить.

Саро отшатнулся.

— Кажется, мне надо выйти! — быстро проговорил он и выбежал из комнаты, зажимая рот, будто его вот-вот вырвет.

Вслед неслись крики:

— Освободи себе в брюхе место, малец! Нам еще предстоит много выпить!

Кто-то из купцов рассмеялся:

— Лучше потренируйся, юнец! — и добавил, обращаясь к Фавио: — Вы что здесь, девчонок выращиваете?

В коридоре Саро прижался лбом к прохладной стене и подождал, пока успокоится бешеное биение пульса.

Он вспомнил ужас старой кочевницы-целительницы, когда она увидела камень настроения на его шее, и как она назвала его «камнем смерти». Тогда он увидел в ее разуме белое сияющее вещество, совершенно непохожее на осколки, с которыми игрались мужчины на пиру. «Я дурак, — думал Саро, — мне надо было коснуться камня, посмотреть, как он меняет цвет, и отдать обратно, дать им вволю пошутить и посмеяться».

С такой мыслью юноша добрался до нужника, облегчился, вымыл лицо и руки.

Над загоном для скота ухала сова, и низкий вибрирующий звук с неприятной ясностью разносился в ночном воздухе. Минутой позже, словно в ответ на крик ночной птицы, где-то в

отдалении раздался дикий вой, который заставил волосы встать дыбом на голове.

Саро замер, прислушиваясь, но звук не повторился, и юноша гадал, не существовал ли тот только в его воображении. На холмах вокруг Алтеи не водилось волков уже целые поколения, потому что их истребили еще во времена прадедушки Саро. И сам юноша видел подобного зверя единственный раз, когда рассматривал волчью голову на стене в комнате отца — охотничий трофей, теперь жутко поеденный молью и засыпанный пылью, мало чем напоминавший о том сильном, гордом животном, которому когда-то принадлежал.

Саро постоял несколько минут на месте, чувствуя нервную дрожь, прислушиваясь к лошадиному ржанию в конюшне, к вою ветра и шорохам в кустах. Потом он услышал голоса и, повернувшись, увидел пару купцов, топтавшихся у входной двери. Не в состоянии дойти до нужника, они облегчались прямо на клумбу, хватаясь друг за друга и оглушительно хохоча.

Бедные мамины маргаритки, подумал Саро и едва сдержался, чтобы тоже не расхохотаться во все горло. Он наблюдал, как пьянчужки поползли обратно в дом, совершенно не заметив его, потом повернулся и зашагал следом.

Из дома раздавались громкие голоса и пьяные крики, и внезапно Саро обнаружил, что ему не хватает духа вернуться в общество гуляк, чтобы слушать их хвастливые речи и неприличные шутки, которые явно посыпались как из рога изобилия в его отсутствие. Такое времяпрепровождение никогда не было любимым занятием юноши, и, так как Танто нравилось выставляться не только перед девушками, но и перед мужчинами старше него, обычно Саро удавалось отойти на второй план. Стиснув в руке кубок с вином, с которым он, бывало, нянчился по часу, юноша улыбался и кивал, притворяясь, что вполне разделяет грубый юмор, и в то же время мечтал об уединении в своей комнате...

Даже без Танто Саро сомневался, что его хватятся. Всегда можно сказать, что он случайно заблудился на улице, и дать тем самым повод для шуток утром.

Саро быстро миновал дверь, ведущую в пиршественную залу, и по холодному коридору прошел дальше, мимо приемной, где мать должна была развлекать женщин, сопровождающих гостей. Там уже было тихо и темно. Свечи погасили, хотя не так давно, потому что в воздухе все еще чувствовался запах теплого воска.

Дальше располагались покои для гостей и комната его брата. Саро уже собирался подняться по лестнице, когда послышался какой-то посторонний звук.

Кто-то находился в комнате Танто. Саро слышал бормотавший голос, который то повышался, то совсем стихал.

Он нахмурился. Мать запретила всем, кроме себя и своих женщин, приближаться к больному сыну, но донесшийся голос гудел низко — мужчина.

Саро приоткрыл дверь. Тут слова стали отчетливыми.

— О Танто, Танто, видеть тебя таким, почти мертвым для всего окружающего мира... я даже не знаю, слышишь ли ты меня. Я ищу признаки жизни в твоих глазах, но они черны и пусты, как Отравленные Озера Верии.

Послышался всхлип.

Это отец, понял Саро, не слишком удивившись.

— Я вспоминаю тебя мальчиком, таким быстрым и находчивым, таким пригожим, все очаровывались твоей красотой, и твоей энергией, и...

Пауза. Станный шорох. И снова заговорил Фавио:

— Мне надо знать, жив ли ты еще под этой гниющей оболочкой, мой мальчик. Мне надо знать, слышишь ли ты меня... или, может быть, ты спишь? Я не могу больше видеть, как ты умираешь на моих глазах. Прости, что беспокою тебя, Танто, если ты вообще что-нибудь почувствуешь. Говорят, душа живет гораздо дольше тела, но об этой живой смерти не говорят ничего, а мне надо знать...

Саро откинул занавеску на двери и увидел, как Фавио Винго склонился над неподвижным телом брата. Что-то в его руке пульсировало глубоким кровавым светом.

— Пусть камень мне скажет, что творится под этим холодным белым челом...

— Отец, нет!

Саро стремительно бросился вперед, чтобы остановить его. Как раз в этот момент Фавио Винго прижал камень настроения ко лбу своего сына.

На мгновение коснувшись потной кожи Танто, камень начал пульсировать бледным, болезненным серо-голубым цветом. Потом, когда Саро схватил отца за плечо, он вспыхнул белым — таким ярким, что обжег глаза, потом озарился сверкающим золотом.

Сноп чистой энергии побежал по правой руке Саро, заставляя его сильно сжать плечо отца, пока юноше не показалось, что кости сейчас расплавятся. Огненная лава бешеным потоком пронеслась по руке, ударив прямо в голову, так что Саро закричал от боли — глубокой, раздирающей боли, обжигающей, подобно жертвенному костру, — и вой перепуганного насмерть отца послышался в ответ.

Камень, скрытый в мешочке на шее Саро, яростно запылал, и юноша теперь ощущал обе «слезы Богини» как два огромных внешних сердца, а себя самого — крошечным семенем, попавшим между ними, наполненным непомерным количеством жизни, которая вот-вот разорвет его на части и прольется в ночи раскаленным дождем. А минутой позже раздался более высокий, срывающийся на визг крик, звенящий и эхом заметающийся в стенах комнаты, как пойманное в ловушку животное.

С жестоким усилием Саро оторвался от плеча отца. Тут же свет померк в обоих камнях настроения, оставив комнату в такой абсолютной темноте, что показалось, будто потухло солнце.

Юноша услышал, как отец упал на пол, разобрал его истеричное дыхание и приглушенную молитву:

— О Фалла, о Фалла, о Фалла...

И затем другой голос, срывающийся на визг:

— Я ослеп! Проклятие, я ослеп!

Глава 22 СЕЙДА

Камнепад, который девятнадцать лет был целым миром для Катлы — миром, который она любила, где искала и находила удовольствия жизни, теперь стал для нее тюрьмой.

В первые недели по прибытии девушка могла только хромать по двору, слишком истощенная, чтобы отойти от дома больше чем на два шага, опиралась на забор и смотрела на море. Далеко внизу виднелась бухта, где стояли на якоре «Птичий Дар» и вернувшиеся из вечернего плавания рыболовные лодки. К западу возвышались гранитные утесы, на которые любила взбираться Катла: зубчатые скалы и открытые штормам мысы, море, пенящееся белыми брызгами на камнях... Даже из селения она слышала грохот волн у Великого Цауна, где вода врывается в небольшую пещеру и так сильно ударялась в ее стены, что пена выстреливала в воздух, как извергающийся гейзер. Столько раз Катле удавалось избежать этих волн... наверное, примерно столько же, сколько она попадала под них и промокала до нитки.

Руки девушки зудели, и не только от того, что она медленно выздоравливала. Катле до боли хотелось снова прикоснуться к скале, почувствовать ее грубую зернистую поверхность под кончиками пальцев, осязая дрожь под рукой, подтягиваясь вверх, ощутить перелив энергии из кварцевых вен в ее собственные.

Позади возвышались горы, мрачные и недоступные для всякого, кто лишен проворства. Казалось, куда бы Катла ни посмотрела, она видела только ограничения, наложенные на нее в этой новой жизни, которые было сложно понять и невозможно принять.

Часто, с горящими от мысли о потерянной свободе глазами, она поворачивалась спиной к морю и возвращалась в дом, сидела и молча глядела на угли очага, вспоминая события на Лунной равнине, пока мама или бабушка не начинали тормошить ее, заставляя выполнять простую работу, посильную для человека с одной рукой.

Иногда Катла философски вздыхала, потом седлала пони для короткой мучительной прогулки по болотам, во время которой каждый раз закусывала губу, когда животное спотыкалось о кочку. Девушка едва замечала улучшение своего состояния, таким медленным и постепенным оно было, а она — такой нетерпеливой.

К концу лета, однако, Катла снова могла бегать: она перепрыгивала через торфяные лужицы и каменные выступы немного коряво, но все же с несколько большей ловкостью, чем многие мальчишки, и еще скакала галопом на пони, управляя им одной рукой. Но все остальное, то есть лазание по горам и работа по металлу, плавание и рыбная ловля, даже одевание и самостоятельные прогулки, продолжало вызывать отчаянное чувство безысходности.

Ожоги на ногах и плечах превратились в бледные шрамы, но правая рука упрямо оставалась шишковатой, похожей на кулак со слепленными в уродливую массу перекрученными красными пальцами, которые Катла предпочитала скрывать, хоть никогда и не считала себя слишком заботящейся о красоте девушкой.

Маленькие дети, только взглянув на ее рану, тут же убегали прочь. Это огорчало, особенно если учесть, что другие члены клана получали и более страшные раны, однако всеобщего внимания не привлекали. Кар Деревянная Нога, прозванный так за деревянный костыль, привязанный к культе ноги, которую (как он утверждал) отгрызло у него морское чудовище, был действительно местным чудом, но его рана не оставалась на виду и уже давно не вызывала комментариев. И Грима Халсен родилась с красным пятном в пол-лица, но улыбка все равно оставалась первым, что бросалось в глаза при встрече с ней.

Старики щеголяли шрамами, полученными на войне, на лошадиных боях, в пьяных драках и несчастных случаях на море, это правда: но женщины в клане Камнепада редко получали увечья, так что история Катлы стала широко известна. Пожалев внучку, бабушка Рольфсен так перешила большую часть туник, что длинный рукав стало удобно собирать в пучок и завязывать на конце, чтобы спрятать культю.

Целители приходили и уходили, применяли зелья и натирали поврежденную руку мазями, но лекарства не дали никакого эффекта, а только заставляли Катлу корчиться от боли и убегать на улицу.

Бабушка Рольфсен только жевала губу и качала головой, наблюдая за усилиями докторов, потом однажды поймала дочь за локоть и прошептала что-то ей на ухо.

— Фестрин Один Глаз! — воскликнула Бера. — Ты, наверное, шутишь!

— Больше ничего не сработает. Ведь хуже все равно не будет?

— Но Фестрин — сейда! — прошипела Бера, быстро оглядываясь, чтобы убедиться, что Катла не подслушивает.

Катла подслушала:

— Сейда? Правда?

Бера завертелась на месте, ее голубые глаза заблестели от раздражения.

— Слух, как у совы! — усмехнулась бабушка Рольфсен.

Катла ни разу не встречалась с живым сейдой. Хотя, когда ей исполнилось двенадцать, она, будто олень, прокралась в Древний Хоу с несколькими другими детьми, чтобы посмотреть на лежавшие там кости одного из сейд. Ничего страшного не произошло, хотя Фент клялся, что видел, как прах пошевелился, когда луна зашла за облако. Двумя днями позже с кончика носа Тиан таинственно исчезла бородавка, что определенно доказывало колдовскую силу гробницы.

Кости были длинными, вспомнила Катла, пожелтевшими, тонкими и очень хрупкими, а люди говорили, что сейда, чей скелет они нашли, был, сколько его помнили, всегда старым-престарым человеком, и все из-за магии земли, которой он владел.

— Кроме того, — обратилась Бера к матери, игнорируя Катлу и повернувшись к ней спиной, будто пытаясь физически выключить дочь из разговора, — как ты собираешься связываться с Фестрин Один Глаз?

Бабушка почесала нос и бросила на дочь хитрый взгляд.

— У стариков свои методы, — ответила она снисходительно. — Я слышала, нам вскоре представится возможность принимать сейду у себя.

— Что? Здесь? — Бера выпрямилась во все свои пять футов. Ее бледная кожа вспыхнула, две красные полосы появились на щеках. Прямо как Фент, когда он злится, подумала Катла. И, как ее близнец, мать могла быть удивительно настырной и трудной в общении. — Мне никто ничего не говорил!

Бабушка Рольфсен, привыкшая к несдержанности дочери, просто пожала плечами:

— Говорят, Фестрин путешествует с этими комедиантами...

До Великого Пира осталось всего несколько дней, и, хотя урожаи на диких и каменистых Западных островах обычно не поражали изобилием, в нынешнем году в последние, самые важные недели погода установилась отличная. Дожди сменились не по сезону теплым солнцем, что в результате привело к позднему увеличению роста зерновых: в первый раз пшеница выросла высотой почти в человека. Ячменное поле превратилось в роскошную бледно-зеленую полосу. Пришлось даже подпирать ветви яблонь в садах у Лощины Рольфа, чтобы спасти их от непомерной тяжести плодов.

Море вокруг острова также не скупилось на дары. В последнее время рыбаки вытаскивали на берег массу окуней, макрели и осетров. Сушильни заполнились под завязку, запасы соли почти исчерпались, а коптильня посылала в воздух облака деликатесных запахов днем и ночью. Хорошая погода продержалась до конца сезона сбора урожая, так что закрома ломились от запасов.

В этом году предстоял отличный пир, что уже неплохо, а путешествующих комедиантов будет не меньше двадцати или даже больше, включая музыкантов, и была очередь клана Камнепада принимать их.

Бера нахмурилась:

— Почему Аран мне ничего не сказал?

— Не сказал что?

Бера обернулась и столкнулась с мужем, который неслышно появился за спиной Катлы. Большинство женщин смутились бы присутствию мужчины, плечи которого еле пролезали в дверной проем, но Бера уперла руки в узкие бедра и зло поглядела на Арана, как маленькая боевая кошка.

— Что, комедианты собираются в этом году притащить с собой сейду?

Глаза Арана виновато стрельнули в сторону тещи. Катла увидела бабушкину вызывающую щербатую улыбку и тотчас поняла ситуацию.

— Я... э-э... — Аран пожал плечами. — Я не знал, — неубедительно соврал он, и бабушка Рольфсен взвыла от смеха.

— Бедняга, — сказала она. — Не упрекай его, Бера, дорогая. Это моя вина. Помнишь, как он отправил посланца в Халбо, чтобы спросить Мортена Дансона, возьмется ли тот за изготовление корабля?

Бера закусила губу.

— Нелепый ледорез, — мрачно произнесла она.

— Тот самый. Ну... — Бабушка Рольфсен смотрела на дочь с лукавым простодушием, однако Катла давно знала, что она превратила лукавство в настоящее искусство. — Я отправила с парнем собственное сообщение. Тэму Лисице.

Тэм Лисица — глава бродячих комедиантов: хорошо сложенный мужчина средних лет с поразительно зелеными глазами и гривой заплетенных в косички красновато-каштановых волос. Катла считала его привлекательным, хотя и староватым — Тэму стукнуло уже целых тридцать лет. Ей было всего пятнадцать в тот последний раз, когда его труппа посещала Камнепад... ну да, пятнадцатилетняя дуреха, и к тому же плоская как доска. Однако это не помешало Тэму Лисице напоить девчонку пивом, пока мать не смотрела в их сторону, и попытаться уговорить ее совершить совместную прогулку до ближайшего амбара...

Сейчас Катла наострила уши.

— И?..

Бера одарила мать тяжелым взглядом, который был известен своим свойством заставлять взрослых мужчин робеть и заикаться, но бабушку Рольфсен оказалось не так легко смутить.

— Я предположила, что он сможет заработать благодарность со стороны нашего клана, если Фестрин, очень близкий мне человек, с его помощью попадет к нам.

— Какой человек?! — Голос Беры сорвался на крик.

Бабушка Рольфсен усмехнулась:

— Я прожила почти в два раза больше, чем ты, дорогая, и жизнь моя не всегда была такой же чистой и прозрачной, как твое любимое горное озеро.

Самым любимым времяпрепровождением Катлы в детстве было купание в горных озерах. Она взглянула на мать с неподдельным интересом — может, их связывало нечто большее, нежели только цвет волос и телосложение...

Бера фыркнула:

— Судя по всему, она была больше похожа на грязное и вонючее озеро. Заигрывать с некромантами и неудачниками за моей спиной, приглашать в мой дом... для лечения моей дочери... называть их моими друзьями! Неслыханно! Я не пушу в этот дом грязного сейду. Если комедианты привезут это существо с собой, я откажу им в гостеприимстве. За моим столом они не получают ни хлеба, ни соли. И никакой рыбы и пива!

— Бера!

— Клянусь Фейей! Никакие сейды не переступят порог моего дома. Они отвратительны, и набожные люди не могут терпеть их присутствия!

Аран в ужасе посмотрел на жену.

— Бера, ты не можешь так поступить: это наихудшее из оскорблений — ты навлечешь позор на весь клан.

В ответ Бера просто сделала два шага вперед, положила руку на плечо мужа, развернула его, решительно вытолкала за дверь и прошагала мимо в сад без единого слова.

Она заговорила с ними снова только через три дня.

Казалось, за это время Бера пожалела о своей несдержанности, потому что вскоре все вместе принялись готовиться к Великому Пиру.

Катла много времени проводила в бухте с Фергом — в конце концов, на кухне от нее было мало проку, с одной-то рукой. Искалеченная рука по-своему полезна — по крайней мере избавляет от неприятной обязанности чистить и жарить, свежевать и коптить, однако увечье не помешало девушке стащить кусок пирога с курицей по дороге сюда.

Она съела пирог, сидя на волнорезе спиной к перевернутой, качающейся на волнах лодке, болтая ногами над водой. Ферг повернул нос к выпечке — «Слишком жирно для тебя, парень!» — поддразнила она его — и сожрал остатки курицы с такой жадностью, что наверняка даже не почувствовал вкуса, потом начал лизать здоровую руку девушки в благодарность, свернувшись рядом на теплых камнях. Глаза собаки сузились до удовлетворенных, сияющих щелочек.

Вместе они слушали крики чаек и смотрели на солнце, разбрызгивавшее частицы света по воде. Немного позже пес стал похрапывать, а вскоре задремала и Катла.

— Катла!

Девушка ясно слышала свое имя, но голос ей был незнаком. Во сне она бежала, что-то гналось за ней. Катла не решалась обернуться, чтобы взглянуть на преследователя, боясь споткнуться и упасть, но могла слышать его вой — морозный и ветренный... он пришел за ней и уже (как осознала Катла с холодной уверенностью) поглотил ее семью. Небо над головой стало темно-красным, низкие облака окрасились в пурпурный цвет и закрыли солнце. Девушка почувствовала на щеках капли дождя. Подняла правую руку, чтобы стереть их, и обнаружила свою кисть целой и невредимой, с длинными, тонкими и здоровыми пальцами. Словно зачарованная, девушка уставилась на руку и поняла, что видит собственные кости сквозь кожу — словно темные тени, покрытые тонкой, хрупкой плотью,

будто солнце обрело способность пронзать ее лучами насквозь. Потом сияние угасло, и Катла заметила кровь на пальцах. Она подняла глаза к небу, и на ее лицо упало еще несколько капель. Жуткий страх сжал сердце. Но в отдалении уже пробивался яркий свет, и кто-то звал ее оттуда, и если ей только удастся опередить *нечто* позади...

— Катла!

Она внезапно очнулась и тут же очутилась на ногах в тени своего брата, Халли. Солнце, светя ему в спину, окрашивало шевелюру юноши в зловещий темно-красный цвет.

— Я... ах...

Катла вдруг непонятно почему почувствовала себя виноватой. «Может быть, из-за украденного пирога? — спросил тоненький внутренний голос. — Или действительно случилось что-то ужасное?»

Сон оставил после себя гусиную кожу на обнаженных руках девушки, позвоночник покалывало в атавистической реакции на кошмар. Пес, почувствовав ее настроение или, может статься, каким-то невероятным образом проникнув в страшный сон, завыл.

Халли протянул руку к Фергу, тот угрюмо понюхал ее, потом снова успокоился.

Брат внимательно посмотрел на Катлу, потом показал в сторону моря.

— Смотри — корабли комедиантов!

И действительно, вот они, на самой линии горизонта. Два больших прямоугольных паруса, темных на фоне голубого неба.

Катла стряхнула остатки сна и, посмотрев на Халли, вымученно улыбнулась:

— Ты именно это пришел мне сказать, брат, или собирался сделать выговор за то, что я забросила свои обязанности?

Халли с каждым днем делался все старше и ответственнее. Казалось, будто он становится на место отца, потому что Аран мог теперь говорить только о своем безумном плане экспедиции в поисках Святилища — к ярости матери. Они уже и ругались (впервые за девятнадцать лет, насколько помнила Катла) несколько ночей подряд после того, как отец впервые объявил о своем намерении: заказать лучший ледорез, какой сможет найти, для установки его на свой корабль (что будет стоить семье всех сбережений и даже больше, потому что деньги с продажи сардоникса перекочевали в карманы группы наемников) и взять всех здоровых мужчин клана в путешествие к сказочному острову, обозначенному на его драгоценной карте.

— Ты не тот мужчина, за которого я выходила замуж! — бушевала Бера. — Я выбирала отца своим детям и мужа себе, мужчину, которому можно доверять, который обеспечит семью, а не безумца, помешанного на дурацких сказках, который носится с ничтожным обрывком бумаги, всученным ему мошенником на Ярмарке, как Джек с бобовым зернышком!

Три утра подряд Катла обнаруживала отца лежащим на сеновале в амбаре, когда седлала пони для прогулки.

— Нет. — Халли выглядел обиженным. — Просто я подумал...

Болезненное выражение скользнуло по его лицу, потом он уселся на волнорез рядом с Фергом. Старый пес укоризненно взглянул на юношу, посторонился, положил голову Катле на колени и пустил слюни.

— Извини, Катла. Прости.

Она нахмурилась:

— За что?

Халли прокашлялся и посмотрел на руки, брови его сошлись в одну темную линию — совсем как у Арана, когда тот злился или сокрушался.

— За то, что мы не спасли тебя от костра. За то, что... твоя рука обгорела. И за то, что ты больше не можешь лазать по скалам.

Катла почувствовала в горле ком, глаза щипало.

— Я сама виновата, — хрипло проговорила она.

Девушка схватила брата за плечо здоровой левой рукой, ощутив под пальцами теплые

канаты мышц и вьющиеся черные волосы.

— Ты сделал все, что мог. Ты и... Тор. Ты убил человека топором.

— Я убил троих. — Ему будто стало плохо. — Я никогда не убивал раньше. Я не перестаю думать об этом.

Последовала пауза. Катла не знала, чем ее заполнить, потом Халли нарушил молчание:

— Знаешь, Фент считает, что скоро будет война. Тогда мне снова придется убивать. Нам всем придется. Я хочу поймать Тэма Лисицу и его людей, прежде чем они войдут в дом, чтобы узнать последние придворные новости...

Халли поднял глаза, и лицо его было каким-то опустошенным.

— Может статься, папина экспедиция — не такая уж глупая идея.

Катла засмеялась:

— Да нет же. Но забавно ведь, правда? Как ты думаешь, он возьмет меня с собой?

Он фыркнул, застигнутый врасплох.

— Сомневаюсь. Ты даже не можешь грести, не то что работать наравне с мужчинами. Какой от тебя толк?

Лицо Катлы превратилось в каменную маску, и несколькими секундами позже Халли спохватился:

— Извини. Я не имел в виду...

— Имел, имел, и это правда, — мрачно согласилась Катла. — Я больше никогда не выберусь отсюда. Я сойду с ума и закончу, как старая Ма Галласен, буду жить одна с козлом и кошкой, говорить сама с собой на языке, никому, кроме меня, непонятном.

— Ты уже на полпути к этому!

Ферг резко вскинул голову, в горле уже зародилось было рычание, но это был всего лишь Фент — с улыбкой от уха до уха.

— Думаешь, Врану придется объявить общий сбор? — Глаза его сверкали жадностью. — Я поеду вместе с комедиантами в Халбо, если так. Кстати, Катла... тот меч, который ты сделала прошлым летом по заказу, его ведь так и не востребовали? Можно мне его взять?

— Тот, что с драгоценным камнем в рукоятке?

— Точно. Красавец, хотя и не такой хороший, как Дракон. Вот тот был действительно вещью! Протыкал все, как нож масло.

Халли подозрительно взглянул на брата, потом повернулся к Катле:

— Мне казалось, ты продала меч Джозу Медвежьей Руке.

Катла зло посмотрела на Фента. Почему-то ей казалось очень важным, чтобы Халли не узнал, что его брат убил отца Йенны.

— Да и нет, я не дам его тебе. Красный Меч мой, и я собираюсь научиться пользоваться им левой рукой. Ах, смотри... это ведь «Снежный Волк»!

Флагманский корабль теперь подошел достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть огромного волка, украшавшего парус, кольца гигантского змея в его зубах. Голова змея нависла над волком, чудовищные зубы выставлены вперед для удара, а хвост замысловато извивался у ног волка, образуя декоративную границу рисунка. Ряд разноцветных богато украшенных щитов выстроился вдоль планшира, солнце сияло на бронзовых шипах. «Снежный Волк» представлял собой великолепное зрелище, достаточное, чтобы поднять дух любого, кто смотрел на него. Тэм всегда отличался склонностью к внешним эффектам.

Второй корабль нес на парусе восходящее солнце и голову огромного медведя, вырезанную на носу. Пусть короче и меньше «Снежного Волка», но он все равно выглядел достойно, и Катла восхищенно смотрела, как корабль разрезает волны.

— Интересно, на каком судне прибудет Фестрин Один Глаз, — задумчиво произнесла она.

Фент кинул на нее подозрительный взгляд:

— С чего ты вообще взяла, что будет сейда?

— Бабушка послала сообщение, — самодовольно проговорила Катла, радуясь, что смогла урвать кусочек информации, который еще не достался Фенту. — Чтобы посмотрели на мою руку.

Фент сотворил знак якоря Сура:

— Это колдовство, сестра. Мне казалось, тебе хватило Лунной равнины.

Катла зло взглянула на брата. Помахала увечной рукой перед его носом:

— Видишь, лисенок? Единственное, что я могу ею делать на данный момент, это толкать таких идиотов, как ты. Но будь я проклята, если она останется в таком состоянии навсегда!

— Ты будешь проклята навсегда, если тебя коснется сейда.

Фент спустился на волнорез и устоялся на корабле, сложив руки на груди.

Халли положил ладонь на плечо сестры.

— Все, что нужно, Катла, — сказал он. — Можешь делать все, что нужно твоей бедной руке. Фент — несдержанный дурак, не обращай на него внимания. Насколько я слышал, имя Фестрин еще ни разу не упоминалось в том смысле, что людям был нанесен вред.

Да и другие маги тоже никому ничего плохого не сделали. И если бабушка считает, что сейда в состоянии помочь тебе, все в порядке. Я присмотрю за Фентом, даю слово.

Пальцы Халли сжались на плече сестры, затем он поднялся и присоединился к брату.

Катла смотрела на них, стоящих там спиной к ней: один такой высокий, темноволосый и широкоплечий, что мог бы почти сойти за их отца, если бы не совершенно другая манера держаться. Другой — рыжий, поменьше и пожилистей, в полуденном воздухе энергия так и плескала в нем.

Она часто чувствовала себя ближе к Халли, чем к своему близнецу, как и к отцу по сравнению с матерью, несмотря на все сложности и различия характеров. Как так получалось, размышляла Катла, что хорошие качества одного человека становятся такими преувеличенными и превращаются в опасные у других? Иногда ей казалось, что она вовсе не знает Фента.

Со вздохом девушка отпихнула пса, подобрала под себя ноги и встала. Ферг, удобно устроившийся на теплых камнях, печально взглянул на нее.

— Пошли, парень, — сказала Катла. — Пошли посмотрим, каких чудовищ привезли с собой комедианты, а?

Сейду оказалось не так уж просто обнаружить.

Люди, сошедшие с двух десятков — если не больше — кораблей, все казались здоровыми и уж точно с обоими глазами. Среди них не оказалось старого, согнутого годами мужчины, хоть сколько-нибудь похожего на колдуна, насколько Катла видела. Даже седого — и то не нашлось.

С комедиантами приехали несколько женщин: две среднего возраста, в сомнительного покрова одеждах с низким вырезом, пара молодых девушек, гибких блондинок, и одна очень высокая женщина. Все они одевались в полосатые куртки и штаны, как и мужчины, двигались по палубе быстро и сноровисто, складывали парус, и Катла, охваченная неожиданной для нее неуверенностью, ощутила укол ревности, глядя, как умело эти женщины выполняли свои обязанности.

Из мужчин тотчас выделился Тэм Лисица. Он стоял на носу «Снежного Волка» в прекрасной ало-золотой рубаше, его рыжие волосы развевались, как знамя. Катла также узнала нескольких гребцов — мужчин с гибкими мускулами и необычной внешностью, похожих на больших кошек, которых девушка видела в загонах на Большой Ярмарке. Акробаты, поняла она. Вспомнила, как они подпрыгивали и ходили колесом в прошлый свой визит и как она заработала шишку величиной с куриное яйцо на правой ноге, попытавшись повторить их пируэты на пляже после того, как комедианты уехали.

Девушка смотрела, как Халли и Фент отправились поприветствовать мужчин по обычаю хозяев, и подождала, пока последний из комедиантов не высадится на берег. И все

равно среди них не обнаружила одноглазого мужчину и вообще кого-нибудь, похожего на сейду.

Разочарованная Катла пристроилась в хвост удаляющейся в сторону дома группе людей, позади нее не спеша трусил Ферг. Колдун явно не приехал, несмотря на приглашение. Ей придется попытаться поймать бабушку Рольфсен и поговорить с ней наедине, чтобы узнать, что случилось.

Когда Катла подошла к дому, там уже царила суматоха. Ее мать стояла в дверях, скрестив руки на груди, перед толпой орущих мужчин. Толпу возглавлял ее муж.

Бера подождала, пока шум стихнет.

— Пока вы мне не скажете, кто из вас сейда, — мрачно предупредила она, — никто не войдет в мой дом.

— Жена, так не принимают людей, проплывших сотни миль, чтобы повеселить нас! Они голодны и хотят пить...

— Да! — послышался дружный хор голосов. — Мы очень хотим пить!

— ...и мы обязаны по королевским законам предложить им хлеб-соль...

— И пиво тоже! — заорал кто-то, и остальные комедианты дружно согласились.

— ...потому что если до короля дойдут слухи, то нам будет очень даже плохо.

Бера вспыхнула:

— Наш так называемый король и пальцем не пошевелил, чтобы спасти мою дочь от истрийского костра, и вот что я думаю о нем и его законах!

Она плюнула на землю прямо под ноги Арану. В толпе зароптали.

Тут какая-то женщина с пузатым мешком протолкалась сквозь толпу, осторожно обошла Арана и стала на колени перед Берой. Ее волосы золотым шелком рассыпались по земле.

— Хозяйка клана Камнепада, прошу прощения: я не собиралась причинять вам неудобства своим приездом. Вообще-то, получив приглашение, я надеялась на более теплый прием...

Бера с подозрением посмотрела на женщину сверху вниз.

— Ваше присутствие не причиняет мне неудобств, — с натянутой улыбкой проговорила она. — Я не откажу в пристанище ни одной страннице.

Женщина встала и откинула назад длинные волосы. Бера зажала рот руками и выпучила глаза.

Катла с изумлением увидела, что на точеном, привлекательном, загорелом лице гостьи только один глаз, и тот располагается как раз посередине лба.

Бабушка Рольфсен кинулась мимо дочери обнимать одноглазую женщину:

— Фестрин, Фестрин! Ты нисколько не постарела с нашей последней встречи!

— Да ладно тебе, Геста, постарела я, еще как постарела... Только это проявляется не в том, на что смотрят простые люди.

Сейда серьезно глянула на бабушку Рольфсен, потом наградила ее улыбкой непревзойденной сладости. Затем протянула руку Бера.

Мать Катлы взглянула на нее так, будто ей предлагали девятидневного лосося, и отвернулась, гневно фыркнув.

Фестрин пожала плечами:

— Ладно, так тому и быть. Пойду навещу гробницу дедушки, вернусь позже. Если вы и тогда не пожелаете позволить мне переступить порог вашей крепости, я уважу ваше решение, однако Судьба может расценить его как неразумное.

Вскинув мешок на спину, сейда повернулась и пошла назад меж комедиантами, которые расступались перед ней, склонив головы и стараясь не глядеть колдунье в глаз.

— Она угрожала мне! — Бера повернулась к мужу: — Ты слышал?! Она угрожала отвернуть от меня благосклонность Судьбы!

— Молчи, жена, — сказал Аран, хотя даже он выглядел напуганным. — Она не угрожала, а вот ты плохо себя ведешь... Давай побыстрее пригласим компанию в дом. Молю

бога, чтобы сейда вернулась по собственной воле, а ты больше и слова не скажешь ей поперек.

Похоже, подумала Катла, глядя, как Бера молча кивает и уходит в дом, магия сейды уже работала, потому что она еще ни разу не видела, чтобы мать отступала в споре.

Тем временем довольные комедианты свалили в кучу свой багаж в сенях и последовали за хозяином клана в залу, предвкушая сытную трапезу из мяса и пива. Но у Катлы любопытство победило голод.

В тот момент, когда никто не смотрел в ее сторону, она быстро выскользнула со двора, и с Фергом, беззвучно следовавшим за ней, направилась к Древнему Хоу.

Сейда *ждала* ее там — или так показалось Катле.

Колдунья сидела на своем мешке у входа в старинную гробницу, скрестив ноги, и чистила яблоко карманным ножиком. Когда Катла появилась из-за угла, Фестрин протянула ей половинку яблока.

Катла подошла, отчаянно стараясь не смотреть в единственный голубой глаз, молча взяла угощение и села рядом.

Они некоторое время так и сидели, грызя каждый свою половину яблока, а Ферг вился вокруг вьюном, брюхом по земле, прижав уши к голове, но даже он не издавал ни звука.

Наконец сейда сказала:

— Покажи мне свою руку, Катла Арансон.

— Ты знаешь, кто я? — удивилась Катла.

Фестрин откинула голову и засмеялась. Громкий резкий звук заставил Ферга в страхе отшатнуться. Такой реакции Катла не ожидала.

— Я приехала по просьбе твоей бабушки. Она в деталях рассказала в своем послании, как ее талантливая и прекрасная внучка пострадала, а это, — сейда указала на закутанную увечную руку, — трудно не заметить, даже если у тебя один глаз.

Катла улыбнулась, чувствуя себя полной дурой. Потом принялась разматывать бинты, пока жуткое розово-красное чудовище, которое было ее рукой, не явилось во всем своем уродстве. Фестрин и глазом не моргнула, она отложила ножик и взяла руку девушки в свои.

Тотчас волны пульсирующего пламени побежали по обеим рукам Катлы, крест-накрест пересекли грудь и вернулись обратно. Диковинное ощущение.

Теперь Фестрин улыбалась.

— Я была права, — проговорила она. — Я подумала об этом сразу, как только увидела тебя.

— О чем?

— Тебя коснулись. Не напрямую, может быть, а как-то по-другому.

Катла нахмурилась:

— Я не понимаю. Кто коснулся?

— Должно быть, еще раньше *она* тоже спало в тебе, — размышляла Сейда вслух, игнорируя вопрос Катлы. — Я редко встречала дар такой силы.

— Какой еще дар? — прозвучал глубокий мужской голос позади них.

Катла завертелась на месте, потрясенная вторжением, ошеломленная тем, что сказала женщина, и нарастающим жаром, тотчас охватившим тело.

Это был Аран Арансон, темный и осевший, как стоящий на болоте камень. Ферг, явно обрадованный тем, что попал в знакомое окружение, занял свое законное место у ноги хозяина.

Фестрин задумчиво оглядела высокого западника. Потом без единого слова встала и сделала шаг навстречу хозяину Камнепада.

Катла с удивлением заметила, что сейда очень высокая, даже выше огромного Арана Арансона на добрую половину ладони. Это озадачило девушку, но потом она вспомнила, что, приехав в «Великий Зал», женщина постоянно сутулилась и не поднимала головы. С дрожью Катла вспомнила длинные желтые кости в гробнице позади.

Она ожидала, что сейда поприветствует отца, но женщина просто прижала ладонь к его кожаной безрукавке. Катла увидела, как засверкал единственный глаз сейды. Крошечные огоньки метались в нем, как звездный ливень в ночном океане.

Около минуты стояли они так, глаза в глаза, на расстоянии шага. Ферг завыл, и его вой, наполненный каким-то непонятным отчаянием, резанул по нервам. Наконец Фестрин отняла руку и отступила на шаг. Аран глубоко вздохнул, будто до этого рука, лежавшая на его груди, не давала ни сердцу биться, ни воздуху проникать в легкие.

— Ты и сам не полностью лишен силы, — объявила она. — Только в твоём случае тайное пошло иным путем, и боюсь, не самым лучшим.

Аран нахмурился.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — зло заявил он. — Там, откуда я родом, люди прямо выражают свои мысли, а не прячут смысл за обтекаемыми фразами.

— Большинство людей не захотели бы услышать напрямую то, что я собираюсь сказать, — проговорила Фестрин. — Им не подходит простое и ясное объяснение.

— Я не «большинство людей», — заупрямился Аран. — И в делах, касающихся меня и моей семьи, предпочитаю знать все точно.

Сейда дотронулась рукой до его щеки. Аран сначала почувствовал волну жара, потом все пропало.

— А-а, — протянула Фестрин.

Она убрала руку, посмотрела на свои пальцы, потом потерла их друг о друга, будто стряхивая пыль.

— Сейчас не время, — сказала она. — Я устала и хочу есть. Могу ли я присоединиться к вашему столу, или твоя жена все еще уверена, что мне следует остаться под открытым небом? Если да, тогда я останусь здесь, с моим родственником, — она показала на гробницу, — и устрою собственное пиршество.

— И я останусь с тобой! — с вызовом заявила Катла.

Аран подарил каждой по яростному взгляду, потом закатил глаза с видом, который тотчас стал бы понятен любому мужчине. Женщины. С ними невозможно спорить, когда они становятся упрямыми, дочери это или ведьмы.

— Как хотите, — сдался он. Скосил глаза на сейду. — Бера шлет свои извинения за поспешные слова и приглашает тебя к нашему столу. Именно за этим я и пришел, собственно, пока ты не начала читать мои мысли.

— Я искала не твои мысли, а сердце.

— И нашла?

Фестрин улыбнулась:

— А... да. Оно сильно бьется. Его трудно не заметить.

— А кроме пульса, что ты заметила?

— Опасные стремления, ложные мечты.

Аран оторопело уставился на сейду, но она выдерживала его взгляд, пока эйранец не отвернулся. Чтобы скрыть свое смущение, он нагнулся потрепать по голове собаку.

— Старые псы тоже не растеряли еще запал, что бы ни думали все остальные, — тихо сказал Аран.

Они молча проделали путь до дома, где их появление отметили лишь короткой паузой в разговорах и пожирании деликатесов.

Поразительно, думала Катла, что в их доме может поместиться столько людей. Вдоль обеих длинных стен поставили столы, нагруженные всяческими изысками и обычной пищей островов. Пшеничный и яблочный хлеб, козий и овечий сыр, вяленое мясо, соленая рыба, громадные куски телятины и говядины, жареные цыплята и отбивные из акул и тюленей, пироги с курятиной и макрелью, целиком зажаренные морские окуни и форель, фаршированная фруктами, здоровенные бочонки с пивом и фляги с лучшим островным вином из жеребьячей крови.

Люди расселись по обе стороны от столов, спиной к стене или к огню, весело

мерцавшему в центре залы. Если вы слишком подвержены одурманивающему влиянию крови жеребца, лучше вообще сидеть в сторонке, вспомнила Катла.

Аран занял свое место во главе стола и предложил сейде место рядом с собой. Бера недоброжелательно сверкнула глазами в сторону женщины, затем демонстративно отвернулась и завела громкий, достаточно кокетливый разговор с Тэмом Лисицей. Катла посмотрела, куда ей сесть — по левую руку от Тэма Лисицы или рядом с Фестрин, — и быстро скользнула на скамью рядом с сейдой.

— Так скажи мне, Тэм, — громко сказал Аран, обрывая речь жены. — Какие новости о новом королевском корабеле? Возьмется он за мой заказ?

Тэм неуверенно кашлянул:

— Н-нет, Аран. Мортен сказал, что не может оставить свои дела. Ему в наследство осталось много неоконченной работы, и даже она поможет ему прожить до весны. Он порекомендовал Раглана Муху, своего бывшего ученика, который недавно завел свое дело...

— Мне не нужен его проклятый подмастерье! Мне нужен человек, построивший «Снежного Волка», и если я не могу получить Финна Ларсона...

— Да... теперь умение Финна может оценить только Сур! — пьяно рассмеялся один из людей Тэма.

Тэм сказал, понизив голос:

— Мортен говорит, что он не станет иметь с тобой дело, потому что ходят слухи, будто именно твой сын прикончил Финна.

Аран открыл рот:

— Что?! Халли убил своего будущего тестя? Это же просто безумие!

Тэм приложил палец ко рту.

— Фент, — беззвучно сказал он одними губами.

Глаза Арана расширились.

— Что? — Бера просунула свою голову между ними. — Что он сказал?

— Ничего, — раздраженно бросил Аран. Он потряс головой, будто избавляясь от неприятных новостей, потом наклонился через жену: — Значит, он не примет заказ? А что, если я предложу лучшую цену?

Тэм Лисица покачал головой и принялся за цыпленка.

— «Даже пальцем не пошевелю», — так он сказал, — пробурчал он невнятно, горячий сок потек по бороде. — «Свора бешеных собак, эти камнепадцы» — вот точные его слова. К тому же он уже принял заказ на судно у Фенила Соронсона.

— Правда? — Лицо Арана стало задумчивым. — Большое?

— Шестьдесят весел, насколько я слышал.

Аран рассеянно кивнул:

— Интересно...

Он пару раз видел Фенила на Ярмарке, когда тот с таинственным видом шептался с Хопли Гарсоном, с которым никогда особенно не ладил. Но Аран никогда не считал ни одного, ни другого охотниками за приключениями — крепко стоящие на ногах земледельцы, кроме того, у обоих копи по добыче сардоникса на материке, за пятьдесят миль друг от друга. Насколько он знал, они выходили в море лишь один раз в год — когда ехали на Большую Ярмарку.

После разговора с Лисицей Аран стал странно молчалив. Слухи, сплетни, новости пролетали мимо его ушей, время от времени он рассеянно кивал в ответ на чье-либо замечание, хотя всем было ясно, что хозяин клана совершенно ничего не воспринимал.

Кто-то рассказывал, как сильный прилив выбросил на берег чудовище — гигантского нарвала с человеческими глазами. Другие сообщили, что мертвец был подобием человека с жабрами и огромным висячим зобом. Еще кто-то поведал историю о том, как морское существо проглотило целиком рыболовную лодку у Голубого канала к западу от Акульего пролива. Тварь длиной в три корабля, с зубами, похожими на мечи... Однако остальные решили, что это сбившийся с дороги кит, поднявшийся на поверхность и ненароком

проглотивший лодку, или же вообще просто большая волна. Но, несмотря на всю свою любовь к историям про всяких чудовищ, Катла больше заинтересовалась разговорами о короле и его новой жене.

Ведь именно бледная кочевница, пусть и косвенно, была виновата в том, что ее отправили на костер, потому что король Вран никогда не позволил бы такому случиться с одним из его подданных, если бы его не околдовали. А теперь оказалось, что она испробовала свою магию и на других, так как, по словам кого-то из труппы комедиантов, странная кочевница просто-напросто овладела сердцами всех королевских придворных — всех, кроме королевы Ауды, матери Врана.

— Королева только бросила единственный взгляд на Розу Эльды, — сказал один из комедиантов, темноволосый жилистый парень по имени Морт, — потом развернулась, ушла в свою комнату и с тех пор не выходила.

В ответ на это замечание последовал удивленный гул голосов со стороны членов клана Камнепада. Далеких от двора людей подобные рассказы о королевских делах всегда завораживали. Бера совершенно забыла, что зла на своего мужа, и выжимала из Тэма малейшие детали поведения странной иноземной женщины. Даже сейда заинтересовалась разговором, наклонилась вперед и обратила властный, немигающий взор своего голубого глаза на Тэма Лисицу.

— Она — чудо, — значительно сказал он. — Совершенно очаровала короля. Ни одного слова о войне за все время ее пребывания при дворе. По крайней мере от Врана. Король проводит большую часть времени наедине с Розой Эльды, а когда появляется на людях, то чуть ли не качается — если вы понимаете, о чем я. Удивительно. Я никогда не видел такую бледную, такую хрупкую женщину, но ее глаза — они просто завораживают. Она может убить одним взглядом.

Лисица картинно схватился за грудь и свалился со скамьи, к общему восторгу окружающих.

Казалось, это стало сигналом к началу представления. Комедианты повскакали со своих мест, некоторые уже довольно-таки набравшиеся, музыканты выскочили на улицу, а потом явились с целой охапкой странных инструментов и костюмов, собравшись в дальнем конце залы. Тэм коротко перебросился с ними парой слов, потом раздался первый аккорд.

Тэм Лисица вытянул из кучи одежды плащ, отделанный мехом, огромный деревянный меч, черный парик, выглядевший подозрительно похожим на конский волос, и преувеличенно большую корону. Тем временем один из артистов натянул шикарное белое платье и гриву из золотой соломы и теперь гарцевал по кругу, кривляясь и задирая юбки так, чтобы вначале показать щиколотки, а потом голую волосатую задницу.

Катла тронула отца за руку.

— Почему мужчина оделся как женщина, когда в труппе есть девушки? — в замешательстве спросила она.

Аран, выведенный из задумчивости, улыбнулся:

— Над кем ты будешь больше смеяться: над милой девушкой в роли королевы или над каким-нибудь нелепым увальнем?

Катла немного подумала, потом задала совершенно логичный вопрос:

— Почему бы тогда женщине не доверить роль короля?

Аран потрясенно посмотрел на нее:

— Это уже слишком похоже на оскорбление.

Катла нахмурилась, потом переключила внимание на громкую чушь, которую несли на другом конце залы.

Тэм Лисица лежал на руках своей возлюбленной, в то время как певец заливался соловьем:

Король уехал,
Чтобы найти себе жену,

Девушки сменяли одна другую,
Но ни одна ему не понравилась.
Он видел и тонких, и толстых, и средних,
Темных, и светлых, и красных,
И даже одну с зелеными волосами!
«Они не для меня», — сказал он.
О, были и девушки с длинными...

Тут Тэм жестом пригласил зрителей присоединяться.
— Носами! — закричала какая-то женщина.
— Ногами! — проорал Котил Горсон, подняв фляжку.
— Языками! — крикнул еще кто-то, его заглушили разные голоса, каждый предлагал свои варианты.

— Волосами! — громко поправил Тэм.
«Роза Эльды» перевернула свой чудной соломенный парик, игриво закрыв им свое лицо. Потом один из актеров упал к ее ногам, другой тянулся, чтобы только коснуться ее волос, и тут парик упал. «Она» нахлобучила его обратно, после некоторой возни со своим воздыхателем, снова задом наперед. «Роза Эльды» неуклюже потопталась, потом сумела вернуться на свое место.

— И некоторые с большими...
— Зубами!
— Сиськами! — взвизгнул Фент пьяным голосом.
— Задницами! — крикнула бабушка Рольфсен, безумно хохоча.
— Глазами, — скромно поведаль Тэм, и «Роза Эльды» еще немного погарцевала по кругу, сжав руками свою гигантскую грудь.
— Глазами! — повторил Тэм, почти заревев, зала взорвалась хохотом.

Все леди были прекрасны — ах, так прекрасны,
— Но ни одна не могла сравниться
С Розой Эльды, королевой кочевников,
прекраснейшей девушкой, какую он только видел...

Теперь Тэм тоже положил руки на фальшивую грудь «Розы Мира», из-за чего и заработал увесистую оплеуху от другого актера, который сделал неприличный жест в сторону публики, потом поднял короля, взвалил его на плечо, задницей вверх, и покинул комнату под крецендо барабанов и дружное улюлюканье.

Даже мать смеялась, заметила Катла, однако Аран сидел с отстраненным взглядом, будто комедианты разыгрывали какую-нибудь любовную историю или трагическую эпопею.

Немного позже он вытащил из тунки клочок свернутого пергамента, с любовью взглянул на него, потом встал, подошел к сыновьям, и они втроем покинули залу. Заинтересованная Катла сдвинулась на стуле и собралась уже тоже подняться, но Фестрин положила ей руку на плечо.

— Останься и поговори со мной, Катла Арансон, — тихо попросила она.
Удивленная Катла уселась обратно.
— Во что ты веришь? — спросила сейда.
Это был трудный вопрос, потому что Катла не совсем знала, что от нее ожидали услышать в ответ, поэтому через мгновение она рассмеялась и просто сказала:
— В себя.

Предполагалось, что она пошутила, но Фестрин склонила голову набок, и ее огромный единственный глаз посмотрел на Катлу совершенно серьезно. Потом губы сейды дрогнули.

— Чувствую, эта вера в жизни приносила тебе немало неприятностей. Я также ощущаю, что ты сама многого еще о себе не знаешь. Что у тебя получается лучше всего?

Загипнотизированная голубым глазом колдуньи, Катла выпалила:

— О, лазанье по скалам, а еще изготовление мечей и кинжалов...

И замолкла, осознав, что наговорила.

А Фестрин снова улыбнулась:

— Так какая же вера у тебя осталась, с одной-то рукой, когда ты не можешь делать ни одно, ни другое?

Катла почувствовала, как непривычно наливаются слезами глаза.

— Я... я не знаю.

Сейда наклонилась поближе:

— А что, если Эльда, Катла? Как твоя связь с миром — ты ощущаешь ее? Думаю, да, но пока что этого не понимаешь.

Катла уставилась на одноглазую женщину.

Девушка вспомнила, как ее ладони очень приятно зудели, когда она работала с металлом, как толчок энергии иногда распространялся по ее рукам, пока она лазала по горам, как с ней говорил Замок Сура на языке, который понимали только ее кровь и тело, как деревянная палуба корабля пульсировала жизнью под ее руками, когда они приближались к острову. Как легчайшее прикосновение к теплему граниту над залой этим самым утром превратило ее кости в желе, и на мгновение она ощутила в голове слова, будто сама Эльда пыталась что-то сказать ей...

— Что-то произошло с тобой недавно, Катла Арансон, что-то, явно связанное с твоим увечьем, и оно обратило тебя к магии земли. Я чувствую ее и в тебе, и вокруг — в последнее время повсюду, — но в тебе, Катла, она очень сильна. Что случилось с тобой? Твоя бабушка только сказала, что ты обожглась. Это случилось в кузнице?

— Истрийцы пытались сжечь меня на Большой Ярмарке.

Глаз Фестрин засверкал.

— Они суеверные опасные дураки. Погубили тысячи несчастных душ, несших в себе магию, и даже не осознавших этого, и никогда не причинявших зла, предлагавших всего пару безвредных зелий.

— Не за колдовство, — поправила Катла и рассказала свою историю.

Когда она подошла к тому моменту, как ее пытались сжечь на костре, брови девушки сошлись в одну линию.

— Я помню своего брата Халли и кузена Тора в толпе, помню, как меня привязывали к столбу и поджигали дрова, помню, как истриец, которого я считала своим другом, приближался ко мне с обнаженным мечом... и больше ничего, пока не проснулась на корабле, плывущем домой.

— А это, — Фестрин дотронулась до забинтованной руки, — случилось на костре?

Катла кивнула.

— Хочешь вернуть себе руку, Катла? Такую, как раньше, сильную и красивую, с пятью пальцами, такими же нормальными, как до костра?

Ну, над этим уж раздумывать не надо.

— Конечно!

— Тогда тебе придется найти силы поверить в себя, а я помогу тебе излечиться...

Катла почувствовала явное разочарование. Вообще-то она ожидала или отъявленного мошенничества, или мгновенного магического исцеления. Помощь в самостоятельном выздоровлении предполагала длительный, изматывающий процесс, и никакого чуда не предвиделось.

Она повесила голову.

— Ох, — вздохнула Катла.

Фестрин рассмеялась. Резкий звук ее смеха заставил нескольких человек за столом обратить на них внимание.

— Покажи мне свои мечи и кинжалы, — попросила сейда.

На улице уже было совершенно темно, по небу рассыпались звезды. Катла, держа

факел, прихваченный из кучки у очага, повела сейду в кузницу.

Они прошли мимо уборной, где кому-то было очень плохо, и конюшни, где тихо ржали пони. Добравшись до амбара, Катла обнаружила, что внутри кто-то есть: лучина отбрасывала через дверной проем длинные тени. В замешательстве девушка махнула Фестрин, призывая ее двигаться осторожнее, и вдвоем они подкрались поближе.

Прежде чем женщины достигли двери, Катла узнала голос отца, ясно раздававшийся в ночном воздухе.

— Нам нужен Дансон. «Птичий Дар» не годится — он не устоит перед плавучими льдинами на дальнем севере.

— Мы можем сами его оснастить.

Голос Халли, глубокий баритон, сейчас удивительно напоминал голос Арана.

— Вопрос не только в установке ледореза. «Птичий Дар» — скоростной корабль. При увеличении массы он потонет в высоких волнах, — нетерпеливо ответил Аран.

Теперь в разговор вмешался Фент, голос его был тоньше и резче, чем у Халли, как и телосложение.

— Давайте лучше уьем Тэма Лисицу и заберем «Снежного Волка». Оснастим его, как нужно.

— Фент! Это неудачная шутка, — потрясенно воскликнул Халли, но Катла знала своего близнеца слишком хорошо.

Ребенок, вспыльчивый и безрассудный, выкрикивающий оскорбления и пускающий в ход кулаки, только чтобы потом расплакаться от угрызений совести, вырос в опасного человека. Эгоизм превратился в слепой эгоцентризм, самовольность вскормила дикую порочность, настойчивость обратилась одержимостью, уверенность в себе развилась в спесивость, высокомерие и жуткое ханжество. Она бы не стала становиться на его пути.

— Действительно, не надо так шутить, — упрекнул Аран. — Кроме того, нам все равно понадобится Мортен Дансон — если выйдем в неизведанные воды, я хочу иметь корабль, построенный по всем правилам, а не какую-нибудь посудину, наспех собранную из старых кусков.

Хозяин клана Камнепада принялся мерить амбар шагами. Голос его стал раздраженным.

— Будь он проклят за то, что отказался от моих денег. Я уже и так потерял целое состояние из-за Финна Ларсона, — сказал Аран и внезапно остановился, задумавшись.

Потом он произнес:

— Ты, случайно, не забрал мои деньги, когда прирезал Финна? — горько спросил Аран Фента.

Последовало мгновение страшной тишины. Сейда схватила Катлу за руку.

— Пошли отсюда, — прошептала она, — мне не нравится такой поворот дел...

Но Катла настолько вовлеклась в семейную драму, что даже не почувствовала прикосновения женщины.

Послышался какой-то треск, потом неразборчивый крик, и зазвенел голос Халли:

— Ты! Ты убил отца Йенны? Скажи мне, что это неправда, Фент! Ведь даже ты не...

— ...убил бы толстого, старого предателя?

— Хватит! — рявкнул Аран. — Наша семья должна держаться вместе. Я заплачу Тэму Лисице, чтобы он взял вас обоих в обратный путь в Халбо, где лицедеи будут развлекать гостей на свадебной церемонии. Никто не заметит еще пару парней среди ряженных комедиантов. Мортен наверняка не пропустит такое важное событие — так считает Тэм... Когда вы там окажетесь, отведите его в сторонку и передайте наше предложение — и посмотрим, насколько... гм... убедительными вы можете быть.

— То есть надо его хорошенько отделать и привезти — добровольно или по принуждению? — рассмеялся Фент.

— Как пожелаете. Вам придется одолжить пару его больших лодок и погрузить на них необходимое количество древесины. И не избивайте его до бессознательного состояния, пока

он не скажет, какие люди и инструменты ему понадобятся.

— Мы не можем просто похитить его! — Голос Халли задрожал. — Ты сошел с ума, а он вообще убийца! Я не собираюсь иметь с вами ничего общего!

— Если нет, ты мне не сын, — резко бросил Аран.

Фестрин нагнулась к Катле:

— Это несчастливая ночь. Я не желаю больше ничего слышать.

Катла неохотно кивнула.

Для нее все звучало довольно интригующе. «Если не поедет Халли, — думала она, — я займу его место».

Девушка посмотрела вниз, и свет от факела превратил правую руку в оранжевый клубок. Сердце ее упало. Без единого слова Катла проводила сейду в кузницу.

Войдя туда, девушка зажгла еще два факела и повесила их на стену. Теплое сияние осветило рабочее место, инструменты, аккуратно развешанные по стенам, некоторые лежали на полках — намащенные, сверкающие. Огромные кожаные мехи пахли воском и были едва припорошены сажей. Но огни не горели, не мерцал ни единый уголек, что придавало месту легкий оттенок заброшенности.

Напряженное лицо Катлы все объясняло без слов. На мгновение Фестрин показалось, что девушка сейчас взорвется гневным криком.

— Твой отец во власти опасной навязчивой идеи, — сказала сейда, пытаясь завладеть ее вниманием. — Корабль состоит из живой плоти Эльды — мы берем ее взаймы у природы и со временем возвращаем. Но корабль, построенный с дурными намерениями, плохо послужит своему хозяину. Твой отец испытывает Судьбу. Она может отмерить его жизненную нить и обрезать ее, если Аран станет настаивать на своем плане.

Катла ничего не сказала.

— А ты, Катла Арансон... Что ты думаешь? Я чувствую в тебе магию земли, но коснулась ли она твоего сердца, или эта часть твоего тела такая же темная и порочная, как у твоих родственников?

— Мой отец и братья — храбрые, добрые люди, — возмутилась девушка в ярости от слов женщины, в ярости от того, что она услышала правду. — Не говори о них так!

Сейда крепко сжала губы, будто сдержав следующие свои слова.

— Хорошо, — проговорила она. — Покажи мне свою работу. Может быть, я смогу различить цвет сердца по твоему искусству.

Такое показалось Катле совершенно невероятным, но она подошла к огромному деревянному сундуку в глубине кузницы и открыла его.

Внутри, аккуратно завернутые в мягкую шерсть и промасленную материю, лежали ее лучшие изделия — меч, который у нее так выпрашивал Фент, некоторые из кинжалов (менее удачные Катла переплавляла заново) и кое-какое оружие с Большой Ярмарки.

Из этой коллекции она выбрала Красный меч, богато украшенный кинжал с замечательной резной рукояткой и одно из своих последних творений: простой, но элегантный, с выжженным на лезвии рисунком кинжал. Их она и сложила на стол перед сейдой.

Фестрин склонилась над оружием. Провела пальцем по Красному мечу.

— Отличная работа, — восхищенно произнесла она. Взвесила лезвие и проверила баланс. — Я не слишком часто использовала оружие в своей долгой жизни. По крайней мере не работала с простыми мечами из металла или камня...

Катла почувствовала легкое раздражение. Значит, Фестрин считала ее работу простой?

Девушка подошла и взяла у сейды меч. Тут же бледное красное пламя засверкало по всей длине клинка, затем сконцентрировалось в яркой вспышке у руки Катлы. Удивившись, она быстро положила меч обратно на стол.

Когда Катла подняла голову, в глазах Фестрин поблескивала улыбка.

— Так, — сказала сейда. — Так.

Фестрин усмехнулась Катле, потом, отложив богато украшенный кинжал, взяла клинок

с рисунком на лезвии. В ее длинной руке он казался не больше чем ножичком для потрошения мелкой живности.

Сейда повернула его к свету и одобрительно заворчала. Затем звуки стали более отчетливыми, пока не стали походить на язык, который Катла не могла уловить, хотя голова и гудела от усилий. Потом слово «красивый» проникло в ее разум, за ним — «редкость».

Девушка уставилась на сейду, но губы женщины не двигались.

— Ты что-то сказала? — спросила в недоумении Катла. Восхитительно.

Рот сейды скривился в сладкой улыбке.

— О да, — сказала она, — но так, что услышать можешь только ты.

Катла нахмурилась:

— Я не понимаю.

Фестрин вложила кинжал в руку Катлы, и снова вспыхнуло пламя, на этот раз ярче — металл будто горел изнутри. Катла ахнула. Она смотрела, как языки огня метались по лезвию, высвечивая каждую деталь. Когда сейда отняла свою руку, пламя сначала поколебалось, затем приобрело слегка голубоватый оттенок и вспыхнуло снова, ярко, как никогда. Фестрин радостно рассмеялась.

— Твое сердце знает больше, чем разум, дорогая. А этот клинок ты изготовила сердцем. Только подумай, чего ты достигнешь теперь, когда просыпается магия! Интересно, только ли с металлом у тебя такая связь? — вслух размышляла она. — Мне бы хотелось посмотреть, как ты работаешь с камнем или деревом...

Катла, покачиваясь, положила клинок обратно на стол. Колени ее подгибались. По рукам бегали мурашки.

— Очень сложно работать над чем бы то ни было с одной рукой, — мрачно произнесла она.

— Значит, давай попытаемся исправить положение, — сказала сейда.

Взяла правую руку Катлы в ладони.

Возьми клинок, Катла.

Левая рука Катлы потянулась к кинжалу. В кузнице сверкал свет — красный, белый и огненно-оранжевый.

Картинки такого же цвета пылали перед ее мысленным взором, сопровождаемые тупым жужжанием, будто она засунула голову в улей, полный пчел. Слышалась чья-то речь, но она не понимала, откуда идет звук. Сбитая с толку девушка закрыла глаза и попыталась сконцентрироваться на ощущении клинка в руке. Мгновением позже нечто принялось давить на плоть изуродованной руки — острое и горячее. Внезапно Катле показалось, что каждая частица ее сознания хлынула к поврежденной конечности, проникая в каждую клеточку, каждый нерв этого странного, бесполезного, деформированного отростка. Но в то же время она существовала и вне его, в точке пламени, вибраций и мощной, всепоглощающей жары. Именно там, в другом месте, она почувствовала, что сейда кладет направляющую, помогающую ладонь на ее другую руку — ту, в которой девушка сжимала клинок.

— Не бойся, — говорила Фестрин. — Верь себе. Верь мне. Верь магии.

Давление усиливалось. Катла ощутила, как опускается клинок, как он встречает сопротивление. Жужжание в голове превратилось в неопределенный рев, его масса внутри черепа была так велика, что пришлось открыть рот и выпустить часть звука.

Где-то вне себя девушка услышала голос, резкий и назойливый, поднимающийся к потолку кузницы, вопль боли и ужаса — потому что клинок вонзился в толстый моток кожи, рвал его на части...

«Что здесь происходит?» — повторяла снова и снова какая-то крошечная часть рассудка Катлы, в то время как другая часть естества девушки — или сейды? — отвечала: «Ты режешь собственную руку, всаживаешь доброе, острое лезвие глубоко в рану».

Слишком кошмарно, чтобы поверить. Катла открыла глаза и обнаружила, что это правда.

Клинок сиял белым, режущим глаза светом, освещая то, как переплетенные шрамы

расходились от движения лезвия, но удивительно — рана, кажется, вовсе не кровоточила. Катла недоверчиво уставилась на культю, и в этот момент клинок вновь вонзился в увечную руку. Девушка смотрела на него с ужасом — лезвие двигалось по собственной воле.

Кусок мертвой плоти упал на пол, за ним последовал еще один, на который Катла уставилась с отвращением.

«Еще чуть-чуть, — подумала часть ее разума, — и у меня не останется ничего, кроме кровавого обрубка».

Свет от клинка исходил настолько яркий, что слепил глаза, оставляя смутный отпечаток белого пятна на сетчатке, даже когда девушка смотрела в сторону. А вся левая рука зудела, горячие волны накатывали одна за другой через кости и вверх по плечевому сухожилию, затем вились у ребер, потом проваливались в низ живота и скатывались к ногам.

Подошвы ступней горели и пульсировали, энергия утекала еще дальше, в каменные плиты пола. Катла чувствовала, как они впитывают все без остатка, чувствовала даже, как энергия всасывается в вены земли, только чтобы вновь собраться и перелиться в нее.

Лицо сейды омывалось светом, единственный глаз светился, как луна.

Еще один разрез, и Катла «увидела» образ своего указательного и большого пальцев, окаймленных красным мерцанием, разделенных и настоящих. «Теперь я смогу взять ложку, — почти бессознательно подумала она. — Я смогу держать щипцы».

...Потом волны вибрации и жжение усилились, и снова плоть уступила давлению, за этим последовало настойчивое желание бежать куда глаза глядят, в ночь, и охладить жар в дождевой воде в бочке, в пруду, в море — где угодно, что только сможет дать ей облегчение. Но Катла не двинулась с места. Вместо этого девушка обнаружила, что снова и снова кромсает несчастную руку, глубже, чем раньше, ощущая проникновение лезвия, и снова она закричала от страха и ужаса. Но боли не было — только ошеломляющее чувство давления. Она осознала, что еще один палец выделился из комка плоти.

Жужжание усиливалось, свет ослеплял.

Внезапно Катла расслышала другой голос посреди вибраций: глубокий и низкий, доносящийся издалека — больше похожий на шорох земли, чем на голос, больше похожий на биение сердца океана... Звук было трудно различить, но это не сейда, на этот раз не она... Девушка снова закрыла глаза, чтобы свет не отвлекал ни на секунду, и потянулась за ним, вниз и вниз, сквозь каменный пол, к скале под ними.

Послушай меня ! — глухо зарокотал голос. — Я чувствую тебя. Даже в своей тюрьме из камня я слышу тебя: послушай меня! Сирио зовет тебя сквозь вены Эльды, я зову тебя, чтобы ты меня освободила. Я заключен здесь вот уже триста лет, и никто не слышал меня. Приди ко мне, будь со мной, храни меня, пока не...

Грохот прошел сквозь ее тело, заставив трястись от его силы. Лава, извергаемая вулканом, прошла по венам, сейсмическое потрясение ударило по костям. Катле казалось, она сейчас расплавится или разорвется на куски... она думала, почти точно знала, что сию секунду умрет, Катла объяла разрушение — или творение? — которое предлагал голос. Возвратила его приглашение собственным воем.

— Катла!

Слабый голос: раздражение. Девушка проигнорировала его, но великий голос исчезал. Она бросилась вслед.

— Катла!

На этот раз новый звук приобрел силу. Ее глаза немедленно открылись, и девушка обнаружила перед собой Фента, с безумными в сияющем свете глазами, в кроваво-красной короне из волос. Потрясение от нового вторжения заставило ее уронить руки, оставив измазанный кровью нож в полном распоряжении Фестрин.

— О боже! Что ты с ней делаешь?!

Фент подхватил Красный меч и бросился к сейде.

— Оставь ее в покое, ведьма! — взвыл он и длинным злобным ударом пронзил одноглазую женщину.

Фестрин взглянула вниз — туда, где у ее ребер торчала рукоятка меча.

Сейда яростно оскалилась. Рука ее взлетела вверх и схватила Фента за шею, пальцы конвульсивно сжались, так что его глаза вылезли из орбит, а руки выпустили меч.

— Прерывание... лечения... тебе боком... выйдет... — Фестрин закашлялась. Темная кровь начала пузыриться на ее губах, потекла по подбородку. — Да окончатся... все твои... предприятия... катастрофой!

Сейда улыбнулась — до жути сладко, гротескно — и повалилась на пол, где и осталась лежать, скрючившись под странным углом.

Катла внезапно вышла из оцепенения, оттолкнула Фента и упала на колени рядом с сейдой.

— Фестрин, ты слышишь меня?!

Голос Катлы показался странным даже ей самой — глубокий, низкий, вибрирующий. Она с удивительной легкостью перевернула сейду и, взявшись обеими руками за эфес, вытащила Красный меч.

Фонтан крови вырвался на волю, ударив Катле прямо в лицо, но она едва заметила это, ощутив лишь непривычное тепло на коже. Оружие блестело, как молния, в ее руке, и она смутно осознала, что Фент, спотыкаясь, кинулся к выходу с неразборчивым криком. За ним появилась еще одна неясная фигура, но Катла уже сконцентрировалась на умирающей женщине.

Она отложила Красный меч, но свет продолжал пульсировать вдоль ее рук. Без единой мысли девушка поместила свою заново обретенную руку в дыру на груди женщины, и свет начал гаснуть, как задуваемое пламя. Жар набегал и иссякал внутри нее — и снова, и опять, и заново. Катла почувствовала, как река силы уходит прочь, и какую-то часть ее существа охватило горе.

Отпусти! — ворвался чужой голос в ее разум. — *Отпусти!*

Голос метался взад-вперед, как несчастная, пойманная в ловушку мышь, отдавался эхом, пока голова девушки не принялась раскалываться на части. Это было уже слишком. «Я умираю, — отчаянно подумала Катла, чувствуя, как последняя капля силы исчезает без следа. — Здесь и сейчас — я умираю».

С усталым вздохом она упала на спину, и холодная ночь призвала девушку к себе.

Глава 23 ПРАКТИЧЕСКАЯ МАГИЯ

Совершенно измотанный после целого дня работы на нового хозяина, с руками, воняющими оловом и другими неблагородными металлами, Виралай стоял у окна своей комнаты в Высокой Башне, глядя на улицы Церы.

Сколько бы он ни провел тут времени, думал ученик мага, никогда не получится привыкнуть к мысли о существовании такого количества людей в мире. Это стало его любимым времяпрепровождением на отдыхе: наблюдать за ними, снующими туда-сюда по узким улочкам с тележками и корзинками, понукающими нагруженных животных и рабов, и все такие занятые, и у каждого своя жизнь, свои стремления и несчастья.

«Почему Мастер никогда не говорил мне об этом?» — дивился Виралай с тех пор, как Тайхо Ишиан привез его сюда. Но бывший продавец карт уже и сам знал ответ — с того момента, как увидел Розу Эльды в спальне Мастера. Рахе скрывал от него этот мир, потому что знал, что он привлечет Виралая, что ученик не сможет противостоять соблазну земных тайн.

И теперь Виралай всего лишь сменил хозяина, который пытался привязать его к себе, на другого. А вид из этого высокого окна — как из гнезда на недоступной человеку вершине — стал единственной ниточкой, связывающей его с миром. Тайхо проследил за этим, как только Виралаю удалось применить формирующее заклинание на основных металлах и создать богатство для лорда Кантары в виде серебра высокой пробы, которое от настоящего

отличил бы только тренированный маг. Вообще-то Виралай едва ли сейчас заботил мир, так захватили его успехи, достигнутые в магии.

Двадцать девять лет был он учеником у Мастера. И все же Рахе обучил его лишь основам, не допуская к магии, которая изменяла саму природу или же просто вид природы. На самом же деле ученичество Виралай сводилось просто к исполнению обязанностей слуги: подай, принеси, приготовь, убери. Он смешивал порошки для алхимических экспериментов Мастера, нагревал камни, полировал кристаллы, вырезал сердца у маленьких птичек, которых Рахе создавал для черной магии, и сжигал их вместе с кровью из собственного пальца. Виралай ничего не чувствовал по отношению к этим трепещущим существам. Они родились благодаря заклятию, и их короткая жизнь зажигалась и гасла по велению мага. Но в последнее время Виралай начал испытывать странные уколы совести, особенно сейчас, когда смотрел на маленьких иссиня-черных ласточек, порхавших под крышами домов на холме под замком.

Внезапно он обнаружил, что гадает, был ли он в какой-то мере жесток, когда отказывал магически сотворенным птицам в свободе находить себе пару, строить гнезда и растить птенцов.

— У каждого существа есть право на жизнь, — сказал ученик мага вслух, — не важно, как оно появилось на свет.

И, произнеся это, Виралай почувствовал древнюю правду в собственных словах. Позади него на кровати Бете, кошка, пошевелилась и зевнула, секундой позже он услышал голос в своем мозгу.

Наконец-то. Наконец-то он проснулся.

Двумя днями позже Руи Финко шагал по Янтарной площади в истрийской столице, едва замечая, как прекрасно в этом году разрослась тополиная роща, как играли фонтаны на перекрестке с Великой Западной дорогой, даже как солнечный свет превращал в золотую занавесь стену перед дворцом герцога на вершине холма.

Купец с кувшином вина на плече натолкнулся на него, когда Финко входил на Базарную площадь, но вместо того, чтобы выговорить наглецу, как это бывало обычно, лорд Форента просто мрачно пошел дальше, его привлекательное лицо застыло в презрительной гримасе.

С момента фиаско на Большой Ярмарке — когда он потерял короля варваров, самый ценный предлог для шантажа, услуги самого лучшего на свете корабеля (не говоря уже о деньгах, вложенных в разнообразные проекты), и доверие других лордов, и все это за один-единственный вечер — планы Руи продолжали неумолимо рушиться.

Он задолжал деньги лордам Прионану и Вариксу, а Прионан не собирался примириться с потерей своих капиталов. Варикс, естественно, был свидетелем событий, более того, именно благодаря его тупости королю Врану удалось сбежать. Но все равно это, похоже, не мешало ему обращаться с Руи с небрежной фамильярностью там, где прежде он проявлял только сладкую учтивость и подчинение.

Потеря уважения в глазах лордов — самое худшее из всего, надо признать. Чтобы снова завоевать их доверие, понадобится немало сил, а сделать это необходимо, если он собирается продолжать выполнение своего стратегического плана...

Итак, Руи прогуливался по столице, отчаявшись скрыться от удушающего заключения дворца, с его перешептываниями и ехидным смехом, с небольшими кучками людей, замолкавших или расходившихся при его появлении... от ощущения, что он безнадежно увяз в болоте общественного мнения, из которого невозможно выбраться живым.

Заставив свой измученный разум успокоиться, лорд шагал мимо поздних продавцов и покупателей, нагибая голову под навесами и обходя ящики с апельсинами и лимонами, петляя между гигантскими прилавками с растениями, связками чеснока и острого перца, мешками сушеных цыплят и йетранских гусей, между прилавками с кондитерскими изделиями соблазнительного вида, серебряными украшениями, драгоценными камнями,

гобеленами, рулонами шелка и кружев из Галии, коврами и громадными бронзовыми вазами, подсвечниками и гирляндами цветов, фляжками с вином и аракой и горькими, вязкими напитками далекого Юга... Он прошел мимо всего великолепия, даже не взглянув на товары, и только слегка удивился, что пробиваться сквозь толпу гораздо легче, чем обычно в этот час в пятый день.

Свернув в боковую улочку, Руи обнаружил, что город еще больше обезлюдел. Две костлявые полосатые кошки лежали в луже света между рыбным магазином и хлебной лавкой. При его появлении они так быстро метнулись прочь, что он только заметил движение краем глаза, и секундой позже снова оказался на широкой улице, граничащей с садами под Горой Оратора.

Здесь, где время от времени собирался народ послушать, как свои стихи читают всякие поэты, людей было до странности много. Царил невероятный шум. Сотни и сотни горожан, казалось, осадили Гору и окружали ее ярдов на пятьдесят со всех сторон.

Руи Финко остановился в изумлении. Совсем непохоже на жителей Церы — собираться по какому-либо поводу, кроме как на пиры и огненные фестивали. Однако все это походило на выражение крайнего религиозного возмущения, когда все срываются на визг.

Религиозный фанатизм в декадентской истрийской столице действительно редкая вещь. Здесь все соблюдали положенные обряды послушно, но без излишнего энтузиазма, и затем отправлялись по своим обычным делам — обирали соседей и посещали бордели без всяких угрызений совести или превращали поклонение Богине в показуху, чтобы заработать очко в свою пользу в политических интригах.

Финко вытянул шею, пытаясь разглядеть, кто же сумел возбудить такой интерес, и с ужасом понял, что знает оратора.

Тайхо Ишиан, лорд Кантары.

За его спиной, слегка в стороне, возвышался бледнокожий человек, который, как видел Руи Финко, сопровождал лорда Кантары во время проведения Собрания. На руках бледнолицего, свернувшись калачиком, устроилась маленькая черная кошка в ярко-красном наморднике и на поводке.

Финко нахмурился. Что это еще за забава?

Он протолкался через толпу, чтобы послушать речь оратора, и это оказалось легче, чем он предполагал, поскольку люди казались тихими и безвольными, будто отупевшими под влиянием какого-то сильного заклятия. Они ловили каждое слово Тайхо Ишиана, что тоже было очень странно, потому что, хотя лорд Кантары и обзавелся совершенно внезапно несметными сокровищами, которые теперь тратил направо и налево, он все равно оставался выскочкой низкого происхождения.

— Они не такие, как мы! — кричал Тайхо, кулаки ударяли по воздуху, будто по твердой массе. — Они уроды! Они обращаются со своими женщинами, как с дешевыми шлюхами, открывая их самые сокровенные части тела на обозрение любого мужчины, у которого хватит стыда посмотреть на их не прикрытые ничем лица! Любой мужчина, посетивший Большую Ярмарку, может подтвердить это — каждая деталь их лиц видна как на ладони, а иногда даже голые руки и груди...

Толпа ахнула, как один человек.

— Вы можете погладить женщину по щеке или коснуться ее волос, можете даже посмотреть ей прямо в глаза! Этих женщин воспитали бесстыдными и невежественными, они не подозревают об истинном пути Богини!

— Позор! — закричал кто-то, и толпа дружно подхватила:

— Позор!!!

— ...и вместо того чтобы заботиться о них в безопасности благоустроенных домов, охранять от соблазнов и неприятностей, как мы делаем это с подданными Фаллы, эйранцы совершенно не беспокоятся за своих подопечных — позволяют гулять где вздумается, работать в поле, на кораблях, или даже — и я нахожу это вопиющим доказательством их варварства — становиться воительницами, разрешают сражаться рядом с мужчинами в

войнах по всему миру!

Перед мысленным взором Руи встал образ Мэм — этой самой изысканной эйранской леди — в коже и доспехах, со шрамами, плюющей в кулак и хватающей его руку.

Он пропустил следующую фразу оратора — к несчастью, потому что она вызвала крик безумного гнева.

— ...да, Лебедь Йетры! — взревел Тайхо, и лорд Форента тут же догадался, о чем идет речь. — Когда она предложила себя в качестве безусловной жертвы нашего народа, символа руки дружбы, протянутой через Северный океан, ее отвергли! Лебедь Йетры осталась в слезах на попечении своей семьи, в то время как этот негодяй, король варваров, выбрал себе в жены Потерянную! Неужели мы будем стоять и спокойно смотреть, как перед нашими глазами творят святотатство и богохульство?! Пожмем плечами и уйдем, пока цветок женственности Истрии отбрасывают прочь, предпочитая иноземную шлюху? Может быть, мы просто помолимся, чтобы Фалла со временем привела варваров в чувство, направила их на путь истинный? Мне кажется, лучше нам выступить ее посланниками, носителями ее пламени! Я говорю и буду говорить, что нам необходимо пойти священной войной на поклонников фальшивых богов — этих чудовищ, которые обращаются с цивилизованными людьми с таким презрением, что позволяют себе похитить благородную женщину во время мирного собрания и утащить ее с собой для удовлетворения своих похотливых желаний...

Ропот ужаса поднялся среди собравшихся.

— Моя дочь! — завизжал Тайхо, топая ногами и заламывая руки одновременно. — Моя прекрасная, набожная дочь Селен, украденная северными разбойниками и насильниками прямо из моей палатки на Большой Ярмарке и не найденная до сих пор! Сейчас она, наверное, стоит нагая меж заливающих лаем варварских собак, ее тело обнажено для их жадных глаз, язык вырван, чтобы бедняжка больше не смогла произносить имя Фаллы, ее тело окровавлено, покрыто ранами от укусов диких зверей и этих сладострастных, похотливых животных, которые хуже всего и всех на белом свете, — эйранских языческих чудовищ!

Руи почувствовал, что раскачивается как замороженный, ощутил, как рот открывается в унисон с полным ужаса криком толпы, и начал гадать оставшейся в его распоряжении крошечной частью рассудка, не задетой странной тирадой Тайхо, что, ради Эльды, тут вообще происходит.

— Возможно, ее кинули на землю и лапают эти звери с перьями и ракушками в заплетенных бородах. Возможно, ее оседлали сразу десятеро, она, наверное, вообще забеременела! Ее силой заставили вынашивать ребенка-чудовище! Представьте: благородная истрийская женщина и такое обращение. И так они относятся ко всем своим женщинам, так же относились бы и к Лебеди! Неужели мы позволим злу остаться безнаказанным? Неужели не принесем им пламя Фаллы и не очистим их от грехов? Неужели мы не спасем их женщин и не подведем их мужчин под меч? Неужели мы не сотрем с лица Эльды им подобных?

— Да! — завизжала толпа.

— Пламя Фаллы!

— Подведем под меч!

— Спасем женщин!

— Очистим мир!

Руи ощутил, как слова гулко бухают в его голове, и принялся трясти ею быстро-быстро из стороны в сторону, будто пытаясь вытряхнуть попавшую туда осу. Он сделал шаг назад, потом еще и еще, и с каждым новым шагом гудение ослабевало, пока лорд не выбрался из толпы, попав в прохладную тень деревьев. Здесь магия слов лорда-маньяка, похоже, потеряла свою силу.

Находясь в безопасности и прохладе, Финко еще минут десять с интересом наблюдал, как Тайхо Ишиан превращал большую группу благовоспитанных истрийских граждан в обезумевшую толпу, рычащую свору, с пеной на клыках требующую крови старого врага.

Он слушал внимательно, и подозрение, появившееся еще на Собрании, оборачивалось

уверенностью. План будущих действий Руи Финко начал проясняться.

— Лорд Форента...

— Лорд Ишиан, очень приятно, — процедил Руи Финко сквозь зубы. — Я рад, что вы приняли мое приглашение.

Тайхо вошел в роскошные апартаменты лорда Форента (Руи нравилось красиво жить в столице, и, хотя он не слишком любил хвастаться, его дом всегда восхищал гостей) настороженный, как кот, ступающий на чужую территорию.

Руи с удовлетворением отметил, как Тайхо посмотрел на резные, инкрустированные драгоценными камнями кушетки, обрамленные серебром зеркала и роскошные цирцезианские ковры, дорогие санторинванские свечи, замечательно украшенные жертвенники для богини, увенчанные золотом и красным шелком, напоминающим священное пламя, бесценный гобелен, изображающий битву при Сестрийском заливе (аккуратно подобранный этим самым утром из его маленькой частной коллекции для совершенно определенных целей).

По крайней мере, внезапно подумал Руи, он не привел с собой слугу-альбиноса: уже гораздо легче.

Тайхо пересек комнату и уселся с преувеличенной осторожностью на одну из лучших кушеток, расправив свои одежды так, чтобы выставить их в наилучшем свете и убедиться, что лорд Форента совершенно точно отметил их фантастическую ценность.

Вообще-то его умопомрачительную тунику было трудно проигнорировать, несмотря на консервативный покрой и сдержанный темно-синий полуночный цвет материи. Блеск свечи вылавливал каждую серебряную нить, вплетенную в ткань, каждую деталь отделки рукавов и воротника, играл на крошечных, замысловато выплавленных пуговицах, обрамляющих переднюю часть туники в количествах, явно избыточных, чтобы служить чисто функциональными деталями туалета.

«Эта туника явно обеднила южного лорда на несколько сотен кантары», — подумал Руи. Кроме того, здесь имелся определенный подтекст: лорд Кантары — чрезвычайно богатый и обладающий хорошим вкусом мужчина, если дело стоящее, он проявит необходимую щедрость и вместе с тем не выдаст тайну.

Вся эта показуха несколько не прибавляла лорду Форента уверенности в Тайхо, но доверие сейчас не имело значения.

— Именем Фаллы служу вашей милости, — сказал Финко: традиционное приветствие двух лордов одного ранга и потому явная лесть, так как происхождение Тайхо оставалось под большим вопросом, тогда как благородная линия предков Руи была известна всем и не могла вызвать никаких нареканий.

Ишиан улыбнулся. Легкая улыбка едва тронула его твердые губы и даже не попыталась коснуться глаз.

— Вам лучше спросить, как я могу послужить вам, мой лорд.

Это не был ни традиционный, ни вежливый ответ. Руи проглотил выговор, легко пришедший в голову, и возвратил холодную улыбку.

— Вы, должно быть, считаете меня удивительно негостеприимным, — проговорил он с прохладным изяществом и хлопнул в ладоши.

Секундой позже появилась пара гибких служанок в одинаковых сабатках из простого бледно-розового газа, будто выбранного в насмешку над назначением такого рода одежды. Девушки впорхнули в апартаменты, неся фляжки с аракой, сдобренной маслом и имбирем, кувшины с родниковой водой, фужеры из дорогого стекла и блюдо со сладостями.

Руи с удовлетворением наблюдал за тем, как жадные глаза гостя обшаривают женщин, пока они расставляют блюда на низком столике, нагибаясь почти параллельно полу перед лицом лорда Кантары. Он чувствовал запах розовой воды с мускусом, в которой они искупались, за двадцать шагов. Это самое близкое сочетание, какое лорд Форента сумел найти из похожих на духи Розы Эльды, которые проароматизировали насквозь его павильон

на Большой Ярмарке в ту судьбоносную ночь, прежде чем он невероятным усилием воли отослал ее вместе с наемниками.

И запах действительно возымел желаемый эффект. Глаза Тайхо, которые в последнее время обычно горели черным маниакальным огнем, расширились и подернулись мечтательной дымкой, рот открылся, как у кота на решающей спевке. Лорду Форента только этого и надо было для доказательства своей теории.

Девушки низко поклонились, белые ладони замелькали в жестах крайнего уважения, и служанки покинули комнату. Вторая девушка, невидимая гостью, проходя мимо своего хозяина, сделала губки бантиком, на секунду высунула кончик языка и оставила едва заметную капельку слюны на пухлой нижней губе. Потом и она исчезла.

Невероятным усилием Руи сдержался, чтобы не улыбнуться. Марла, дьяволенок. Позже он обязательно насладится ее ротиком.

Пока лорд Кантары все еще оставался возбужденным, Руи наполнил высокий фужер аракой, добавил туда же капельку родниковой воды и передал напиток гостью. Тайхо молча принял фужер и осушил его одним глотком, прежде чем сумел собраться с мыслями.

Дернувшись, он уставился на сосуд в своей руке, и тотчас Руи понял, что беспокоит Ишиана.

Он несколько надменно усмехнулся:

— Я никогда не унижусь до применения яда, лорд Тайхо. К тому же, как вы сказали, мы можем хорошо послужить друг другу, а кому в наше беспокойное время не нужен союзник?

Тайхо осторожно поставил фужер на стол и вытер рот. Он не привык к араке и уже чувствовал, как она ударила в голову.

Взяв стакан, Ишиан заполнил его до краев водой и быстро выпил.

— Союзники... ну да.

Он быстро взглянул на дверь: та была заперта. Потом Тайхо снова перевел взгляд на лорда Форента, сидящего напротив, дивясь, даже в своем возбужденном состоянии, насколько этот привлекательный восточный лорд похож на короля северян, несмотря на несоответствие рас и возрастов.

Некоторое время Тайхо не мигая смотрел на Финко, отмечая высокие скулы, длинный, прямой нос и волевой подбородок с ямочкой — которая у северянина тоже явно имелась, но была скрыта за густой темной бородой, — волчьи челюсти и острые зубы. Неприятное сравнение — потому что, как только он вспоминал о варваре, утащившем его любимую, багровая волна ненависти поднималась в сердце.

— Значит, вы приветствуете войну с Севером, мой лорд?

Руи поднял бровь. Он обычно не поощрял подобного прямого подхода к делу. Однако Тайхо происходил с далекого Юга, и о его предках мало что было известно: ему еще учиться и учиться настоящим придворным интригам.

— Это... принесет нам определенную выгоду, — осторожно заметил Финко. — Но, конечно, ведение войны очень дорогое занятие. Ведь надо построить корабли, купить услуги наемников, не говоря уже о стоимости оружия для наших людей и убытках, которые понесет торговля...

Тайхо улыбнулся — презрительно и уверенно. Его глаза превратились в буравчики. Он наклонился вперед.

— А, — протянул он. — Но я не думаю, что деньги — наша главная проблема.

— И что же, как ваша милость считает, может послужить препятствием для реализации наших планов?

— Людские сердца и вредные мысли. Надо будет постараться, чтобы убедить Совет начать войну. Не все поймут правильность нашего решения.

Теперь настала очередь Руи Финко улыбаться.

— Да, — согласился он. — Понимаю. *Мужские* сердца. И чресла.

Его улыбка стала неприятно интимной. Он нагнулся над столом и тронул лорда

Кантары за руку так, что тот отшатнулся.

— Не беспокойтесь, лорд. Я не питаю страсти к своему полу. Послушная женщина — или даже не очень послушная, а, лорд? — все, что мне надо. Женщины скрывают в себе великую тайну, не так ли, мой друг? С вуалью или без, нам не дано проникнуть в их сущность. Но как же привлекают они нас смутными знаками и движениями прелестных рук, кроткими голосами и мягкими губами, соблазнительными ароматами и обещанием нежной, горячей плоти внизу.

Тайхо выглядел напуганным.

— Видите ли, лорд Кантары, я знаю ваши сокровенные мысли. Я видел ваше сердце. Я знаю ваши настоящие желания и побуждения.

Финко встал, положил ладони на стол и наклонился, приблизившись вплотную к правому уху лорда Ишиана.

— Роза Эльды, — прошептал он и отодвинулся.

Лицо Тайхо превратилось в каменную маску, смятение не выразилось ни в чем, только кровь отлила от кожи, оставив нездоровый, бледный цвет.

Руи Финко опять уселся на свое место, вольно развалился и уставился мимо лорда Кантары на гобелен, который изображал сцены из битвы при Сестрии, кампании Третьей войны, которая спасла северную часть Истрии от эйранских завоевателей. Над головой Тайхо старинные галеры разрезали бурлящие воды Истрийского моря, ряды весел очерчены точными линиями, паруса свернуты для близкого сражения — чтобы не загорелись от огненных стрел северян. «Использовать оружие врага против него самого», — со злобной мысленной усмешкой подумал Руи.

В тайне от эйранцев командир флота южан — кстати, его прадедушка, Луис Финко, лорд Форента — вооружил свои корабли огромными железными прутьями, прикрепленными к килю под ватерлинией, а потому незаметными для глаза. Он принудил флот варваров принять ближний бой. Внезапно набрав скорость, истрийцы искорежили эйранские суда, а дальше последовала настоящая резня. Это была одна из самых знаменитых истрийских побед. Немногих выживших эйранцев заковали в кандалы и продали в рабство.

Мужчины, чьи прадедушки сражались в Третьей войне, все еще считали битву у Сестрии звездным часом Истрии, полагая, что истрийские суда доказали тогда, что они не хуже эйранских, но Руи знал правду: они выиграли то сражение только благодаря хитрости его прадеда и еще потому, что оно происходило близко к дому. На Юге не обладали искусством строить корабли, в котором северяне превосходили самих себя, — корабли, с легкостью переносящие штормы и ураганы, бороздящие океаны, подобно огромным птицам, — и к тому же не умели на них ходить.

Чтобы идти войной на Эйру, придется заручиться поддержкой одного предателя-корабеля с Севера и еще множества наемников эйранцев для управления судами. Если у лорда Кантары есть деньги и желание — не важно, по какой причине — разжечь войну, то именно в нем и нуждался Финко. Особенно после того, как Тайхо задолжает ему услугу за молчание о своих верных догадках, а Руи нравилось, когда ему были должны.

— Как вы узнали? — глухо произнес лорд Кантары.

В его глазах светилось отчаяние, что с удовольствием отметил Финко. Такое нездоровое вожделение к кочевой шлюхе, побудившее использовать имя богини в призывах к священной войне, только чтобы иметь возможность заполучить ее, не соответствовало нормам поведения честного, преданного и патриотично настроенного истрийского вельможи.

Тем не менее Финко снова наклонился вперед и похлопал лорда Кантары по руке.

— У меня есть глаза, милорд. Любовь пылает внутри вас, как факел. И что может быть лучше, чем призыв освободить слабый пол от варваров во имя любви?

Тайхо испустил глубокий вздох.

— Для меня облегчение хотя бы поговорить об этом, — тихо сказал он. — Я никогда не испытывал подобного влечения ни к одной женщине. Я не думаю... — он помедлил,

собираясь с мыслями, — я не думаю, что она человек, моя Роза Эльды. Она не похожа ни на одну женщину, что я видел или когда-либо увижу. Мне кажется, она отмечена божеством, и поэтому я должен получить ее. Должен спасти ее душу.

«Совсем свихнулся, — подумал Руи. — Парень, похоже, настолько одержим этой женщиной, что поднимает ее на пьедестал и, как алхимик, пытается превратить животные инстинкты в чистое серебро».

— Действительно, необыкновенное существо, — невозмутимо согласился он.

— И что, ради богини, вы собираетесь получить от войны с эйранцами, лорд? — спросил Тайхо неожиданно резко.

«А вот теперь мы подошли к сути дела».

— Мне нужен Воронов Путь, — спокойно ответил Руи Финко и посмотрел лорду Кантары прямо в глаза.

Только половина правды, но по выражению лица Тайхо он понял, что объяснение принято.

Тайхо медленно кивнул.

— Воронов Путь, — повторил он. — Морской путь к древним землям. Выдумаете, они существуют?

— Северяне верят, что да. И этого для меня достаточно. Вран собирал флот для похода последние два года или даже больше того. Только подумайте о таком количестве отличных эйранских кораблей, готовых для плавания...

— Но во время войны эти суда будут действовать против нас.

— Действительно, лорд. Но представьте, что мы организуем немедленный налет на Халбо, прежде чем войну объявят официально, захватим их столицу, уведем корабли... и их Розу...

Тайхо стал очень спокойным.

— Чтобы найти нужных людей, понадобится время и много денег!

Руи пожал плечами:

— Все дело в планировании, но с моей стратегией и вашим серебром...

Ну вот, теперь все сказано.

Финко наблюдал, как лорд Кантары переваривает его идею, и гадал, в какую сторону метнутся его мысли. Тайхо, естественно, придется убить, если он придет к неверному решению, но с южанином может многое что случиться в декадентской Цере...

Последующее неловкое молчание стало затягиваться. Руи принялся просчитывать пути наилучшего избавления от своего гостя.

Наконец Тайхо улыбнулся:

— Мое серебро в вашем распоряжении, лорд Форента.

Вначале Виралай гадал, существовал ли услышанный голос только в его воображении.

Он в последнее время очень беспокоился о судьбе Мастера — и о своей собственной, если уж на то пошло. Так что на некоторое время фраза «он проснулся» заставила его призадуматься. Но все-таки, если проснулся маг, кто известил Виралая? Он оставил Мастера одного в Святилище, в этом-то ученик мага не сомневался. Если же Рахе очнулся... Виралай признавал, что узнал бы о новости от самого мага, и совсем не в такой мягкой манере.

Потом подозрение пало на кошку — кто знает, на что способно магическое животное, — но, как он ни уговаривал, ни стращал зверюгу, Бете только презрительно глядела на него и нервно подергивала хвостом.

После того как услышал голос, Виралай стал нервным, как мышь, почуявшая кошку. Глубокой ночью он вскакивал с постели при малейшем шорохе, вздрагивал от незначительных звуков днем и постоянно слушал, слушал, слушал, ожидая возвращения голоса...

Однажды вечером его новый хозяин пришел к Виралаю в возбужденном состоянии. Глаза его сверкали, будто кто-то зажег факел в его голове. Не в силах устоять на месте,

Тайхо шагал по комнате взад-вперед, говорил так быстро, что Виралай едва понимал одно слово из трех, ладони лорда открывались и закрывались, словно жадные рты. Бете от такого мельтешения занервничала, нырнула под кровать и оттуда шипела, как закипающий чайник.

Больше серебра, разобрал из неясного бормотания Виралай, нужно гораздо больше серебра, и как можно быстрее. Неужели нельзя производить его как-то по-другому? Он и так уже столкнулся с проблемами при приобретении меди и жести, необходимой для колдовства. К тому же он так много покупал подобной дряни, что цена на неблагородные металлы взлетела, вскоре процесс трансформации перестанет приносить доход, учитывая время и усилия, которые он потратил на то, чтобы побыстрее продать вещи, приобретенные на фальшивое серебро. Может быть, Виралай попробует магию на камнях или даже на хлебе?

Когда же Виралай снова попытался доходчиво объяснить различие тех магических приемов, что необходимы для изменения видимой внешности на похожую, то есть металла на металл, и тех, которые изменяют суть вещей, Тайхо просто проигнорировал его слова и продолжал еще минут пятнадцать дудеть в том же духе — что-то о кораблях, какой-то Вороньей Дороге или о чем-то в этом роде.

Несколько раз в его чрезвычайно сбивчивой речи проскальзывали имена Розы Эльды и — произнесенное с ненавистью — Врана Ашарсона, эйранского короля, варвара, негодяя и пирата. А потом лорд Кантары хлопнул Виралай по спине и вылетел из комнаты с такой же поспешностью, что и появился, оставив Виралай раздумывать над инструкциями.

Виралай удвоил свои усилия, пока в Цере не закончились слитки меди. Потом им пришлось выманить у местного кузнеца его инструменты, и бывший ученик мага работал день и ночь, переплавляя тарелки и жестяные банки, медные украшения и подсвечники, купить или украсть которые Тайхо посылал своих рабов. И постоянно Виралай держал рядом кошку — в нелепом красном поводке и таком же наморднике, который не давал ей без конца мяукать, — вытягивал из нее силы и магические заклинания. Когда-нибудь придет время расплаты, думал ученик мага, глядя, как играют огни кузницы в глазах кошки.

И вот однажды вечером лорд Кантары послал за ним раба в кузницу — «чтобы пропустить стаканчик», как сказал мальчик, «просто выпить». Виралай устался на парня.

— Что, прямо сейчас? — В огромном котле пузырился расплав, заготовленный слиток лежал в ожидании, а он снова отставал от графика. — Он хочет, чтобы я пришел в замок просто «пропустить стаканчик»?

Ребенок — кажется, Фело, подумал Виралай, хотя они с Тэмом были настолько похожи, что различить их подчас невозможно, — серьезно кивнул и схватил его за руку.

— Сейчас, сейчас, а то он побьет меня. И он сказал «возьми кошку».

Будто услышав последнюю просьбу, Бете закружилась у ног мальчика, пока он не засмеялся и не подобрал ее сам.

Виралай наблюдал за их игрой сквозь полуприкрытые глаза. «Если бы я попробовал повернуть то же самое, она бы в кровь меня изодрала», — горько подумал он, помня, что его руки покрыты невероятным количеством шрамов, подтверждающих данную мысль.

Комнаты лорда Кантары находились этажом ниже крошечной комнаточки Виралай, их снимали у герцога за немалую сумму. Но если Виралай жил скромно и без излишеств, спал на единственной в комнате каменной кровати, вырезанной в стене, на соломенном тюфяке, и накрывался драным, грязным шерстяным одеялом (что в принципе вполне его устраивало, так как напоминало о Святилище), то комнаты Тайхо Ишиана выражали любовь хозяина к красивой жизни.

Полы устилали дорогие ковры, покрытые древними сакральными символами, которые, говорят, приносят богатство всем, кто на них ступает. Мебель — вся от знаменитых мастеровых из Голубых Лесов, а статуи богини украшают каждый угол. Сегодня вечером воздух был душным из-за благоухания священных цветов. Казалось, лорд занят молитвой.

Но Тайхо не походил на человека, чью душу может успокоить медитация. Скорее на маньяка взрывного темперамента. Дыхание его отдавало неразбавленной аракой.

Виралай огляделся. На кушетке рядом с будуаром лорда валялся чужой плащ, а на полу

под ним растекалась какая-то липкая жидкость, достаточно густая, чтобы пропитать дерево.

Виралай нахмурился. Лорд редко пил местные красные вина, заявляя, что они вредят здоровью, потому что воспаляют кровь и затемняют разум...

Фело выпустил кошку, которая тотчас подбежала к пятну и понюхала его с большим интересом. Секундой позже из-за двери послышался сдавленный стон, и Виралай, озадаченно посмотрев на хозяина, в ужасе заметил, что его зрачки обведены белыми ободками.

— Проклятие! Я думал, он мертв!

В два шага Тайхо Ишиан преодолел расстояние до двери и открыл ее настежь. На полу внутри лежала бесформенная куча, стонущая и цепляющаяся за что-то, подозрительно напоминающее декоративный нож лорда Кантары — тот, что с резной, усыпанной драгоценностями рукояткой, предназначенный для разрезания утреннего грейпфрута.

Виралай в замешательстве уставился вниз. Куча превратилась в мужчину с седеющими волосами, его лицо в агонии уткнулось в пол, тело дергалось, как умирающая змея.

— Господин... — начал Виралай, и при звуке его голоса человек повернул голову. Виралай разглядел открывшееся лицо.

Он где-то видел этот полутруп раньше...

Гесто Ардум, купец, это ему лорд заплатил целое состояние за драгоценности и украшения, которые затем продал или отдал в обмен на расположение лордов Совета!

Тайхо со злобой схватил колдуна за плечо.

— Он пришел сюда жаловаться, — яростно прошипел он. — Серебро, которым мы ему заплатили, не такое уж чистое, каким казалось сначала!

«А, — подумал Виралай, чувствуя, как оглушительно бьется сердце. — Я все гадал, сколько продержится иллюзия». Прошел месяц или около того, с тех пор как они заключили сделку с купцом.

— Тебе придется избавиться от него! Никто не должен найти торговца здесь. Это погубит мою репутацию. Убей его и преврати во что-нибудь... маленькое, чтобы вы с Фело смогли вытащить отсюда тело, не привлекая к себе внимания.

Виралай уставился на Тайхо в ужасе:

— Я не могу!

Он отшатнулся, но лорд Кантары схватил его за руку:

— Можешь! Должен!

— Я не могу убить, господин. Прошу вас... на мне заклятие...

— Проклятие? Какое мне дело до этого?

— Если я убью, то сам умру, и вы останетесь без колдуна!

Это Тайхо остановило. Его лицо исказилось от ярости, потом он отступил к купцу и, поставив ногу на необъятный живот Ардума, вытащил кинжал. Купец скорчился и завизжал. Вверх ударил горячий фонтан крови, за ним последовал еще один, когда Тайхо погрузил клинок в его горло. Визг внезапно оборвался, в комнате повисла тяжелая тишина.

Тайхо Ишиан повернулся к колдуну. Лицо его превратилось в кровавую маску. Нож и руки стали красными от крови. Виралай видел демонов в книгах Мастера, которые выглядели больше похожими на людей, нежели лорд Кантары. Его голова принялась гудеть и кружиться, собственные слова отдавались рикошетом в мозгу, пока Виралай не открыл рот и не выпустил их на волю.

— Каждое существо имеет право на жизнь, — произнес он вслух. — И не важно, как оно появилось на свет.

— Я только что спас твою жизнь своим поступком, — несправедливо заявил лорд. — И пройдет еще много лет, прежде чем ты отдашь мне этот долг. Можешь начать прямо сейчас, избавившись от этой падали.

Виралай долгое время работал над телом Гесто Ардума, но плоть трансформируется только в плоть, и, сколько он ни старался, удалось лишь изменить внешность купца.

Наконец он сумел превратить несчастного в такую старую рухлядь, что Тайхо

воскликнул:

— Достаточно! По крайней мере никто не положится к моим ногам и не заявит о моей причастности!

Он заставил колдуна обратить в тряпки богатые одежды купца, а потом приказал Виралаю и Фело поднять тело на подоконник и выбросить на улицу.

Виралай смотрел, как останки Гесто Ардума переворачиваются в ночном воздухе, а потом исчезают в листве деревьев внизу. Голуби выстрелили из кустов, перепуганные со сна, но, кроме них, никто не обратил внимания на происшествие.

Двумя часами позже, после яростных, но безуспешных попыток оттереть и отполировать пол, Виралай снова очутился в своей кровати.

Он лежал тихо, как труп, уставившись в потолок, посеребренный лунным светом. Этот цвет он уже начинал ненавидеть.

Виралай не мог спать. Он просто не осмеливался спать, потому что как только закрывал глаза, перед ним тотчас вставал образ окровавленного лица Тайхо и его глаза настоящего убийцы.

Наконец Виралай не выдержал, вылез из постели и подошел, пройдя по холодному каменному полу, к окну.

Положив руки на подоконник, ученик мага уставился в темноту, разум его был пуст, как внутренность барабана. Секундой позже башня начала пульсировать, дрожь коснулась его пальцев и затем распространилась по рукам, плечам, горлу, подошла к голове. Виралай чувствовал, как камень башни встречает свое древнее основание в каменных венах земли, как эти вены тянутся дальше и дальше, очень далеко...

Приди ко мне! — раздался голос, и Виралай узнал его — тот самый, что он столько дней ожидал услышать.

Иди на юг, на далекий юг, к горам!

В голосе появилась нотка мольбы.

Приди на юг и освободи меня, тогда я вознагражу тебя!

«Каким образом?» — мысленно спросил Виралай.

Я знаю, кто ты.

«Это вы, Мастер? Слушаю вас... Кто говорит? Это Рахе говорит?»

Виралай по-настоящему испугался.

Последовала тишина, Потом мир задрожал.

Я — Сирио, — прогремел голос. — *Иди на юг, к великим пещерам под Хребтом Дракона. Приведи мою сестру и кошку...*

Нестерпимый жар затопил комнату, вибрация наполнилась собственными звуками. В панике Виралай оторвался от подоконника, прерывая странный контакт. Но звук все равно оставался громким, что-то дышало позади него.

Дрожа, как в лихорадке, Виралай обернулся и обнаружил, что кошка исчезла, зато ее место заняло совершенно кошмарное существо: огромный черный ягуар с глазами, горящими, как уголь, и урчанием, заполнявшим целый мир.

Чудище разинуло красную пасть, открывая Виралаю неприятное зрелище из острых, как ножи, зубов и алого флага языка.

Мужчина, Женщина и Зверь, — сообщило оно без слов. — *Грядет наше воссоединение.*

Крылья ночи расправились и поглотили острова в Северном океане.

Ночь уже набросила свою чернильную сеть на Болота Черной Воды и Лошадиную Голову, на Большеглазое озеро и Старика Западного Водопада, на Халбо, Южный Глаз и Камнепад на Западных островах. В заливе у Несса рыболовецкие суда внезапно попали в бурю, волны бились о крепкие деревянные борта, несли и кружили корабли, прежде чем разбить их о серые камни в белой воде.

На зеленых каменных утесах, граничащих с холодными водами Акульего пролива,

птицы уже спрятали головы под крыльями. Крики их стихли, но они не спали. Появившийся из ниоткуда холодный ветер, будто только что извергнувшийся из бездны, взъерошил их перья и разбудил птенцов.

На пристани у Волчьего Воя, на самом северном и скверно названном Прекрасном острове, единственное движение, какое мог уловить глаз, производили два кота, вышедшие на охоту и в поисках развлечения — они пересекали залитый звездным светом берег между рыболовными сетями и сетками для ловли крабов.

Когда облако набежало на серебряный лик луны, один из котов дернулся, шерсть на его загривке встала дыбом, мускулы дрогнули и заиграли. Второй зверь неудобно упал на живот и прижал уши к голове.

В отдалении заплакал ребенок, в его сон вторглись кошмары. У Штормового Пути разом завyli все собаки. А на горных пастбищах, где днем овцы щипали сладкую летнюю травку, стадо встревоженно сбилось в кучу.

Зашевелилось нечто дикое, древнее и первобытное, то, чему не было названия до начала времен. Животные почувствовали безумие и безысходность, хотя и не поняли, что это такое. Птицы ощутили это, хотя и не знали, откуда оно пришло.

За две тысячи миль отсюда стада диких лошадей на Тилсенской равнине почуяли волнение земли под копытами и в панике понеслись прочь. Лебеди на Йетранском озере, беспокойством выгнанные из убежищ у заросшего камышом берега, поплыли, шипя, по дрожащей воде. В Кантаре женщины в кухнях подхватили опасно качающиеся на полках бутылки и горшки. В Золотых горах, в пяти днях езды на юг, раздался грохот страшнее грома, и гигантский кусок гранита откололся от покрытой снегом вершины и покатился вниз, сминая все. Огромный белый орел, чье гнездо было разбито в прах, злобно кричал. Внизу горный козел, с причудливо завитыми вокруг узкого черепа рогами, оказался не так удачлив...

Небольшие землетрясения случаются часто на южном континенте. Извечные обитатели — кочевники и потрепанные сосны на границе с суровой пустыней — помнят те времена, когда земля содрогалась ежедневно, они видели неумолимые реки огненной лавы, пожиравшие все на своем пути. Но настоящего землетрясения или великого извержения вулкана не случилось уже лет двести или больше — с тех самых пор, как древний был заключен под землю.

В Золотых горах караван кочевников внезапно остановился, потому что старая Фезак Певчая Звезда, которая вглядывалась в огромный кристалл, сидя в уголке своего фургончика, только что издала рвущий уши крик и упала под копыта испуганного йеки, тянущего следующую повозку.

Ее дочь, Алисия, тотчас оказалась рядом, но она уже ничего не может поделать, потому что Фезак умирает: здесь сомнений не остается. Глаза старой женщины потеряли всякое выражение, кровь хлынула изо рта вместе со словами, которые Алисия еле разбирает из-за суматохи вокруг:

— Спаси нас! Чудовище поднимается!

И тут она умирает, улетает быстро и легко в никуда.

Кристалл лежит там, куда упал, чудом не поврежденный и совершенно непроницаемый.

Посреди нагромождения скал и льдин на вершине мира старик проводит холодной усталой рукой по лицу. Пробуждаясь от самого длинного на свете сна, он открывает глаза. Без магической поддержки его крепость превратилась в ледяную пустыню. Подсвечники пусты, огонь в камине угас, на двери появились сосульки.

Неужели это дряхлое существо и есть то чудовище, о котором говорила старуха? Явно нет. Он неловок, как мышь, пробужденная от долгого сна, мускулы усохли на костях, а кожа стала стянутой и хрупкой, как древняя бумага.

Мастер тяжело садится. Как долго он спал? Кажется, целую вечность. Суставы хрустят от долгого бездействия, рот сух, как хлопок. Желудок, пустой и натянутый, тупо ноет. Старик хмурится вспоминая свой сон. В его видениях существо, которое он поднял из грязи, которое любил и о котором заботился больше, чем оно предполагало, восстало и напало на него, отобрало силу, разум и все самое ценное, что у него было.

— Роза, — ворчливо произносит старик. — Роза, дорогая, почему ты позволила мне спать так долго?

Он поворачивается, он заглядывает в огромный резной деревянный сундук, где обычно спит его возлюбленная, только чтобы понять, что ее там нет, и отсутствие женщины подтверждает тонкий слой пыли.

— Виралай? — зовет он в морозном воздухе.

Потом:

— Бете...

Но их нет, они ушли, убежали во внешний мир — он знает это, и нет нужды ждать ответа в тишине. Магия ушла из его рук, и теперь по спине начинают бегать мурашки: не от холодного воздуха, но от ледяного кома глубоко внутри.

Судьба только что положила свою холодную руку на древний орган, который он когда-то называл своим сердцем, и мягко сжала его: легкое напоминание о том, что естественный — или сверхъестественный — порядок снова устанавливается на Эльде. Пока он спал, мир перевернулся. Хаос грядет, хаос и смерть, и не только для него. Понадобится чудо, чтобы спасти мир, потому что там, помимо его воли, бесконтрольно поднимается древняя магия...